МОСКВА
ООО «Фирма СТД»
2006

Sigmund Freud

Zwang, Paranoia und Perversion

Зигмунд Фрейд

Навязчивость, паранойя и перверсия

Перевод на русский язык

А. М. Боковикова

Данное издание воспроизводит текст Фрейда в исправленном виде на основе вышедшего в 1980 году девятого издания седьмого тома «Учебного издания».
Первое издание:

Данная книга является седьмым томом десятитомного собрания сочинений З. Фрейда, известного как «Учебное издание». В настоящий том вошли работы, в которых рассматриваются механизмы возникновения невроза навязчивых состояний, паранойи, гомосексуализма и мазохистской перверсии. Помимо чисто теоретических сочинений, в которых выделяются конституциональные и внешнесредовые факторы, предрасполагающие к развитию данных расстройств, Фрейд на конкретных примерах демонстрирует подходы к лечению таких пациентов.

ISBN-5-89808-051-1

СОДЕРЖАНИЕ

Приложение

ОБ ЭТОМ ТОМЕ

Подробное описание структуры и целей настоящего издания, а также принципа подбора работ читатель найдет в «Пояснениях к изданию», помещенных в начале первого тома. Здесь мы лишь еще раз вкратце подытожим эти моменты; одновременно мы хотели бы дать некоторые комментарии и снабдить читателя своего рода «путеводителем» по данному тому.

Цель этого разделенного на отдельные темы издания состояла прежде всего в том, чтобы основные сочинения Зигмунда Фрейда сделать доступными для студентов, изучающих науки, смежные с психоанализом, — социологию, политические науки, социальную психологию, педагогику и т. д., — а также для всех интересующихся неспециалистов. Это издание снабжено подробными примечаниями в большем количестве и в более систематизированной форме, чем это делалось в отдельных изданиях карманного формата. Вначале у нас не было намерения включать в данное издание сочинения, посвященные теории и технике терапии. Однако по многочисленным просьбам эта часть творческого наследия Фрейда также теперь была сделана доступной и содержится в дополнительном томе (без номера) «Учебного издания».

«Учебное издание» публикуется уже после смерти Джеймса Стрейчи, главного редактора редакционной коллегии, который продолжал работать над его подготовкой, прежде всего над планом содержания и принципами комментариев, до самой своей смерти в апреле 1967 года.

В настоящем издании в основном использованы тексты из последнего немецкого издания, которые были опубликованы еще при жизни Фрейда. То есть в большинстве случаев они вначале были опубликованы в вышедшем в Лондоне «Собрании сочинений» (которое в свою очередь большей частью представляет собой фотокопии опубликованного еще в Вене «Собрания трудов»). В других случаях источник указывается в «Замечаниях издателей», предваряющих соответствующий труд. Несколько ссылок Фрейда на страницы прежних, сегодня почти недоступных изданий его работ опущены издателями, а вместо них добавлены описательные примечания, помогающие читателю найти соответствующее места в доступных сегодня изданиях; это касается прежде всего «Толкования сновиде-

ний». Чтобы избежать ненужных повторов, в конце каждого тома «Учебного издания» приведены также подробные библиографические сведения Фрейда о собственных сочинениях, а также о работах других авторов, которые содержались в текстах предыдущих изданий. За исключением этой незначительной правки и единообразного употребления сокращения «с.» для указания страниц (в том числе тех случаев, где Фрейд, особенно в ранних работах, писал «р.») и некоторых изменений орфографии, пунктуации и шрифтового оформления для приведения их в более современный вид, каждое изменение, сделанное в исходном тексте, поясняется в примечании.

Включенный в «Учебное издание» редакторский материал заимствован из *Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*, то есть английского издания, сделанного под руководством Джеймса Стрейчи; он воспроизводится здесь в переводе с разрешения обладателей права публикации, Института психоанализа и издательства «Хогарт-Пресс» (Лондон). Там, где того требовала цель настоящего издания, этот материал был сокращен и адаптирован; вместе с тем были сделаны некоторые исправления и добавлены примечания. За исключением «Предварительных замечаний издателей» и некоторых приложений, все дополнения, сделанные издателями, приведены в квадратных скобках.

Издатели выражают огромную благодарность Ильзе Грубрих-Зимитис из издательства С. Фишера. Без ее инициативы это «Учебное издание» не увидело бы свет; на всех стадиях подготовки она оказывала неоценимую и компетентную помощь. Огромной благодарности заслуживает также Кете Хюгель за перевод на немецкий язык редакторского материала, а также Ингеборг Мейер-Палмедо за помощь при вычитке корректуры и составлении указателей.

Использованные в этом томе специальные сокращения разъясняются в списке сокращений на с. 333. В тексте или в сносках иногда упоминаются сочинения Фрейда, которые в «Учебное издание» не включены. Из библиографии в конце каждого тома (в которой содержатся сведения обо всех упомянутых технических работах Фрейда и других авторов) читатель может получить информацию о том, вошла данная работа в «Учебное издание» или нет.

Издатели

Навязчивые действия и религиозные отправления
(1907)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:
1907 *Z. Religionspsychol.*, т. 1 (1) [апрель]. 4–12.
1909 *S. K. S. N.*, т. 2, 122–131. (1912, 2-е изд.; 1921, 3-е изд.)
1924 *G. S.*, т. 10, 210–220.
1941 *G. W.*, т. 7, 129–139.

Эта статья была написана в феврале 1907 года для первого номера журнала, издававшегося Бреслером и Форбродтом. Она является первым исследованием Фрейда в область психологии религии, вне всяких сомнений, шагом в направлении опубликованной пятью годами позднее работы «Тотем и табу» (1912–1913), в которой эта тема рассматривается намного подробнее. Но, кроме того, эта статья представляет большой интерес еще и потому, что впервые по прошествии десяти лет, отделяющих период его сотрудничества с Брейером, Фрейд опять занимается здесь неврозом навязчивых состояний. Он в общих чертах изображает механизм симптомов навязчивости, который затем подробнее был описан в истории болезни «Крысина» (1909*d*, ниже, с. 35 и далее); однако в то время, когда Фрейд писал настоящую работу к лечению этого своего пациента он еще не приступил.

Пожалуй, из всех психических нарушений Фрейд занимался лечением невроза навязчивых состояний чаще всего — с самого начала и почти до конца своей трудовой жизни. Далее мы перечислим те сочинения, в которых Фрейд, помимо шести работ, образующих первую часть данного тома, подробно занимается этой темой: «Защитные невропсихозы» (1894*a*), раздел II; «Obsessions et phobies» (1895*c*); в датированной 1895 годом рукописи К в письмах Флиссу (Freud, 1950*a*); «Еще несколько замечаний о защитных невропсихозах» (1896*b*), раздел II. (Эти ранние сочинения не были включены в «Учебное издание», а из тех, что в него вошли, пожалуй, следующие:) «Тотем и табу» (1912–1913), статья II, разделы 2 и 3*(c)*, и статья III, разделы 3 и 4; анализ «Волкова» (1918*b* [1914]), раздел VI; 17-я из «Лекций по введению в психоанализ» (1916–1917); «Торможение, симптом и тревога» (1926*d*), глава V и VI. В главе V вышеупомянутого сочинения (*Studienausgabe*, т. 6, с. 257) Фрейд отмечает: «Пожалуй, невроз навязчивости — это самый интересный и самый благодарный объект аналитического исследования, но как проблема по-прежнему еще не побежденный».

Разумеется, я не первый, кому бросилось в глаза сходство так называемых навязчивых действий нервнобольных с отправлениями, которыми верующий подтверждает свою набожность. Об этом мне говорит и имя «церемониал», которым назвали некоторые из этих навязчивых действий. И все же это сходство мне не кажется чисто поверхностным, а потому, поняв возникновение невротического церемониала, можно было бы отважиться по аналогии сделать выводы о душевных процессах религиозной жизни.

Люди, совершающие навязчивые действия или церемониал, наряду с теми, кто страдает от навязчивых мыслей, навязчивых представлений, навязчивых импульсов и т. п., относятся к особой клинической единице, нарушения которой принято обозначать неврозом навязчивости[1]. Однако не стоит впадать в искушение пытаться вывести своеобразие этого недуга из его наименования, ибо, строго говоря, и другие болезненные душевные проявления с тем же правом притязают на так называемый «навязчивый характер». Место дефиниции должно теперь занять детальное знание этих состояний, поскольку до сих пор так и не удалось выявить, вероятно, глубоко лежащий критерий невроза навязчивости, наличие которого, как ошибочно полагают, можно все-таки разыскать во всех его проявлениях.

Невротический церемониал состоит в совершении небольших ритуалов, в добавлениях, ограничениях, предписаниях, которые при определенных поступках в повседневной жизни всегда осуществляются одним и тем же или закономерно видоизмененным способом. Эти действия производят на нас впечатление простых «формальностей»; они кажутся нам не имеющими никого значения. Точно такими же они кажутся и самому больному, и все же он неспособен

---

[1] Ср. Löwenfeld (1904). [Согласно этому автору, термин «навязчивое представление» был введен в 1867 году Краффтом-Эбингом, между тем как понятие «невроз навязчивости» восходит к самому Фрейду. В публикациях это выражение впервые появилось в первой работе Фрейда, посвященной неврозу тревоги (1895*b*, *Studienausgabe*, т. 6, с. 33).]

отказаться от них, ибо любое отклонение от церемониала карается невыносимой тревогой, которая тотчас вынуждает к наверстыванию упущенного. Такими же незначительными, как и церемониальные действия, являются сами поводы и виды деятельности, которые скрашиваются, затрудняются и непременно замедляются церемониалом, например, одевание и раздевание, отход ко сну, удовлетворение физических потребностей. Исполнение церемониала можно описать, если его, так сказать, заменить рядом неписаных правил, например, в церемониале при отходе ко сну кресло должно стоять в определенном положении перед кроватью; одежда на нем должна лежать сложенной в определенном порядке; покрывало должно быть заправлено в изножье кровати, простыня должна гладко выглажена; подушки должны лежать так-то и так-то, само тело должно находиться в строго определенном положении; и только тогда можно заснуть. В легких случаях церемониал выглядит как преувеличение привычного и оправданного порядка. Однако особая добросовестность, с которой совершаются эти действия, и тревога, возникающая при их неисполнении, характеризуют церемониал как «священнодействие». Как правило, нарушение их тяжело переносится; публичность, присутствие других людей во время их совершения, почти всегда исключена.

Навязчивыми действиями в широком смысле могут стать любые виды деятельности, если они скрашиваются небольшими добавлениями, делаются ритмичными благодаря паузам и повторениям. Нельзя ожидать, что «церемониал» удастся строго отделить от «навязчивых действий». В большинстве случаев навязчивые действия произошли из церемониала. Наряду с тем и другим содержание недуга образуют запреты и недопущения (абулии), которые, собственно говоря, лишь продолжают дело навязчивых действий, поскольку что-то больному вообще не позволено, а что-то другое разрешается только при соблюдении предписанного церемониала.

Примечательно, что принуждения, такие, как запреты (одно нужно делать, другое делать нельзя), вначале касаются только действий, совершаемых в одиночку, а социальное поведение этих людей долгое время остается ненарушенным; поэтому такие больные могут многие годы относиться к своему недугу как к личному делу и его скрывать. Также такими формами невроза навязчивости страдает намного больше людей, чем становится известно врачам. К тому же подобное сокрытие для многих больных облегчается тем обстоятельством, что часть дня они вполне способны исполнять свои

социальные обязанности, до этого посвятив какое-то количество часов своим таинственным действиям в полном уединении[1].

Нетрудно увидеть, в чем состоит сходство невротического церемониала со священнодействием религиозного обряда, — в терзаниях совести при его неисполнении, в полной изоляции от всего остального поведения (запрещение помех) и в добросовестности исполнения действий в малейших деталях. Но точно такими же очевидными являются и различия, причем некоторые из них настолько яркие, что допускают сравнение со святотатством. Большее индивидуальное разнообразие [невротических] церемониальных действий в противоположность стереотипии ритуала (молитва, *proskinesis*[2] и т. д.), их приватный характер в отличие от публичности и общности религиозных отправлений; но прежде всего то отличие, что небольшие добавления религиозного церемониала имеют рациональный и символический смысл, тогда как в невротическом церемониале они кажутся глупыми и бессмысленными. Невроз навязчивости поставляет здесь наполовину комичную, наполовину грустную карикатуру на приватную религию. Между тем именно это самое глубокое различие между невротическим и религиозным церемониалами устраняется, если с помощью психоаналитической техники исследования прийти к пониманию навязчивых действий[3]. В результате такого исследования видимость того, будто навязчивые действия глупы и бессмысленны, полностью разрушается и вскрывается подоплека этой видимости. Из него узнаешь, что навязчивые действия полностью и во всех деталях рациональны, служат важным интересам личности и выражают продолжающие действовать переживания, а также катектированные аффектом мысли. Они делают это двояким образом — в виде либо непосредственных, либо символических изображений; стало быть, их следует толковать либо исторически, либо символически.

Пожалуй, мне здесь не обойтись без нескольких примеров, которые должны пояснить это утверждение. Кто знаком с результатами психоаналитического исследования психоневрозов, не будет

---

[1] [Намек на прекрасную морскую фею Мелузину из древнефранцузского сказания, которая в образе обычной женщины живет в мире, но при этом ведет тайную жизнь, время от времени принимая опять свой нечеловеческий образ.]

[2] [Греческое обозначение ритуала, представляющего собой поклон с целованием туфли. — *Примечание переводчика*.]

[3] Ср. Freud, Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre. Wien 1906 (3-е изд., 1920). [Этот том содержит четырнадцать работ, опубликованных между 1893 и 1906 годами, то есть почти все небольшие статьи о неврозах, написанные Фрейдом в этот период.]

удивлен, услышав, что то, что изображено посредством навязчивых действий или церемониала, проистекает из самых сокровенных, чаще всего сексуальных, переживаний данного человека.

а) Наблюдавшаяся мною девушка испытывала принуждение, умывшись, несколько раз прополаскивать чашу для умывания. Значение этого церемониального действия заключалось в вошедшем в поговорку выражении: «Не выливай грязную воду, пока не имеешь чистой». Действие было предназначено для того, чтобы напомнить о любимой сестре и удержать себя от расставания со своим нерадивым мужем, прежде чем она завяжет отношения с кем-то лучшим.

б) Жившая отдельно от своего мужа жена во время еды следовала принуждению оставлять на тарелке самое лучшее, например, из куска поджаренного мяса съедать только края. Этот отказ объяснялся датой его возникновения. Он появился в тот день, когда она объявила своему мужу о прекращении супружеских отношений, то есть отказалась от самого лучшего.

в) Та же самая пациентка в сущности могла сидеть только в одном-единственном кресле и могла подниматься с него только с великим трудом. Кресло, будучи связанным с одной деталью ее супружеской жизни, символизировало для нее мужа, которому она хранила верность. Для объяснения своей навязчивости она нашла фразу: «Человеку так трудно расстаться с чем-либо (мужем, креслом), на чем он когда-то сидел».

г) Обычно в течение всего времени она повторяла особенно странное и бессмысленное навязчивое действие. Она бежала из своей комнаты в другую, посередине которой стоял стол, определенным способом поправляла лежащую на нем скатерть, звонила горничной, которая должна была подойти к столу, и вновь отпускала ее с каким-то несущественным поручением. Когда она попыталась объяснить себе эту навязчивость, ей пришла в голову мысль, что данная скатерть в одном месте имела неприятного цвета пятно и что она каждый раз стелила скатерть таким образом, чтобы пятно бросалось в глаза горничной. Действие в целом представляло собой воспроизведение события из ее супружеской жизни, которое задало ее мыслям проблему, требовавшую решения. Ее мужа в первую брачную ночь постигла не такая уж необычная неудача. Он оказался импотентным и «несколько раз в течение ночи прибегал из своей комнаты в ее», чтобы повторить попытку в надежде, что на этот раз она все же не удастся. Утром он сказал, что ему будет стыдно перед горничной, которая убирает постели, схватил бутылочку с красными чернилами и вылил ее содержимое на простыню, но так неуме-

ло, что красное пятно появилось в весьма неподходящем для его намерения месте. Стало быть, тем навязчивым действием она проигрывала первую брачную ночь. «Стол и кровать» вместе составляют брак.

д) Когда у нее возникло навязчивое желание записывать номер каждой денежной банкноты, прежде чем с ней расстаться, то это точно так же можно было объяснить исторически. В то время, когда она еще вынашивала намерение расстаться со своим мужем и найти другого, более достойного, она позволила ухаживать за собой одному господину, в серьезных намерениях которого она все-таки сомневалась. Однажды из-за отсутствия мелких денег она попросила его разменять ей пять крон. Он это сделал, засунул в бумажник большую монету и галантно сказал, что даже не подумает расставаться с этой монетой, потому что она побывала в ее руке. Потом, когда они встречались, ее часто подмывало попросить его показать ей ту монету в пять крон, словно чтобы тем самым удостовериться, стоит ли ей доверять его дифирамбам. Но она этого не делала с верным обоснованием, что отличить друг от друга одинаковые монеты было бы невозможно. Таким образом, сомнение осталось неразрешенным; оно оставило после себя навязчивое желание записывать номера банкнот, благодаря которым можно индивидуально отличить каждую отдельную банкноту от всех остальных того же достоинства[1].

Эти немногочисленные примеры, извлеченные из моего богатого опыта, должны лишь пояснить мой тезис, что в навязчивых действиях все рационально и доступно истолкованию. То же самое относится и к собственно церемониалу, разве что доказательство потребовало бы здесь более обстоятельного сообщения. Я вполне отдаю себе отчет в том, что, разъясняя навязчивые действия, мы, кажется, весьма удаляемся от круга мыслей религии.

Одно из условий болезни составляет то, что человек, следующий навязчивому желанию, совершает действие, не зная его значения — во всяком случае его основного значения. Только благодаря усилиям психоаналитической терапии смысл навязчивого действия и тем самым побуждающие к нему мотивы становятся осознанными. Мы высказываем это важное положение вещей словами, что навязчивое действие служит выражению *бессознательных* мотивов и представлений. В этом, по-видимому, заключается еще одно его отличие от религиозного отправления; однако следует подумать

[1] [Этот случай Фрейд очень подробно обсуждает в 17-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917). *Studienausgabe*, т. I, с. 262–264.]

о том, что и набожный человек, как правило, совершает религиозный церемониал, не задаваясь вопросом о его значении, тогда как священник и исследователь могут знать символический в большинстве случаев смысл ритуала. Однако мотивы, побуждающие к религиозному отправлению, всем верующим либо неизвестны, либо замещаются в их сознании выдвигаемым мотивом.

Анализ навязчивых действий уже позволил нам отчасти понять их причины и взаимосвязь определяющих их мотивов. Можно сказать, что человек, страдающий от навязчивостей и запретов, ведет себя так, как будто над ним довлеет *сознание вины*, о которой он, правда, ничего не знает, то есть бессознательное сознание вины, если так можно выразиться при всей нескладице подобного соседства слов[1]. Это сознание вины имеет источник в известных душевных процессах раннего детства и постоянно оживает в случае каждого нового *искушения*. В свою очередь оно порождает всегда готовую заявить о себе *тревогу, вызванную ожиданием беды*, которая через понятие *наказания* связана с внутренним восприятием искушения. В начале образования церемониала больной еще сознает, что должен сделать то или иное, чтобы не случилась беда, и, как правило, характер поджидающей его беды пока еще известен его сознанию. Связь же между поводом, при котором возникает эта тревога, порождаемая ожиданием, и угрожающим содержанием от больного уже скрыта. Таким образом, церемониал возникает как *защитное или страховочное поведение, как защитная мера*.

Сознанию вины больного неврозом навязчивости соответствует уверение набожных людей, что в глубине души они закоренелые грешники; по всей видимости, религиозные отправления (молитвы, обращения к Богу и т. д.), с которых они начинают любую повседневную деятельность и особенно каждое чрезвычайное дело, имеют значение защитных и оборонительных мер.

К более глубокому пониманию механизма невроза навязчивости можно прийти, если оценить лежащий в его основе первый факт: он всякий раз представляет собой *вытеснение импульса влечения*[2] (компонента сексуального влечения), который содержался в кон-

---

[1] [Это, по-видимому, самое раннее упоминание в публикациях понятия «бессознательное сознание вины», которое играет очень важную роль в более поздних сочинениях Фрейда, например, в заключительной главе работы «Я и Оно» (1923*b*), *Studienausgabe*, т. 3, с. 316 и далее и с. 316 прим.]

[2] [Пожалуй, выражение «импульс влечения» впервые употребляется здесь в опубликованном виде; в дальнейшем оно стало одним из наиболее часто использовавшихся им терминов.]

ституции человека, какое-то время мог выражаться в его детской жизни и после этого подвергся подавлению. Особая *совестливость*, направленная на цели этого влечения, создается при его вытеснении, но это психическое реактивное образование не чувствует себя в безопасности, ибо ему постоянно грозят влечения, подстерегающие в бессознательном. Влияние вытесненного влечения воспринимается как искушение, в процессе самого вытеснения возникает тревога, которая овладевает человеком в виде тревоги, связанной с ожиданием будущего. Процесс вытеснения, ведущий к неврозу навязчивости, следует охарактеризовать как не совсем удавшийся и все больше грозящий окончиться неудачей. Поэтому его можно приравнять к незавершенному конфликту; требуются все новые психические усилия, чтобы не уступить постоянному натиску влечения[1]. Таким образом, церемониальные и навязчивые действия возникают частично для защиты от искушения, частично — для предотвращения ожидаемого несчастья. Защитные действия, направленные против искушения, вскоре кажутся недостаточными; тогда появляются запреты, которые должны отдалить ситуацию искушения. Как видно, запреты заменяют навязчивые действия, подобно тому, как фобия предназначена для того, чтобы уберечь от истерического припадка. С другой стороны, церемониал представляет собой совокупность условий, при которых становится позволительным другое, пока еще не абсолютно запретное действие, подобно тому как церковный брачный церемониал означает для благочестивого человека позволение получать сексуальное наслаждение, которое иначе греховно. К особенностям невроза навязчивости, как и всех сходных патологий, относится также то, что его проявления (симптомы, среди них и навязчивые действия) выполняют условие компромисса между борющимися между собой душевными силами. То есть они всегда также возвращают часть удовольствия, которое они предназначены предотвращать, служат вытесненному влечению не меньше, чем вытесняющим его инстанциям. Более того, с развитием болезни действия, первоначально скорее обеспечивающие защиту, все больше приближаются к предосудительным действиям, с помощью которых в детстве могло выражаться влечение.

Из этих условий следующее можно было бы найти и в области религиозной жизни: также и в основе религиозного образования,

---

[1] [В этом пассаже предвосхищается появление термина «контркатексис», который детально рассматривается в работе «Бессознательное» (1915*e*; *Studienausgabe*, т. 3, с. 140–144).]

по-видимому, лежит подавление, *отказ* от определенных импульсов влечения; но в отличие от невроза они не являются исключительно сексуальными компонентами, а представляют собой корыстолюбивые, социально вредные влечения, которые, впрочем, чаще всего не лишены и сексуального вклада. Сознание вины как следствие не исчезающего искушения, тревога, порождаемая ожиданием, как страх Божьей кары стали известны нам в области религии раньше, чем в области невроза. Возможно, из-за примешивающихся сексуальных компонентов, возможно, вследствие общих качеств влечений также и в религиозной жизни подавление влечений оказывается недостаточным и незавершенным. Полный возврат к греховной жизни у благочестивых людей встречается даже чаще, чем у невротиков, и он становится причиной новой формы религиозной деятельности, покаяния, эквиваленты которого обнаруживаются в неврозе навязчивости.

Своеобразную и обесценивающую особенность невроза навязчивости мы усмотрели в том, что церемониал присоединяется к незначительным действиям повседневной жизни и выражается во вздорных предписаниях и ограничениях. Эта странная черта в формировании картины болезни становится понятной только тогда, когда узнаешь, что механизм психического *смещения*, который вначале я обнаружил при образовании сновидения[1], господствует в душевных процессах при неврозе навязчивости. Уже из нескольких примеров навязчивых действий видно, как в результате смещения с настоящего, важного на заменяющее незначительное, например, с мужа на кресло, символически и частично осуществляется намерение[2]. Как раз эта склонность к смещению и видоизменяет постоянно картину болезненных проявлений и в конце концов приводит к тому, что внешне самое незначительное делается самым важным и безотлагательным. Нельзя не заметить, что аналогичная склонность к смещению психической ценности, причем в том же смысле, существует и в области религии, в результате чего незначительный церемониал религиозного отправления постепенно превращается в нечто важное, которое отодвинуло в сторону его мысленное содержание. Поэтому религии также подвергаются рывками прово-

---

[1] Ср. Фрейд, «Толкование сновидений» (1900*a*) [глава VI (Б), *Studienausgabe*, т. 2, с. 305 и далее.]

[2] [Фрейд неоднократно описывал этот механизм, например, в анализе «Крысина» (1909*d*), ниже, с. 97–98, где в одном из редакторских примечаний даются дальнейшие комментарии.]

дящимся реформам, которые стремятся воссоздать первоначальное соотношение ценностей.

Компромиссный характер навязчивых действий как невротических симптомов наименее отчетливо проявляется в соответствующем религиозном поведении. Но также и это свойство невроза становится очевидным, если вспомнить о том, как часто все действия, которые осуждает религия — проявления влечений, подавляемых религией, — осуществляются как раз во имя и якобы на благо религии.

После выявления этих соответствий и аналогий можно, пожалуй, взять на себя смелость сказать, что невроз навязчивости следует понимать как патологический эквивалент религиозного образования, невроз — как индивидуальную религиозность, а религию — как всеобщий невроз навязчивости. Самое важное соответствие заключается в том, что в их основе лежит отказ от осуществления конституционально данных влечений; самое главное их отличие — в природе этих влечений, которые при неврозе имеют исключительно сексуальное происхождение, а в религии — эгоистическое.

Поступательный отказ от конституциональных влечений, осуществление которых могло бы доставлять Я первичное удовольствие, по-видимому, является одной из основ культурного развития человека[1]. Часть этого вытеснения влечений совершается религиями, поскольку они заставляют людей жертвовать своим удовольствием, получаемым от влечения, божеству. «Месть — моя», — говорит Господь. Думается, что в развитии древних религий можно увидеть, что многое, от чего человек отказался как от «прегрешения», отошло Богу и оставалось дозволенным во имя Бога, так что такая уступка божеству была способом, которым человек освободился от власти дурных, социально вредных влечений. Поэтому, наверное, не случайно, что древним богам в неограниченной массе приписывались все человеческие качества (вместе с вытекающими из них злодеяниями), и нет противоречия в том, что все же было непозволительно божественным примером оправдывать собственные прегрешения.

---

[1] [Эту мысль Фрейд подробно развивает в своей написанной примерно через год работе, посвященной «культурной» половой морали (1908*d*).]

Характер и анальная эротика
(1908)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:
1908 *Psychiat.-neurol. Wschr.*, т. 9 (52) [март], 465–467.
1909 *S. K. S. N.*, т. 2, 132–137. (1912, 2-е изд.; 1921, 3-е изд.)
1924 *G. S.*, т. 5, 261–267.
1931 *Sexualtheorie und Traumlehre*, 62–68.
1941 *G. W.*, т. 7, 203–209.

Основная идея этого сочинения сегодня нам настолько знакома, что мы едва можем представить себе то удивление и возмущение, которые оно вызвало при своей первой публикации. Без сомнения, толчком к написанию данной работы послужил завершившийся незадолго до этого анализ «Крысина» (1909*d*, следующая работа в этом томе), хотя специально Фрейд стал заниматься изучением связи между анальной эротикой и неврозом навязчивости только спустя несколько лет в работе «Предрасположение к неврозу навязчивости» (1913*i*, см. ниже, с. 112 и далее). Другая история болезни, а именно «Волкова» (1918*b* [1914]), дала материал для расширенной трактовки обсуждаемой здесь темы, которая содержится в работе «О превращении влечений, в частности анальной эротики»(1917*c*, см. ниже, с. 125 и далее).

Среди лиц, которым пытаются оказать помощь стараниями психоанализа, довольно часто встречается тип, отличающийся сочетанием определенных особенностей характера, и в то же время в детстве этих людей обращает на себя поведение известной телесной функции и органов, участвующих в ее отправлении. Сегодня я уже не могу указать, по каким отдельным причинам у меня создалось впечатление, что между тем характером и этим поведением органов существует органическая взаимосвязь, однако могу заверить, что к возникновению этого впечатления теоретические ожидания никак не причастны.

Благодаря накопленному опыту моя вера в существование такой взаимосвязи настолько окрепла, что я решаюсь сделать на этот счет сообщение.

Люди, которых я хочу описать, обращают на себя внимание тем, что обнаруживают три следующие особенности, обычно сочетающиеся друг с другом: они очень *аккуратны, бережливы* и *своенравны*. Собственно говоря, каждое из этих слов относится к небольшой группе или к целому ряду родственных черт характера. «Аккуратность» означает как телесную чистоплотность, так и добросовестность при исполнении своих обязанностей и надежность; противоположностью ей были бы неряшливость и небрежность. Бережливость может усиливаться до скупости; своенравие переходит в упрямство, к которому легко присоединяется гневливость и мстительность. Последние две особенности — бережливость и своенравие — связаны между собой более прочно, чем с первой, с аккуратностью; они также являются более постоянной частью комплекса в целом; тем не менее мне кажется неопровержимым, что все три особенности каким-то образом связаны между собой.

Из истории раннего детства этих людей нетрудно узнать, что им понадобилось сравнительно много времени, чтобы подчинить себе инфантильную *incontinentia alvi*[1], и что на отдельные неудачи

---

[1] [Неспособность произвольно сдерживать экскременты.]

этой функции они жаловались еще и в более поздние детские годы. По всей видимости, они принадлежали к той категории младенцев, которые отказываются опорожнять кишечник, когда их усаживают на горшок, поскольку из дефекации они получают сопряженную с удовольствием побочную выгоду[1]; ведь они сообщают, что еще и в несколько более позднем возрасте им доставляло удовольствие удерживать стул, и вспоминают — хотя скорее и проще о своих братьях и сестрах, нежели о себе — всякие непристойности, связанные с обнаруженным калом. Из таких указаний мы делаем вывод об очень ясном эрогенном акценте на анальной зоне в им свойственной сексуальной конституции; но так как по истечении детства у этих лиц уже нельзя найти и следа этих слабостей и особенностей, мы должны допустить, что в ходе развития анальная зона утратила свое эрогенное значение, и затем предположить, что неизменность этой триады особенностей в их характере можно связать с истощением анальной эротики.

Я знаю, что люди не решаются поверить в какой-либо факт, пока он кажется непонятным и нет никакой привязки для его объяснения. Однако по меньшей мере самое основное из этого мы можем здесь приблизить к нашему пониманию с помощью гипотез, изложенных в «Трех очерках по теории сексуальности» (1905*d*)[2]. Я пытаюсь в них показать, что сексуальное влечение человека имеет очень сложное строение, состоит из многочисленных компонентов и парциальных влечений. Важный вклад в возникновение «сексуального возбуждения» вносят периферические возбуждения определенных выделенных нами частей тела (гениталий, рта, заднего прохода, выводного протока мочевого пузыря), которые заслуживают названия «эрогенные зоны». Однако не все и не в любой период жизни поступающие из этих мест величины возбуждения имеют одинаковую судьбу. Вообще говоря, только одна часть достается сексуальной жизни; другая часть отклоняется от сексуальных целей и обращается на другие цели, этот процесс заслуживает названия «сублимация». В период жизни, который можно назвать периодом латентной сексуальности — с пятилетнего возраста[3] до первых проявлений пубертата (примерно в одиннадцать лет), — даже за счет этих возбуждений, поставляемых из эрогенных зон, в душевной

---

[1] «Три очерка по теории сексуальности», II, с. 41 (1905*d*). *Studienausgabe*, т. 5, с. 92–93.

[2] [Материал этого абзаца главным образом взят из раздела 5 первого и из раздела I второго очерка (*Studienausgabe*, т. 5, с. 76 и далее и с. 84 и далее).]

[3] [В изданиях до 1924 года здесь говорится: «четырехлетнего возраста».]

жизни создаются реактивные образования, противодействующие силы, такие, как стыд, отвращение и мораль, которые словно плотины препятствуют последующим проявлениям сексуальных влечений. Поскольку анальная эротика относится к тем компонентам влечения, которые в ходе развития и с точки зрения нашего нынешнего культурного воспитания становятся непригодными для сексуальных целей, напрашивается мысль, что в особенностях характера, столь часто проявляющихся у бывших анальных эротоманов, — аккуратность, бережливость и своенравие — надо усматривать самые непосредственные и постоянные последствия сублимации анальной эротики[1].

---

[1] Поскольку именно замечания об анальной эротике младенца в «Трех очерках по теории сексуальности» вызвали особое возмущение у неразумных читателей, я здесь позволю себе включить наблюдение, которым я обязан одному весьма смышленому пациенту: «Один знакомый, который прочел статью по "теории сексуальности", говоря о книге, полностью соглашается с ней, но одно место в ней — хотя, разумеется, с точки зрения содержания он также его одобряет и понимает — показалось ему настолько комичным и странным, что он присел и с четверть часа смеялся до упаду. Вот это место: "Одним из вернейших признаков будущей странности характера или нервности является упорное нежелание младенца очистить кишечник, когда его сажают на горшок, то есть когда это угодно няне, и его стремление осуществлять эту функцию по своему усмотрению. Ему, конечно, не важно, что пачкается его постель; он заботится только о том, чтобы не лишиться удовольствия при дефекации". [*Studienausgabe*, т. 5, с. 92–93.] Образ сидящего на горшке младенца, который размышляет о том, вправе ли он отказаться от подобного ограничения ради своей свободной воли, да к тому же озабоченного тем, чтобы не лишиться удовольствия при дефекации, и вызвало его бурное веселье. Минут через двадцать, во время полдника, мой знакомый совершенно неожиданно говорит: "Слушай, я увидел перед собой какао, и мне пришла в голову мысль, которая постоянно занимала меня в детстве. Я всегда себе представлял, что я производитель какао ван Хоутен (он сказал "ван Хаутен" [van Hauten]), и у меня есть замечательный секрет изготовления этого какао, а все люди хотят вырвать у меня эту тайну, способную осчастливить целый мир, которую я тщательно берегу. Почему я запал именно на ван Хоутена, не знаю. Наверное, мне больше всего понравилась его реклама". Рассмеявшись и пока еще не связывая с этим, в сущности верно, более глубокого намерения, я сказал: "Когда мать задает порку?" [*Wann haut'n* die Mutter?!] И только несколько позже я понял, что мой каламбур фактически содержал в себе ключ ко всему этому внезапно возникшему детскому воспоминанию, которое я теперь стал понимать как блестящий пример покрывающей фантазии, которая при сохранении фактического материала (процесса принятия пищи) и на основе фонетических ассоциаций (*"какао"*, *"wann haut'n..."*) благодаря *полной переоценке* содержания воспоминания избавляет от сознания своей вины. (Перемещение с задней стороны на переднюю, отдача пищи превращается в прием пищи, содержание, вызывающее стыд и подлежащее сокрытию, — в тайну, способную осчастливить весь мир.) Мне было интересно, как здесь вслед за защитой, принявшей, правда, более мягкую форму формального возражения, против воли данного человека через пятнадцать минут из его бессознательного всплыло самое убедительное доказательство.

Разумеется, мне и самому непонятна внутренняя необходимость этой взаимосвязи, однако я могу привести кое-какие доводы, которые могут быть расценены как помощь в ее понимании. Чистоплотность, аккуратность, надежность производят впечатление реактивных образований, направленных против интереса к нечистому, постороннему, мешающему, не принадлежащему телу. *(«Dirt is matter in the wrong place»*[1]*).* Связать своенравие с интересом к дефекации представляется нелегкой задачей, однако можно напомнить о том, что уже младенец может вести себя своенравно при дефекации (см. выше [с. 26]) и что болезненные раздражения кожи ягодиц, связанной с эрогенной анальной зоной, повсеместно служат в воспитании тому, чтобы преодолеть упрямство ребенка, сделать его послушным. Для выражения упрямства и строптивой издевки у нас по-прежнему, как и в давние времена, используется выражение, имеющее своим содержанием поцелуй зоны заднего прохода, то есть, собственно говоря, обозначает проявление нежности, затронутое вытеснением. Обнажение ягодиц представляет собой смягчение этого выражения в виде жеста; в «Гётце фон Берлихингене» Гёте в самом подходящем месте мы находим то и другое, фразу и жест, как выражение упрямства[2].

Самыми обильными представляются отношения, существующие между столь несовместимыми на первый взгляд комплексами интереса к деньгам и дефекации. Каждому врачу, который применял психоанализ, хорошо известно, что этим способом можно устранить самые упорные и застарелые, так называемые хронические задержки стула у нервнобольных. Удивление по этому поводу умеряется воспоминанием, что эта функция точно так же подвластна и гипнотическому внушению. Но в психоанализе это воздействие достигается только тогда, когда затрагивают денежный комплекс данных людей и их побуждают довести его до сознания со всеми его отношениями. Можно было бы подумать, что при этом невроз лишь следует намеку словоупотребления, где человека, слишком тревожащегося за свои деньги, называют *«грязным»* или *«скаредным»* [filzig] (в английском языке: *filthy* = грязный). Однако такая оценка была бы слишком поверхностной. В самом деле, повсюду, где господствовал или сохранился архаический способ мышления, в древних куль-

[1] [Грязь — это материя в неподходящем месте (англ.). — *Примечание переводчика.*]

[2] [Сцена разыгрывается в 3-м акте, когда трубач предлагает Гётцу капитулировать. В последующих сценических редакциях произведения слова и жест смягчены.]

турах, в мифе, сказке, суеверии, в бессознательном мышлении, в сновидении и в неврозе, деньги теснейшим образом связываются с нечистотами. Известно, что золото, которое дьявол дарит своим любовницам, после его ухода превращается в нечистоты, а дьявол, разумеется, — это не что иное, как персонификация вытесненной бессознательной жизни влечений[1]. Далее известно суеверие, в котором поиски кладов связываются с дефекацией, и каждому знакома фигура «человека, испражняющегося дукатами». Более того, уже в древневавилонском учении золото — это испражнения преисподней, *Mammon = ilu manman*[2]. Таким образом, если невроз следует словоупотреблению, то здесь, как и везде, он берет слова в их первоначальном, полном значением смысле, а там, где он, видимо, наглядно изображает слово, он, как правило, лишь восстанавливает древнее значение слова[3].

Возможно, что противоположность самого ценного, с чем познакомился человек, и самого никчемного, что он отбрасывает от себя как отходы *(«refuse»)*, и привело к этому условному отождествлению золота и фекалий.

В мышлении невроза на помощь такому приравниванию приходит, пожалуй, еще одно обстоятельство. Первоначальный эротический интерес к дефекации, как мы знаем, обречен на исчезновение в более зрелые годы; в эти годы появляется новый интерес к деньгам, которого в детстве пока еще не было; в результате появляется возможность того, что прежнее стремление, которому уготовано потерять свою цель, переносится на цель, вновь возникающую.

Если в основе утверждаемых здесь отношений между анальной эротикой и той триадой особенностей характера лежит нечто фактическое, то едва ли можно ожидать особой выраженности «анального характера» у лиц, которые сохранили эрогенное свойство анальной зоны в зрелом возрасте, как, например, некоторые

---

[1] Ср. истерическую одержимость и демонические эпидемии. [Фрейд довольно подробно обсуждает эти явления в работе «Невроз дьявола в семнадцатом веке» (1923*d*, см. ниже, с. 298 и далее).]

[2] Jeremias, «Das alte Testament im Lichte des alten Orients» [1904*a*], 2-е изд., 1906, с. 216, и «Babylonisches im Neuen Testament», 1906, с. 96. «*Мамон (Маммон)*, на вавилонском *man-man*, прозвище Нергала, бога преисподней. Согласно восточному мифу, перешедшему в легенды и сказки других народов, золото — это испражнения преисподней; см. "Монотеистические течения в вавилонской религии" [1904*b*], с. 16, прим. 1».

[3] [О существовании подобных ассоциаций в сновидениях см. добавленный в 1909 году пассаж в «Толковании сновидений» (1900*a*, *Studienausgabe*, т. 2, с. 396–397).]

гомосексуалисты. Если я не очень заблуждаюсь, в большинстве случаев наш опыт вполне согласуется с этим выводом.

Следовало бы вообще поразмыслить о том, не позволяют ли и другие комплексы особенностей характера выявить их принадлежность к возбуждениям определенных эрогенных зон. Мне до сих пор известно лишь непомерное «жгучее» честолюбие тех, кто раньше страдал энурезом[1]. Для формирования окончательного характера из конститутивных влечений можно, однако, привести следующую формулировку: сохраняющиеся черты характера представляют собой либо неизменные продолжения первоначальных влечений, их сублимации, либо реактивные образования, направленные против них[2].

---

[1] [Связь между уретральной эротикой и честолюбием, по-видимому, впервые упоминается здесь. Намного позже, а именно в длинном примечании к главе III работы «Недомогание культуры» (1930*a*; *Studienausgabe*, т. 9, с. 221, прим.), Фрейд связал это открытие с двумя другими своими важными идеями об энурезе: о его символической ассоциации с огнем и с его значением как детского эквивалента мастурбации. См. также еще более позднюю работу «О добывании огня» (1932*a*).]

[2] [О «характере» и механизме его формирования имеется не так много высказываний Фрейда. Из них следует упомянуть пассаж в конце «Трех очерков» (1905*d*; *Studienausgabe*, т. 5, с. 140–141), несколько замечаний в работе «Предрасположение к неврозу навязчивости» (1913*j*, ниже, с. 115–116), более позднюю работу об анальной эротике (1917*c*, ниже, с. 125 и далее) и сочинение «О либидинозных типах» (1931*a*; *Studienausgabe*, т. 5, с. 269 и далее). Особый интерес также представляет обсуждение в первой половине главы III в работе «Я и Оно» (1923*b*; там же, т. 3, с. 296–298), основные идеи которого вновь излагаются в 32-й лекции «Нового цикла» (1933*a*).]

Заметки об одном случае невроза навязчивости
(1909)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:
1909 *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.*, т. 1 (2), 357–421.
1913 *S. K. S. N.*, т. 3, 123–197. (1921, 2-е изд.)
1924 *G. S.*, т. 8, 267–351.
1932 *Vier Krankengeschichten*, 284–376.
1941 *G. W.*, т. 7, 379–463.

Эта история болезни, случай «Крысина», представляет собой наиболее содержательное и самое знаменитое опубликованное Фрейдом исследование больного неврозом навязчивости. Лечение началось 1 октября 1907 года. Эрнест Джонс рассказывает, что Фрейд не раз выступал перед Венским психоаналитическим объединением с сообщениями о продолжавшейся терапии (см. Jones, 1962*a*, т. 2, с. 60 и с. 312–318; см. также Federn, 1948), а на 1-м Международным психоаналитическом конгрессе в Зальцбурге в апреле 1908 года прочел более чем четырехчасовой доклад. Однако тогда до завершения лечения было еще далеко, ибо, как нас информирует Фрейд (ниже, с. 57), оно продолжалось почти год. Летом 1909 года он подготовил этот случай для публикации, для чего ему понадобился один месяц; в начале июля он отдал рукопись в набор.

У Фрейда всю его жизнь существовала привычка: сразу после того, как работа оказывалась в печати, уничтожать весь материал, на котором основывалась публикация. Поэтому то, что сохранились его оригинальные записи, относящиеся примерно к первой трети лечения «Крысина», которые он делал каждый день после терапевтического сеанса, — странное и необъяснимое исключение. (Существенная часть этих записей впервые была опубликована в английском переводе в т. 10 «Стандартного издания» трудов Фрейда, Freud, 1955*a*. Немецкий оригинальный текст появился в дополнительном томе «Собрания сочинений».) Эти записи содержат немало дополнительных деталей, которых нет в опубликованном варианте, и в настоящем издании этот материал привлекался для редакторских комментариев всякий раз, когда он казался пригодным для прояснения отдельных неясностей.

Чтобы помочь читателю проследить за реконструкцией истории жизни, раскрывающейся в ходе лечения, мы попытаемся, опи-

раясь на оригинальные записи, а также на опубликованное описание случая, хронологически упорядочить даты, которые в тексте не всегда согласуются.

Биографические сведения

1878 Год рождения пациента.

1881 (Возраст: 3 года) Гнев на отца.

1882 (4 года) Сцена с фрейлейн Петер. Смерть старшей сестры.
1883 (5 лет)

1884 (6 лет) Эрекции. Представление, что родители могут читать его мысли.

1885 (7 лет) Сцена с фрейлейн Линой. Выстрел в брата.

1886 (8 лет) Поступление в школу. Знакомится со своей «дамой» (девочкой).

1890 (12 лет) Влюбляется в маленькую девочку. Навязчивые мысли о смерти отца.

1892 (14 лет) Окончание религиозной фазы.
1893 (15 лет)

1894 (16 лет) Иногда занимается онанизмом
1895 (17 лет)

1898 (20 лет) Влюбляется в свою даму. Навязчивые мысли о смерти отца. Самоубийство старшей девушки, которую отверг пациент.

1899 (21 год) Операция дамы. Смерть отца. Начало занятия онанизмом.

1900 (22 года) Клятвенное заверение покончить с онанизмом. — (Дек.) Дама отвергает его ухаживания.

1901 (23 года) Заболевание бабушки его дамы. Возврат к онанизму.

1902 (24 года) (Май) Смерть тети и вспышка невроза навязчивости.

1903 (25 лет) План женитьбы. Обострение невроза навязчивости. Второй отказ дамы. Летние каникулы на курорте. Мысли о самоубийстве.

1904 (26 лет) Первый половой акт.

1906 (28 лет) Защитные формулы из начальных букв.

1907 (29 лет) (Авг.) Военные учения. — (Окт.) Начало анализа.

[ВВЕДЕНИЕ]

На последующих страницах содержится материал двоякого рода: во-первых, фрагментарные сообщения из истории болезни одного больного, страдавшего неврозом навязчивости; по его продолжительности, пагубным последствиям и субъективной оценке этот невроз можно было причислить к довольно тяжелым, и потребовалось около года, чтобы добиться полного восстановления личности и устранить ее торможения. Во-вторых, отдельные краткие сведения о генезе и более тонком психологическом механизме душевных процессов при неврозе навязчивости, приведенные в связи с этим и с учетом ранее проанализированных случаев; этими сведениями должны быть дополнены мои первые, опубликованные в 1896 году[1] описания.

Подобное изложение содержания, как мне кажется, само нуждается в обосновании, чтобы читатель, скажем, не подумал что такой способ сообщения я считаю безупречным и достойным подражания, тогда как на самом деле я лишь считаюсь с трудностями внешнего и содержательного характера и охотно сообщил бы больше, будь это позволительным и возможным. То есть я не могу предоставить полную историю лечения, поскольку это потребовало бы детального рассмотрения условий жизни моего пациента. Докучливое внимание большого города, которое уделяется моей врачебной деятельности, не допускает достоверного изложения; вместе с тем я все больше прихожу к мысли, что искажения, к которым обычно прибегают в таких случаях, нецелесообразны и неприемлемы. Если они незначительны, то своей цели — оградить пациента от нескромного любопытства — не достигают; если же они велики, то обходятся слишком большой ценой, поскольку нарушают понимание взаимосвязей, имеющих непосредственное отношение к малосущественным реалиям жизни. Из этого последнего обстоятельства вытекает тот парадоксальный факт, что гораздо проще предать огласке самые интимные тайны пациента, поскольку при этом он все

[1] «Еще несколько замечаний о защитных невропсихозах» (1896*b*). (II. «Сущность и механизм невроза навязчивости».)

же остается неузнанным, нежели самые безобидные и банальные характеристики его персоны, которые всем известны и по которым его все могли бы узнать[1].

Если этим я оправдываю нещадное сокращение истории болезни и лечения, то для ограничения отдельными результатами из психоаналитического исследования невроза навязчивости в моем распоряжении имеется еще более убедительное объяснение. Я признаюсь, что до сих пор мне еще не удавалось полностью понять сложную структуру *тяжелого* случая невроза навязчивости и что при воспроизведении анализа я не смог бы показать эту аналитически выявленную или предполагаемую структуру, присовокупляя примеры лечения других больных. Сопротивление больных и различные формы его выражения значительно затрудняют выполнение последней задачи; однако нужно сказать, что само по себе понимание невроза навязчивости отнюдь не просто, оно намного сложнее, чем понимание случая истерии. Собственно говоря, следовало ожидать противоположного. Средства, которыми невроз навязчивости выражает свои тайные мысли, язык невроза навязчивости похож на диалект языка истерии, но на диалект, вчувствование в который должно было бы быть для нас более простым, потому что он более близок выражению нашего сознательного мышления, чем истерический. Прежде всего он не содержит того скачка из психической сферы в соматическую иннервацию — истерическую конверсию, — который нам все же никогда не дано совершить с помощью своего понимания.

Возможно, также и наше недостаточное знакомство с неврозом навязчивости повинно в том, что действительность не подтверждает того ожидания. Больные неврозом навязчивости тяжелого калибра прибегают к аналитическому лечению гораздо реже, чем истерики. Также и в жизни они диссимулируют свое состояние, насколько это возможно, и зачастую обращаются к врачу только на запущенных стадиях недуга, которые, например, при туберкулезе легких исключали бы возможность помещения их в лечебницу. Однако я привлекаю это сравнение потому, что в простых и тяжелых, но своевременно распознанных случаях невроза навязчивости, точно так же, как при том хроническом инфекционном заболевании, мы можем указать на целый ряд блестящих результатов лечения.

---

[1] [В примечании, добавленном в 1924 году к истории болезни «Доры» (1905*e*, *Studienausgabe*, т. 6, с. 93), Фрейд категорически утверждает, что публикация данного случая подготовлена с согласия пациента.]

При таких обстоятельствах не остается ничего другого, как сообщить факты в столь незавершенной и неполной форме, в какой они нам известны и в какой нам позволено о них говорить. Возможно, представленные здесь с большим трудом полученные кусочки знания сами по себе покажутся малоудовлетворительными, но к ним может присоединиться работа других исследователей, и благодаря совместным усилиям будет получен результат, достичь которого одному человеку, наверное, слишком трудно.

I
ИЗ ИСТОРИИ БОЛЕЗНИ

Молодой человек с университетским образованием объявляется у меня и рассказывает, что с самого детства, но особенно сильно в последние четыре года страдает навязчивыми представлениями. Основным содержанием его недуга являются *опасения*, что с двумя людьми, которых он очень любит, с отцом и некой дамой, которую он почитает, может что-то случиться. Кроме того, он испытывает *навязчивые импульсы*, например, перерезать себе бритвой горло, и создает *запреты*, относящиеся также к безразличным для него вещам. На борьбу с этими своими идеями он потратил многие годы и поэтому не преуспел в жизни. Опробованные им способы лечения ничем ему не помогли, за исключением гидротерапии в лечебнице у ***, но и это, видимо, лишь потому, что он завел там знакомство, приведшее к регулярным половым сношениям. Здесь такой возможности он не имеет, совокупляется нерегулярно и редко. К проституткам он испытывает отвращение. В целом его сексуальная жизнь была скудной, онанизм — в шестнадцать или семнадцать лет — играл лишь незначительную роль. Потенция у него была нормальной; первый коитус — в 26 лет.

Он производит впечатление проницательного человека с ясным умом. На мой вопрос, что побудило его выдвинуть на передний план сведения о своей сексуальной жизни, он отвечает, что именно это он знает о моих теориях. Он ничего не читал из моих сочинений, но недавно, перелистывая одну мою книгу[1], наткнулся на объяснение необычных связей между словами, которые так напомнили ему о его собственной «умственной работе» со своими идеями, что он решился довериться мне.

А. Начало лечения

После того как на следующий день я обязал его выполнять единственное условие лечения — говорить все, что приходит в голову, даже если это ему *неприятно*, даже если это ему кажется *неважным*, *неуместным* или *бессмысленным*, и предложил ему выбрать тему,

[1] «Психопатология обыденной жизни» (1901*b*).

с которой он хочет приступить к своим сообщениям, он начинает следующим образом[1].

У него есть друг, которого он очень высоко ценит. Он всегда идет к нему, когда его мучает преступный импульс, и спрашивает, не презирает ли тот его как преступника. Друг поддерживает его, уверяя, что тот безупречный человек, который, видимо, с юных лет приучен смотреть на жизнь с таких позиций. Такое же влияние когда-то раньше на него оказывал другой человек, 19-летний студент, когда самому ему было четырнадцать или пятнадцать лет. Этот студент испытывал к нему симпатию и чрезвычайно повысил у него чувство собственной значимости, из-за чего мой пациент стал казаться себе чуть ли не гением. Позднее этот студент стал его домашним учителем, но затем вдруг изменил свое поведение, низведя его до простофили. В конце концов ему стало понятно, что тот интересовался одной из его сестер и связался с ним лишь для того, чтобы иметь доступ в дом. Это было первым большим потрясением в его жизни.

Затем он как бы невзначай продолжает.

Б. Инфантильная сексуальность

«Моя сексуальная жизнь началась очень рано. Я помню одну сцену, когда мне было четыре или пять лет (с шести лет я вообще все помню), которая через несколько лет отчетливо всплыла в мой памяти. У нас была очень красивая юная гувернантка, которую звали фрейлейн Петер[2]. Однажды вечером она лежала на софе в легком

---

[1] Отредактировано по записи, сделанной вечером в тот же вечер после лечебного сеанса, с как можно большей опорой на запомнившиеся слова пациента. — Я могу только предостеречь от того, чтобы само время лечения использовать для фиксации услышанного. Отвлечение внимания врача приносит больному вред, который нельзя возместить пользой от точного воспроизведения истории болезни.

[2] Бывший аналитик доктор Альфред Адлер однажды в приватном докладе упомянул об особом значении, которое придается *самым ранним* сообщениям пациентов. Вот доказательство этого. Вступительные слова пациента подчеркивают влияние, которое оказывают на него мужчины, роль гомосексуального выбора объекта в его жизни, и сразу после этого слышится второй мотив, который окажется важным позднее, — конфликт и противоположность интересов у мужчины и женщины. Также и то, что первую красивую гувернантку он помнит по ее фамилии, случайно совпадающей с мужским именем, следует включить в эту взаимосвязь. В мещанских кругах Вены гувернантку чаще принято назвать по имени, и именно оно скорее сохраняется в памяти. [В первоначальной форме в 1909 году эта сноска начиналась словами: «Мой коллега, доктор Альфред Адлер...» Нынешняя редакция восходит к 1913 году.]

одеянии и читала; я лежал рядом и попросил разрешить мне залезть ей под юбку. Она мне это позволила с условием, что я никому об этом не расскажу. На ней почти ничего не было, и я ощупал ее гениталии и живот, показавшийся мне забавным. С того времени у меня осталось жгучее, мучительное желание видеть женское тело. Я все еще помню, с каким напряжением я ожидал в купальне, куда мне пока еще позволялось ходить вместе с фрейлейн и сестрами, когда фрейлейн раздетой войдет в воду. С шести лет я помню больше. Тогда у нас была другая фрейлейн, тоже юная и красивая. У нее на ягодицах были прыщи, которые она обычно по вечерам выдавливала. Я подкарауливал этот момент, чтобы удовлетворить свое любопытство. Точно так же в купальне, хотя фрейлейн Лина была более скромной, чем ее предшественница. (В ответ на промежуточный вопрос: "Я редко спал в ее комнате, чаще всего — с родителями".) Я помню одну сцену, когда мне было семь лет[1]. Однажды вечером мы сидели все вместе: фрейлейн, кухарка, еще одна девушка, я и мой брат, который младше меня на полтора года. Неожиданно я услышал из разговора девушек, как фрейлейн Лина сказала: «С малышом это уже можно делать, но Пауль (я) слишком неловок, он, конечно же, поедет рядом». Я не понял точно, что имелось в виду, но почувствовал к себе пренебрежение и начал плакать. Лина утешила меня и рассказала, как девушка, которая сделала нечто подобное с мальчиком, вверенным ее попечению, на несколько месяцев заключили в тюрьму. Я не думаю, что она делала со мной что-то нехорошее, но я позволял себе по отношению к ней многие вольности. Когда я забирался в ее постель, то сбрасывал с нее одеяло и прикасался к ней, что она терпеливо сносила. Она была не очень образованной и, видимо, весьма озабоченной сексуально. В 23 года у нее уже был ребенок, за отца которого она вышла замуж позднее, так что сегодня ее зовут госпожа жена надворного советника. Я по-прежнему часто вижу ее на улице».

«Уже с шести лет я страдал от эрекций и знаю, что однажды пришел к маме, чтобы на это пожаловаться. Я также знаю, что должен был при этом преодолевать сомнения, ибо подозревал взаимосвязь с моими представлениями и моим любопытством, и на протяжении какого-то времени имел болезненную идею, что *родители знают о моих мыслях, которую я объяснял себе тем, что я высказывал их, сам того не слыша.* Я усматриваю в этом начало моей болезни.

---

[1] В дальнейшем он допускает вероятность того, что эта сцена произошла на один или на два года позже.

Были люди, девочки, которые мне очень нравились и которых мне необычайно хотелось увидеть голыми. Но всякий раз, когда возникало это желание, я испытывал *зловещее чувство, что, если я буду об этом думать, что-то непременно случится, и поэтому мне приходилось делать разные вещи, чтобы это предотвратить.*

(В качестве образца таких опасений в ответ на мой вопрос он указывает: *«К примеру, умрет мой отец»*.) «Мысли о смерти отца долгое время занимали меня с самого раннего возраста и очень меня угнетали».

По этому поводу я с удивлением узнаю, что отец пациента, с которым связаны его нынешние навязчивые опасения [см. с. 38], умер еще несколько лет назад.

То, что пациент рассказывает на первом сеансе лечения о событиях, происходивших с ним в 6—7-летнем возрасте, является не только, как он думает, началом болезни, но уже и самой болезнью, полновесным неврозом навязчивости, где налицо все существенные элементы, и вместе с тем ядром и прототипом последующего недуга, так сказать, простейшим организмом, изучение которого уже позволяет нам понять условия сложной организации нынешнего заболевания. Мы видим, что ребенок находится во власти одного из компонентов сексуального влечения, удовольствия от разглядывания, результат которого — все снова и снова с большой интенсивностью проявляющееся желание видеть обнаженными лиц женского пола, которые ему нравятся. Это желание соответствует последующей навязчивой идее; если оно пока не имеет навязчивого характера, то это объясняется тем, что «я» еще не противопоставило себя ему полностью, не ощущает его как чужое; однако где-то уже зарождается протест против этого желания, ибо его проявление регулярно сопровождается мучительным аффектом[1]. Очевидно, конфликт имел место в душевной жизни юного сладострастника; рядом с навязчивым желанием находится навязчивое опасение, тесно связанное с желанием: как только он думает о чем-то подобном, он вынужден опасаться, что случится нечто ужасное. Это ужасное уже облачается в характерную неопределенность, которая впредь присутствует во всех проявлениях невроза. Но у ребенка нетрудно выявить, что скрывается за подобной неопределенностью. Если удается найти пример какой-либо общей особенности невроза навязчивос-

[1] Следует напомнить о том, что предпринимались попытки объяснить навязчивые представления без учета аффектов!

ти, то можно не сомневаться, что этот пример и есть то первоначальное и подлинное, которое должно было скрываться за обобщением. Таким образом, навязчивое опасение, восстановленное в своем значении, гласило: «Если мне будет хотеться увидеть обнаженную женщину, то мой отец умрет». Неприятный аффект имеет явный оттенок жуткого, суеверного и уже дает толчок импульсам что-либо сделать, чтобы предотвратить беду, которые проявятся в последующих *защитных мерах*.

Итак: эротическое влечение и протест против него, желание (еще не ставшее навязчивым) и противодействующее ему (уже ставшее навязчивым) опасение, мучительный аффект и стремление к защитным действиям; инвентарный список невроза полон. Более того, имеется еще и нечто другое, своего рода *делирозное*[1] или *бредовое образование* необычного содержания: родители знали его мысли, поскольку он их высказывал, сам того не слыша. Едва ли мы ошибемся, увидев в этой детской попытке объяснения предчувствие тех удивительных душевных процессов, которые мы называем бессознательными и без которых мы не можем обойтись при научном прояснении непонятного положения вещей. «Я высказываю свои мысли, их не слыша» звучит как проекция вовне нашего собственного предположения, что у него есть мысли, о которых он ничего не знает, подобно эндопсихическому восприятию вытесненного.

Итак, мы четко видим: этот элементарный инфантильный невроз уже имеет свою проблему и свою кажущуюся абсурдность, как и любой сложный невроз взрослого человека. Что должно означать, что отец умрет, если у ребенка возникнет сладострастное желание? Является ли это полной бессмыслицей или существуют способы понять эту фразу, осмыслить ее как неизбежный результат прежних событий и предпосылок?

Если мы применим выводы, полученные где-нибудь в другом месте, к этому случаю детского невроза, то мы должны будем предположить, что также и здесь, то есть до шести лет, имели место травматические переживания, конфликты и вытеснения, которые сами подверглись амнезии, но в качестве осадка оставили после себя данное содержание навязчивого опасения. В дальнейшем мы узнаем, насколько для нас возможно вновь отыскать или с некоторой уверенностью сконструировать эти забытые переживания. Между тем в качестве совпадения, которое, вероятно, не может быть безраз-

---

[1] [Здесь и в других местах в этой работе понятие «делирий» употребляется в особом смысле, который разъясняется на с. 84.]

личным, мы хотим еще подчеркнуть, что детская амнезия пациента пришла к своему концу в шесть лет [см. с. 39].

Подобное начало хронического невроза навязчивости в раннем детстве, сопровождающегося сладострастными желаниями, к которым присоединяются зловещие ожидания и склонность к защитным действиям, мне знакомо из многочисленных других случаев. Такое начало типично, хотя, вероятно, оно и не является единственно возможным. Прежде чем мы перейдем к содержанию второго сеанса, еще несколько слов о ранних сексуальных переживаниях пациента. Едва ли можно воспротивиться тому, чтобы охарактеризовать их как необычайно обильные и чреватые последствиями. Но так же обстоит дело и в других случаях невроза навязчивости, которые мне удалось проанализировать. Характерное свойство преждевременной сексуальной активности здесь, в отличие от истерии, постоянно присутствует. Невроз навязчивости гораздо отчетливее, чем истерия, позволяет установить, что факторы, формирующие психоневроз, следует искать не в актуальной, а в инфантильной сексуальной жизни. Нынешняя сексуальная активность больного неврозом навязчивости стороннему наблюдателю может показаться совершенно нормальной; зачастую она обнаруживает намного меньше патогенных моментов и ненормальностей, чем у нашего пациента.

В. Великое навязчивое опасение

«Я думаю начать сегодня с переживания, которое стало для меня непосредственным поводом для того, чтобы к вам обратиться. Дело было в августе во время военных учений в ***. До этого я себя плохо чувствовал и мучил себя всякими навязчивыми мыслями, которые, однако, во время учений вскоре отступили на задний план. Мне хотелось показать кадровым офицерам, что я не только чему-то научился, но и кое-что могу выдержать. Однажды мы выступили в короткий поход из ***. На привале я потерял свое пенсне и, хотя я мог бы легко его найти, я все же не хотел задерживать выступление и от него отказался, но телеграфировал моему оптику в Вену, чтобы он срочно прислал мне замену. На том же привале я присел между двумя офицерами, один из которых, капитан с чешским именем, был для меня значимым человеком. Я даже несколько его побаивался, *ибо он явно получал удовольствие от жестокости*. Я не хочу утверждать, что он был плохим человеком, но за офицерским обедом он постоянно выступал за введение телесных наказаний, из-за чего мне

пришлось ему решительно возразить. Итак, на этом привале между нами завязалась беседа, и капитан сказал, что прочел о совершенно ужасном наказании, применявшемся на Востоке...»

Тут он прерывается, встает с места и просит меня его избавить от описания деталей. Я заверил его, что и сам не склонен к жестокости, безусловно, не хочу его мучить, но, разумеется, не могу подарить ему то, на что не имею права. С таким же успехом он мог бы меня попросить подарить ему две кометы. Преодоление сопротивлений — это требование лечения, с которым мы не можем не считаться. (О понятии «сопротивление» я рассказал в начале этого сеанса, когда он сказал, что должен многое в себе преодолеть, чтобы сообщить о своем переживании.) Я продолжил: «Но что я мог бы сделать, чтобы догадаться о том, на что вы намекнули. Быть может, вы имеете в виду сажание на кол?» — «Нет, неверно: преступника связывали (он выражался настолько невразумительно, что я не смог сразу догадаться, в какой позе), его ягодицы накрывали горшком, а затем в него запускали *крыс*, которые... — он опять встал, выказывая все признаки ужаса и сопротивления, — *пробуравливались*». «В задний проход», — посмел я дополнить.

Во всех более важных местах рассказа можно было заметить, что его лицо принимало весьма необычное смешанное выражение, которое я могу истолковать только как *ужас от своего собственного неизвестного ему удовольствия*. Он с превеликим трудом продолжает: «В этот момент меня озаряет *представление, что это происходит с неким дорогим мне человеком*»[1]. На прямой вопрос он сообщает, что не он сам осуществляет это наказание, а что оно осуществляется обезличенно. После непродолжительного угадывания я узнаю, что человеком, к которому относилось то «представление», была уважаемая им дама.

Он прерывает свой рассказ, чтобы убедить меня в том, сколь чужды и неприятны ему эти мысли и с какой необычайной стремительностью проносится в его голове все, что с ними связывается. Одновременно с мыслью всегда тут как тут «санкция», то есть защитная мера, которой он должен следовать, чтобы не осуществить такую фантазию. Когда капитан говорил о том чудовищном наказании и у него возникали те мысли, ему еще удавалось защититься от них *обеих* с помощью своих привычных формул, с помощью «но»,

---

[1] Он говорит «представление»; более сильное и важное обозначение — «желание» или «опасение», — очевидно скрыто цензурой. Своеобразную неопределенность всех его речей, к сожалению, я воспроизвести не могу.

сопровождавшимся пренебрежительным движением рукой, и с помощью фразы «Что это тебе приходит в голову?» [Ср. с. 85.]

Употребление множественного числа меня озадачило, как, должно быть, остается непонятным и для читателя. Ведь до сих пор мы слышали лишь об одной идее — о наказании крысами, которому подвергается дама. Теперь он вынужден признать, что одновременно у него возникала и другая мысль — наказание касается и его отца. Поскольку его отец давно умер, это навязчивое опасение было еще намного бессмысленнее, чем первое, и еще какое-то время пыталось скрываться.

Следующим вечером тот же капитан вручил ему пришедшую по почте посылку и сказал: «Обер-лейтенант А.[1] оплатил за тебя почтовое отправление. Ты должен ему вернуть деньги». В посылке находилось заказанное по телеграфу пенсне. И в этот момент у него оформилась «санкция»: *если не вернуть деньги*, то это случится (то есть фантазия о крысах осуществится в отношении отца и дамы). И тут же для предотвращения этой санкции по известному ему типу возникло приказание, похожее на присягу: *«Ты должен вернуть оберлейтенанту А. 3,80 кроны»*, которое он произнес чуть ли не вполголоса.

Через два дня военные учения подошли к концу. Все это время он пытался вернуть обер-лейтенанту А. небольшую сумму, чему препятствовали все новые сложности на первый взгляд *объективной* природы. Сначала он пытался уплатить деньги через другого офицера, который пошел на почту, но когда тот вернул ему деньги, объяснив, что не застал обер-лейтенанта А. на почте, очень обрадовался, ибо этот способ исполнения клятвы его не удовлетворял, поскольку не соответствовал ее дословному тексту: «*Ты* должен возвратить деньги обер-лейтенанту А.» Наконец он встретил нужного ему обер-лейтенанта А., который, однако, отказался принять деньги, заявив, что ничего за него не платил и что вообще почту получает не он, а обер-лейтенант Б. Он был очень расстроен из-за того, что не может сдержать свою клятву, потому что ее предпосылка была ошибочна, и придумал весьма необычный выход из положения: он пойдет с обоими господами на почту, там А. даст почтовой служащей 3,80 кроны, она отдаст их Б., а он затем в соответствии с дословным текстом клятвы вернет А. 3,80 кроны.

Я не удивлюсь, если в этом месте читатель утратит свою способность к пониманию, ибо даже подробное описание внешних собы-

---

[1] Имена здесь особого значения не имеют.

тий этих дней и своих реакций на них, которое дал мне пациент, страдало внутренними противоречиями и выглядело ужасно запутанным. Только после того как он рассказал эту историю в третий раз, мне удалось донести до него эти неясности и обнаружить ошибки памяти и смещения, которые он совершал. Я избавлю себя от воспроизведения этих деталей, самое основное из которых мы сможем вскоре наверстать, и только замечу, что в конце этого второго сеанса он вел себя так, словно был не в себе и спутан. Он неоднократно называл меня «господин капитан», вероятно, потому, что в начале сеанса я ему сказал, что сам я не такой жестокий, как капитан М., и не имею намерения его понапрасну мучить.

Во время этого сеанса я получил от него только еще одно разъяснение: с самого начала всякий раз, когда у него возникало беспокойство, что с дорогими ему людьми что-то случится, он переносил это наказание не только в настоящее, но и в вечность, в потусторонний мир. До 14 или до 15 лет он был очень набожным, но с тех пор прошел путь развития до своего нынешнего вольномыслия. Он улаживал противоречие, говоря себе: «Что ты знаешь о жизни в потустороннем мире? Что знают о ней другие? Ведь о ней ничего не известно, ты ничем не рискуешь, а потому делай это». Это умозаключение столь проницательный в остальных отношениях человек считает безупречным и использует ненадежность разума в данном вопросе в пользу преодоленного религиозного мировоззрения.

На третьем сеансе он заканчивает весьма характерную историю своих попыток исполнить навязчивую клятву. Вечером состоялось последнее собрание офицеров перед завершением военных учений. Ему выпало произнести тост от «господ из запаса». Он говорил хорошо, но словно сомнамбула, ибо на заднем плане его беспрестанно мучила мысль о своей клятве. Он провел ужасную ночь; аргументы и контраргументы боролись между собой; главный аргумент, разумеется, состоял в том, что предпосылка, на которой основывалась его клятва: обер-лейтенант А. заплатил за него деньги, — была неверной. Но он утешал себя тем, что еще не все потеряно, поскольку А. проедет верхом вместе с ним часть пути до железнодорожной станции П.[1], так что у него еще будет время попросить его об одолжении[2]. Он этого не сделал, позволил А. отъехать, но дал своему

---

[1] [Из оригинальных записей Фрейда (1955*a*) вытекает, что речь шла о городе Пршемысль.]

[2] [Возможно, этот абзац читателю будет проще понять, если он обратится к схеме на с. 77.]

денщику поручение оповестить его о своем визите после полудня. Сам он добрался до станции в 9.30 утра, отдал свой багаж, сделал в небольшом городке всякого рода покупки и намеревался затем нанести визит А. Деревня, в которой располагался А., находилась примерно в часе езды от города П. Поездка по железной дороге к месту [Ц.], где находилась почтовое отделение, заняла бы три часа; стало быть, думал он, после выполнения своего сложного плана еще можно было бы попасть в Вену отходящим из П. вечерним поездом. Мысли, которые боролись между собой, с одной стороны, гласили: он просто боится, явно хочет избавить себя от неудобства попросить у А. об этой услуге и предстать перед ним дураком и поэтому отказывается от своей клятвы; с другой стороны: наоборот будет трусостью, если он исполнит клятву, поскольку он хочет этим лишь добиться того, чтобы навязчивые представления оставили его в покое. Когда в ходе размышления аргументы уравновешивали друг друга, он обычно позволял распоряжаться собой случайным событиям, словно Божьим решениям. Поэтому, когда носильщик на станции его спросил: «Вы на десятичасовой поезд, господин лейтенант?», он сказал: «Да», отъехал в 10 часов и, таким образом, создал *fait accompli*[1], принесший ему огромное облегчение. У проводника вагона-ресторана он получил талон на право пользования *table d'hôte*[2]. На первой станции ему вдруг пришла в голову мысль, что он еще может выйти, дождаться обратного поезда, поехать на нем в П., оттуда в местечко, где находился обер-лейтенант А., затем вместе с ним предпринять трехчасовую поездку по железной дороге на почту и т. д. И только мысль о заказе, который он сделал официанту, удержала его от осуществления этого замысла; но он не отказался от него, а решил высадиться на следующей остановке. Так он пропускал станцию за станцией, пока не доехал до места, где выйти из поезда он счел невозможным, поскольку там у него были родственники, и решил ехать в Вену, там разыскать своего друга, рассказать ему о своей проблеме и после его решения ночным поездом вернуться в П. В ответ на мое сомнение, действительно ли все сходилось, он заверил меня, что между прибытием одного поезда и отправлением другого у него было бы полчаса свободного времени. Однако прибыв в Вену, он не застал своего друга в гостинице, где ожидал его встретить, только в 11 часов вечера попал в квартиру своего друга и еще ночью рассказал ему о своей проблеме. Друг всплес-

[1] [Совершившийся факт (фр.). — *Примечание переводчика.*]
[2] [Общий стол, табльдот (фр.). — *Примечание переводчика.*]

нул руками от удивления, что тот может еще сомневаться, не было ли это навязчивым представлением, успокоил его на эту ночь, благодаря чему тот хорошо выспался, а утром пошел с ним на почту, чтобы отправить 3,80 кроны на адрес почтового отделения [Ц.], куда поступила посылка с пенсне.

Последнее сообщение послужило мне отправной точкой, чтобы распутать искажения в его рассказе. Если он, образумленный другом, отправил небольшую сумму не обер-лейтенанту А. и не обер-лейтенанту Б., а прямо на почту, то он обязан был знать и еще при своем отъезде знал, что за посылку наложенным платежом оставался должным *только почтовой служащей*. Оказалось, что он действительно это знал еще до напоминания капитана и до своей клятвы, ибо теперь он вспомнил, что за несколько часов до встречи с жестоким капитаном был представлен другому капитану, который сообщил ему, как все было на самом деле. Услышав его имя, этот офицер ему сказал, что недавно был на почте, и *почтовая служащая* его спросила, не знает ли он лейтенанта Л. (то есть нашего пациента), которому пришла посылка наложенным платежом. Офицер ответил, что такого не знает, но девушка сказала, что доверяет неизвестному лейтенанту и внесет взнос сама. Так наш пациент стал обладать заказанным им пенсне. Жестокий капитан ошибся, когда, вручая ему посылку, попросил вернуть 3,80 кроны А. Наш пациент должен был знать, что это ошибка. Тем не менее он дал основанную на этой ошибке клятву, которая принесла ему столько мучений. При этом он скрыл от себя и при рассказе также и от меня эпизод с другим капитаном и существование доверчивой почтовой служащей. Признаюсь, что после этого уточнения его поведение становится еще более бессмысленным и непонятным, чем прежде.

После того как он покинул своего друга и вернулся в семью, его снова стали одолевать сомнения. Аргументы его друга ничем не отличались от его собственных, и он не заблуждался на счет того, что временное успокоение нужно было объяснить личным влиянием его друга. Решение посетить врача следующим искусным способом было вплетено в делирий. Он получит от врача справку о том, что действие, которое он задумал осуществить с обер-лейтенантом А., необходимо ему для выздоровления, и эта справка, несомненно, заставит того принять от него 3,80 кроны. Случай, что именно тогда ему в руки попалась одна моя книга, обратил его выбор на меня. Но со мной об этой справке речь не зашла, он весьма разумно попросил лишь о том, чтобы избавить его от навязчивых представлений. Спустя много месяцев на пике сопротивления однажды снова появи-

лось искушение отправиться в П., разыскать обер-лейтенанта А. и вместе с ним исполнить комедию возвращения денег.

Г. Ознакомление с принципами лечения

Не ожидайте вскоре услышать, какие я привел доводы для разъяснения этих странных и бессмысленных навязчивых представлений (о крысах); правильная психоаналитическая техника велит врачу подавить свое любопытство и предоставить пациенту свободно распоряжаться очередностью тем в работе. Поэтому на четвертом сеансе я встретил пациента вопросом: «Как вы теперь продолжите?»

«Я решил рассказать вам о том, что я считаю очень важным и что меня с самого начала мучает». Он очень подробно рассказывает мне историю болезни своего отца, который девять лет назад умер от эмфиземы. Однажды вечером, полагая, что его состояние критическое, он спросил врача, когда можно будет считать, что опасность миновала. Ответ гласил: «Послезавтра вечером». Ему не приходило в голову, что отец мог не дожить до этого срока. В полдвенадцатого ночи он на один час прилег, а когда в час ночи проснулся, узнал от приятеля, врача по профессии, что отец умер. Он упрекал себя за то, что не присутствовал при смерти отца, и эти упреки усилились, когда сиделка сообщила, что отец в последние дни однажды назвал его имя, а когда она к нему подошла, спросил: «Вы Пауль?» Ему казалось, что мать и сестры склонны точно так же себя упрекать, но они об этом не говорили. Тем не менее этот упрек вначале не был мучительным; долгое время он не сознавал факт его смерти; снова и снова с ним случалось так, что, когда он слышал хорошую остроту, он себе говорил: «Надо рассказать это отцу». Также и его фантазия была занята отцом, поэтому часто, когда раздавался стук в дверь, он думал: «Сейчас войдет отец», а когда входил в комнату, ожидал застать в ней отца, и хотя он никогда не забывал про факт его смерти, ожидание такого явления призрака ничуть его не пугало, — наоборот, для него это было чем-то очень желанным. И только через полтора года пробудилось воспоминание о своем упущении, которое начало его беспрестанно мучить, и поэтому он стал относиться к себе как к преступнику. Поводом послужила смерть его неродной тети и его визит в наполненный скорбью дом. С тех пор он распространил свою систему мыслей на потусторонний мир. Ближайшим следствием этого пароксизма явилась серьезная потеря трудоспособно-

сти[1]. Поскольку он рассказывает, что его поддерживали тогда только утешения друга, который всегда отметал эти упреки как непомерно преувеличенные, я пользуюсь этим поводом, чтобы впервые ознакомить его с предпосылками психоаналитической терапии. Если имеется мезальянс между содержанием представления и аффектом, то есть между величиной упрека и поводом для него, то дилетант сказал бы, что аффект чрезмерен для повода, то есть преувеличен, стало быть, выведенное из упрека заключение, что пациент — преступник, является ложным. Врач, напротив, скажет: «Нет, аффект оправдан, сознание вины нельзя дальше критиковать, но оно относится к другому содержанию, которое неизвестно *(бессознательно)* и которое сначала требуется отыскать. Известное содержание представления попало сюда лишь благодаря ошибочному соединению. Но мы не привыкли ощущать в себе сильные аффекты без содержания представления, а потому при отсутствии содержания в качестве суррогата принимаем какое-нибудь подходящее другое, как, скажем, наша полиция, которая, если не может поймать настоящего убийцу, арестовывает вместо него кого-нибудь невиновного. Фактом ошибочного соединения объясняется также бессилие логической работы в борьбе с мучительным представлением». В заключение я признаюсь, что из этого нового понимания прежде всего возникают непростые загадки, ибо как он должен обосновать свой упрек, что по отношению к отцу он преступник, если все-таки знает, что в сущности никогда чего-либо преступного против него не совершал.

Затем на следующем сеансе он проявляет большой интерес к моим объяснениям, но позволяет себе выразить некоторое сомнение: «Разве может иметь целебное действие сообщение о том, что упрек, сознание вины обоснованы?» — «Нет, действует не это сообщение, а нахождение неизвестного содержания, к которому относится упрек». — «Да, именно с этим я и связываю свой вопрос». — Я вкратце объясняю мои сведения о психологических *различиях между бессознательным и сознательным*, об изнашивании, которому подвергается все сознательное, тогда как бессознательное остается относительно неизменным, указав на выставленные в моей комна-

---

[1] Понимание этого воздействия появляется позднее из более детального описания повода. Овдовевший дядя сокрушаясь воскликнул: «Другие мужчины позволяют себе все на свете, а я жил только для этой женщины!» Наш пациент воспринял это так, что дядя намекает на отца и подозревает его в супружеской неверности, и хотя дядя самым решительным образом оспаривал подобное истолкование его слов, устранить их воздействие уже было нельзя.

те антикварные вещи. «Это, собственно говоря, лишь погребения; то, что они оказались засыпанными, как раз их и сохранило. Помпею разрушили только теперь, после того как ее обнаружили». — «Есть ли гарантия того, — задает он следующий вопрос, — как человек отнесется к найденному?» Один, как он думает, поведет себя так, что, наверное, преодолеет упрек, а другой — не преодолеет. — «Нет, в самой природе вещей заложено то, что аффект в любом случае преодолевается, чаще всего уже во время работы. Помпею-то то как раз пытаются спасти, а от таких мучительных мыслей хотят избавиться». — Он считает, что упрек может возникнуть лишь при нарушении собственных нравственных законов, но не внешних. (Я подтверждаю: кто просто нарушает внешний закон, тот нередко чувствует себя даже героем.) Стало быть, такой процесс возможен только при *распаде личности*, который имелся с самого начала. Обретет ли он снова целостность личности? В этом случае он отважится многое совершить, возможно, больше, чем другие. — В ответ я сказал, что полностью согласен с ним по поводу расщепления личности; ему только нужно соединить это новое противопоставление между нравственным человеком и порочным с прежним противопоставлением — между сознательным и бессознательным. Нравственный человек — это сознательное, порочное — бессознательное[1]. Он может вспомнить, что он, хотя и считает себя нравственным человеком, в своем *детстве*, совершенно определенно, делал вещи, которые исходили от другого человека. — Я думаю, что он между делом раскрыл основную характеристику бессознательного — его связь *с инфантильным*. Бессознательное и есть инфантильное, а именно та часть личности, которая в свое время от нее отделилась, не участвовала в дальнейшем развитии и поэтому была *вытеснена*. Потомки этого вытесненного бессознательного являются элементами, поддерживающими непроизвольное мышление, в котором и состоит его недуг. Теперь он может открыть еще одну характеристику бессознательного; я охотно готов это ему уступить. — Ничего другого он непосредственно не находит, но зато высказывает сомнение, можно ли устранить так долго существующие изменения. Что, в частности, можно сделать с его идеей о потустороннем мире, которую все же не удается опровергнуть логически? — Я не оспариваю тяжесть его заболевания и значение его построений, но его возраст очень благоприятен, благоприятно и то, что его личность сохранна,

---

[1] Хотя все это верно лишь в самых общих чертах, на первых порах для ознакомления этого достаточно.

при этом я высказываю о нем уважительное суждение, которое его явно радует.

Следующий сеанс он начинает словами, что должен поведать о неких фактических событиях из своего детства. С семи лет, как он уже говорил [с. 40], он боялся, что родители догадываются о его мыслях, и, в сущности, этот страх сохранялся у него всю последующую жизнь. В двенадцать лет он полюбил маленькую девочку, сестру своего друга (в ответ на мой вопрос: не чувственно, он не хотел видеть ее обнаженной, она была слишком маленькой), которая, однако, не была с ним столь нежной, как ему бы того хотелось. И тут ему пришла мысль, что она будет с ним ласковой, если его постигнет несчастье; в качестве такового невольно возникла мысль о смерти отца. Он тут же энергично отверг эту идею, он и сейчас защищается от возможности того, что мог таким образом выразить некое «желание». Это была разве что «мыслительная связь»[1]. — Я возражаю: «Если это не было желанием, отчего такое сопротивление?» — «Только из-за содержания представления, что отец может умереть». Я: он произносит эти слова так, словно они оскорбляют величество; при этом, как известно, того кто скажет: «Император — осел», точно так же накажут и в том случае, если он облачит эту предосудительную мысль в слова: «Если кто-нибудь скажет... то он будет иметь дело со мной». Для содержания представления, которое он так отвергал, я мог бы сразу найти взаимосвязь, которая исключила бы это сопротивления; к примеру: «Если мой отец умрет, я убью себя на его могиле». — Он потрясен, но не отказывается от своего возражения, поэтому я прерываю спор замечанием, что идея о смерти отца все же возникла здесь не впервые; очевидно, она происходит из более раннего времени, и когда-нибудь мы должны будем проследить ее возникновение. — Далее он рассказывает, что во второй раз точно такая же мысль, словно молния, промелькнула у него за полгода до смерти отца. Он уже был влюблен в ту даму[2], но из-за материальных трудностей не мог помышлять о соединении с ней. И тут появилась мысль: *«Когда отец умрет, он, пожалуй, настолько разбогатеет, что сможет жениться»*. В своей защите он зашел тогда так далеко, что пожелал, чтобы отец вообще ничего не оставил и тем самым не было выгоды, которая компенсировала бы

[1] Такими словесными послаблениями удовлетворяется не только больной неврозом навязчивости.

[2] Десять лет назад!

эту ужасную для него потерю. В третий раз та же самая мысль, но очень смягченная, у него появилась за день до смерти отца. Он подумал: «Сейчас я могу потерять самого любимого для меня человека», и тут же возникло возражение: «Нет, есть еще один человек, утрата которого была бы для тебя еще болезненней»[1]. Он очень удивлен этим мыслям, поскольку совершенно уверен, что смерть отца никогда не могла быть предметом его желания, она была только предметом его опасений. — После этих слов, произнесенных со всей убедительностью, я считаю целесообразным изложить ему новую частицу теории. Теория утверждает, что такая тревога соответствует прежнему, ныне вытесненному *желанию*, а потому следует предположить нечто прямо противоположное его заверению. Это также согласуется с требованием рассматривать бессознательное как контрадикторную противоположность сознательного. Он очень взволнован, очень недоверчив и удивляется, как у него могло возникнуть это желание, ведь отец был для него самым любимым человеком на свете. Не подлежит сомнению, что он отказался бы от любого личного счастья, если бы этим мог спасти жизнь отца. Я отвечаю, что именно такая сильная любовь является условием вытесненной ненависти. В отношении безразличных ему людей он наверняка легко может находить мотивы для умеренной симпатии и такой же антипатии, если, скажем, является служащим и рассуждает о своем начальнике, что тот приятный руководитель, но придирчивый юрист и бесчеловечный судья. Ведь то же самое говорит Брут о Цезаре у Шекспира ([«Юлий Цезарь»] III, 2): «Цезарь любил меня, и я его оплакиваю; он был удачлив, и я радовался этому; за доблести я чтил его; но он был властолюбив, и я убил его»[2]. И эти слова уже кажутся необычными, потому что мы сильнее представили себе чувства Брута к Цезарю. Если бы речь шла о человеке, который ему более близок, скажем, о его жене, он стремился бы иметь целостное ощущение и поэтому, как это присуще всем людям, пренебрегал бы ее недостатками, способными вызвать у него неприязнь, не замечал бы их, словно слепой. Стало быть, именно большая любовь не допускает, чтобы ненависть (если карикатурно ее так обозначить), которая, пожалуй, должна иметь некий источник, оставалась сознательной. Проблема, однако, заключается в том, откуда происходит эта ненависть; его высказывания указывали на период времени,

---

[1] Здесь явно дает о себе знать противопоставление двух любимых людей, отца и «дамы».

[2] [Перевод М. Зенкевича.]

когда он боялся, что родители догадываются о его мыслях. С другой стороны, можно было бы также спросить, почему большая любовь не смогла погасить ненависть, как это обычно бывает при столкновении противоположных импульсов. Можно только предположить, что ненависть связана с неким источником, неким поводом, что и делает ее несокрушимой. Стало быть, с одной стороны, такая взаимосвязь защищает ненависть к отцу от разрушения, с другой стороны, большая любовь препятствует ее сознанию, поэтому ей ничего не остается, как существовать в бессознательном, откуда в отдельные моменты она все-таки может на мгновение протискиваться вперед.

Он признает, что все это звучит вполне убедительно, но, разумеется, он нисколько не убежден[1]. Ему хочется задать один вопрос: как получается, что такая идея может делать паузы, в двенадцать лет появляется на какой-то момент, затем в двадцать лет снова, а через два года опять, чтобы с тех пор закрепиться. Он все же не может поверить, чтобы враждебность тем временем исчезала, и вместе с тем в этих паузах не было ничего от упреков. Я в ответ: «Когда кто-нибудь задает вопрос таким образом, у него уже готов и ответ. Ему нужно лишь дать договорить». Он продолжает, внешне несколько отклоняясь от темы: он был лучшим другом отцу, а отец — ему; за исключением нескольких областей, в которых отец и сын обычно друг друга избегают (что он имеет в виду?), между ними была большая близость, чем теперь у него со своим лучшим другом. Ту даму, ради которой он пренебрег в мыслях отцом, он хотя и любил, но, собственно говоря, по отношению к ней у него никогда не возбуждались чувственные желания, которыми было наполнено его детство; и вообще в детстве его чувственные побуждения были намного сильнее, чем в пубертатном возрасте. — Я полагаю, что теперь он дал ответ, которого мы ждали, и одновременно обнаружил третью важную особенность бессознательного [ср. с. 52]. Источник, из которого враждебность к отцу черпает свою несокрушимость, очевидно, имеет природу *чувственных вожделений*, при этом он воспринимал отца в некотором смысле как *помеху*. Такой конфликт между чувственностью и детской любовью совершенно типичен. Паузы

---

[1] Цель подобных дискуссий никогда не заключается в том, чтобы убедить. Они только должны ввести вытесненные комплексы в сознание, завязать спор по их поводу на почве сознательной душевной деятельности и облегчить появление нового материала из бессознательного. Убеждение возникает только после переработки больным заново полученного материала, и покуда оно является шатким, материал нельзя расценивать как исчерпанный.

возникали у него потому, что вследствие преждевременного взрыва его чувственности затем произошло их значительное ослабление. Лишь после того как у него снова возникли интенсивные чувства влюбленности, в аналогичных ситуациях у него опять появлялась эта враждебность. Впрочем, я заручаюсь его подтверждением, что не я вывел его на сексуальную и на инфантильную тему, — он самостоятельно пришел к ним обеим. — Дальше он спрашивает, почему в период влюбленности в даму он не вынес решения, что помеха этой любви со стороны отца не должна влиять на его любовь к нему. Я ответил: «Вряд ли можно кого-то убить *in absentia*[1]. Чтобы сделать возможным такое решение, оспариваемое желание должно было бы возникнуть тогда у него впервые; но это было *давно вытесненное* желание, по отношению к которому он не мог вести себя иначе, чем прежде, и которое поэтому избегало уничтожения. Желание (устранить отца как помеху), видимо, возникло в те времена, когда обстоятельства были совершенно иными; скажем, тогда он любил отца не сильнее, чем человека, к которому испытывал чувственное вожделение, или он не был способен принять четкое решение, то есть в очень раннем детстве, до шести лет, и оно сохранилось таковым на все времена. — На этой конструкции объяснение временно заканчивается. [Ср. с. 71.]

На следующем, седьмом, сеансе он продолжает эту же тему. Он не может поверить, что имел такое желание в отношении отца. Он вспоминает новеллу Зудерманна [«Брат и сестра»], произведшую на него глубокое впечатление, в которой женщина, сидящая возле постели больной сестры, желает ей смерти, чтобы выйти замуж за ее мужа. Затем она себя убивает, потому что после такой низости не заслуживает того, чтобы жить. Он это понимает, и ему будет поделом, если он погибнет от своих мыслей, ибо ничего другого он не заслуживает[2]. Я замечаю: нам хорошо известно, что больным их недуг доставляет некоторое удовлетворение, а потому все они, в сущности, отчасти противятся выздоровлению. Ему нельзя упускать из виду, что лечение, подобное нашему, происходит при *постоянном сопротивлении;* я снова и снова буду ему об этом напоминать.

---

[1] [В отсутствие (лат.). — *Примечание переводчика*.]

[2] Это сознание своей виновности самым явным образом противоречит его первоначальному «*Нет*, я никогда не желал отцу ничего дурного». Часто встречающимся типом реакции на вытесненное, которое стало известным, является то, что за первым отрицающим «нет» тотчас следует вначале косвенное подтверждение.

Он хочет теперь рассказать о преступном поступке, в котором себе не признается, но которое совершенно определенно помнит. Он цитирует слова Ницше: *«"Я это сделал", — говорит моя память. "Ты не мог этого сделать", — говорит моя гордость и остается непреклонной. В конце концов память уступает»*[1]. «Тут, стало быть, моя память не уступила». — «Именно потому, что в наказание себя вы извлекаете удовольствие из своих упреков». — «С моим младшим братом — сейчас я действительно к нему хорошо отношусь, хотя он доставляет мне большое беспокойство, собираясь заключить брак, который я считаю нелепостью; у меня даже уже была идея поехать туда и убить эту персону, чтобы он не мог на ней жениться, — так вот, с братом в детстве я часто дрался. Вместе с тем мы очень любили друг друга и были неразлучны, но мною владела ревность, ибо он был сильнее и красивее, а потому любимее». — «Да, вы уже рассказывали о такой сцене ревности с фрейлейн Линой» [с. 40]. — «Итак, после одного такого повода — мне точно не было тогда восьми лет, ибо я еще не учился в школе, в которую стал ходить с восьми — я сделал следующее. У нас были игрушечные ружья определенной конструкции; я зарядил свое шомполом, сказал ему, что, если он будет смотреть в ствол, то что-то увидит, и пока он смотрел, я спустил курок. Его ударило в лоб, и с ним ничего не случилось, но моим желанием было сделать ему очень больно. После этого я был совершенно не в себе, бросился на пол и себя спрашивал: "Как я только мог такое сделать?" — Но я это сделал». Я воспользовался поводом, чтобы настоять на своем. Если он сохранил воспоминание о столь чуждом для себя поступке, то он не может отрицать возможность того, что в еще более раннем возрасте произошло нечто подобное, связанное с его отцом, о чем он сегодня уже не помнит. — Он знает о других импульсах мстительности в отношении той дамы, которую он так почитает и чей характер он описывает с таким восхищением. Наверное, ей нелегко полюбить, она хранит всю себя для того, кому однажды будет принадлежать; его она не любит. Когда он убедился в этом, у него сформировалась сознательная фантазия о том, как он разбогатеет, женится на другой, а потом нанесет ей визит вместе с дамой, чтобы сделать ей больно. Но тут фантазия ему отказала, ибо ему пришлось признаться себе, что к другой женщине, жене, он совершенно равнодушен, его мысли спутались и в конце ему стало ясно, что эта другая женщина должна умереть. Также и в этой фантазии, как в диверсии против брата, он видит проявление *малодушия*,

[1] «По ту сторону добра и зла», IV, 68.

которое его так ужасает[1]. — В дальнейшей нашей беседе я выставляю как довод, что он по логике вещей должен объявить себя совершенно не ответственным за все эти черты характера, ибо все эти предосудительные побуждения происходили из детской жизни, соответствуют производным детского характера, продолжающим жить в бессознательном, а он все-таки знает, что нравственная ответственность не может относиться к ребенку. Из суммы задатков ребенка нравственный человек появляется только в процессе развития[2]. Но он выражает сомнение, что все его дурные побуждения имеют это происхождение. Я обещаю ему это доказать в ходе лечения.

Он добавляет, что после смерти отца болезнь чрезвычайно усилилась, и я признаю его правоту, поскольку считаю печаль из-за смерти отца главным источником интенсивности болезни. Печаль словно нашла патологическое выражение в болезни. Если обычная печаль длится от одного до двух лет, то патологическая, как у него, в своей продолжительности не ограничена.

Вот и все, что я могу подробно и последовательно сообщить об истории болезни. Это примерно совпадает с изложением продолжающегося более одиннадцати месяцев лечения.

Д. Некоторые навязчивые представления и их перевод

Как известно, навязчивые представления кажутся либо немотивированными, либо бессмысленными, в точности как содержание наших ночных сновидений, и первоочередная задача, которую они ставят, сводится к тому, чтобы выявить их смысл и опору в душевной жизни человека и тем самым сделать их понятными, более того, само собой разумеющимися. Выполняя эту задачу перевода, никогда нельзя дать себя смутить ее кажущейся неразрешимостью; самые несуразные и странные навязчивые идеи можно разгадать при надлежащем углубленном исследовании. Но ее удается решить, если навязчивые идеи ввести во временную взаимосвязь с переживанием

---

[1] Что в дальнейшем должно найти свое объяснение [см. с. 72].

[2] Я привожу эти аргументы лишь для того, чтобы снова еще раз удостовериться, насколько они бессильны. Я недоумеваю, когда другие психотерапевты сообщают, что они успешно борются с неврозами с помощью такого оружия.

пациента, то есть если исследовать, когда отдельная навязчивая идея появилась впервые и при каких внешних обстоятельствах она обычно повторяется. В случае навязчивых идей, которые, как это часто бывает, не закрепились надолго, соответственно упрощается и задача по их разрешению. Можно без труда убедиться, что после выявления взаимосвязи между навязчивой идеей и переживанием больного становится легкодоступным для нашего понимания все остальное загадочное и достойное изучения в патологическом образовании, его значение, механизм его возникновения, его происхождение из крайне важных психических сил влечения.

Я начну с одного особенно прозрачного примера столь часто встречавшегося у нашего пациента *импульса к самоубийству*, который в ходе изложения анализируется чуть ли не сам собой. Из-за отсутствия своей дамы, которая уехала ухаживать за своей тяжелобольной бабушкой, пациент на несколько недель погрузился в учебу. И тут в разгар самой усердной учебы ему пришла в голову мысль: «С распоряжением сдать экзамены в первый возможный срок в семестре еще можно смириться. Но как быть, если тебе прикажут перерезать себе горло бритвой?» Он тут же почувствовал, что это распоряжение уже отдано, поспешил к шкафу, чтобы взять бритву, и вдруг его осенило: «Нет, все не так просто, ты должен[1] поехать туда и убить старуху». Тут он упал на пол от ужаса.

Связь этой навязчивой идеи с жизнью содержится здесь в самом начале рассказа. Его дама отсутствовала, в то время как он напряженно готовился к экзамену, чтобы иметь возможность скорее с нею соединиться. И тут во время учебы его охватила тоска по отсутствующей и мысль о причине ее отсутствия. Затем возникло нечто, что у нормального человека было бы импульсом недовольства по отношению к бабушке: «И надо было старухе заболеть именно сейчас, когда я так ужасно по *ней* тоскую!» Нечто подобное, но в гораздо более интенсивное, нужно предположить и в отношении нашего пациента — бессознательный приступ ярости, который одновременно с тоской мог бы облачиться в возглас: «О! Мне хочется поехать туда и убить старуху, укравшую у меня мою любимую!» За этим следует распоряжение: «Убей самого себя в наказание за такие злобные и кровожадные желания!», — и весь процесс, сопровождаемый сильнейшим аффектом, *в обратной последовательности* попадает в сознание больного неврозом навязчивости: сначала требование наказания, в конце — упоминание о наказуемом желании. Не думаю,

[1] Я здесь добавляю: «Сперва».

что эта попытка объяснения может показаться натянутой или что она содержит много гипотетических элементов.

Другой, более стойкий импульс, так сказать, к косвенному самоубийству объяснить было не так просто, поскольку его отношение к переживанию могло скрываться за одной из внешних ассоциаций, которые нашему сознанию кажутся предосудительными. Однажды, когда он отдыхал летом за городом, у него вдруг возникла идея, что он слишком толстый [dick] и ему надобно *похудеть*. Тогда он начал вставать из-за стола еще до подачи десерта, под палящими лучами августовского солнца без шляпы несся по улице, а затем беглым шагом взбирался в горы, пока, наконец, взмокнув от пота, не останавливался в изнеможении. За этой манией похудания однажды также открыто проявилось суицидальное намерение, когда на краю крутого обрыва для него раздалось требование прыгнуть вниз, что означало бы верную смерть. Понять это бессмысленное навязчивое действие нашему пациенту удалось только после того, как его неожиданно осенило, что в то время за городом отдыхала также и возлюбленная дама, но в сопровождении английского кузена, который за ней увивался и к которому он очень ревновал. Кузена звали Ричардом, и, как это повсеместно принято в Англии, его называли *Дик*. Этого Дика ему хотелось убить, он испытывал к нему гораздо большую ревность и ярость, чем мог себе в этом признаться, и поэтому наложил на себя наказание в виде мучений, доставляемых тем лечением от тучности. Как бы внешне ни отличался этот навязчивый импульс от прежнего прямого повеления к самоубийству, их объединяет одна важная черта — их возникновение как реакция на сильнейшую, не подвластную сознанию ярость по отношению к человеку, который выступает помехой любви[1].

Другие навязчивые представления, опять-таки ориентированные на возлюбленную, все же позволяют распознать другой механизм и другое происхождение от влечения. Во время пребывания его дамы в его загородном доме помимо той мании похудания он продуцировал целый ряд навязчивых действий, которые по меньшей мере отчасти непосредственно относились к ее персоне. Од-

---

[1] Использование имен и слов для создания связи между бессознательными мыслями (побуждениями, фантазиями) и симптомами при неврозе навязчивости случается далеко не так часто и бесцеремонно, как при истерии. Однако как раз в связи с именем Ричард мне вспоминается пример из давно проведенного анализа другого больного. После ссоры со своим братом он начал размышлять, как ему избавиться от своего богатства, ему не хочется больше иметь никаких дел с деньгами и т. д. Его брата звали Ришар (*richard* по-французски: *богач*).

нажды, когда он с ней катался на корабле и подул сильный ветер, он заставил ее надеть свой берет, поскольку у него возникло повеление: *с ней ничего не должно случиться*[1]. Это была своего рода *навязчивая защита*, которая имела и другие проявления. В другой раз, когда они попали в грозу, он испытал принуждение, не находя ему никакого объяснения, в промежутке между молнией и громом *считать* до сорока или до пятидесяти. В день ее отъезда он споткнулся о лежащий на дороге камень, и он *должен был* убрать его на обочину, потому что у него возникла идея, что через несколько часов ее карета поедет по той же дороге и, наехав на этот камень, может получить повреждения. Но через несколько минут его осенило, что это — бессмыслица, и теперь он *должен был* вернуться и положить камень на его прежнее место посередине дороги. После ее отъезда им овладело *навязчивое понимание*, которое сделало его невыносимым для всех окружающих. Ему требовалось точно понимать каждое обращенное к нему слово, как будто в противном случае он упустит огромное богатство. Поэтому он постоянно спрашивал: «Что ты сказал?» А когда это ему повторяли, он полагал, что в первый раз это все же звучало иначе, и оставался неудовлетворенным.

Все эти продукты болезни связаны с происшествием, которое тогда определяло его отношение к возлюбленной. Когда перед летом он прощался с ней Вене, он истолковал некоторые ее слова как желание отвергнуть его в присутствии общества и из-за этого был очень расстроен. Во время летнего отдыха у них была возможность поговорить, и дама смогла его убедить, что теми неверно им понятыми словами она, напротив, хотела уберечь его от насмешек. Теперь он опять был счастливым. Самое отчетливое указание на это происшествие содержит навязчивое стремление понять, которое было образовано так, словно он сам себе говорил: «После такого опыта нельзя допускать, чтобы ты кого-нибудь недопонял, если хочешь избежать ненужных страданий». Но это решение не только было обобщением данного повода, оно также сместилось — возможно из-за отсутствия возлюбленной — с ее высоко ценимой персоны на других менее значимых лиц. Навязчивость не могла также возникнуть исключительно из удовлетворения полученным от нее объяснением; она, должно быть, выражает еще и нечто другое, ибо выливается в неудовлетворительное воспроизведение услышанного.

---

[1] Добавим: в чем он мог быть повинен.

Другие навязчивые повеления наводят на след этого другого элемента. Навязчивая защита не может означать ничего иного, кроме реакции — раскаяния и покаяния — на противоположное, то есть враждебное, побуждение, которое до объяснения между ними было направлено против возлюбленной. Навязчивый счет во время грозы благодаря предоставленному материалу можно истолковать как защитную меру от опасений, которые означали угрозу для жизни. Благодаря анализам навязчивых представлений, упомянутых первыми, мы уже подготовлены к тому, чтобы расценить враждебные побуждения нашего пациента как особенно сильные, сродни бессмысленной ярости, и в таком случае мы обнаруживаем, что этот гнев на даму вносит свой вклад в навязчивые образования также и после примирения. В сомнениях, правильно ли он услышал, представлено продолжающее действовать сомнение, правильно ли он понял даму на этот раз и вправе ли он понимать ее слова как свидетельство ее нежных чувств. Сомнение навязчивого стремления к пониманию — это сомнение в ее любви. У нашего влюбленного бушует борьба между любовью и ненавистью, которые относятся к одному и тому же человеку, и эта борьба наглядно изображается в навязчивом, символически важном действии — устранении камня с дороги, по которой она должна проехать, а затем отмене этого поступка, продиктованного любовью, возвращении камня на место, чтобы тем самым ее карета ударилась о него, а она пострадала. Мы не поймем правильно эту вторую часть навязчивого действия, если будем рассматривать ее лишь как критический отказ от болезненного поступка, за который ей хочется себя выдать. То, что она также осуществляется, сопровождаясь ощущением принуждения, свидетельствует о том, что она сама является частью болезненного поступка, который, однако, обусловливается мотивом, противоположным мотиву первой части.

Такие двувременные навязчивые действия, где первый темп устраняется вторым, — типичный случай при неврозе навязчивости. Сознательное мышление больного, разумеется, их не понимает, и они снабжаются вторичной мотивировкой — *рационализируются*[1]. Но их действительное значение заключается в изображении конфликта между двумя примерно одинаковыми по силе противоположными побуждениями, насколько я до сих пор смог узнать, — всегда между побуждениями любви и ненависти.

---

[1] Ср. Jones (1908).

Они представляют особый теоретический интерес, поскольку позволяют выявить новый тип симптомообразования. Вместо того чтобы, как при истерии, искать компромисс, который в одном изображении удовлетворяет обеим противоположностям, одним выстрелом убивает двух зайцев[1], здесь удовлетворяются обе противоположности, каждая в отдельности, сначала одна, а затем другая, разумеется, не без попытки установить между ними, враждебными друг другу, своего рода логическую связь, зачастую с нарушением всякой логики[2].

Конфликт между любовью и ненавистью дает о себе знать у нашего пациента также с помощью других проявлений. В период его вновь пробудившейся набожности [см. с. 46] он начал читать молитвы, которые постепенно стали занимать до полутора часов, поскольку у него — Валаама наоборот[3] — в благочестивые формулы всегда что-то вмешивалось и превращало их в противоположность. Например, если он говорил: *«Боже, храни его»*, — злой дух тут же добавлял частицу *«не»*[4]. Однажды при этом ему пришла в голову мысль сквернословить, ибо тогда непременно он будет говорить наперекор; в этой мысли пробило себе путь первоначальное, вытесненное молитвой намерение. Из этого тупика он нашел выход, оставив молитву и заменив ее краткой формулой, составленной из начальных букв или начальных слогов из разных молитв. Он так быстро ее проговаривал, что в нее ничего не могло проникнуть. [Ср. с. 85–86.]

Однажды он рассказал мне сон, содержавший изображение этого же конфликта в переносе на врача: моя мать умерла, он хочет выра-

---

[1] Ср. «Истерические фантазии и их отношение к бисексуальности» (Freud, 1908*a*) [*Studienausgabe*, т. 6, с. 193–194].

[2] Другой больной неврозом навязчивости однажды мне рассказал, что в Шёнбрунском парке наткнулся ногой на лежащую на дороге ветку, которую он выбросил за изгородь, ограничивающую дорогу. На обратном пути его вдруг охватило беспокойство, что в новом положении торчащая ветка может стать причиной травмы кого-то, кто будет проходить мимо этого места. Ему пришлось выпрыгнуть из трамвая, поспешить обратно в парк, отыскать это место и вернуть ветку в прежнее положение, хотя любому другому, кроме больного, было бы очевидным, что прежнее положение все же опаснее для пешехода, чем новое в кустах. Второе враждебное действие, осуществившееся как принуждение, перед сознательным мышлением приукрасило себя мотивировкой первого, доброжелательного.

[3] [Валаам явился проклясть, а остался благословить.]

[4] Ср. аналогичный механизм известных кощунственных мыслей у набожных людей.

зить соболезнование, но опасается, что при этом разразится *нахальным смехом*, как это уже не раз бывало в случаях смерти. Поэтому он предпочитает написать мне открытку с *p. c.*, но при написании эти буквы у него превращаются в *p. f.*[1]

Спор между его чувствами к своей даме был слишком явным, чтобы было можно полностью избежать его сознательного восприятия, хотя из навязчивых проявлений больного мы вправе заключить, что верной оценкой глубины своих негативных побуждений он не обладал. На первое его сватовство десять лет назад дама ответила отказом. С тех пор периоды, когда, как ему казалось, он ее сильно любил, сменялись другими, в которых он чувствовал себя к ней равнодушным. Если в ходе лечения ему требовалось сделать шаг, который приблизил бы его к цели ухаживаний, то обычно в форме убеждения в том, что, в сущности, не настолько сильно он ее любит, сперва проявлялось его сопротивление, которое, правда, вскоре преодолевалось. Однажды, когда она слегла от тяжелой болезни, что вызвало у него чрезвычайное сочувствие, при виде ее у него прорвалось желание: «Пусть она навсегда останется лежать». Он истолковал себе эту мысль с помощью хитроумного недопонимания: он желает ей постоянного нездоровья лишь потому, что тем самым он избавится от страха перед повторными приступами болезни, выносить который он не может![2] Иногда он занимал свою фантазию грезами, которые сам признал «фантазиями о мести» и которых стыдился.

Полагая, что она придает большое значение социальному положению жениха, он фантазировал, будто она вышла замуж за государственного служащего. Он сам поступает на эту же службу и добивается гораздо большего, чем тот, который становится его подчиненным. Однажды этот человек совершает неблаговидный поступок. Дама бросается к ногам пациента и умоляет его спасти ее мужа. Он обещает помочь, признается ей, что поступил на службу лишь из любви к ней, потому что предвидел подобное обстоятельство. Теперь, выручив ее мужа, он выполнил свою миссию и отказывается от должности.

---

[1] [Принятые сокращения для *pour condoler — соболезную* и *pour féliciter — поздравляю*.] Этот сон дает разъяснение так часто встречающегося и считающимся загадочным навязчивого смеха в случаях траура.

[2] Нельзя отвергать вклад другого мотива в эту навязчивую мысль — желания, чтобы она была беззащитной перед его намерениями.

В других фантазиях, содержанием которых было то, что он оказывает даме большие услуги, а она не знает, что это делает именно он, он видел только проявление нежности, не сознавая происхождения и тенденции своего великодушия, предназначенного — по прототипу графа Монте-Кристо Дюма — для вытеснения мстительности. Впрочем, он признался, что иногда им овладевают совершенно отчетливые импульсы причинить зло почитаемой им даме. Как правило, эти импульсы в ее присутствии исчезали и возникали в ее отсутствие.

Е. Повод к болезни

Однажды наш пациент вскользь упомянул об одном событии, в котором мне тут же пришлось признать повод к заболеванию, во всяком случае новый повод к начавшейся шесть лет назад и продолжающейся еще и сегодня болезни. Сам он не подозревал, что сообщил нечто важное; он не помнил, чтобы придавал какое-либо значение этому событию, которое, впрочем, он никогда и не забывал. Такое поведение требует теоретической оценки.

При истерии существует правило, что недавние поводы к заболеванию подвергаются амнезии точно так же, как детские переживания, с помощью которых та их аффективная энергия преобразуется в симптомы. Если же полное забывание невозможно, недавний травматический повод все же подтачивается амнезией и лишается по меньшей мере самых важных своих составных частей. В такой амнезии мы усматриваем доказательство произошедшего вытеснения. Иначе обстоит дело при неврозе навязчивости. Инфантильные предпосылки невроза могут подвергнуться — зачастую только неполной — амнезии; недавние поводы к заболеванию, напротив, сохраняются в памяти. Вытеснение здесь воспользовалось другим, в сущности более простым механизмом; вместо того чтобы забыть травматическую ситуацию, оно лишило ее аффективного катексиса, и поэтому в сознании остается безразличное содержание представления, расцениваемое как несущественное. Различие состоит в психическом событии, которое мы можем сконструировать, основываясь на феноменах; результат процесса почти одинаков, ибо безразличное содержание воспоминания воспроизводится лишь изредка и никакой роли в мыслительной деятельности человека не

играет. Для различения двух видов вытеснения[1] вначале мы можем использовать только заверение пациента, что, по его ощущениям, одно он знал всегда, а другое давно забыл[2].

Поэтому отнюдь не редкость, что больные неврозом навязчивости, страдающие от самообвинений и связывающие свои аффекты с ложными поводами, сообщают врачу верные сведения, не подозревая, что их упреки всего лишь отделены от этих событий. При этом они порой высказываются с удивлением или даже как будто хвастаясь: «Для меня это значения не имеет». Так было и в первом случае невроза навязчивости, который много лет назад меня привел к пониманию недуга. Пациент, государственный служащий, страдавший от бесконечных сомнений, тот самый, о чьем навязчивом действии с веткой в Шёнбрунском парке я сообщал [с. 62, прим. 3], обратил мое внимание тем, что за визит на прием всегда вручал мне чистые и гладкие бумажные гульдены. (В то время у нас в Австрии еще не было серебряных монет.) Когда я однажды заметил, что государственного служащего можно сразу определить по новехоньким гульденам, которые он берет из казны, он меня вразумил, что гульдены отнюдь не новые, просто разглажены (отутюжены) у него дома. Ему совестно давать кому-либо в руки грязные бумажные гульдены; ведь к ним пристали самые опасные бактерии, которые могут причинить вред тому, кто их получает. К тому времени у меня уже забрезжило смутное подозрение о взаимосвязи неврозов с сексуальной жизнью, и поэтому в другой раз я отважился спросить пациента, как у него обстояли дела в этом вопросе. «О, все в порядке, — сказал он походя, — в этом я не испытываю недостатка. Во многих

---

[1] [В работе «Торможение, симптом и тревога» (1926*d*, глава XI A (*в*). *Studienausgabe*, т. 6, с. 300 и далее) Фрейд предлагает термином «вытеснение» ограничить главный механизм, действующий при истерии; одновременно он снова вводит термин «защита», который должен охватить *все* меры, используемые для преодоления психического конфликта. Соответственно, если бы этот текст был написан позднее, в нем говорилось бы не о «двух видах вытеснения», а о «двух видах защиты».]

[2] Стало быть, нужно признать, что для невроза навязчивости имеется двоякого рода знание, и с тем же правом можно утверждать, что больной неврозом навязчивости «знает» о своих травмах, равно как и не «знает» о них. Он знает о них, поскольку их не забыл, он их не знает, поскольку не осознает их значения. Нередко точно так же обстоит дело и в нормальной жизни. Официанты, которые обычно обслуживали Шопенгауэра в своем кафе для завсегдатаев, в определенном смысле «знали» его в то время, когда он не был известен во Франкфурте и за его пределами, но не в том смысле, который мы сегодня связываем со знанием» о Шопенгауэре.

домах добропорядочных бюргеров я играю роль любимого старого дядюшки и время от времени пользуюсь этим, чтобы пригласить какую-нибудь молоденькую девушку на загородную прогулку. Затем я устраиваю так, что мы опаздываем на поезд, и нам приходится ночевать в деревне. Тогда я всегда беру две комнаты — я очень щедр; но когда девушка ложится спать, я прихожу к ней и мастурбирую ее своими пальцами». — «А вы не боитесь, что навредите ей, орудуя своей грязной рукой в ее гениталиях?» — Тут он вспылил: «Вред? Чем же это должно ей навредить? Ни одной пока еще это не навредило и каждой это нравилось. Некоторые из них сейчас уже замужем, и это им не навредило». — Он воспринял мое возражение очень враждебно и больше не появился. Но я мог объяснить себе контраст между его деликатностью с бумажными гульденами и его бесцеремонностью в обращении с доверенными ему девушками только *смещением* аффекта, связанного с упреком. Тенденция этого смещения довольно ясна; если бы упрек оставался там, к чему он относился, пациент должен был бы отказаться от сексуального удовлетворения, к которому его, вероятно, побуждали сильнейшие инфантильные детерминанты. Стало быть, благодаря смещению он извлекал значительную *выгоду от болезни*[1].

На поводе к болезни у нашего пациента я должен, однако, остановиться подробнее. Его мать в качестве дальней родственницы воспитывалась в одной богатой семье, которая владела крупным промышленным предприятием. Его отец после женитьбы был принят на работу на это предприятие и, таким образом, в результате удачного выбора по существу обеспечил себе зажиточную жизнь. Благодаря подтруниванию между родителями, жившими в прекрасном браке, сын узнал, что какое-то время до знакомства с его матерью отец ухаживал за милой, но бедной девушкой из скромной семьи. Такова предыстория. После смерти отца мать однажды сказала сыну, что между нею и ее богатыми родственниками зашла речь о его будущем, и один из кузенов изъявил готовность выдать за него замуж одну из своих дочерей, когда он закончит учебу; деловые связи с фирмой затем откроют ему блестящие перспективы также и в его профессии. Этот план семьи породил в нем конфликт: что ему де-

---

[1] [Подробное обсуждение «выгоды от болезни» содержится в 24-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917, *Studienausgabe*, т. 1, с. 371–373); особенно четко эта проблема излагается в примечании, добавленном в 1923 году к истории болезни «Доры» (1905*e*, *Studienausgabe*, т. 6, с. 118–119, прим.).]

лать — оставаться верным своей бедной возлюбленной или пойти по стопам отца и взять в жены красивую, богатую, знатную девушке, которая ему предназначена? И этот конфликт, который, собственно говоря, представлял собой конфликт между его любовью и продолжавшей оказывать свое влияние волей отца, он разрешил посредством заболевания, точнее сказать: благодаря заболеванию он избежал задачи решать его в реальности[1].

Доказательство правильности такого понимания заключается в том, что главным результатом его заболевания явилась затяжная потеря трудоспособности, которая позволила ему отложить окончание учебы на несколько лет. Но то, что является результатом болезни, и было ее намерением; кажущееся следствие болезни — на самом деле ее причина, мотив заболевания.

Мое объяснение, разумеется, вначале не нашло признания у больного: он не может представить себе, чтобы план женитьбы оказал такое воздействие, в свое время это не произвело на него ни малейшего впечатления. Однако в ходе дальнейшего лечения ему пришлось необычным способом убедиться в правильности моего предположения. Благодаря фантазии при переносе он пережил как нечто новое и относящееся к настоящему времени то, что им было забыто из прошлого или что им попросту не осознавалось. После смутного и трудного периода лечебной работы в конце концов выяснилось, что он принял за мою дочь одну молодую девушку, которую он как-то встретил на лестнице моего дома. Она вызвала его расположение, и он вообразил, что я так любезен и необычайно терпим с ним лишь потому, что хочу сделать его своим зятем, при этом благодаря ему богатство и знатность моего дома достигает уровня, соответствующего имевшемуся у него образцу. Но с этим искушением в нем борется неугасимая любовь к своей даме. После того как мы справились с целым рядом сильнейших сопротивлений и грубейших оскорблений, он не мог избежать убеждающего воздействия полной аналогии между представленным в фантазии переносом и тогдашней реальностью. Я приведу одно из его сновидений из этого времени, чтобы показать на деле тот стиль, каким он это изображал. *Он видит перед собой мою дочь, но вместо глаз у нее два грязных пятна*

[1] Следует подчеркнуть, что бегство в болезнь стало для него возможным благодаря идентификации с отцом. Она позволила ему совершить регрессию к остаткам детства. [См. ниже, раздел Ж. — Выражение «бегство в болезнь» Фрейд ранее уже употреблял в работе «Общие положения об истерическом припадке» (1909*a*, *Studienausgabe*, т. 6, с. 201).]

из нечистот. Для каждого, кто понимает язык сновидений, перевод не составит труда: *он женится на моей дочери не из-за ее красивых глаз, а из-за ее денег.*

Ж) Комплекс отца и разгадка идеи о крысах

От повода к болезни в зрелые года вела нить в детство нашего пациента. Он оказался в ситуации, в какой, как он знал или подозревал, находился отец перед своей женитьбой, и мог отождествить себя с отцом. Умерший отец оказался причастным к недавнему заболеванию еще и другим образом. В сущности, конфликт, приведший к болезни, представлял собой столкновение между продолжавшей оказывать свое действие волей отца и его собственными желаниями влюбленного человека. Если мы примем к сведению то, что рассказал пациент на первых сеансах лечения, то мы не сможем отделаться от подозрения, что это столкновение было очень древним и началось еще в детские годы больного.

По всем сведениям, отец нашего пациента был прекрасным человеком. До женитьбы он был унтер-офицером и в качестве остатка из этой части своей жизни сохранил солдатскую прямоту, а также пристрастие к крепким выражениям. Помимо добродетелей, которые обычно у каждого превозносят на могильной плите, его отличали задушевный юмор и благожелательная терпимость к своим близким; разумеется, этой черте характера не противоречит, а скорее, является дополнением к ней, что он мог быть резким и вспыльчивым, что иной раз способствовало весьма ощутимым телесным наказаниям детей, пока они были маленькими и плохо себя вели. Когда дети выросли, он отличался от других отцов тем, что не хотел возвеличивать себя до неприкосновенного авторитета, а с добродушной открытостью делился с ними мелкими упущениями и неурядицами в своей жизни. Сын, несомненно, не преувеличивал, когда говорил, что они общались между собой как лучшие друзья, за исключением одного-единственного момента (ср. с. 54). Этот момент, пожалуй, должен быть важен, если мысль о смерти отца занимала малыша с такой необычной и неподобающей интенсивностью (с. 41), если такие мысли вновь проявились в содержании его детских навязчивых идей, если он мог пожелать, чтобы отец умер и тем самым некая девочка, испытывая сострадание, станет вести себя с ним более ласково (с. 52).

Нельзя сомневаться, что в области сексуальности между отцом и сыном что-то стояло и что отец находился в определенной оппозиции по отношению к рано пробудившейся эротике сына. Через несколько лет после смерти отца, когда сын впервые испытал ощущение удовольствия от коитуса, у него возникла мысль: «Как это замечательно; ради такого можно убить и своего отца!» Это было одновременно отголоском и разъяснением его детских навязчивых идей. Впрочем, незадолго до своей смерти отец открыто высказался против симпатии нашего пациента, которая станет доминировать впоследствии. Он заметил, что сын искал общества той дамы, и посоветовал ему держаться от нее подальше, сказав, что это неблагоразумно и что он только себя опозорит.

К этим совершенно надежным отправным точкам добавляется еще одна, если мы обратимся к истории онанистической сексуальной деятельности нашего пациента. В этой области существует пока еще не оцененное должным образом противоречие между взглядами врачей и больных. Последние едины в том, что онанизм, под которым они понимают мастурбацию в пубертате, является причиной и первоисточником всех их недугов; врачи в целом не знают, что им об этом думать, но под впечатлением того опыта, что очень многие люди, ставшие затем нормальными, какое-то время также онанировали в пубертате, в своем большинстве склонны расценивать сведения больных как грубое преувеличение. Я думаю, что также и в этом больные скорее правы, нежели врачи. У больных неясно вырисовывается здесь верное понимание, тогда как врачам грозит опасность проглядеть нечто существенное. Разумеется, дело не обстоит именно так, как сами больные понимают свой тезис, что онанизм в пубертате, который можно назвать чуть ли не типичным, ответственен за все невротические нарушения. Тезис требует истолкования. Ведь онанизм в пубертатном возрасте — в действительности не что иное, как возобновление детского онанизма, достигающего своей вершины в возрасте от трех до четырех-пяти лет, которому до сих пор никогда не уделяли должного внимания. Однако этот детский онанизм является самым отчетливым выражением сексуальной конституции ребенка, в которой также и мы ищем этиологию последующих неврозов. Стало быть, в таком облачении больные обвиняют, собственно говоря, свою инфантильную сексуальность, и в этом они полностью правы. Проблема онанизма, напротив, становится неразрешимой, если понимать онанизм как клиническую единицу, забывая, что

он представляет собой отвод самых разнообразных сексуальных компонентов и вскормленных ими фантазий. Вредность онанизма лишь в незначительной степени является автономной, обусловленной его собственной природой. По существу, она совпадает с патогенным значением сексуальной жизни в целом. Если так много индивидов без вреда переносят онанизм, то есть занятие онанизмом в определенном объеме, то этот факт свидетельствует только о том, что их сексуальная конституция и течение процессов развития в сексуальной жизни позволили им осуществлять эту функцию в культурных условиях[1], тогда как другие вследствие неблагоприятной сексуальной конституции или нарушенного развития заболевают из-за своей сексуальности, то есть не могут без торможений и замещающих образований исполнить требования подавления или сублимации сексуальных компонентов.

Онанистическое поведение нашего пациента было весьма необычным; он не занимался онанизмом в пубертате[2] и, стало быть, соответственно известным ожиданиям имел право на то, чтобы оставаться избавленным от невроза. И наоборот, позыв к занятию онанизмом возник у него в 21 год *вскоре после смерти отца*. Каждый раз, когда он достигал удовлетворения, ему было очень стыдно, и вскоре он снова от него отказался. Отныне он занимался онанизмом лишь по редким и весьма странным поводам. «Его вызывали особенно прекрасные моменты, которые он переживал, или особенно прекрасные места в книге, которую он читал. Так, например, когда прекрасным летним вечером он слушал, как ямщик замечательно играл на рожке в центральной части города, пока полицейский не запретил ему это, потому что игра на рожке в городе запрещена! В другой раз, когда он прочитал в "Вымысле и правде" [III, 11], как молодой Гёте в порыве нежности избавился от проклятия, которая одна ревнивица наложила на ту, кто после нее поцелует его в губы. Он долго, словно суеверно, позволял этому проклятию себя сдерживать, но теперь он разорвал путы и нежно расцеловал свою возлюбленную».

Он немало удивлялся, что его влекло мастурбировать именно по таким прекрасным и возвышенным поводам. Но из этих двух примеров я должен был выделить в качестве общего момента запрет и неповиновение требованию.

---

[1] Ср. «Три очерка по теории сексуальности» (1905*d*) [особенно «Резюме» в конце работы (*Studienausgabe*, т. 5, с. 134–145)].

[2] [Или во всяком случае в весьма незначительной степени (см. выше, с. 38).]

К этой же взаимосвязи относилось также и его странное поведение в то время, когда он готовился к экзамену и обыгрывал полюбившуюся ему фантазию, что отец по-прежнему жив и в любой момент может вернуться [см. с. 49–50]. Тогда он обустраивал все таким образом, что его учеба приходилась на самые поздние ночные часы. Между двенадцатью и часом ночи он прерывался, открывал дверь, ведущую в сени, как будто там стоял его отец, а затем, вернувшись, рассматривал в зеркале прихожей свой обнаженный пенис. Это несуразное поведение становится понятным при условии, что он вел себя так, как будто ожидая прихода отца в полуночный час, когда являются духи. При его жизни он был, скорее, ленивым студентом, из-за чего отец часто сердился. Теперь, когда он возвращался в качестве духа и заставал его за учебой, это должно было его порадовать. Но от другой части его поведения отец испытывать радость не мог; тем самым он, стало быть, ему противился и, таким образом, в одном непонятном навязчивом действии выражал обе стороны своего отношения к отцу, точно так же, как в более позднем навязчивом действии с камнем на дороге — отношение к любимой даме [с. 60].

Опираясь на эти и аналогичные проявления, я отважился на следующую конструкцию: ребенком, в шестилетнем возрасте, он совершил какое-то сексуальное прегрешение, связанное с онанизмом, и за это был ощутимо наказан отцом. Это наказание, правда, положило конец онанизму, но с другой стороны, оставило после себя неизгладимую неприязнь к отцу и навсегда зафиксировало его роль как помехи сексуальному наслаждению (Ср. аналогичные предположения на одном из первых сеансов, с. 55.) К моему великому удивлению, пациент сообщил, что о таком происшествии в ранние детские годы ему неоднократно рассказывала мать, и, очевидно, оно не было предано забвению потому, что с ним были связаны весьма странные вещи. Но сам он о нем ничего не помнит. Рассказ же был таков. Когда он еще был очень маленьким, — более точную дату можно было установить лишь благодаря совпадению со смертельной болезнью старшей сестры [см. с. 93] — он совершил что-то дурное, за что отец его выпорол. И тут карапуз пришел в страшную ярость и еще во время побоев стал поносить отца. Но так как бранных слов он еще не знал, то стал давать ему всякие названия предметов, которые ему приходили на ум: «Ты — лампа! Ты — полотенце! Ты — тарелка!» и т. д. Отец, потрясенный этой необузданной вспышкой ярости, прекратил побои и произнес: «Малыш станет либо ве-

ликим человеком, либо великим преступником[1]». Он полагает, что эта сцена произвела неизгладимое впечатление как на него самого, так и на отца. Отец никогда его больше не бил; сам же он выводит некоторые изменения в своем характере из этого переживания. Из страха перед размерами своей ярости отныне он стал малодушным [ср. с. 57]. Впрочем, всю свою жизнь он ужасно боялся побоев и в ужасе и возмущении прятался, если наказывали его брата или сестру.

Новые расспросы матери подтвердили этот рассказ и, кроме того, были получены сведения, что тогда ему было три или четыре года и что он заслуживал наказания, потому что кого-то *укусил*. Других подробностей мать уже не помнила; весьма неуверенно она сказала, что человеком, пострадавшим от малыша, возможно, была воспитательница; о сексуальном характере проступка в ее сообщении речь не шла[2].

---

[1] Альтернатива была неполной. О самом частом исходе такой преждевременной пылкости, в неврозе, отец не подумал.

[2] В психоанализе нередко приходится иметь дело с такими событиями из первых лет жизни ребенка, в которых инфантильная сексуальная деятельность, по-видимому, достигает своей кульминации и зачастую завершается катастрофой вследствие несчастного случая или наказания. Они расплывчато проявляются в сновидениях, часто становится настолько отчетливыми, что ошибочно кажется, будто вот они, под рукой, но все же не поддаются окончательному прояснению, и если не вести себя с особой осторожностью и сноровкой, то так и не удается решить, происходила ли подобная сцена в действительности. На правильный след при истолковании наводит тот факт, что в бессознательной фантазии пациента можно выискать несколько версий подобных сцен, зачастую очень разнообразных. Чтобы не ошибиться в оценке реальности, нужно прежде всего помнить о том, что «детские воспоминания» человека появляются только в более позднем возрасте (чаще всего в пубертатный период) и при этом они подвергаются сложному процессу переработки, который совершенно аналогичен созданию народом мифов о своей древней истории. Можно четко увидеть, что в этих образованиях фантазии о своем раннем детстве подрастающий человек *пытается стереть воспоминания о своей аутоэротической деятельности*, поднимая следы памяти на ступень объектной любви, то есть словно настоящий историограф стремится увидеть прошлое в свете настоящего. Отсюда изобилие соблазнений и посягательств в этих фантазиях, где действительность ограничивается аутоэротической деятельностью и побуждением к этому ласками и наказаниями. Затем становится ясно, что человек, фантазирующий о своем детстве, *сексуализирует свои воспоминания*, то есть связывает банальные события с сексуальной деятельностью, распространяет на них свои сексуальные интересы, при этом он, вероятно, идет по следам действительно имеющейся взаимосвязи. Каждый, кто помнит представленный мною «Анализ фобии пятилетнего мальчика» [(1909*b*), ср. *Studienausgabe*, т. 8, с. 89 и далее], поверит мне, что цель этих замечаний не заключается в том, чтобы задним числом дискредитировать утвердившееся мною значение инфантильной сексуальности, сведя ее к сексуальному интересу в пубертатном возрасте. Я только намереваюсь дать технические указа-

Отсылая к обсуждению этой детской сцены в сноске, я добавлю, что благодаря ее появлению впервые было поколеблено его нежелание верить в гнев на любимого отца, приобретенный в доисторические времена и позднее ставший латентным. Разве что я ожидал более сильного воздействия, ибо об этом происшествии ему так часто рассказывали, в том числе и отец, что его реальность не подлежала сомнению. Но благодаря способности подминать логику, которая каждый раз крайне поражает нас у очень смышленых больных неврозом навязчивости, он снова и снова выставлял как довод против доказательной силы рассказа, что сам он все же ничего об этом не помнит. Таким образом, убеждение в том, что его отношение к отцу действительно требовало того бессознательного дополнения, ему пришлось обрести только болезненным путем переноса. Вскоре дело дошло до того, что в сновидениях, дневных фантазиях и мыслях он самыми грубыми и грязными ругательствами поносил меня

ния для разрешения тех образований фантазии, которые предназначены фальсифицировать картину инфантильной сексуальной деятельности.

Только в редких случаях, таких, как у нашего пациента, у нас имеется благоприятная возможность установить фактическую причину этих вымыслов о давнем времени благодаря непоколебимому свидетельству взрослого. Тем не менее высказывание матери оставляет открытым путь для разнообразных возможностей. То, что она не заявила о сексуальном характере проступка, за который был наказан ребенок, может объясняться ее собственной цензурой, которая у всех родителей стремится исключить из прошлого своих детей именно этот элемент. Но точно так же возможно, что тогда воспитательница или сама мать сделала нагоняй ребенку за банальный проступок несексуального характера, а затем он был наказан отцом за свою необузданную реакцию. В таких фантазиях воспитательница или другая прислуга обычно заменяется кем-то, кто по знатности ближе к матери. Если углубиться в истолкование соответствующих снов пациента, то обнаружатся самые отчетливые указания на вымысел, который можно назвать эпическим, где сексуальные вожделения, связанные с матерью и сестрой, и преждевременная смерть этой сестры объединены с наказанием отцом маленького героя. Мне не удалось нить за нитью допрясть эту ткань оболочек фантазии; именно терапевтический успех и послужил здесь препятствием. Пациент выздоровел, и жизнь потребовала от него взяться за решение разнообразных, и без того уже давно отсроченных задач, которые с продолжением лечения не сочетались. Поэтому я не упрекаю себя за этот пробел в анализе. Сегодня научное исследование посредством психоанализа является лишь побочным результатом терапевтических усилий, а потому зачастую наработки наиболее велики как раз в тех случаях, когда лечение оканчивалось неудачей.

Содержание детской сексуальной жизни состоит в аутоэротическом проявлении преобладающих сексуальных компонентов, в следах объектной любви и в образовании того комплекса, который можно было бы назвать *ядерным комплексом неврозов* и который охватывает первые нежные, а также враждебные побуждения по отношению к родителям, братьям и сестрам, после того как — чаще всего в результате появления нового братика или новой сестренки — пробудилась любознательность малыша. Однородностью этого содержания и постоян-

и моих близких, тогда как на уровне сознательного намерения относился ко мне лишь с величайшей почтительностью. Его поведение, когда он рассказывал об этих ругательствах, было поведением отчаявшегося человека. «Как вы можете, господин профессор, допускать, чтобы вас поносил такой мерзкий и приблудный тип, как я? Вы должны спустить меня с лестницы; лучшего я не заслуживаю». При этих словах он обычно вставал с дивана и ходил по комнате, что поначалу объяснял деликатностью; он не может решиться говорить о таких ужасных вещах, удобно вытянувшись на диване. Но вскоре он сам нашел более убедительное объяснение, сказав, что избегает соседства со мной из страха оказаться побитым. Если он оставался сидеть, то вел себя как человек, который в отчаянном страхе хочет защитить себя от чрезмерного насилия; он защищал голову руками, прикрывал лицо ладонями, внезапно вскакивал с места с искаженным от боли лицом и т. д. Он вспомнил, что отец был вспыльчив и в своей горячности порою не знал, как далеко он зайдет. В такой школе страдания он постепенно приобрел недостающее ему убеждение, которое у любого другого, лично к этому непричастного, возникло бы, так сказать, само собой; но теперь также и путь к пониманию представления о крысах был свободен. Отныне на пике лечения стало доступным для воссоздания всех обстоя-

---

ством последующих модифицирующих воздействий легко объясняется то, что в целом всегда образуются одни и те же фантазии о детстве, независимо от того, сколь большой или сколь малый вклад внесло сюда действительное событие. Инфантильному ядерному комплексу вполне соответствует то, что отец наделяется ролью сексуального противника и помехи аутоэротическому проявлению сексуальности, и к этому во многом причастна действительность.

[На протяжении всей своей жизни Фрейд занимался проблемой различий между детскими воспоминаниями и детскими фантазиями. См., например, обсуждение «первичных фантазий» в 23-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917, *Studienausgabe*, т. 1, с. 358–362) и в разделах V и VIII анализа «Волкова» (1918*b*, там же, т. 8, с. 174–177 и 208–210). Сомнения в верности детских воспоминаний он выразил еще в 1897 году в частной беседе с Флиссом, однако свои выводы опубликовал только в первой своей работе, посвященной сексуальности в этиологии неврозов (1906*a*, ср. *Studienausgabe*, т. 5, с. 152 и прим.). С другой стороны, в некоторых последних работах он категорически указывал на то, что в мифологических на первый взгляд фантазиях всегда все же содержится крупица исторической правды. См., например, работу «Человек Моисей и монотеистическая религия» (1939*a*), III, II (Ж), *Studienausgabe*, т. 9, с. 574–575. — Термин «ядерный комплекс» Фрейд еще раньше использовал в работе «Об инфантильных сексуальных теориях» (1908*c*), однако в несколько другом смысле; выражение «эдипов комплекс» он ввел несколько позже, в первой из своих статей, посвященных психологии любовной жизни (1910*h*) — см. *Studienausgabe*, т. 5, с. 175 и прим. 1, а также с. 192 и прим. 2. Взаимосвязь двух этих терминов рассматривается в работе «"Ребенка бьют"», см. ниже, с. 254.]

тельств множество фактических сообщений, которые доселе утаивались.

При их изложении я, как уже говорил, буду как можно более кратким и только их подытожу. Первая загадка, очевидно, состояла в том, почему оба высказывания чешского капитана — рассказ о крысах [с. 43–44] и требование вернуть деньги лейтенанту А. [с. 45] — подействовали на него столь возбуждающе и вызвали столь бурные патологические реакции. Следовало предположить, что здесь имела место «чувствительность комплекса»[1], что теми речами оказались грубо задетыми сверхчувствительные места его бессознательного. Так оно и было; как и во всем, что касалось военных отношений, он бессознательно идентифицировался с отцом, который сам отслужил много лет [с. 68] и часто рассказывал о своей солдатской жизни. И тут случай, который может содействовать симптомообразованию, как и дословный текст — остроте, сделал возможным, что одна небольшая авантюра отца имела важный общий элемент с требованием капитана. Однажды отец *(заядлый игрок*[2]*)* проиграл в карты небольшую сумму денег, которой он располагал будучи унтер-офицером), и оказался бы в бедственном положении, если бы эту сумму ему не одолжил один его товарищ. Оставив военную службу и став зажиточным человеком, он попытался найти пришедшего на помощь товарища, чтобы вернуть ему деньги, но так и не смог нигде его отыскать. Наш пациент не был уверен, удалось ли тому вообще когда-либо вернуть этот долг; ему было неприятно вспоминать об этом грехе молодости отца, ведь его бессознательное было наполнено враждебными упреками, касавшимися характера отца. Слова капитана: «Ты должен вернуть обер-лейтенанту А. 3,80 кроны» — для него прозвучали как намек на тот неуплаченный долг отца.

Но сообщение о том, что девушка, служащая на почте в Ц., сама оплатила посылку, сказав при этом лестные для него слова [с. 48][3], усилило идентификацию с отцом также и в другом отношении. Те-

---

[1] [Термин, заимствованный у Юнга и его учеников, проводивших эксперименты со словесными ассоциациями (Jung, 1906). См. также ниже, с. 79.]

[2] [В немецком языке: «заядлый игрок» — «Spielratte», «крыса» — «Ratte». — *Примечание переводчика*.]

[3] Не будем забывать, что он об этом узнал еще до того, как капитан (неправомерно) потребовал от него вернуть деньги обер-лейтенанту А. Это является безусловно необходимым пунктом для понимания, из-за вытеснения которого он вверг себя в страшнейшую путаницу, а я в течение долгого времени не мог понять общий смысл того, что происходило.

перь он добавил, что в небольшом местечке, где находилась также и почта, прелестная дочь трактирщика была очень любезной с элегантным молодым офицером, и поэтому он вознамерился вернуться туда по окончанию маневров, чтобы испытать с этой девушкой свои шансы. Но теперь в лице юной почтовой служащей у нее появилась соперница; как и отец в своем супружеском романе [с. 66], он мог сомневаться, на кого из них ему обратить свою благосклонность по оставлении военной службы. Мы сразу замечаем, что его странная нерешительность, ехать ли ему в Вену или вернуться в местечко, где расположена почта, его постоянные искушения повернуть обратно (ср. с. 47) были не такими уж бессмысленными, какими могли показаться вначале. Для его сознательного мышления притягательность местечка Ц., где находилась почта, объяснялась потребностью с помощью обер-лейтенанта А. исполнить свою клятву. На самом же деле предметом его желания была молодая почтовая служащая, живущая в том же самом местечке, а обер-лейтенант был просто подходящей для нее заменой, поскольку останавливался[1] там же и сам отвечал за армейскую почту. Когда он затем услышал, что в тот день на почте дежурил не обер-лейтенант А., а другой офицер Б. [см. с. 45], он и его включил в свою комбинацию, а свои колебания между двумя благосклонно к нему расположенными девушками мог повторить в делириях, связанных с обоими офицерами[2].

При объяснении воздействий, вызванных рассказом капитана о крысах, мы должны придерживаться последовательности анализа. Вначале появилось изобилие ассоциативного материала, но ситуация образования навязчивости понятней от этого пока не стала. Представление о наказании, осуществляемом крысами, возбудило у него разнообразные влечения, пробудило множество воспоминаний, и поэтому за короткий промежуток времени между рассказом

---

[1] [Слово «останавливался» датируется 1924 годом; в более ранних изданиях здесь говорится «жил». См. следующее примечание.]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1923 году:]* После того как пациент сделал все для того, чтобы запутать небольшую историю с возвратом денег за посылку с пенсне, также, наверное, и моему изложению не удалось ее сделать без остатка прозрачной. Поэтому я воспроизведу здесь небольшую карту, с помощью которой мистер и миссис Стрейчи хотели прояснить ситуацию в конце военных учений. [К сожалению, первоначальная схема, вошедшая в немецкие издания начиная с 1924 года, совершенно не согласуется с некоторыми деталями, упомянутыми при изложении случая. Поэтому для английского «Standard Edition» был подготовлен новый рисунок, который воспроизведен также и здесь. При этом также учитывался материал, содержащийся в оригинальных записях Фрейда (1955*a*) об этом случае.] Мои переводчики справедливо заметили, что поведение пациента

капитана и его напоминанием вернуть деньги крысы приобрели ряд символических значений, к которым впоследствии добавлялись все новые. Правда, мое сообщение обо всем этом окажется отнюдь не полным. Наказание крысами прежде всего взбудоражило анальную эротику, игравшую важную роль в его детстве и сохранявшуюся затем многие годы из-за раздражения, которое вызывали глисты. Таким образом, крысы приобрели значение *«денег»*[1], связь с которыми обнаружилась благодаря ассоциации *«взносы»* [Raten] и *«крысы»* [Ratten]. В своих навязчивых делириях он вводил настоящую крысиную валюту; например, когда я ответил ему на вопрос о стоимости одного сеанса лечения, для него, о чем я узнал полгода спустя, это прозвучало: *«Столько-то гульденов, столько-то крыс»*. Постепенно на этот язык он перевел весь комплекс денежных интересов, которые были связаны с отцовским наследством, то есть через этот словесный мостик *«взносы — крысы»* все представления, относящиеся к этому комплексу, были включены в сферу навязчивостей и подчинены бессознательному. Кроме того, с помощью словесного мостика *«заядлый игрок»* [Spielratte], откуда можно было получить доступ к карточному проигрышу его отца, это денежное значение крыс опиралось на напоминание капитана вернуть стоимость посылки [см. с. 75].

по-прежнему останется непонятным, если специально не указать, что обер-лейтенант А. раньше жил в местечке Ц., где находится почтовое отделение, и там отвечал за военную почту, но что в последние дни учений сдал дела обер-лейтенанту Б. и был переведен в А. «Жестокий» капитан еще ничего не знал об этом изменении; отсюда его заблуждение, что деньги за посылку надо вернуть обер-лейтенанту А.

[1] Ср. «Характер и анальная эротика» (1908*b*) [выше, с. 25 и далее].

Но крыса была ему также известна как носитель опасных инфекций и поэтому могла использоваться как символ для страха перед *сифилитической инфекцией*, столь обоснованного в армии, за которым скрывались всякого рода сомнения в образе жизни отца во время военной службы. В другом смысле: носителем сифилитической инфекции был сам пенис, и, таким образом, крыса стала половым членом, на связь с которым она могла претендовать и иначе. Пенис, особенно пенис маленького ребенка, можно прямо описать как *червяка*, а в рассказе капитана крысы копошились в заднем проходе, словно большие круглые глисты, которые у нашего пациента были в детстве. Стало быть, значение пениса, которое имели крысы, опять-таки основывалось на анальной эротике. Кроме того, крыса — грязное животное, питающееся экскрементами и живущее в водостоках, по которым перемещаются нечистоты[1]. Наверное, излишне указывать, насколько мог расшириться делирий, связанный с крысами, благодаря этому новому значению. Например, «Столько-то крыс — столько-то гульденов» могло послужить меткой характеристикой одного весьма ненавистного ему женского ремесла. С другой стороны, пожалуй, не может быть безразличным, что замена крысы пенисом в рассказе капитана воспроизводила ситуацию сношения *per anum*[2], которая в отношении к отцу и возлюбленной должна была ему показаться особенно отвратительной. Когда эта ситуация вновь возникла в навязчивой угрозе, оформившейся у него после требования капитана [с. 45], это, несомненно, напомнило об одном проклятии, употребительном у южных славян, дословный текст которого можно найти в «Anthropophyteia» [т. 2 (1905), с. 421 и далее], издаваемой Ф. С. Краусом. Впрочем, весь этот и другой материал вместе с покрывающей мыслью *«жениться»* [heiraten] оказался включенным в текстуру обсуждения крысиной тематики.

То, что рассказ о наказании крысами всколыхнул у нашего пациента все давно подавленные импульсы себялюбивой и сексуальной жестокости, подтверждается его собственным описанием и его мимикой при пересказе. И все же, несмотря на весь этот богатый материал, значение его навязчивой идеи не удавалось прояснить до тех пор, пока однажды у него не появилась мысль о *старухе-крысоловке* из «Маленького Эйолфа» Ибсена и не сделала неопровержи-

---

[1] Тому, кто, покачивая головой, хочет отвергнуть эти скачки невротической фантазии, следует напомнить об аналогичных капричо, в которых порой разражается фантазия художников, например, о *Diableries érotiques* Ле Пойтевина.

[2] [Через задний проход (лат.). — *Примечание переводчика.*]

мым вывод о том, что во многих его навязчивых делириях крысы означали еще и *детей*[1]. Изучая происхождение этого нового значения, я сразу натолкнулся на самые ранние и самые важные источники. Однажды, придя на могилу отца, он увидел, как по могильному холму прошмыгнуло большое животное, которое он принял за крысу[2]. Он предположил, что она появилось из самой могилы отца и только что поедала его труп. С представлением о крысе неразрывно связано то, что она грызет и кусает острыми зубами[3]; но крысы не могут оставаться злыми, прожорливыми и грязными без наказания — их жестоко преследуют и безжалостно истребляют люди, как он сам не раз с ужасом наблюдал. Ему часто становилось жалко этих несчастных крыс. Но он и сам был таким же мерзким, грязным маленьким негодником, который мог в ярости покусать и которого за это страшно наказывали (ср. с. 72). Он действительно мог найти свое «полное сходство» с крысой[4]. Судьба, так сказать, предъявила ему в виде рассказа капитана стимульное слово для выявления комплекса [см. с. 75, прим. 1], и он не упустил возможности отреагировать на это навязчивой идеей.

Итак, крысы — в соответствии с самыми ранними и чреватыми последствиями переживаниями — были детьми. И тут он сообщил некий факт, довольно долго исключавшийся им из общей взаимосвязи, но теперь полностью объяснявший интерес, который он, должно быть, испытывал к детям. Дама, которую он почитал столь долгие годы, но на которой все-таки не решался жениться, вследствие гинекологической операции, удаления обоих яичников, была обречена на бездетность; даже для него, необычайно любившего детей, это было главной причиной его колебаний.

---

[1] Старуха-крысоловка у Ибсена, несомненно, восходит к мифическому крысолову из Гаммельна, который сначала заманивает крыс в воду, а затем теми же средствами возвращает детей из ниоткуда. Также и маленький Эйолф под чарами старухи-крысоловки бросается в воду. В сказании крыса предстает не столько отвратительным, сколько зловещим, можно сказать, хтоническим животным и используется для изображения душ умерших.

[2] Одна из земляных ласок, которые так часто встречаются на Венском центральном кладбище.

[3] «Но надо снять с порога заклинанье:
Его мне крыса отгрызет.
***
Довольно! Хорошо! Спасибо за старанье!» — говорит Мефистофель. [Гёте, «Фауст», 3-я сцена, перевод Н. Холодковского.]

[4] Погреб Ауэрбаха. [Гёте, «Фауст», часть I, перевод Н. Холодковского:
Сравнил себя с распухшей крысой —
И полным сходством поражен.]

И только теперь появилась возможность понять необъяснимый процесс при образовании его навязчивой идеи; все это можно было осмысленно перевести с помощью инфантильных сексуальных теорий и символики, известной нам из толкования сновидений. Когда на дневном привале, во время которого он потерял свое пенсне, капитан рассказывал о наказании крысами, сначала его увлек лишь жестоко-сладострастный характер представленной ситуации. Но тут же возникла связь с той детской сценой, в которой он сам укусил кого-то; капитан, который мог выступить за подобные наказания, занял для него место отца и привлек к себе часть вернувшегося озлобления, возникшего тогда против жестокого отца. Промелькнувшую мысль, что нечто подобное может случиться с дорогим ему человеком, можно было бы перевести как желание-побуждение: «Чтоб с тобой сделали нечто подобное», — которое относится к рассказчику, но за ним уже и к отцу. Когда затем через полтора дня[1] капитан передает ему посылку, прибывшую наложенным платежом, и просит отдать 3 кроны 80 геллеров обер-лейтенанту А. [с. 45], он уже знает, что «жестокий начальник» заблуждается и что он должен вернуть долг никому иному, как юной почтовой служащей. Поэтому ему хочется дать язвительные ответы, например: «Да, конечно! Что еще придет тебе в голову?» или: «Черта-с два», или: «Черта лысого я верну ему деньги!» — ответы, произнести которые ему не пришлось. Но из-за взбудораженного тем временем отцовского комплекса и воспоминания о той инфантильной сцене у него сформировался ответ: «Да, я верну деньги А., когда у моего отца и моей возлюбленной появятся дети», или: «Столь же верно, как мой отец и дама могут иметь детей, я верну ему деньги». То есть язвительное заверение, основанное на невыполнимом абсурдном условии[2].

Но преступление было совершено, он оскорбил двух самых дорогих ему людей — отца и возлюбленную; это требовало наказания, и оно состояло в том, что он связал себя невыполнимой клятвой, которая означала полное повиновение необоснованному требова-

---

[1] Не в тот же вечер, как он рассказывал вначале. Совершенно невозможно, чтобы заказанное пенсне прибыло в этот же самый день. Он сокращает в воспоминании этот промежуток времени, потому что именно в нем установились решающие мыслительные взаимосвязи, а также потому, что он вытесняет пришедшуюся на него встречу с офицером, который рассказал ему о любезном поступке юной почтовой служащей [см. выше, с. 48].

[2] Стало быть, также и в речи навязчивого мышления абсурдность означает глумление, равно как и в сновидении. См. «Толкование сновидений» (1900*a*, глава VI (Ж) [*Studienausgabe*, т. 2, с. 429]).

нию начальника: *«Теперь ты действительно должен вернуть деньги А.»*. В полном повиновении он вытеснил все свое знание, что напоминание капитана основано на ошибочном предположении: «Да, ты должен вернуть деньги А., как того потребовал заместитель отца. Отец ошибаться не может». Его величество тоже ошибаться не может, и если он назвал подданного не подобающим ему титулом, то он и впредь будет носить этот титул.

От этого процесса в его сознание попадают только смутные сведения, однако протест против требования капитана и резкий переход в противоположность представлены и в сознании. (Вначале: *«Не* отдавай деньги, иначе это [наказание крысами][1] случится», а затем превращение в противоположную по содержанию клятву как наказание за протест [см. с. 45].)

Представим себе еще стечение обстоятельств, при которых образовалась большая навязчивая идея. Из-за долгого воздержания, а также радушного отношения, на которое мог рассчитывать молодой офицер у женщин, его либидо усилилось; кроме того, он отправился на военные учения, находясь в известной размолвке со своей дамой. Это усиление либидо сделало его склонным снова вступить в давнишнюю борьбу с авторитетом отца, и он осмелился помышлять о сексуальном удовлетворении с другими женщинами. Сомнение в уроке отца и размышления по поводу достоинств возлюбленной усилились; в таком расположении духа он позволил себе оскорбить их обоих, а затем за это себя наказал. Тем самым он воспроизвел давнюю модель. Когда потом после военных учений он так долго колеблется, ехать ему в Вену или остаться и выполнить клятву, то в этом он отображает оба конфликта, которые волновали его с давних пор, — должен ли он быть послушным отцу и оставаться верным возлюбленной[2].

Еще несколько слов об истолковании содержания санкции: «Иначе с обоими людьми осуществится наказание крысами». Она основывается на влиянии двух инфантильных сексуальных теорий, которые я разбирал в другом месте[3]. Первая из этих теорий сводит-

---

[1] [Квадратные скобки самого Фрейда.]

[2] Наверное, интересно будет подчеркнуть, что послушание отцу опять-таки совпадает с отдалением от дамы. Если он остается и возвращает деньги А., то этим кается перед отцом и одновременно оставляет даму, поддаваясь притягательной силе другого «магнита». Победа в этом конфликте остается за дамой, однако при поддержке человека с нормальным рассудком.

[3] Ср. «Об инфантильных сексуальных теориях» (1908*c*) [*Studienausgabe*, т. 5, с. 179].

ся к тому, что дети появляются на свет из заднего прохода; вторая логически добавляет возможность того, что мужчины точно так же могут рожать детей, как и женщины. Согласно техническим правилам толкования сновидений, представление о появлении на свет из кишечника может изображаться его противоположностью: проникновением в кишечник (как при наказании крысами) — и наоборот.

Ожидать более простых решений для столь тяжелых навязчивых идей или решений другими средствами, пожалуй, было бы неоправданно. Вместе с решением, к которому мы пришли, делирий, связанный с крысами, был устранен.

II
О ТЕОРИИ[1]

А. Некоторые общие особенности навязчивых образований[2]

Данное мною в 1896 году определение навязчивых представлений: они являются «преобразованными, вернувшимися из вытеснения упреками, которые всегда относятся к доставившему удовольствие сексуальному действию, совершенному в детские годы»[3], — сегодня мне кажется уязвимым по форме, хотя оно составлено из наилучших элементов. Оно чересчур стремилось к унифицированию и взяло в качестве образца процесс у самих больных неврозом навязчивости, которые с присущей для них склонностью к неопределенности мешают в одну кучу самые разнообразные психические образования в качестве «навязчивых представлений»[4]. На самом деле корректнее говорить о «навязчивом мышлении», подчеркнув, что навязчивые образования могут иметь значение самых разнообразных психических актов. Их можно определять как желания, искушения, импульсы, размышления, сомнения, приказания и запреты. В целом больные стремятся ослабить эту определенность и приводить в качестве навязчивого представления содержание, лишенное своего аффективного индекса. Пример такой трактовки желания, которое было низведено до простой «мыслительной связи», наш пациент предоставил нам на одном из первых сеансов (с. 52).

---

[1] [Этот подзаголовок был добавлен только в 1924 году.]

[2] Различные пункты, которые обсуждаются здесь и в следующем разделе, уже были упомянуты в литературе, посвященной неврозам навязчивости, как это видно из основательного научного труда, в котором рассматривается эта форма болезни, — опубликованной в 1904 году книги Л. Лёвенфельда «Психические навязчивые явления».

[3] «Еще несколько замечаний о защитных невропсихозах» [1896*b*, в начале раздела II].

[4] Этот недостаток определения исправляется в самой статье. В ней говорится: «Возвращенные к жизни воспоминания и образованные из них упреки никогда, однако, не попадают в сознание в неизменном виде; то, что осознается как навязчивое представление и навязчивый аффект, замещает патогенное воспоминание для сознательной жизни, — это *компромиссные образования* между вытесненными и вытесняющими представлениями». Следовательно, в определении необходимо сделать особый акцент на слове «преобразованные».

Необходимо также вскоре признать, что до сих пор еще ни разу не удалось должным образом оценить феноменологию навязчивого мышления. Во вторичной защитной борьбе, которую больной ведет с проникшими в его сознание «навязчивыми представлениями», возникают образования, заслуживающие особого обозначения. Вспомним, к примеру, о веренице мыслей, которые занимали нашего пациента на обратном пути с военных учений. Это не чисто разумные рассуждения, которые противопоставляются навязчивым мыслям, а, так сказать, помеси между двумя видами мыслей, они включают в себя определенные предпосылки навязчивости, с которой борются, и помещаются (средствами разума) на почву болезненного мышления. На мой взгляд, такие образования заслуживают названия *«делирии»*. Это различие пояснит пример, который я прошу вставить на свое место в истории болезни. Когда во время своей учебы наш пациент предавался описанному сумасбродному поведению: работал до поздней ночи, затем открывал духу отца двери и после этого разглядывал в зеркале свои гениталии (с. 71), — он пытался образумить себя, спрашивая, что бы сказал отец, будь он действительно жив. Но данный аргумент не имел никакого успеха, пока приводился в этой разумной форме; призрак исчез лишь после того, как он преобразовал ту же самую мысль в дилирозную угрозу: если он еще раз совершит эту бессмыслицу, на том свете случится беда с отцом.

Значение, несомненно, правомерного различия между первичной и вторичной защитной борьбой неожиданным образом ограничивается тем выявленным обстоятельством, что *больные сами не знают точной формулировки своих собственных навязчивых представлений*. Это звучит парадоксально, но имеет свой смысл. В ходе психоанализа набирается смелости не только пациент, но и, так сказать, его болезнь; она отваживается выражаться яснее. Если отказаться от образного описания, то происходит следующее: больной, который прежде в ужасе отказывался воспринимать свои болезненные продукты, теперь уделяет им свое внимание и узнает их отчетливее и детальнее[1].

---

[1] У иных больных отвлечение внимания заходит так далеко, что они вообще не могут указать содержание навязчивого представления или описать навязчивое действие, которое совершалось ими множество раз. [Ср. аналогичные замечания Фрейда о фобиях, а также замечания, приведенные при анализе «маленького Ганса» (1909*b*, *Studienausgabe*, т. 8, с. 105–106).]

Кроме того, более точное знание о навязчивых образованиях можно получить двумя особыми способами. Во-первых, опыт показывает, что сновидения могут привести непосредственный текст навязчивого требования и т. п., который в бодрствовании был известен лишь в исковерканном и обезображенном виде, как в искаженной депеше. Эти тексты появляются в сновидении в виде *высказываний*, вопреки тому правилу, что высказывания в сновидении происходят от того, что говорилось днем[1]. Во-вторых, аналитически прослеживая историю болезни, зачастую убеждаешься в том, что многие следующие друг за другом, но не совпадающие по своей точной формулировке навязчивые представления все же по существу оказываются одними и теми же. Первый раз от навязчивого представления удалось удачно отбиться, но в другой раз оно возвращается в искаженной форме, не распознается и, возможно, вследствие своего искажения может успешнее отстоять себя в защитной борьбе. Но первоначальная форма является настоящей, и зачастую она позволяет распознать свой смысл совершенно открыто. После того как с большим трудом удалось прояснить непонятную навязчивую идею, нередко от больного можно услышать, что мысли, желания, искушения, такие, как сконструированные, действительно когда-то возникали до появления навязчивой идеи, но не сохранились в памяти. Примеры этого из истории нашего пациента, к сожалению, оказались бы чересчур обстоятельными.

Стало быть, то что официально обозначается как «навязчивое представление», в своем искажении по сравнению с первоначальной формулировкой содержит в себе следы первичной защитной борьбы. Его искажение делает его теперь жизнеспособным, ибо сознательное мышление вынуждено неправильно его понимать, как содержание сновидения, которое само является продуктом компромисса и искажения и в дальнейшем неправильно понимается бодрствующим мышлением[2].

Неверное понимание со стороны сознательного мышления можно доказать не только в случае самих навязчивых идей, но и в отношении продуктов вторичной защитной борьбы, например, защитных формул. Здесь я могу привести два хороших примера. Наш

---

[1] Ср. «Толкование сновидений» (1900*a*, глава VI (E) [*Studienausgabe*, т. 2, с. 406 и далее]). [Данный случай истории болезни «Крысина» в связи с вышеупомянутым феноменом затрагивается в примечании, добавленном в 1909 году в главе VI (A) «Толкования сновидений», там же, с. 304, прим. 2.]

[2] [Ср. «Толкование сновидений», глава VI (I), *Studienausgabe*, т. 2, с. 480–481.]

пациент употреблял в качестве защитной формулы быстро произносимое *aber* («но»), которое сопровождалось отрицающим движением рукой. Затем однажды он рассказал, что в последнее время эта формула изменилась; он говорит уже не *áber*, а *abér*. На вопрос о причине этого новшества, он сообщил, что безударное *е* второго слога не дает ему гарантии от внушающего страх вмешательства чего-то чуждого и противоположного, и поэтому он решил делать акцент на *е*. Это объяснение, полностью выдержанное в стиле невроза навязчивости, все же оказалось неудовлетворительным, в лучшем случае оно могло претендовать на значение рационализации; на самом деле *abér* уподоблялось *Abwehr* («защита») — термину, который он знал из наших теоретических бесед о психоанализе. Стало быть, лечение произвольным и делирозным образом использовалось для усиления защитной формулы. В другой раз он рассказал мне о своем главном волшебном слове, которое он составил для защиты от всевозможных искушений из начальных букв всех самых благотворных молитв и снабдил добавленным *«аминь» (Amen)*. Я не могу привести само слово по причинам, которые сейчас станут понятными[1]. Услышав его, я вынужден был заметить, что оно скорее было анаграммой имени его почитаемой дамы; в этом имени имелась буква *s*, которую он поместил в конце, непосредственно перед добавленным *Amen*. Следовательно, мы вправе сказать: он свел вместе свое семя (Samen) с возлюбленной, то есть онанировал в воображении с ее персоной. Но сам он эту напрашивающуюся взаимосвязь не замечал; защита позволила вытесненному себя одурачить. Впрочем, это является хорошей иллюстрацией тезиса, что со временем то, от чего защищаются, регулярно создает себе доступ к тому, с чьей помощью от него защищаются.

Если мы утверждаем, что навязчивые мысли подвергаются искажению, подобно мыслям сновидения, до того как они становятся содержанием сна, то нам может быть интересна техника этого искажения, и ничего не мешает приложить ее разнообразные средства к ряду переведенных и понятых навязчивых идей. Но также из этого, соблюдая условия публикации, я могу показать лишь отдельные образцы. Не все навязчивые идеи нашего пациента были построены столь сложным образом и были такими трудными для раскрытия, как главное представление о крысах. При других использова-

---

[1] [Как следует из оригинальных записей (1955*а*), это слово звучало «Glejisamen» (или «Glejsamen»). Даму звали Гизела.]

лась очень простая техника, искажение с помощью пропуска — *эллипсис*, — которая прекрасно используется в остроте, но также и здесь исполняла свой долг как средство защиты от понимания.

К примеру, одна из его самых давних и излюбленных навязчивых идей (имевшая значение напоминания или предостережения) гласила: *«Если я женюсь на даме, то с отцом* (на том свете) *случится беда»*. Если мы вставим пропущенные и известные из анализа промежуточные элементы, то ход мыслей будет таков: «Если бы отец был жив, то из-за моего намерения жениться на даме он разъярился бы точно так же, как тогда в детской сцене; я снова на него разозлился бы и пожелал бы ему зла, а по причине всемогущества[1] моих желаний это непременно бы сбылось».

Или другой пример эллиптического решения, точно так же имеющий характер предостережения или аскетического запрета. У него была славная маленькая племянница, которую он очень любил. Однажды у него возникла идея: *«Если ты позволишь себе коитус, то с Эллой случится несчастье* (она умрет)». Со вставкой пропущенного: «Каждый раз во время коитуса, даже с посторонней женщиной, ты все же должен думать о том, что от половых сношений в твоем браке ребенок никогда не появится (бесплодие его возлюбленной). Ты будешь так огорчен, что станешь с завистью смотреть на маленькую Эллу и пожелаешь, чтобы у сестры не было ребенка. Эти чувства зависти повлекут за собой его смерть»[2].

По всей видимости, эллиптический прием искажения типичен для невроза навязчивости; я с ним сталкивался в навязчивых мыслях и других пациентов. Особенно прозрачным и интересным благодаря определенному сходству со структурой представления о крысах был случай сомнения у одной дамы, страдавшей в основном от навязчивых действий. Она прогуливалась со своим мужем по Нюрнбергу и попросила его зайти вместе с ней в магазин, где купи-

---

[1] Об этом «всемогуществе» см. ниже, с. 92.

[2] О применении техники пропуска в случае остроты я хочу напомнить с помощью нескольких примеров, которые я заимствую из одного моего труда. («Острота и ее отношение к бессознательному», 1905*c*, *Studienausgabe*, т. 4, с. 75.] «В Вене живет остроумный и воинственный писатель, который за резкость своих обвинительных выступлений не раз подвергался побоям со стороны тех, кого он изобличал. Однажды, когда обсуждалось новое прегрешение одного из его извечных противников, кто-то сказал: *"Если X это услышит, он снова получит пощечину"*... Бессмыслица исчезает, когда заполняют пробел: *"Тогда он напишет такую язвительную статью о данном человеке, что...* и т. д."» [Упомянутым «X» был Карл Краус.] — Эта эллиптическая острота обнаруживает также содержательное соответствие с вышеприведенным первым примером.

ла для своего ребенка разные вещи, в том числе и гребень. Муж, для которого выбор покупок чересчур затянулся, сказал, что по пути в магазин видел у одного антиквара монеты, которые он хочет приобрести; после покупки он зайдет за ней в магазин. Но по ее оценке он отсутствовал слишком долго. Когда он вернулся и на вопрос, где же он задержался, ответил: «Как раз у того антиквара», — у нее в тот же момент возникло мучительное сомнение, не обладала ли она уже с давних пор купленным для ребенка гребнем. Разумеется, простую взаимосвязь она не могла обнаружить. Мы не можем объяснить это сомнение иначе как смещенное и конструируем все бессознательные мысли следующим образом: «Если верно, что ты был только у антиквара, если я должна в это верить, то тогда я точно так же могу поверить, что уже с давних пор обладаю этим только что купленным гребнем». Стало быть, язвительное, насмешливое сопоставление, похожее на мысль нашего пациента [с. 80]: «Столь же верно, как они оба (отец и дама) могут иметь детей, я верну А. деньги «. У дамы сомнение было связано с бессознательной ревностью, ибо она предположила, что ее муж использовал промежуток времени, чтобы нанести любовный визит.

На этот раз я не возьмусь за психологическую оценку навязчивого мышления. Она принесла бы чрезвычайно ценные результаты и способствовала бы нашему пониманию сущности сознательного и бессознательного больше, чем изучение истерии и гипнотических явлений. Было бы крайне желательно, чтобы философы и психологи, которые понаслышке или исходя из своих общепринятых определений развивают остроумные учения о бессознательном, получили сначала важнейшее впечатление от явлений навязчивого мышления; этого можно было бы чуть ли не требовать, не будь такой способ работы гораздо более трудоемким, чем тот, что освоен ими. Я здесь только еще сообщу, что иногда при неврозе навязчивости бессознательные душевные процессы пробиваются в сознание в самой чистой, неискаженной форме, что прорыв может происходить на самых разных стадиях бессознательного мыслительного процесса и что в моменты прорыва навязчивые представления чаще всего распознаются как давно существующие образования. Отсюда бросающее в глаза явление, что больной неврозом навязчивости, когда вместе с ним пытаются отыскать момент, когда навязчивая идея возникла впервые, в ходе анализа вынужден отодвигать его все дальше назад, находит для нее все новые первые поводы.

Б. Некоторые психические особенности больных неврозом навязчивости — их отношение к реальности, к суевериям и к смерти

Я должен здесь рассмотреть некоторые душевные свойства больных неврозом навязчивости, которые сами по себе не кажутся важными, но лежат на пути к пониманию чего-то более важного. У моего пациента они были очень отчетливо выражены; я знаю, однако, что их следует отнести на счет не его индивидуальности, а его недуга и что совершенно типичным образом они обнаруживаются и у других больных неврозом навязчивости.

Наш пациент был весьма суеверен, несмотря на то, что был высокообразованным, просвещенным и весьма сообразительным человеком и порою мог заверять, что во всю эту ерунду нисколько не верит. То есть он был суеверным и в то же время им не был и явно отличался от необразованных суеверных людей, которые ощущают себя единым целым со своей верой. Казалось, он понимает, что его суеверие связано с его навязчивым мышлением, хотя иногда он целиком ему предавался. Такое противоречивое и неустойчивое поведение можно проще всего понять под углом зрения одной определенной гипотезы. Я могу без колебаний предположить, что относительно этих вещей у него имелись два разных и противоположных убеждения, а не одно, скажем, пока еще окончательно не сформировавшееся суждение. Он колебался между двумя этими мнениями в самой явной зависимости от своего прочего отношения к болезни. Как только он брал верх над одной навязчивостью, он потешался над своей легковерностью, и с ним не случалось ничего, что могло бы его поколебать, но как только он оказывался во власти неразрешенной навязчивости — или что равноценно: сопротивления, — с ним происходили самые странные вещи, приходившие на помощь легковерному убеждению.

Тем не менее его суеверие было суеверием образованного человека, и он обходился без такой чепухи, как страх пятницы, числа «13» и т. п. Но он верил в предзнаменования, в пророческие сны, постоянно встречал тех людей, о которых по необъяснимым причинам только что думал, и получал письма от корреспондентов, которые после длительных перерывов вдруг всплывали у него в памяти. При этом он был довольно правдив или, скорее, верен своему официальному убеждению и не забывал случаи, в которых его самые сильные предчувствия не оправдывались, как, например, в том

случае, когда, однажды отправившись летом отдыхать загород, он был абсолютно уверен, что живым в Вену он уже не вернется. Он также признался, что большинство предзнаменований касалось вещей, не имевших особого значения для его персоны, и что, когда он встречал знакомого, которого очень давно не вспоминал, но о котором незадолго до этого думал, между ним и этим чудесным образом увиденным человеком затем ничего не происходило. Разумеется, он не мог отрицать, что все важное в его жизни случалось без предзнаменований, в том числе, например, смерть отца, заставшая его врасплох. Но все подобные аргументы ничего не меняли в разногласии убеждений нашего пациента и доказывали лишь навязчивый характер его суеверий, о котором можно было судить уже по их колебаниям, совпадавшим с сопротивлением.

Разумеется, я не мог рационально объяснить все его давние чудесные истории, но что касается аналогичных вещей, случавшихся во время лечения, мне удалось ему доказать, что он сам постоянно участвовал в фабрикации чудес, и продемонстрировать, какие средства он при этом использовал. Он пользовался периферическим зрением и чтением, забыванием и прежде всего обманами памяти. В конце он сам помогал мне выявлять небольшие трюки, благодаря которым совершались те чудеса. В качестве любопытного инфантильного источника его веры в исполнение предчувствий и предсказаний однажды выявилось воспоминание о том, как мать очень часто, когда нужно было выбрать определенную дату, говорила: «В такой-то и такой-то день я не смогу; должно быть, я слягу». И действительно, в объявленный день она всякий раз лежала в постели!

Несомненно, он испытывал потребность находить в переживании такие точки опоры для своих суеверий, поэтому обращал такое внимание на известные необъяснимые случайности в обыденной жизни и бессознательным поведением помогал там, где их не хватало. Эту потребность я обнаружил у многих других больных неврозом навязчивости и подозреваю ее еще у нескольких. Мне кажется, что это хорошо объясняется психологическими особенностями невроза навязчивости. Как я уже отмечал (с. 64), при этом расстройстве вытеснение осуществляется не с помощью амнезии, а путем разрыва причинных взаимосвязей вследствие лишения аффекта. По-видимому, у этих вытесненных связей сохраняется известная напоминающая о себе сила — которую я в другом месте сравнил с эндопсихическим восприятием[1], — поэтому посредством про-

---

[1] «Психопатология обыденной жизни» (1901*b*), глава XII, раздел В (*б*). [Тему суеверия Фрейд затем обсуждает в своей более поздней работе «Жуткое» (1919*h*).]

екции они переносятся во внешний мир и там свидетельствуют о том, что не состоялось в психическом.

Другая общая для больных неврозом навязчивости душевная потребность, имеющая известное родство с только что упомянутой, прослеживание которой ведет глубоко в исследование влечений, — это потребность в *неопределенности* в жизни или потребность в *сомнении*. Создание неопределенности — один из методов, которые применяет невроз, чтобы отвлечь больного от *реальности* и изолировать его от мира, что, впрочем, заложено в тенденции любого психоневротического нарушения. Опять-таки ясно, как много больные делают для того, чтобы избежать определенности и иметь возможность предаваться сомнению; более того, у некоторых эта тенденция находит яркое выражение в их нелюбви к часам, которые позволяют хотя бы определить время, и в их бессознательно осуществляемых уловках обезвредить любой инструмент, исключающий такое сомнение. Наш пациент развил особое умение избегать сведений, которые способствовали бы принятию решения в его конфликте. Так, он не был осведомлен, как обстояли дела у его возлюбленной, имевшие решающее значение для заключения брака, якобы не мог сказать, кто ее оперировал, и какая это была операция — односторонняя или двусторонняя. Он не торопился вспоминать забытое и разузнавать то, чему не было уделено внимание.

Пристрастие больных неврозом навязчивости к неопределенности и сомнению становится для них мотивом, чтобы фиксировать свои мысли преимущественно на тех темах, где неопределенность — явление общечеловеческое, а наши знания и суждения неизбежно остаются подверженными сомнению. Такими темами прежде всего являются: происхождение по отцу, продолжительность жизни, жизнь после смерти и память, которой мы обычно верим, не имея ни малейшей гарантии ее надежности[1].

---

[1] Лихтенберг: «Населена ли Луна, — об этом астроном знает примерно с той же уверенностью, с какой он знает, кто был его отец, но не с той, откуда он знает, кто была его мать». — Явилось огромным культурным прогрессом, когда наряду со свидетельством органов чувств люди решились делать выводы и перейти от материнского права к отцовскому. — Доисторические фигуры, у которых маленький персонаж сидит на голове более крупного, изображают происхождение от отца: лишенная матери Афина возникает из головы Зевса. Даже в нашем языке *свидетель* [Zeuge], который удостоверяет что-либо перед судом, называется в соответствии с мужским участием в деле продолжения рода [Zeugung — зачатие], и еще в иероглифах слово «свидетель» передается через изображение мужских гениталий.

Невроз навязчивости самым обильным образом пользуется ненадежностью памяти для симптомообразования; какую роль в мышлении больных играют вопросы о продолжительности жизни и потустороннем мире, мы вскоре узнаем. В качестве самого подходящего перехода я прежде хочу еще обсудить ту черту в суеверии нашего пациента, упоминание о которой несколько раньше (с. 87), несомненно, вызвала недоумение у многих читателей.

Я имею в виду утверждавшееся им *всемогущество* своих мыслей и чувств, добрых и дурных желаний. Искушение объявить эту идею бредом, выходящим за рамки невроза навязчивости, несомненно, нельзя назвать незначительным; однако точно такое же убеждение я обнаружил и у другого больного неврозом навязчивости, который давно уже выздоровел и ведет нормальную жизнь. Собственно говоря, все больные неврозом навязчивости ведут себя так, словно разделяют подобное убеждение. Нашей задачей будет — прояснить эту переоценку. Предположим сразу, что в этой вере открыто заявляет о себе часть старой детской мании величия, и спросим нашего пациента, на чем он основывает свое убеждение. Он отвечает, ссылаясь на два события. Когда он во второй раз приехал в ту водолечебницу, где впервые и единожды за все время его состояние улучшилось [ср. с. 38], он снова попросил ту самую комнату, которая благодаря своему расположению способствовала его общению с одной из сиделок. Он получает ответ: комната уже занята одним пожилым профессором, — и реагирует на это известие, значительно снизившее его шансы на излечение, недобрыми словами: «Чтоб его за это паралич разбил». Через две недели ночью он вдруг проснулся, обеспокоенный представлением о трупе, а утром услышал, что у профессора действительно случился удар и что его принесли в комнату примерно в то же время, когда он проснулся[1]. Второе событие было связано с одной уже немолодой, очень нуждавшейся в любви женщиной, которая весьма любезно вела себя с ним, а однажды прямо спросила, сможет ли он ее полюбить. Он дал отрицательный ответ; через несколько дней он узнал, что женщина выбросилась из окна. Он стал себя упрекать и сказал себе, что в его власти было спасти ее жизнь, если бы подарил ей свою любовь. Таким образом он приобрел убеждение о всемогуществе своей любви и своей ненависти. Не отрицая всемогущества любви, мы хотим подчеркнуть, что в обоих

---

[1] [Этот эпизод Фрейд затем приводит и обсуждает в своей работе «Жуткое» (*Studienausgabe*, т. 4, с. 262–263).]

случаях речь идет о смерти, и присоединимся к напрашивающемуся объяснению, что наш пациент, как и другие больные неврозом навязчивости, вынужден переоценивать воздействие своих враждебных чувств во внешнем мире, поскольку значительная часть внутреннего психического воздействия этих чувств его осознанному знанию была недоступна. Его любовь — или, скорее, его ненависть — действительно чрезвычайно сильны; именно они создают те навязчивые мысли, происхождение которых он не понимает и от которых безуспешно защищается[1].

К теме смерти наш пациент имел совершенно особое отношение. Каждый раз, когда кто-нибудь умирал, он проявлял искреннее сочувствие, с благоговением участвовал в похоронах, из-за чего братья и сестры в насмешку его называли «стервятником»; но также и в фантазии он постоянно убивал людей, чтобы выразить искреннее сочувствие близким родственникам покойника. Смерть старшей сестры, когда ему было примерно три с половиной года [см. с. 71], играла в его фантазиях важную роль и самым тесным образом связалась с детскими проступками тех лет. Кроме того, мы знаем, в сколь раннем возрасте его стала занимать мысль о смерти отца, и можем трактовать само его заболевание как реакцию на это событие, которого пятнадцать лет назад он навязчиво желал. Странное распространение его навязчивых опасений на «потусторонний мир» есть не что иное, как компенсация за эти желания смерти отцу. Оно произошло через полтора года, когда снова усилилась печаль по умершему отцу, и должно было, вопреки реальности и ради желания, до этого проявлявшегося во всевозможных фантазиях, упразднить смерть отца[2]. В нескольких местах (с. 84 и 86–87) мы научились переводить добавление «на том свете» словами «если бы мой отец был еще жив».

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1923 году:]* С тех пор было установлено, что всемогущество мыслей, вернее, желаний, является важной частью примитивной душевной жизни. (См. «Тотем и табу», 1912–1913 [Третья статья, раздел 3, *Studienausgabe*, т. 9, с. 374–378); в этой книге невроз навязчивости обсуждается во многих местах, в частности в разделах 2 и 3 (*в*), второй статьи (там же, с. 318–326, 347–348, 350–351) и в разделе 3 третьей статьи (там же, с. 374–376)].)

[2] [Использование больными неврозом навязчивости защитных механизмов «отмены» и «изоляции» (см. ниже, с. 198–199 и с. 101) Фрейд обсуждает в главе VI работы «Торможение, симптом и тревога» (1926*d*, *Studienausgabe*, т. 6, с. 263–266); психология невроза навязчивости рассматривается в этой работе во многих местах.]

Но почти точно так же, как наш пациент, ведут себя и другие больные неврозом навязчивости, которым судьба не уготовила первую встречу с феноменом смерти в столь раннем возрасте. Их мысли непрерывно заняты вопросами о продолжительности жизни и возможности смерти других людей, их склонность к суеверию вначале не нашла другого содержания и, возможно, другого происхождения вообще не имеет. Но мысль о возможности смерти им нужна прежде всего для решения конфликтов, которые они оставили неразрешенными. Важная черта их характера состоит в том, что они не способны принимать решения, особенно в любовных делах; они стремятся отложить любое решение и, пребывая в сомнении, кого им избрать или какие принять меры против того или иного человека, берут в качестве образца старый имперский верховный суд, процессы которого обычно заканчивались до вынесения судебного приговора из-за смерти спорящих сторон. Таким образом, в любом жизненном конфликте они ожидают смерти важного для себя, чаще всего любимого, человека, будь то кто-либо из родителей, соперник или один из объектов любви, между которыми колеблется их симпатия. Вместе с тем такой оценкой комплекса смерти при неврозе навязчивости мы затрагиваем жизнь влечений этих больных, которую теперь мы рассмотрим подробнее.

В. Жизнь влечений и происхождение навязчивости и сомнений

Если мы хотим прийти к пониманию психических сил, взаимодействие которых создало этот невроз, то будем должны вернуться к тому, что узнали от нашего пациента о поводах к его заболеванию в зрелом возрасте и в детстве. Он заболел, когда ему было за двадцать, столкнувшись с искушением жениться на другой девушке, а не на своей давней возлюбленной. Он избегал решения этого конфликта, откладывая все действия, необходимые для его подготовки, и средства для этого ему предоставил невроз. Колебания между возлюбленной и другой девушкой можно свести к конфликту между влиянием отца и любовью к даме, то есть к конфликтному выбору между отцом и сексуальным объектом, который, если судить по воспоминаниям и навязчивым мыслям нашего пациента, существовал еще в раннем детстве. Кроме того, в отношении своей возлюбленной и отца у него, несомненно, всю жизнь существовал конфликт между циничной любовью и ненавистью. Фантазии о ме-

сти и навязчивые явления, такие, как навязчивое стремление к пониманию или манипулирование с камнем на проселочной дороге [с. 60], свидетельствуют об этом его душевном разладе, который до известной степени был естественен и понятен, ибо возлюбленная сначала отказом [с. 63], а затем своей холодностью дала повод к появлению у него враждебных чувств. Но точно такая же двойственность чувств, как мы узнали благодаря переводу его навязчивых мыслей, определяла его отношения с отцом, и отец тоже должен был дать ему в детские годы повод к враждебности, что мы чуть ли не с полной уверенностью сумели установить. Его отношение к возлюбленной, представлявшее собой смесь нежности и враждебности, большей частью попадало в его сознательное восприятие. Разве что он заблуждался относительно степени и выражения негативных чувств. И наоборот, враждебность к отцу, которая когда-то была совершенно осознанной, давно исчезла из поля зрения и могла быть возвращена в сознание, только преодолев сильнейшее сопротивление пациента. В вытеснении инфантильной ненависти к отцу мы усматриваем тот процесс, который повлек за собой все последующие события в рамках невроза.

Перечисленные по отдельности конфликты чувств у нашего пациента не являются независимыми друг от друга — они попарно друг с другом спаяны. Ненависть к возлюбленной добавляется к привязанности к отцу и наоборот. Но два конфликтных течения, остающихся после этого упрощения, — антагонизм между отцом и возлюбленной и противоположность любви и ненависти в каждых отдельных отношениях — как содержательно, так и генетически никак между собой не связаны. Первый из двух конфликтов соответствует обычному колебанию между мужчиной и женщиной как объектами любовного выбора, который впервые приходится делать ребенку, отвечая на всем известный вопрос: «Кого ты любишь больше: папу или маму?» — и который затем сопровождает его всю жизнь, несмотря на все различия в интенсивности ощущений и в фиксации окончательных сексуальных целей. Разве что обычно эта противоположность вскоре утрачивает характер острого противоречия, непреклонного «или-или»: создается пространство для неодинаковых притязаний обеих сторон, хотя также и у нормального человека уважение одного пола всякий раз подчеркивается обесцениванием противоположного.

Более странным нам кажется другой конфликт — конфликт между любовью и ненавистью. Мы знаем, что зарождающаяся любовь зачастую воспринимается как ненависть, что любовь, которой

отказано в удовлетворении, легко обращается в ненависть, и слышим от поэтов, что на бурных стадиях влюбленности оба противоположных чувства какое-то время могут существовать рядом друг с другом, словно соперничая между собой. Однако хроническое сосуществование любви и ненависти к одному и тому же человеку, двух в высшей степени интенсивных чувств, вызывает у нас удивление. Мы могли бы ожидать, что большая любовь давно победила бы ненависть или была бы ею истощена. На самом деле такое дальнейшее существование противоположностей возможно только при особых психологических условиях и при содействии бессознательного состояния. Любовь не смогла уничтожить ненависть, а лишь оттеснила ее в бессознательное, а в бессознательном, будучи защищенной от уничтожения под воздействием сознания, ненависть может сохраняться и даже усиливаться. Обычно при таких обстоятельствах сознательная любовь реактивным образом достигает особенно большой интенсивности, тем самым становясь способной справляться с постоянно возложенной на нее работой — удерживать своего противника в вытеснении. По-видимому, условием этого странного стечения обстоятельств в любовной жизни является очень раннее, произошедшее в доисторические детские годы разделение обеих противоположностей с вытеснением одного компонента, обычно ненависти[1].

Если рассмотреть несколько анализов больных неврозом навязчивости, то сложится впечатление, что такое поведение любви и ненависти, как у нашего пациента, относится к наиболее часто встречающимся, наиболее выраженным, а потому, наверное, к наиболее важным особенностям невроза навязчивости. Но как бы ни было заманчиво свести проблему «выбора невроза»[2] к жизни влечений, все же имеется достаточно оснований, чтобы этого искушения избежать, и необходимо себе сказать, что при любом неврозе в качестве носителей симптомов мы выявляем одни и те же подавленные влечения. Ведь ненависть, которую подавляет и удерживает в бессознательном любовь, играет также важную роль в патогенезе исте-

---

[1] Ср. рассуждения по этому поводу на одном из первых сеансов [выше, с. 53–54]. — *[Дополнение, сделанное в 1923 году:]* Для этой констелляции чувств Блейлер [1910] дал подходящее наименование «амбивалентность». Впрочем, ср. продолжение рассуждений на эту тему в статье «Предрасположение к неврозу навязчивости» (1913*j*) [см. с. 109 и далее в данном томе].

[2] [Этой проблемой Фрейд занимался с давних пор и неоднократно к ней возвращался, см. «Предварительные замечания издателей» к работе «Предрасположение к неврозу навязчивости», ниже, с. 107–108, а также саму эту работу, с. 109 и далее.]

рии и паранойи. Мы слишком мало знаем о сущности любви, чтобы прийти к определенному выводу; в частности, совершенно не ясно отношение ее *негативного фактора*[1] к садистскому компоненту либидо. Поэтому, когда мы говорим: «В рассмотренных случаях бессознательной ненависти садистские компоненты любви были конституционально особенно сильно развиты, из-за этого подверглись преждевременному и слишком основательному подавлению и, стало быть, наблюдаемые феномены невроза происходят, с одной стороны, от реактивно усиленной сознательной нежности, с другой стороны, от садизма, продолжающего действовать в бессознательном в виде ненависти», — это имеет ценность предварительной информации.

Но как бы мы ни понимали эти удивительные отношения любви и ненависти, их наличие благодаря наблюдению за нашим пациентом оказывается вне всяких сомнений, и отрадно видеть, насколько легко теперь нам понять загадочные процессы невроза навязчивости, связав их с этим моментом. Если интенсивной любви противостоит, связывая ее, почти такая же сильная ненависть, то ближайшим следствием должен быть частичный паралич воли, неспособность принимать решения во всех действиях, для которых любовь должна быть побуждающим мотивом. Но нерешительность недолго ограничивается одной группой действий. Ибо, во-первых, какие действия любящего человека не связаны с его основным мотивом? Во-вторых, сексуальное поведение обладает властью образца, по которому оно преобразует остальные реакции человека, и, в-третьих, психологическая особенность невроза навязчивости состоит в том, что он широко пользуется механизмом *смещения*. Таким образом, неспособность принимать решения постепенно распространяется на все поведение человека.

Отсюда господство *навязчивостей* и *сомнений*, которые встречаются нам в душевной жизни больного неврозом навязчивости. Сомнение соответствуют внутреннему восприятию нерешительности, которая вследствие торможения любви ненавистью овладевает больным при любом намеренном действии. По существу именно сомнение в любви субъективно и должно быть самым надежным, которое

---

[1] «Мне часто хочется, чтобы его не было больше среди живых. Но если бы такое сбылось, я знаю, что стал бы еще во много крат несчастнее, столь беззащитен я перед ним», — говорит Алкибиад о Сократе в «Пире». [Некоторые более поздние воззрения Фрейда на эту тему можно изложены на последних страницах работы «Влечения и их судьбы» (1915*c*; *Studienausgabe*, т. 3, с. 90–102) и в главе IV работы «Я и Оно» (1923*b*).]

диффундирует во все остальное и преимущественно смещается на самые индифферентные мелочи[1]. Кто сомневается в своей любви, может, должен сомневаться и во всем остальном, менее значительном[2].

Это то же сомнение, которое при защитных мерах ведет к неопределенности и беспрерывному повторению, чтобы устранить неопределенность, и в конце концов оно приводит к тому, что эти защитные действия становятся такими же неосуществимыми, как и первоначально заторможенное решение в любви. В начале моих исследований[3] мне пришлось предположить другое, более общее происхождение неуверенности у больных неврозом навязчивости, которое, казалось, ближе прилегает к норме. Если, к примеру, при написании письма другой человек мне помешал, задав какой-то вопрос, то после этого я ощущаю оправданную неуверенность по поводу того, что из-за помехи чего-то не написал, и для надежности я вынужден еще раз прочесть письмо после того, как оно было готово. Я мог также думать, что неуверенность больных неврозом навязчивости, например во время их молений, происходит оттого, что в деятельность, связанную с чтением молитв, у них непрерывно в качестве помех вмешивались бессознательные фантазии. Эта гипотеза была верной, и вместе с тем ее легко можно примирить с нашим прежним утверждением. Действительно, неуверенность в осуществлении защитной меры происходит от мешающих бессознательных фантазий, но эти фантазии содержат противоположный импульс, от которого приходилось защищаться как раз при помощи молитвы. Это отчетливо проявляется у нашего пациента, когда помеха не остается бессознательной, а дает о себе знать открыто. Когда во время молитвы он хочет произнести: *«Боже, храни ее!»*, — внезапно из бессознательного прорывается враждебное *«не»*, и он догадывается, что это — начало проклятия (с. 62). Если бы это «не» осталось без-

---

[1] Ср. изображение с помощью мелочи в качестве технического приема остроты. [«Острота и ее отношение к бессознательному» (1905*c*), глава II, *Studienausgabe*, т. 4, с. 77–78). См. также «Навязчивые действия и религиозные отправления» (1907*b*), выше, с. 20. Фрейд высказался по этому пункту еще раз, а именно в конце своей работы «Вытеснение» (1915*d*), *Studienausgabe*, т. 3, с. 117.]

[2] Любовные стихи Гамлета Офелии (акт II, 2-я сцена):

Не верь, что солнце ясно,
Что звезды — рой огней,
Что правда лгать не властна,
Но верь любви моей.
(Перевод М. Лозинского.)

[3] [В ранней работе «Obsessions et phobies» (1895c).]

молвным, то он также оказался бы в состоянии неуверенности и все снова и снова продлевал бы свою молитву; после того как оно прозвучало, он в конце концов отказался от молитвы. Но прежде чем это сделать, он, как и все больные неврозом навязчивости, испробовал всевозможные методы, чтобы воспрепятствовать вмешательству противоположности, — сокращение молитвы, ускоренное ее проговаривание; другие стараются каждое такое защитное действие тщательно *«изолировать»*[1] от остального. Однако все эти технические приемы никакой долговременной пользы не приносят; если любовный импульс, сместившись на незначительное действие, сумел чего-то добиться, то за ним вскоре последует враждебный импульс и уничтожит весь его труд.

Обнаружив затем слабое место в обеспечении нашей душевной жизни, ненадежность памяти, с его помощью больной неврозом навязчивости может распространить сомнение на все, даже на совершенные уже действия, которые пока еще не находились в связи с комплексом любви и ненависти, и на все прошлое. Я напомню пример той женщины, которая только что в магазине купила гребень для своей маленькой дочери и, заподозрив своего мужа, начала сомневаться, не обладала ли она уже этим гребнем давно [с. 87–88]. Не говорит ли эта женщина напрямую: «Раз я могу усомниться в твоей любви (а это было всего лишь проекцией ее сомнений в собственной любви к нему), то я могу усомниться также во всем», — и не выдает ли она этим нашему пониманию скрытый смысл невротического сомнения?[2]

Однако *навязчивость* — это попытка компенсации сомнения и коррекции невыносимых состояний торможения, о которых свидетельствует сомнение. Если с помощью смещения в конце концов удается довести до решения какое-либо из заторможенных намерений, то оно *должно* осуществиться; правда, оно уже не будет первоначальным, но запруженная в нем энергия уже не сможет отказаться от возможности найти для себя отвод в замещающем действии. Таким образом, она проявляется в повелениях и запретах, когда то нежный, то враждебный импульс завоевывает этот путь к отводу. Напряжение, когда навязчивое повеление не может быть выполнено, становится невыносимым и воспринимается как сильнейшая

---

[1] [См. прим. 2 на с. 93, выше.]

[2] [Некоторые замечания о другом механизме сомнения при истерии содержатся в начале раздела I истории болезни «Доры» (1905*e*, *Studienausgabe*, т. 6, с. 95–96). О сомнении в связи со сновидениями см. «Толкование сновидений» (1900*a*), глава VII (A) (*Studienausgabe*, т. 2, с. 494 и далее).]

тревога. Но сам путь к сместившемуся на мелочь замещающему действию столь бурно оспаривается, что оно, как правило, может осуществиться лишь как защитная мера, самым тесным образом смыкающаяся с импульсом, от которого требуется защититься.

В результате своего рода *регрессии* место окончательного решения занимают подготовительные действия, мышление заменяет действие, и вместо замещающего действия с навязчивой силой утверждается та или иная мыслительная предварительная ступень поступка. В зависимости от того, насколько выражена эта регрессия от действия к мышлению, случай невроза навязчивости приобретает характер навязчивого мышления (навязчивого представления) или навязчивого действия в узком смысле слова. Однако эти настоящие навязчивые действия становятся возможными лишь потому, что в них в виде компромиссных образований произошло своего рода примирение двух борющихся между собой импульсов. Навязчивые действия все больше приближаются — причем чем дольше длится недуг, тем отчетливее — к инфантильным сексуальным действиям по типу онанизма. Таким образом, при этой форме невроза все же совершаются любовные действия, но только при помощи новой регрессии; они уже не относятся к другому человеку, объекту любви и ненависти, а являются аутоэротическими, как в детстве.

Регрессии первого вида — от действия к мышлению — благоприятствует другой фактор, участвующий в возникновении невроза. В историях больных неврозом навязчивости регулярно встречается раннее проявление и преждевременное вытеснение сексуального влечения к разглядыванию и знанию, которое и у нашего пациента отчасти управляет его инфантильной сексуальной деятельностью [с. 39 и далее][1].

Мы уже упоминали значение садистских компонентов для генеза невроза навязчивости; там, где влечение к знанию преобладает в конституции больного неврозом навязчивости, главным симптомом невроза становится резонерство. Сексуализируется сам мыслительный процесс, поскольку сексуальное удовольствие, которое обычно относится к содержанию мышления, обращается на сам мыслительный акт, а удовлетворение, получаемое при достижении умозаключения, ощущается как сексуальное удовлетворение. Это отношение влечения к знанию к мыслительным процессам делает его особенно пригодным в различных формах невроза навязчивос-

---

[1] [С этим, вероятно, также связана в среднем поистине большая интеллектуальная одаренность больных неврозом навязчивости.]

ти, в которых оно присутствует, энергию, тщетно пытающуюся пробиться к действию, привлекать к мышлению, где предоставляется возможность приятного удовлетворения другого рода. Таким образом, при помощи влечения к знанию замещающее действие далее может смениться подготовительными мыслительными актами. Но отсрочка в действии вскоре находит свою замену в виде промедления в мыслях, и весь процесс, сохраняя все свои особенности, в конечном счете переводится в новую область, подобно тому, как американцы способны *«moven»*[1] дом.

Теперь я бы позволил себе, опираясь на вышеприведенные рассуждения, определить давно искомую психологическую особенность, которая придает продуктам невроза навязчивости свойство «навязчивости». Навязчивыми становится такие мыслительные процессы, которые (вследствие встречного торможения на моторном конце мыслительной системы) совершаются с затратами энергии, обычно предназначенными — как в количественном отношении, так и в качественном отношении — только для действия, то есть такие *мысли, которые должны регрессивно замещать поступки*. Наверное, не встретит возражения гипотеза, что обычно в силу экономических причин мышление имеет дело с меньшими смещениями энергии (вероятно, на более высоком уровне [катексиса]), чем действия, предназначенные для отвода или для изменения внешнего мира[2].

То, что в виде навязчивой мысли с чрезмерной силой пробилось в сознание, должно теперь застраховаться от усилий сознания его устранить. Мы уже знаем, что эта защита обеспечивается *искажением*, которому навязчивая мысль подверглась до своего осознания. Но это не единственное средство. Кроме того, отдельная навязчивая идея редко упускает возможность исчезнуть из ситуации своего возникновения, в которой, несмотря на искажение, понять ее было бы проще всего. С этой целью, с одной стороны, *вставляется интервал* между патогенной ситуацией и последующей навязчивой идеей, который сбивает с толку каузальные исследования сознательного мышления[3]; с другой стороны, содержание навязчивой идеи выводится из его особых условий путем *обобщения*.

---

[1] [От английского «move» — передвинуть, переместить. — *Примечание переводчика*.]

[2] [Последнее утверждение Фрейд выдвинул еще раньше в главе VII (Д) «Толкования сновидений» (*Studienausgabe*, т. 2, с. 569). Затем он его повторил в работе «Положения о двух принципах психического события» (1911*b*).]

[3] [Процесс «изоляции». См. прим. 2, с. 93, выше.]

Пример этого наш пациент дает в «навязчивом понимании» (с. 60); пожалуй, еще лучший — другая больная, которая запрещала себе носить какие-либо украшения, хотя поводом к этому послужило одно-единственное украшение, из-за которого она завидовала матери и которое, как она надеялась, когда-нибудь достанется ей по наследству. Наконец, защите навязчивой идеи от сознательной работы по ее устранению служит еще неопределенность или двусмысленность выбранной формулировки, если мы хотим ее отделить от единообразного искажения. Эта неверно понятая формулировка может теперь войти в делирии, и последующие усовершенствования или замены навязчивости будут опираться на неправильное понимание, а не на действительный текст. И все же можно наблюдать, что эти делирии стремятся образовывать все новые связи с содержанием и точным текстом навязчивости, не воспринятыми в сознательном мышлении.

Я хотел бы еще раз вернуться к жизни влечений больных неврозом навязчивости, чтобы сделать одно- единственное замечание. Наш пациент оказался также *человеком, имевшим хороший нюх*, который, по его утверждению, в детстве, словно собака, узнавал любого человека по запаху и которому еще и сегодня обонятельные восприятия говорили больше, чем другим людям[1]. Нечто подобное я обнаруживал и у других невротиков, у больных неврозом навязчивости и у истериков, и приучил себя принимать во внимание роль в генезе неврозов удовольствия от обоняния, которое исчезает в детстве[2]. В целом я хотел бы поставить вопрос, не является ли снижение обоняния, ставшее неизбежным из-за отдаления человека от земли, и этим обусловленное органическое вытеснение удовольствия от обоняния главными слагаемыми его предрасположенности к невротическим заболеваниям. Тогда стало бы понятно, что в восходящей культуре именно сексуальная жизнь должна быть принесена в жертву вытеснению. Ведь мы давно уже знаем, сколь тесная связь возникла в животной организации между сексуальным влечением и функцией органа обоняния[3].

---

[1] Я добавлю, что в его детские годы господствовали ярко выраженные копрофолические наклонности. С этим связана уже отмечавшаяся анальная эротика (с. 77 [выше]).

[2] Например, при известных формах фетишизма. [Этот пункт подробнее обсуждается Фрейдом в примечании, добавленном в 1910 году к первому из трех очерков по теории сексуальности (1905*d*; *Studienausgabe*, т. 5, с. 65, прим. 2). — Относительно совершенно иного аспекта фетишизма см. работу Фрейда на эту тему (1927*e*), *Studienausgabe*, т. 3, с. 383 и далее.]

[3] [К этой теме Фрейд еще раз вернулся намного позднее, а именно в главе IV работы «Недомогание культуры» (1930*a*), *Studienausgabe*, т. 9, с. 229–230, прим., и с. 235–236, прим. 2.]

В завершение этой работы я хочу выразить надежду, что мои во всех смыслах неполные сообщения по меньшей мере дадут стимул другим, углубившись в исследование невроза навязчивости, выявить нечто большее. Характерное в этом неврозе, то, что отличает его от истерии, на мой взгляд, следует искать не в жизни влечений, а в психологических условиях. Я не могу оставить своего пациента, не выразив впечатления, что он словно распался на три личности; я бы сказал: на бессознательную и на две предсознательные, между которыми могло колебаться его сознание. Его бессознательное охватывало побуждения, подавленные в раннем детстве, которые можно охарактеризовать как страстные и недобрые; в своем нормальном состоянии он был добрым, жизнерадостным, уверенным в себе, умным и свободомыслящим, но в своей третьей психической организации он предавался суеверию и аскетизму, и поэтому он мог иметь два убеждения и отстаивать двоякого рода мировоззрения. Эта предсознательная личность содержала преимущественно реактивные образования в ответ на свои вытесненные желания, и нетрудно было предвидеть, что при дальнейшем сохранении болезни она истощила бы нормальную личность. В настоящее время у меня есть возможность исследовать одну даму, тяжело страдающую от навязчивых действий, которая аналогичным образом распалась на терпимую, жизнерадостную и на необычайно мрачную, аскетическую личность. Первую она выдвигает вперед в качестве своего официального Я, в то время как находится во власти последней. Обе психические организации имеют доступ к ее сознанию, и за аскетической личностью можно выявить совершенно неизвестное ей бессознательное ее существа, состоящее из древних, давно вытесненных импульсов желаний[1].

[1] *[Дополнение, сделанное в 1923 году:]* Пациент, которому приведенный анализ вернул психическое здоровье, как и многие другие ценные и полные надежд молодые люди, погиб в великой войне.

Предрасположение к неврозу навязчивости

О проблеме выбора невроза

(1913)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:
1913 *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, т. 1 (6), 525–532.
1918 *S. K. S. N.*, т. 4, 113–124. (1922, 2-е изд.)
1924 *G. S.*, т. 5, 277–287.
1926 *Psychoanalyse der Neurosen*, 3–15.
1931 *Neurosenlehre und Technik*, 5–16.
1942 *G. W.*, т. 8, 442–452.

Эту работу Фрейд прочитал на 4-м Международном психоаналитическом конгрессе, который состоялся 7 и 8 сентября 1913 года в Мюнхене, а в конце этого же года ее опубликовал.

В ней обсуждаются две особенно важных темы. Первая из них — это упомянутая в подзаголовке проблема «выбора неврозов»[1], которой Фрейд стал интересоваться очень рано, о чем свидетельствуют уже публикации 1896 года, см., например. «Об этиологии истерии» (1896*c*, *Studienausgabe*, т. 6, с. 79–80). Она также упоминается в нескольких письмах Флиссу, написанных в это время, а также в течение следующих двух-трех лет (Freud, 1950*a*).

В этих ранних подходах к проблеме можно выделить два решения, которые, тем не менее, совпадают в том смысле, что предполагают травматическую этиологию неврозов. Первым решением явилось упомянутая в данной работе (ниже, с. 111) теория активности и пассивности, согласно которой пассивные сексуальные переживания в раннем детстве должны предрасполагать к истерии, а активные — к неврозу навязчивости. Спустя десять лет, при обсуждении роли сексуальности в неврозах (1906*a*), Фрейд отверг эту теорию (*Studienausgabe*, т. 5, с. 153). Во второй из этих ранних теорий, которую не всегда можно четко отделить от первой, в качестве главного фактора рассматривается временная последовательность. То, какую форму принимает невроз, зависит от фазы жизни, в которой произошло травматическое событие, или — в другой версии — от фазы жизни, в которой были мобилизованы защитные меры, направленные против повторного переживания травматического события.

Прошло немало времени, прежде чем Фрейд опубликовал нечто новое с точки зрения дальнейшего развития или модификации этих представлений. Лишь на последних страницах его «Трех очерков по теории сексуальности» (1905*d*, *Studienausgabe*, т. 5, с. 138 и далее) сложный процесс сексуального развития представлен в но-

---

[1] Разумеется, речь здесь идет исключительно о *психоневрозах*.

вой версии хронологической теории: речь идет о последовательности возможных «мест фиксации», на которых застревает процесс развития и к которым может произойти регрессия, если возникают трудности на более поздних стадиях жизни. Через несколько лет — а именно в работе «Положения о двух принципах психического события» (1911*b*) и (гораздо подробнее) в появившемся примерно в это же время анализе Шребера (1911*c*, ниже, с. 191 и далее) — Фрейд определенно высказался об отношениях между этой последовательностью мест фиксации и выбором неврозов. (По всей видимости, Фрейд имел в виду именно эти работы, когда здесь [с. 110] указал на то, что еще раньше пытался подступиться к проблеме.) Однако в данной статье сам вопрос рассматривается в более общей форме.

Это ведет ко второй из обсуждаемых здесь тем, имеющей особое значение, а именно к вопросу о догенитальных «организациях» либидо. Само по себе это представление сегодня нам настолько знакомо, что мы с удивлением узнаем, что оно впервые появилось в данной работе: на самом деле раздел в «Трех очерках» (*Studienausgabe*, т. 5, с. 103–106), в котором рассматривается весь этот комплексе вопросов, был добавлен Фрейдом только в 1915 году, то есть через два года после публикации данной работы. Разумеется, изучение не генитальных парциальных сексуальных влечений началось гораздо раньше, и оно занимает важное место уже в первом издании «Трех очерков». Тем не менее новой является точка зрения, что в нормальном сексуальном развитии имеются фазы, в которых в общей картине преобладает то или иное парциальное влечение.

В данной работе обсуждается только одна из этих фаз, а именно анально-садистская. Фрейд уже выделил две более ранние фазы сексуального развития, которые, однако, не характеризуются преобладанием какого-либо парциального влечения. Самая ранняя из этих фаз — аутоэротическая фаза, предшествующая любому выбору объекта, — появляется уже в первом издании «Трех очерков» (*Studienausgabe*, т. 5, с. 88). Следующую фазу, в которой происходит первый выбор объекта, но при этом объект по-прежнему совпадает с собственным «я» ребенка, Фрейд ввел под названием «нарцизм» за три или четыре года до публикации настоящей работы (см. прим. 3, ниже, с. 184). Две следующие организованные фазы развития либидо — одну более раннюю, а другую более позднюю, чем анально-садистская — еще предстояло описать. Более ранняя, оральная фаза, опять-таки характеризуется преобладанием парциального влечения; на нее впервые намеком указывается в уже упомянутом разделе «Трех очерков» 1915 года издания (*Studienausgabe*, т. 5, с. 103). Более поздняя фаза, теперь уже не догенитальная, но пока еще и не совсем генитальная в понимании взрослого, «фаллическая» фаза, была описана лишь по прошествии многих лет в работе Фрейда «Инфантильная генитальная организация» (1923*e*, *Studienausgabe*, т. 5, с. 237 и далее).

Проблема, каким образом и почему человек может заболеть неврозом, несомненно, относится к тем вопросам, на которые должен дать ответ психоанализ. Однако вполне вероятно, что этот ответ можно будет дать только по поводу другой и более частной проблемы — проблемы, почему тот или этот человек должен заболеть именно этим определенным неврозом и никаким другим. В этом состоит проблема выбора невроза.

Что мы знаем в настоящее время об этой проблеме? Собственно говоря, здесь не вызывает сомнений лишь одно-единственное общее положение. Мы разделяем причины болезни, имеющие отношение к неврозам, на те, что человек привносит с собой в жизнь, и те, что привносит в него жизнь, на конституциональные и акцидентные, в результате взаимодействия которых, как правило, и возникает болезнь. Только что оглашенный тезис означает, что основания для принятия решения при выборе невроза всегда первого рода, то есть это решение определяется предрасположениями[1] и не зависит от патогенно действующих переживаний.

Где мы ищем происхождение этих предрасположений? Мы обратили внимание на то, что рассматриваемые психические функции — прежде всего сексуальная функция, но также и различные важные функции Я, — прежде чем достичь состояния, характерного для нормального взрослого человека, должны пройти долгое и сложное развитие. Мы предполагаем, что это развитие не всегда осуществляется безупречно, что общая функция претерпевает последовательное изменение. Где его часть задерживается на предыдущей ступени, там возникает так называемое «место фиксации»,

[1] [В этой статье Фрейд использует всегда термин «предрасположение» в смысле чего-то исключительно конституционального или наследственного. В более поздних работах он дает ему расширенное значение и понимает под ним также воздействия детских переживаний. Это отчетливо выражается в 23-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917, *Studienausgabe*, т. 1, с. 352–354). Упомянутый в тексте «общий тезис» был выдвинут Фрейдом в его работе, посвященной роли сексуальности в этиологии неврозов (1906*a*, *Studienausgabe*, т. 5, с. 153).]

к которой в случае заболевания, вызванного внешним нарушением, может регрессировать функция.

Таким образом, наши предрасположения представляют собой задержки в развитии. В таком понимании нас утверждает аналогия с фактами общей патологии при других заболеваниях. Однако при ответе на вопрос, какие факторы могут вызывать такие нарушения развития, психоаналитическая работа останавливается и уступает решение этой проблемы биологическому исследованию[1].

Основываясь на этих гипотезах, мы уже за несколько лет до этого рискнули подступиться к проблеме выбора невроза[2]. Направление нашей работы, которая сводится к тому, чтобы разгадать нормальные условия из их нарушений, заставила нас избрать совершенно особый и неожиданный пункт нападения. Последовательность, в которой обычно приводятся основные формы психоневрозов — истерия, невроз навязчивости, паранойя, *dementia praecox*[3] — соответствует (пусть и не совсем точно) хронологическому порядку, в котором эти патологии прорываются в жизни. Истерические формы болезни можно наблюдать уже в раннем детстве, невроз навязчивости обнаруживает свои первые симптомы обычно во втором периоде детства (в возрасте от шести до восьми лет); два других психоневроза, объединенных мною как парафрения[4], проявляются только после пубертата и в зрелом возрасте. Эти проявляющиеся последними нарушения прежде всего оказались доступными нашему исследованию предрасположений, оканчивающихся выбором невроза. Присущие им обоим свойства мании величия, отхода от мира объектов и трудности переноса заставили нас прийти к выводу, что предрасполагающую к ним фиксацию нужно искать на стадии развития либидо до выбора объекта, то есть в фазе аутоэротизма и нарцизма. Следовательно, эти столь поздно проявляющиеся формы заболевания восходят к очень ранним торможениям и фиксациям.

Соответственно, мы бы указали на то, что предрасположение к истерии и неврозу навязчивости, к двум истинным неврозам пе-

---

[1] С тех пор как благодаря работам В. Флисса было открыто значение для биологии определенных временных величин, появилась возможность предположить, что нарушение развития объясняется временным изменением всплесков развития.

[2] [См. «Предварительные замечания издателей», с. 108.]

[3] [Ранее слабоумие (лат.). — *Примечание переводчика*.]

[4] [Только в первом издании это последнее предложение звучало следующим образом: «...психоневрозов, обозначенных мною как парафрения и паранойя».]

реноса с образованием симптомов в раннем возрасте, следует искать в более ранних фазах развития либидо. Однако в чем состоит здесь задержка развития и, прежде всего, в чем заключается фазовое различие, которое должно было лежать в основе предрасположения к неврозу навязчивости, а не к истерии? Об этом ничего долго нельзя было узнать, и от моих ранее предпринятых попыток разгадать эти две диспозиции — например, что истерия, должно быть, обусловлена пассивностью, а невроз навязчивости активностью в инфантильном переживании — вскоре пришлось отказаться как неудачных[1].

Я возвращаюсь теперь на почву клинического индивидуального наблюдения. Я долгое время наблюдал одну больную, невроз которой претерпел необычное изменение. Он возник после травматического переживания в виде тревожной истерии и на протяжении нескольких лет сохранял этот характер. Но однажды он неожиданно превратился в невроз навязчивости в самой тяжелой форме. Такой случай должен быть важным в нескольких отношениях. С одной стороны, он, вероятно, мог претендовать на значение двуязычного документа и показать, как идентичное содержание выражается обоими неврозами на разных языках. С другой стороны, он угрожал вступить в противоречие с нашей теорией предрасположения как задержки развития, если бы мы не решились предположить, что у индивида в развитии его либидо может быть несколько слабых мест[2]. Я себе сказал, что не имею права отвергать эту последнюю возможность, но вместе с тем очень хотел понять этот случай болезни.

В ходе анализа этого случая, мне довелось увидеть, что положение вещей было совершенно иным, чем мне казалось. Невроз навязчивости представлял собой не очередную реакцию на ту же самую травму, которая вначале вызвала тревожную истерию, а реакцию на второе событие, которое полностью обесценило первое. (Стало быть — правда, пока еще допускающее обсуждение — исключение из нашего тезиса, утверждающего независимость выбора невроза от переживания [с. 109].)

К сожалению, в силу известных причин я не могу вдаваться в историю болезни пациентки столь глубоко, как мне бы того хоте-

---

[1] [См. «Предварительные замечания издателей», с. 107.]

[2] [Ср. в связи с этим некоторые замечания в анализе Шребера (1911*c*, с. 199, ниже.]

лось, и вынужден ограничиться нижеследующими сообщениями. До своего заболевания пациентка была счастливой, почти полностью удовлетворенной женщиной. Она хотела обзавестись детьми, будучи мотивированной инфантильной фиксацией желания, и заболела, узнав, что не сможет родить детей от своего исключительно любимого мужа. Тревожная истерия, которой она среагировала на эту фрустрацию, соответствовала, как она вскоре сама сумела понять, отказу от фантазий о соблазнении, в которых осуществлялось закрепившееся желание родить ребенка. Теперь она стала делать все для того, чтобы не позволить своему мужу догадаться, что она заболела вследствие причиненной им фрустрации. Но я не стал бы утверждать без веских причин, что каждый человек в своем собственном бессознательном обладает инструментом, с помощью которого он способен толковать проявления бессознательного у другого; муж без признания или объяснения понял, что означает тревога у его жены, обиделся из-за этого, того не показывая, и со своей стороны среагировал теперь невротически, отказав — впервые за все время — в половом сношении. Сразу после этого он уехал, жена считала, что он навсегда стал импотентным, и за день до его ожидаемого возвращения у нее возникли первые симптомы невроза навязчивости.

Содержание невроза навязчивости состояло в мучительном навязчивом умывании, навязчивом соблюдении чистоты и в чрезвычайно энергичных защитных мерах против причинения тяжелого вреда, то есть в реактивных образованиях, направленных против *анально-эротических* и *садистских* импульсов. В таких формах должна была выражаться ее сексуальная потребность после того, как ее генитальная жизнь была полностью обесценена импотенцией единственного для нее мужчины.

С этим моментом связан недавно созданный мною небольшой фрагмент теории, который, разумеется, только на первый взгляд основывается на этом одном наблюдении, а на самом деле обобщает огромную сумму более ранних впечатлений, которые, однако, только после этого последнего опыта стали способными оформиться в понимание. Я себе сказал, что моя схема развития либидинозной функции нуждается в новой вставке. Вначале я выделял только фазу аутоэротизма, в которой отдельные парциальные влечения, каждое само по себе, ищут своего исполненного удовольствием удовлетворения в собственном теле, а затем стремятся к объединению всех парциальных влечений для выбора объекта под приматом гениталий, служа продолжению рода. Как известно, анализ парафрений вынудил нас вставить между этим стадию нарцизма, в которой

выбор объекта уже произошел, однако объект по-прежнему совпадает с собственным «я»[1]. И теперь мы видим необходимость допустить еще одну стадию перед окончательным формообразованием, на которой парциальные влечения уже объединены для выбора объекта, объект уже противопоставляется собственной персоне как посторонний, но *примат генитальных зон еще не установлен*. Парциальные влечения, которые преобладают в этой *догенитальной организации*[2] сексуальной жизни, являются скорее анально-эротическими и садистскими.

Я знаю, что каждая подобная формулировка вначале кажется странной. И только благодаря выявлению ее связей с нашим прежним знанием она становится для нас хорошо знакомой, и в конце концов ее судьба нередко заключается в том, что она признается незначительным, давно напрашивавшимся нововведением. Итак, перейдем теперь со сходными ожиданиями к обсуждению «догенитальной сексуальной организации».

a) Уже многим наблюдателям бросалась в глаза и с особой остротой в конечном счете была подчеркнута Э. Джонсом та чрезвычайная роль в симптоматике невроза навязчивости, которую играют импульсы ненависти и анальной эротики. (Jones, 1913.) Теперь это непосредственно вытекает из нашей формулировки, если они являются парциальными влечениями, вновь взявшими на себя в неврозе функцию представительства генитальных влечений, предшественниками которых они были в развитии.

Здесь включается до сих пор скрывавшаяся часть из истории болезни нашей пациентки. Ее сексуальная жизнь началась в самом нежном детском возрасте с садистских фантазий о побоях. После их подавления наступил необычайно долгий латентный период, в котором девочка прошла высоконравственное развитие, не пробудившее женского сексуального ощущения. С заключением в юные годы брака начался период нормальной сексуальной жизни в качестве счастливой жены, который продолжался в течение нескольких лет, пока первая серьезная фрустрация не послужила причиной истерического невроза. С последующим обесцениванием генитальной жизни ее сексуальная жизнь, как уже отмечалось, опустилась на инфантильную ступень садизма.

---

[1] [См. более позднюю работу Фрейда о нарцизме (1914*c*); он уже не раз излагал эту мысль, прежде всего в анализе Шребера, см. ниже, с. 184 и далее.]

[2] [Это выражение появляется здесь впервые.]

Нетрудно определить особенность, которой этот случай невроза навязчивости отличается от других, более часто встречающихся, которые начинаются в более юные годы и с тех пор протекают хронически с более или менее заметными обострениями. В этих других случаях сексуальная организация, которая содержит предрасположение к неврозу навязчивости, однажды возникнув, никогда снова полностью не преодолевается; в нашем случае она сначала сменилась более высокой степенью развития, а затем снова активировалась в результате регрессии.

б) Если, отталкиваясь от нашей формулировки, мы будем искать привязку к биологическим взаимосвязям, то мы не вправе забывать, что противоположность мужского и женского, которая вводится функцией продолжения рода, еще не может существовать на ступени догенитального выбора объекта. Вместо нее мы обнаруживаем противоположность стремлений с активной и пассивной целью, которая в дальнейшем спаивается с противоположностью полов. Активность обеспечивается общим влечением к овладению, которое мы и называем садизмом, если его обнаруживаем на службе у сексуальной функции; оно должно также выполнять важные вспомогательные функции в полностью развитой нормальной сексуальной жизни. Пассивное течение питается анальной эротикой, эрогенная зона которой соответствует старой, недифференцированной клоаке. Преобладание этой анальной эротики на догенитальной ступени организации у мужчины оставляет после себя предрасположение к гомосексуализму, когда достигается следующая ступень сексуальной функции, ступень примата гениталий. Надстройка этой последней фазы над предыдущей и происходящая при этом переработка развития либидинозных катексисов ставит перед аналитическим исследованием самые интересные задачи.

Может показаться, что всех рассматриваемых здесь трудностей и осложнений удастся избежать, если отрицать наличие догенитальной организации сексуальной жизни, а саму сексуальную жизнь приравнять к генитальной функции и к функции размножения, равно как и с нее начинать. В таком случае с учетом результатов аналитического исследования, не допускающих неверного истолкования, о неврозах следовало бы сказать, что вследствие процесса сексуального вытеснения они вынуждены выражать сексуальные стремления через другие не сексуальные влечения, то есть компенсаторным образом сексуализировать последние. Но поступая так, мы отходим от психоанализа. Мы снова оказываемся там, где находились до психоанализа, и вынуждены отказаться от полученного с его по-

мощью понимания взаимосвязи между здоровьем, перверсией и неврозом. Психоанализ настаивает на признании сексуальных парциальных влечений, эрогенных зон и полученного таким образом расширенного понятия «сексуальная функция» в противоположность более узкому понятию «генитальная функция». Впрочем, достаточно пронаблюдать за нормальным развитием ребенка, чтобы отказаться от подобного искушения.

в) В области развития характера нам приходится сталкиваться с теми же силами влечения, действие которых мы выявили в неврозах. Однако их строгого теоретического разделения требует то обстоятельство, что в характере упраздняется то, что свойственно механизму невроза, неудача вытеснения и возвращение вытесненного. При образовании характера вытеснение либо не задействовано, либо оно полностью достигает своей цели — заменить вытесненное реактивными образованиями и сублимациями. Поэтому процессы образования характера менее понятны и менее доступны анализу в сравнении с невротическими[1].

Однако именно в области развития характера нам встречается хорошая аналогия с описанным нами случаем болезни, то есть подтверждение догенитальной садистской анально-эротической сексуальной организации. Известно — и это давало людям много материала для жалоб, — что очень часто у женщин, после того как они отказались от своих генитальных функций, особым образом меняется характер. Они становятся сварливыми, мучительными и не терпящими возражений, мелочными и жадными, то есть проявляют типичные садистские и анально-эротические черты, которые до этого не были им присущи в эпоху женственности. Комедийные поэты и сатирики во все времена направляли свои выпады против «старой карги», в которую превращались прелестная девушка, любящая жена, нежная мать. Мы понимаем, что это изменение характера соответствует регрессии сексуальной жизни на догенитальную садистскую анально-эротическую ступень, в которой мы выявили предрасположение к неврозу навязчивости. Таким образом, она является не только предшественницей генитальной фазы, но и довольно часто также ее наследницей и сменщицей, после того как гениталии выполнили свою функцию.

---

[1] [Ср. более раннюю работу Фрейда «Характер и анальная эротика» (1908b), выше, с. 25 и далее. См. также упомянутые там, с. 30, прим. 2, ссылки на другие источники.]

Сравнение такого изменения характера с неврозом навязчивости весьма впечатляющее. В обоих случаях мы сталкиваемся с продуктом регрессии, но в первом случае — с полной регрессией после гладко произведенного вытеснения (или подавления); в случае невроза — с конфликтом, стремлением не допустить регрессии, реактивными образованиями, направленными против нее, и симптомообразованиями посредством компромиссов с обеих сторон, расщеплением психической деятельности на способную к осознанию и бессознательную.

г) Наша формулировка догенитальной сексуальной организации является неполной в двух отношениях. Во-первых, она не учитывает поведения других парциальных влечений, в котором многое было бы достойно исследования и упоминания, и ограничивается выделением примата садизма и анальной эротики[1]. Особенно в отношении влечения к знанию часто создается впечатление, будто в механизме невроза навязчивости оно может напрямую заменять садизм. В сущности, оно является сублимированным, поднявшимся в интеллектуальную сферу отпрыском влечения к овладению, его отвержение в форме сомнения играет важную роль в картине невроза навязчивости[2].

Второй недостаток гораздо существеннее. Мы знаем, что обусловленная историей развития предрасположенность к неврозу является полной только тогда, когда она точно так же учитывает фазу развития Я, в которой наступает фиксация, как и фазу развития либидо. Однако наша формулировка относилась только к последней, то есть она не содержит всего знания, которого мы вправе требовать. О стадиях развития влечений Я до сих пор мы знаем очень мало; мне известно только об одной многообещающей попытке Ференци (1913) подступиться к этим вопросам. Я не знаю, покажется ли это слишком смелым, если, идя по имеющимся следам, выскажу предположение, что, если развитие Я опережает по времени развитие либидо, то это содействует предрасположению к неврозу навязчивости. Такая поспешность привела бы к тому, что влечения Я вынуждали бы к выбору объекта, в то время как сексуальная функция еще не достигла своей окончательной формы, в результате

[1] [На наличие более ранней догенитальной организации, которая характеризуется приматом оральной зоны, Фрейд указал лишь несколько лет спустя. См. «Предварительные замечания издателей», выше, с. 108.]

[2] [См. историю болезни «Крысина» (1909*d*), выше, с. 97–99.]

чего происходит фиксация на ступени догенитальной сексуальной организации. Если подумать о том, что у больных неврозом навязчивости должна развиваться гипертрофированная мораль, чтобы защитить свою объектную любовь от подстерегающей за нею враждебности, то мы будем склонны определенную меру этого опережения развития Я представить как типичную для человеческой природы, а способность к возникновению морали объяснять тем обстоятельством, что в соответствии с развитием ненависть является предшественницей любви. Возможно, в этом состоит значение тезиса В. Штекеля, который в свое время показался мне непонятным, согласно которому первичным эмоциональным отношением между людьми является ненависть, а не любовь[1].

д) После всего того, о чем говорилось выше, у истерии сохраняется тесная связь с последней фазой развития либидо, которая характеризуется приматом гениталий и появлением функции размножения. В истерическом неврозе это приобретение подлежит вытеснению, с которым не связана регрессия на догенитальную ступень. Из-за того, что развитие Я нам не известно, пробел в определении предрасположения здесь еще более ощутим, чем при неврозе навязчивости.

И наоборот, нетрудно доказать, что другая регрессия на более ранний уровень присуща также и истерии. Сексуальность ребенка женского пола находится, как мы знаем, во власти мужского ведущего органа (клитора) и во многих отношениях ведет себя, как сексуальность мальчика. Последний всплеск развития в пубертатный период должен устранить эту мужскую сексуальность и возвысить происходящую от клоаки вагину до господствующей эрогенной зоны. Очень часто в истерическом неврозе женщин происходит реактивация этой вытесненной мужской сексуальности, против которой в таком случае со стороны влечений, сообразных Я, ведется оборонительная борьба. Однако вдаваться здесь в обсуждение проблем истерической предрасположенности мне кажется преждевременным.

---

[1] Stekel (1911, 536). [Об этом также говорится в конце метапсихологической работы Фрейда «Влечения и их судьбы» (1915c), *Studienausgabe*, т. 3, с. 98–102.]

Мифологическая параллель к одному пластичному навязчивому представлению (1916)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:
1916 *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, т. 4 (2), 110–111.
1918 *S. K. S. N.*, т. 4, 195–197. (1922, 2-е изд.)
1924 *G. S.*, т. 10, 240–242.
1946 *G. W.*, т. 10, 398–400.

Эта небольшая работа, в которой анализируется симптом навязчивости, в комментарии не нуждается.

У одного 21-летнего больного продукты бессознательной умственной работы осознаются не только в виде навязчивых мыслей, но и в виде *навязчивых образов*. То и другое могут друг друга сопровождать или возникать независимо друг от друга. В свое время, когда он увидел своего отца, входящего в комнату, у него возникли тесно связанные между собой навязчивое слово и навязчивый образ. Это слово звучало «отцовская задница» (Vaterarsch), а в сопровождавшем его образе отец представал в виде обнаженной нижней части тела с руками и ногами, голова и верхняя часть туловища отсутствовали. Гениталии не были обозначены, черты лица нарисованы на животе.

При объяснении этого совершенно несуразного симптомообразования необходимо заметить, что интеллектуально хорошо развитый мужчина с высокими этическими устремлениями до десятилетнего возраста очень активно осуществлял анальную эротику в самых разных формах. После того как она была преодолена, его сексуальная жизнь оказалась оттесненной на анальную предшествующую ступень из-за последующей борьбы с генитальной эротикой. Своего отца он очень любил и уважал, вместе с тем немало его побаивался; однако с позиции своих высоких требований к подавлению влечений и аскетизму отец ему казался «чревоугодником», искателем наслаждений, нацеленным на материальное.

«Vaterarsch» вскоре объяснилось как шутливое онемечивание почетного звания «патриарх». Навязчивый образ — это общеизвестная карикатура. Она напоминает о других изображениях, которые с целью принизить заменяют всего человека одним-единственным органом, например его гениталиями, о бессознательных фантазиях, которые ведут к отождествлению гениталий с человеком в целом, и о шутливых выражениях, таких, как: «Я весь внимание»[1].

Помещение черт лица на живот осмеиваемого персонажа вначале мне показалось весьма необычным. Но вскоре я вспомнил, что видел подобное во французских карикатурах[2]. Затем случай позна-

---

[1] [«Ich bin ganz Ohr» — буквально: «Я весь ухо». — *Примечание переводчика.*]

[2] Ср.: «Скабрезный Альбион», карикатура Жана Вебера (1901) в книге Эдуарда Фукса «Эротический элемент в карикатуре» (1904).

комил меня с античным изображением, которое демонстрирует полное соответствие с навязчивым образом моего пациента.

Согласно греческому сказанию, Деметра в поисках своей похищенной дочери отправилась в Элевсин, была принята Дисавлом и его женой Баубо, но в своей глубокой печали отказалась притронуться к еде и напитку. И тут хозяйка Баубо рассмешила ее, неожиданно задрав свое платье и оголив живот. Обсуждение этого исторического анекдота, который, вероятно, должен объяснять ныне уже непонятный магический церемониал, содержится в четвертом томе труда Саломона Рейнаха «Культы, мифы и религии» (1912) [115]. Там также упоминается, что при раскопках малоазиатского Приена были найдены терракоты, изображающие эту Баубо. На них можно

увидеть женское тело без головы и груди, на животе нарисовано лицо; задранная юбка обрамляет это лицо, словно копна волос (S. Reinach, там же, с. 117).

О превращении влечений, в частности анальной эротики
(1917)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:

1917 *Int. Z. ärztl. Psyckoanal.*, т. 4 (3), 125–130.
1918 *S. K. S. N.*, т. 4, 139–148. (1922, 2-е изд.)
1924 *G. S.*, т. 5, с. 268–276.
1926 *Psychoanalyse der Neurosen*, 40–49.
1931 *Sexualtheorie und Traumlehre*, 116–124.
1946 *G. W.*, т. 10, 402–410.

Эта работа появилась только в 1917 году, но, по всей видимости, была написана значительно раньше, возможно, уже в 1915 году. Ее публикация постоянно откладывалась в связи экономическими условиями военного времени. Суть этого сочинения Фрейд выразил в абзаце, добавленном им в издании 1915 года «Трех очерков по теории сексуальности» (1905*d*, *Studienausgabe*, т. 5, с. 93). Кроме того, многие выводы, к которым пришел Фрейд в своем исследовании «превращений влечений», по-видимому, восходят к анализу «Волкова» (1918*b*), история болезни которого большей частью была написана осенью 1914 года. Основной тезис данной работы довольно подробно разбирается и иллюстрируется примерами в последней части раздела VII указанной истории болезни (*Studienausgabe*, т. 8, с. 194 и далее).

Список наиболее важных статей, посвященных проблеме невроза навязчивости, которые Фрейд опубликовал после настоящей работы, приведен в «Предварительных замечаниях издателей» к работе «Навязчивые действия и религиозные отправления» (выше, с. 12).

Несколько лет назад, основываясь на психоаналитических наблюдениях, я высказал предположение, что постоянное совпадение трех особенностей характера: *аккуратности, бережливости и своенравия* — указывает на усиление анально-эротических компонентов в сексуальной конституции таких лиц, у которых, однако, в процессе развития в результате «истощения» их анальной эротики это привело к образованию таких предпочтительных для Я способов реагирования[1].

Тогда для меня было важно сообщить о выявленной мною фактической взаимосвязи; ее теоретическая оценка меня мало интересовала. С тех пор повсеместно утвердилось мнение, что каждая из этих трех особенностей: скупость, педантичность и своенравие — имеет источником влечения анальной эротики, или — выражаясь более осторожно и полно — получают из этих источников значительные субсидии. Случаи, в которых объединение трех упомянутых недостатков накладывало на характер особый отпечаток (анальный характер), являлись лишь крайностями, в которых интересующая нас взаимосвязь должна была быть очевидной даже при поверхностном наблюдении.

Несколько лет спустя, руководствуясь особенно убедительным аналитическим опытом, я сделал вывод из обилия впечатлений, что в развитии человеческого либидо перед стадией примата гениталий следует допустить «догенитальную организацию», в которой ведущую роль играют садизм и анальная эротика[2].

С тех пор стал неизбежен вопрос о дальнейшем местопребывании анально-эротических импульсов влечения. Какова их судьба, после того как они потеряли свое значение в сексуальной жизни в результате установления окончательной генитальной организации? Сохранились ли они как таковые, но теперь продолжают су-

---

[1] «Характер и анальная эротика» (1908*b*) [см. выше, с. 25 и далее].

[2] «Предрасположение к неврозу навязчивости» (1913*i*) [см. выше, с. 109 и далее].

ществовать в состоянии вытеснения, подверглись ли они сублимации или истощились, превратившись в особенности характера, или они вошли в новую форму сексуальности, в которой определяющую роль играет примат гениталий? Или, лучше сказать, поскольку ни одна из этих судеб анальной эротики, вероятно, не может быть исключительной: в какой степени и каким образом распределяются эти различные возможности при определении судьбы анальной эротики, органические источники которой все же не могли быть засыпаны из-за появления генитальной организации?

Можно было подумать, что для ответа на эти вопросы не будет недостатка в материале, поскольку упомянутые процессы развития и превращения должны происходить у всех лиц, ставших объектом психоаналитического исследования. Но этот материал настолько неясен, а обилие постоянно повторяющихся впечатлений настолько сбивает с толку, что у меня и сегодня нет окончательного решения проблемы — я могу лишь внести некоторый вклад в ее решение. При этом я не буду избегать возможности, когда это позволяет контекст, упоминать некоторые другие превращения влечений, которые не касаются анальной эротики. В конце концов едва нужно подчеркивать, что описанные процессы развития — здесь, как и вообще в психоанализе — были выведены из регрессий, которые были обусловлены невротическими процессами.

Исходным пунктом этих рассуждений может стать впечатление, что в продуктах бессознательного — в мыслях, фантазиях и симптомах — понятия «кал» («деньги», «подарок»)[1], «ребенок» и «пенис» плохо разделяются и легко подменяются друг другом. Когда мы так выражаемся, мы, разумеется, знаем, что обозначения, употребительные для других областей душевной жизни, мы неправомерно переносим на бессознательное и соблазняемся тем преимуществом, которое приносит с собой сравнение. Поэтому повторим эту же мысль в более безупречной форме: в бессознательном с этими элементами часто обращаются так, как если бы они были эквивалентны друг другу и вполне могли друг друга заменять.

Легче всего это увидеть в отношениях между «ребенком» и «пенисом». Не может быть безразличным то, что оба слова в символическом языке сновидения и в повседневной жизни могут заменяться одним общим символом. Ребенка, как и пенис, зовут *«малышом»*. Известно, что символический язык часто пренебрегает различием

---

[1] [Отношения между калом и деньгами или золотом более подробно рассматриваются в работе «Характер и анальная эротика» (выше, с. 28–29).]

полов: «малыш», первоначально обозначавший мужской член, вторично может использоваться для обозначения женских гениталий.

Если достаточно глубоко исследовать невроз женщины, то нередко можно натолкнуться на ее вытесненное желание обладать, как мужчина, пенисом. Случайные неудачи в жизни женщины, довольно часто являющиеся следствием ярко выраженных мужских задатков, снова активировали это детское желание, которое мы в качестве «зависти к пенису» относим к комплексу кастрации, и вследствие обратного течения либидо делают его главным носителем невротических симптомов. У других женщин ничего из этого желания обладать пенисом выявить не удается; его место занимает желание иметь ребенка, фрустрация которого в жизни может затем вызвать невроз. Дело обстоит так, словно этим женщинам стало понятно — что все же не могло быть мотивом, — что природа дала женщине ребенка взамен другого, в чем она ей была вынуждена отказать. Еще от других женщин узнаешь, что в детстве у них имелись оба желания и одно сменило другое. Сначала они хотели иметь пенис, как мужчина, а в более поздней, но по-прежнему инфантильной, эпохе на смену пришло желание иметь ребенка. Нельзя избавиться от впечатления, что случайные моменты из детской жизни, присутствие или отсутствие братьев, рождение нового ребенка в благоприятное время жизни повинны в этом разнообразии, а потому желание иметь пенис в сущности идентично желанию иметь ребенка.

Мы можем указать, какая судьба ждет инфантильное желание иметь пенис, если в последующей жизни отсутствуют условия для развития невроза. В таком случае оно превращается в желание иметь *мужа*, то есть оно мирится с мужем как с придатком к пенису. Благодаря этому превращению побуждение, направленное против женской сексуальной функции, становится для нее благоприятным. Тем самым для этих женщин становится возможной любовная жизнь по мужскому типу объектной любви, который может утвердиться наряду с собственно женским типом, происходящим от нарцизма. Мы уже слышали[1], что в других случаях только ребенок делает возможным переход от нарциссической любви к себе к объектной любви. Стало быть, также и в этом пункте ребенка можно заменить пенисом.

Мне несколько раз предоставлялась возможность узнать о сновидениях женщин после первых совокуплений. Эти сны со всей оче-

[1] [См. работу Фрейда о нарцизме (1914*c*). *Studienausgabe*, т. 3, с. 56–58.]

видностью обнаруживали желание женщин оставить при себе пенис, который они ощущали, то есть соответствовали — независимо от либидинозного основания — мимолетной регрессии от мужчины к пенису как объекту желаний. Безусловно, появится склонность чисто рационалистически свести желание иметь мужа к желанию иметь ребенка, поскольку однажды становится понятным, что без содействия мужчины нельзя родить ребенка. Но скорее бывает так, что желание иметь мужа возникает независимо от желания иметь ребенка и что, если оно появляется по понятным мотивам, которые целиком принадлежат к психологии Я, то к нему в качестве бессознательного либидинозного подкрепления присоединяется старое желание иметь пенис.

Значение описанного процесса состоит в том, что он переводит часть нарциссической мужественности молодой женщины в женственность и тем самым делает ее безвредной для женской сексуальной функции. Другим путем часть эротики догенитальной фазы становится пригодной для использования в фазе примата гениталий. Ребенок все же рассматривается как «люмпф»[1] (см. анализ маленького Ганса), как нечто, что отделяется от тела через кишечник; тем самым некоторое количество либидинозного катексиса, которое предназначалось содержимому кишечника, может распространиться на родившегося через кишечник ребенка. В языке свидетельством этой идентичности ребенка и кала является оборот речи: *получить в подарок* ребенка. Ведь именно кал представляет собой первый *подарок* — часть собственного тела, с которой младенец расстается лишь поддаваясь уговорам любимого человека и которой он добровольно доказывает ему свою нежность, поскольку посторонних людей, как правило, он не пачкает. (Аналогичные, хотя и не такие интенсивные реакции встречаются и с мочой.) При дефекации у ребенка проявляется первый выбор между нарциссической установкой и любовью к объекту. Либо он послушно отдает кал, «жертвует» им ради любви, либо удерживает его для аутоэротического удовлетворения, а позднее — для утверждения своей собственной воли. С принятием последнего решения формируется *упрямство* (своенравие), которое, стало быть, происходит из нарциссического застревания на анальной эротике.

Вполне вероятно, что не *золото или деньги*, а *подарок* является следующим значением, к которому продвигается интерес к фекали-

[1] [Выражение «маленького Ганса, которое он употреблял для обозначения кала. Ср. *Studienausgabe*, т. 8, с. 50–51 и с. 62, прим.]

ям. Ребенок не знает других денег, кроме тех, что ему дарят, незаработанных, несобственных, унаследованных. Поскольку фекалии — это его первый подарок, он с легкостью переносит свой интерес с этого материала на новый, который предстает перед ним как самый важный подарок в жизни. Кто сомневается в таком происхождении подарка, пусть призовет на помощь свой опыт в психоаналитическом лечении, изучит подарки, которые он получает от больного как врач, и обратит внимание на бурные переносы, которые он может вызвать у пациента подарком.

Стало быть, интерес к калу отчасти продолжается в виде интереса к деньгам, отчасти переводится в желание иметь ребенка. В этом желании иметь ребенка сходятся анально-эротическое и генитальное (зависть к пенису) побуждения. Однако пенис имеет также анально-эротическое значение, независимое от интереса к ребенку. Отношение между пенисом и наполненной и возбужденной им полостью слизистой оболочки имеет свой прототип в догенитальной, анально-садистской фазе развития. Оформленный кал — или, по выражению одного пациента, «палка из кала» — это, так сказать, первый пенис, раздраженная им слизистая оболочка — оболочка прямой кишки. У некоторых людей анальная эротика остается неизменной и явно выраженной до предпубертатного возраста (до десяти-двенадцати лет); от них узнаешь, что уже в этой догенитальной фазе в фантазиях и извращенных играх проявлялась организация, аналогичная генитальной, в которой пенис и вагина были представлены «палкой из кала» и кишечником. У других — больных неврозом навязчивости — можно ознакомиться с результатом регрессивного понижения генитальной организации. Он выражается в том, что все фантазии, изначально создаваемые генитально, перемещаются в анальную область, пенис заменяется «палкой из кала», вагина — кишечником.

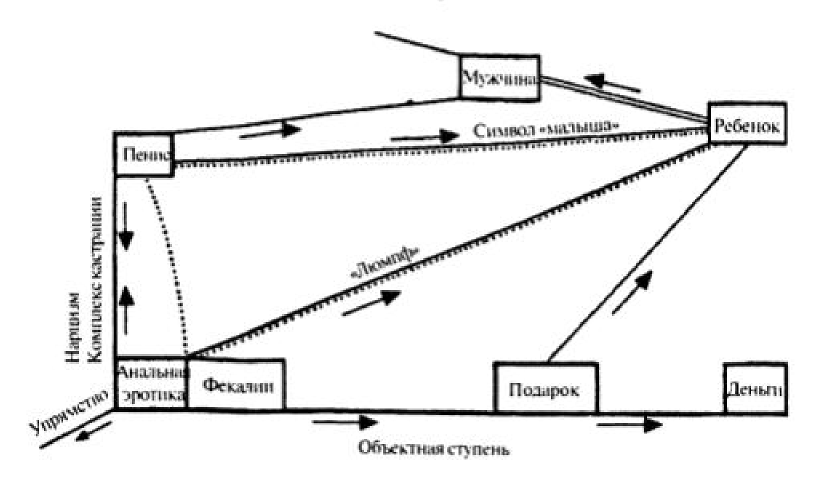
Если интерес к фекалиям нормальным образом пропадает, то изображенная здесь органическая аналогия содействует тому, что он переносится на пенис. Если позднее при сексуальном исследовании узнают, что ребенок рождается из кишечника[1], то он становится главным наследником анальной эротики, но предшественником ребенка как в том, так и в другом смысле был пенис.

Я убежден, что разнообразные отношения в ряду: фекалии — пенис — ребенок теперь стали совершенно запутанными, и поэто-

---

[1] [См. «Об инфантильных сексуальных теориях» (1908c, *Studienausgabe*, т. 5, с. 179–180.]

му хочу попытаться устранить затруднения с помощью графического изображения, при обсуждении которого тот же самый материал можно рассмотреть еще раз, но в другой последовательности. К сожалению, для наших целей это техническое средство оказывается недостаточно гибким, или мы пока еще не научились им пользоваться должным образом. Во всяком случае я попрошу не предъявлять к прилагаемой схеме строгих требований.

Из анальной эротики, нашедшей нарциссическое применение, проистекает упрямство как важная реакция Я на требования других людей; интерес, обращенный на фекалии, переходит в интерес к подарку, а затем — в интерес к деньгам. С появлением пениса у девочки возникает зависть к пенису, которая превращается в желание иметь мужа как носителя пениса. Еще раньше желание иметь пенис превратилось в желание иметь ребенка, или желание иметь ребенка заняло место желания иметь пенис. Органическая аналогия между пенисом и ребенком (пунктирная линия) выражается через обладание одним символом («малышом»), общим для того и другого. Затем от желания иметь ребенка ведет рациональный путь (двойная линия) к желанию иметь мужа. Значение этого превращения влечения мы уже оценили.

Другую часть взаимосвязи гораздо отчетливее можно выявить у мужчины. Она создается тогда, когда в результате сексуального исследования ребенок узнал об отсутствии пениса у женщины. Тем самым пенис воспринимается как нечто отделимое от тела, и возникает аналогия с фекалиями, которые являлись первой частью те-

лесности, от которой пришлось отказаться. Таким образом, старое анальное упрямство входит в структуру комплекса кастрации. Органическая аналогия, в соответствии с которой содержимое кишечника представляло предтечу пениса в догенитальной фазе, как мотив в расчет приниматься не может; но благодаря сексуальному исследованию она находит психическую замену.

Когда появляется ребенок, благодаря сексуальному исследованию он воспринимается как «люмпф» и катектируется огромным анально-эротическим интересом. Второй приток из того же источника получает желание иметь ребенка, когда социальный опыт учит тому, что ребенка можно расценивать как доказательство любви, как подарок. Все три — столбик из кала, пенис и ребенок — это твердые тела, которые при своем проникновении или извлечении возбуждают слизистую оболочку (прямую кишку и, по удачному выражению Лу Андреас-Саломе, так сказать, взятую ею внаем вагину)[1]. Из инфантильного сексуального исследования об этом положении вещей может быть известно только то, что ребенок следует тем же путем, что и столбик из кала; функция пениса детским исследованием, как правило, не выявляется. И все же интересно видеть, что органическое соответствие после столь многих обходных путей снова проявляется в психике в качестве бессознательной идентичности.

---

[1] «Анальное» и «сексуальное» (1916). [В 1920 году Фрейд добавил ко второму из своих «Трех очерков по теории сексуальности» примечание (1905*d*, *Studienausgabe*, т. 5, с. 93, прим. 2), в котором он вкратце изложил содержание указанной работы.]

Психоаналитические заметки об одном автобиографически описанном случае паранойи (dementia paranoides)
(1911)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:
1911 *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.*, т. 3 (1), 9–68.
1913 *S. K. S. N.*, т. 3, 198–266. (1921, 2-е изд.)
1924 *G. S.*, т. 8, 353–431.
1932 *Vier Krankengeschichten*, 377–460.
1943 *G. W.*, т. 8, 239–316.

«Дополнение к автобиографически описанному случаю паранойи (dementia paranoides)»:

1912 *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.*, т. 3 (2), 588–590.
1913 *S. K. S. N.*, т. 3, 267–70. (1921, 2-е изд.)
1924 *G. S.*, т. 8, 432–435.
1932 *Vier Krankengeschichten*, 460–463.
1943 *G. W.*, т. 8, 317–320.

Принадлежащие Даниэлю Паулю Шреберу «Мемуары нервнобольного» были опубликованы в 1903 году (в издательстве Освальда Мутце, Лейпциг). В то время эти мемуары активно обсуждались в кругу психиатров, но, по всей видимости, внимание Фрейда они привлекли только летом 1910 года. Известно, что он обсуждал их, как и вопрос паранойи в целом, с Ференци во время своего путешествия по Сицилии в сентябре того же года. По возвращении в Вену он приступил к написанию статьи; в письмах от 16 декабря Абрахаму и Ференци сообщается о ее завершении. Тем не менее она была опубликована лишь летом 1911 года. «Дополнение» было доложено 22 сентября 1911 года на 3-м Международном психоаналитическом конгрессе в Веймаре, а в начале следующего года публиковано.

Фрейд соприкоснулся с проблемой паранойи уже на очень ранней стадии своих психопатологических исследований. В письмах Флиссу (Freud, 1950*a*), написанных в 1895 и 1896 годах, в которых содержатся подробные рассуждения на эту тему, и в работе «Еще несколько замечаний о защитных невропсихозах» (1896*b*) он попытался обосновать два главных теоретических положения: что паранойя — это *защитный невроз* и что ее основным механизмом является *проекция*. В интересном письме Флиссу от 9 декабря 1899 года (1950*a*, письмо 125) добавляется предположение, что паранойя включает в себя возвращение к раннему аутоэротизму.

Упомянутое письмо и публикацию истории случая Шребера отделяют более десяти лет, и в этот период в опубликованных работах Фрейда проблема паранойи практически не затрагивается. Между тем в 1908 году в письмах Юнгу и Ференци он выдвинул тезис, который и впоследствии оставался для него самым важным объяснительным принципом при рассмотрении этой проблемы, а именно что существует связь между паранойей и вытесненным пассивным гомосексуализмом; и Юнг, и Ференци с ним согласились. Затем прошло еще три года, прежде чем «Мемуары» Шребера предоставили Фрейду возможность ознакомить общественность со своей теорией и подтвердить ее детальным изложением своего анализа бессознательных процессов, действующих при паранойе.

Также и в своих более поздних сочинениях Фрейд не раз обращался к этому заболеванию. Наиболее важные из них (все они вошли в этот том) — «Сообщение об одном случае паранойи, противоречащем психоаналитической теории» (1915*f*) и раздел Б работы «О некоторых невротических механизмах при ревности, паранойе и гомосексуализме» (1922*b*). Кроме того, случай Шребера затрагивается в «Неврозе черта в семнадцатом веке» (1923*d* [1922]), хотя невроз, о котором идет речь в этой работе, Фрейд нигде не называет паранойей. Ни в одном из этих более поздних сочинений нельзя обнаружить каких-либо существенных корректировок представлений о паранойе, изложенных в данной работе.

Однако значение анализа Шребера отнюдь не исчерпывается объяснениями паранойи. Особенно третий раздел в некотором смысле является предшественником метапсихологических сочинений, к написанию которых Фрейд приступил спустя три или четыре года. Уже здесь затрагиваются отдельные темы, которые подробнее будут обсуждаться позднее. Так, например, замечания о нарцизме (с. 184 и далее) являются предвестниками работы на эту тему (1914*c*); к рассуждениям о механизме вытеснения (с. 189 и далее) он снова вернулся через несколько лет (1915*d*), а обсуждение влечений (с. 196) предшествует их последующему более дифференцированному анализу (1915*c*). С другой стороны, абзац, в котором говорится о проекции (с. 189), вопреки заявлению Фрейда так и остался без продолжения. Две темы, обсуждаемые в последней части работы, — различные поводы к невротическому заболеванию (включая понятие «отказ») и роль последовательных «мест фиксации» — вскоре после этого получили развитие в специальных работах (1912*c* и в 1913*i*; последняя из них в этом томе, с. 109 и далее). Наконец, в «Дополнении» содержатся первый короткий экскурс Фрейда в область мифологии, а также первое упоминание о тотеме; эта тема уже тогда начала занимать его мысли и в дальнейшем дала название одному из его основных трудов (1912–1913).

Как нам сообщает сам Фрейд (с. 172, прим. 1), в своем описании случая он использовал лишь один-единственный факт (возраст Шребера во время его второго заболевания), который не содержится в

«Мемуарах». Теперь благодаря работе Франца Баумейера (1956) мы обладаем большим количеством нового материала. С 1946-го по 1949 год Баумейер был главным врачом лечебницы Арнсдорф под Дрезденом и обнаружил там множество старых записей, относящихся к различным фазам болезни Шребера. О некоторых из них Баумейер сообщил в кратком резюме, другие воспроизвел в полном объеме. В дальнейшем он собрал множество сведений о предках Шребера и истории его семьи[1]. Все, что из этой информации, как нам представляется, имеет непосредственное отношение к статье Фрейда, упоминается в редакторских примечаниях. Здесь разве что следует довести до конца изложенную в «Мемуарах» биографию Шребера. После того как в конце 1902 года Шребер был выписан из больницы, в течение нескольких лет он вел внешне нормальную жизнь. В ноябре 1907 его жена перенесла апоплексический удар (она прожила после этого до 1912 года). Это, по-видимому, послужило причиной новой вспышки его болезни, и через две недели он снова был помещен в лечебницу, на этот раз в Дёзене под Лейпцигом[2]. В ней он прожил, пребывая в крайне тяжелом и почти недоступном состоянии, до своей смерти весной 1911 года, наступившей незадолго до публикации Фрейда после постепенного физического упадка.

Следующий хронологический список, основанный на данных из «Мемуаров» и из материала Баумейера, возможно, поможет читателю прослеживать конкретные факты в описании Фрейда.

1842 25 июля. Рождение в Лейпциге Даниэля Пауля Шребера.
1861 Ноябрь. Смерть отца в возрасте 53 лет.
1877 Смерть старшего на три года брата в возрасте 38 лет.
1878 Женитьба.

Первое заболевание

1884 Осень. Кандидатура в Рейхстаг[3].
1884 Октябрь. Несколько недель в лечебнице Зонненштайн.
8 декабря. Психиатрическая университетская клиника в Лейпциге.
1884 1 июня. Выписывается из больницы.
1885 1 января. Шребер приступает к исполнению своей должности в земельном суде Лейпцига.

---

[1] В. Г. Нидерланд (1959*a* и *b*, 1960, 1963) обнаружил интересные сведения об отце Шребера.

[2] Из письма Фрейда принцессе Марии Бонапарт, написанного 13 сентября 1926 года, выдержки из которого приведены в третьем томе биографии Фрейда (Jones, 1962*b*, 517–518), следует, что об этом рецидиве и его причинах Фрейда проинформировал доктор Штегманн, хотя в своей статье Фрейд этот факт не упоминает. См. примечание Фрейда на с. 172 и с. 176, ниже.

[3] В это время Шребер уже занимал высокую судейскую должность — должность председателя земельного суда в Хемнице. После своего выздоровления он стал занимать такую же должность в земельном суде Лейпцига. Незадолго до своего второго заболевания он был назначен председателем судебной коллегии верховного земельного суда в Дрездене.

Второе заболевание

1893 Июнь. Шребера уведомляют о его предстоящем назначении в Верховный суд земли.
1 октября. Шребер вступает в должность председателя судебной коллегии.
21 ноября. Второе поступление в Психиатрическую университетскую клинику Лейпцига.

1894 14 июня. Перевод в лечебницу Линденхоф.
29 июня. Перевод в лечебницу Зонненштайн.

1900–1902 Шребер пишет свои «Мемуары» и предпринимает юридические шаги, чтобы отменить признание себя недееспособным.

1902 14 июля. Верховный суд земли отменяет решение о признании Шребера недееспособным.
20 декабря. Выписка из больницы.

1903 Публикация «Мемуаров».

Третье заболевание

1907 Май. Смерть матери в возрасте 92 лет.
14 Ноября. Апоплексический удар у жены. Сразу после этого Шребер заболевает.
27 ноября. Направление в лечебницу Лейпциг-Дёзен.

1911 14 апреля. Смерть Шребера.

1912 Май. Смерть жены в возрасте 54 лет.

Далее, возможно, будет также полезной информация о трех психиатрических лечебницах, на которые в тексте нет унифицированных ссылок.

1. Психиатрическая клиника (закрытое отделение) Лейпцигского университета. Директор: профессор Флехсиг.

2. Замок Зонненштайн. Саксонская лечебница близ Пирны на Эльбе, расположенная примерно в 15 км на юго-востоке от Дрездена. Директор: доктор Г. Вебер.

Ко всей статье относится, что цифры в скобках, перед которым *не* стоит «с.», указывают на страницы в оригинальном издании «Мемуаров нервнобольного» (1903). Цифры в скобках, перед которыми *стоит* «с.», относятся к страницам в данном томе.

Цитаты Шребера, а также ссылки на страницы в «Мемуарах» и в «Приложениях» сверены с оригиналом и, если это требовалось, были исправлены. При этом специально отмечались только те исправления, которые могли изменить смысл. Орфография и пунктуация адаптированы к современным правилам; многочисленные модернизации были предприняты уже самим Фрейдом.

[ВВЕДЕНИЕ]

Аналитическое исследование паранойи доставляет нам, врачам, не работающим в государственных лечебницах, трудности особого рода. Мы не можем принимать таких больных или долго их лечить, поскольку надежда на успех терапии является условием нашего лечения. Поэтому только как исключение случается так, что я могу составить более глубокое представление о структуре паранойи, когда, например, неопределенность диагноза, поставить который не всегда просто, оправдывает попытку воздействия, или когда, несмотря на точный диагноз, я уступаю просьбам родственников и берусь лечить больного в течение какого-то времени. Обычно я, разумеется, довольно часто вижу больных паранойей (и *dementia praecox*) и узнаю от них не меньше, чем другие от своих пациентов, но этого, как правило, недостаточно для того, чтобы прийти к каким-либо аналитическим выводам.

Психоаналитическое исследование паранойи было бы вообще невозможно, если бы сами пациенты не обладали странной особенностью выдавать — правда, в искаженной форме — именно то, что другие невротики скрывают как тайну. Поскольку параноиков нельзя заставить преодолеть их внутреннее сопротивление и они все равно говорят только то, что им хочется, именно при этой патологии письменный отчет или опубликованная история болезни могут заменить личное знакомство с больным. Поэтому я не считаю недопустимым попытаться привязать аналитические толкования к истории болезни параноика (больного *dementia paranoides*), которого я никогда не видел, но который сам описал историю своей болезни и благодаря публикации довел ее до всеобщего сведения.

Речь идет о бывшем саксонском председателе судебной коллегии докторе юриспруденции Даниэле Пауле Шребере, чья книга «Мемуары нервнобольного» была опубликована в 1903 году и, если я правильно информирован, вызвала довольно большой интерес у психиатров. Возможно, что доктор Шребер жив и поныне и настолько отступился от своей бредовой системы, которую он отстаи-

вал в 1903 году, что болезненно воспримет эти заметки о своей книге[1]. Но если он по-прежнему придерживается идентичности своей нынешней личности с тогдашней, я вправе сослаться на аргументы, которые он, «человек высоких умственных способностей, наделенный необычайной остротой ума и наблюдательностью»[2], противопоставлял стараниям удержать его от публикации: «При этом я не скрывал сомнений, которые, видимо, препятствуют публикации: речь идет прежде всего о тактичности в отношении отдельных по-прежнему здравствующих людей. С другой стороны, я считаю, для науки и для познания религиозных истин могло бы представлять ценность, если бы еще при моей жизни компетентная сторона получила возможность произвести какие-либо наблюдения над моим телом и моей личной судьбой. Перед этим рассуждением все личные соображения должны отступить»[3]. В другом месте книги он говорит, что решил остаться при своем намерении опубликовать ее, даже если бы его врач, тайный советник доктор Флехсиг из Лейпцига[4], подал из-за этого на него в суд. При этом в отношении Флехсига он рассчитывает на то же, на что теперь в отношении его самого рассчитываю я. «Надеюсь, что тогда и у тайного советника профессора Флехсига научный интерес к содержанию моих мемуаров заглушит возможные личные обиды» [445–446][5].

Хотя в дальнейшем все отрывки из «Мемуаров», обосновывающие мои толкования, будут приведены дословно, я все же прошу читателей этой работы прежде ознакомиться с книгой, прочитав ее хотя бы раз.

[1] [На самом деле Шребер умер 14 апреля 1911 года лишь за несколько месяцев до того, как Фрейд описал его историю болезни (см. выше, с. 135).]

[2] Эту, безусловно, не такую уж необоснованную характеристику себя самого можно найти на с. 35 книги Шребера.

[3] Предисловие к «Мемуарам». [«Предисловие», первый абзац. Ср. конец примечания на с. 159.]

[4] [Пауль Эмиль Флехсиг (1847–1929), с 1877-го по 1921 год профессор психиатрии в Лейпциге, широко известен своими нейроанатомическими исследованиями.]

[5] [О системе постраничных ссылок в настоящем издании см. в конце «Предварительных замечаний издателей», с. 138.]

I
ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

Доктор Шребер сообщает: «Я дважды становился нервнобольным, оба раза в результате умственного перенапряжения; в первый раз (будучи председателем земельного суда в Хемнице), когда выставил свою кандидатуру на выборах в Рейхстаг, во второй раз по причине необычной рабочей нагрузки, которая выпала мне при вступлении в возложенную на меня должность председателя судебной коллегии при верховном земельном суде в Дрездене» (34).

Первое заболевание разразилось осенью 1884 года, а к концу 1885 году он был полностью вылечен. Флехсиг, в клинике которого он провел тогда шесть месяцев, в позднее выданном «заключении» охарактеризовал состояние как приступ тяжелой ипохондрии [379]. Доктор Шребер уверяет, что эта болезнь протекала «без каких-либо инцидентов, затрагивающих область сверхчувственного» (35).

О предыстории и недавних обстоятельствах жизни пациента не дают достаточной информации ни его записи, ни приложенные к ним заключения врачей[1]. Я даже не в состоянии указать точный возраст пациента в момент его заболевания[2], хотя высокая должность в судопроизводстве, которую он получил перед вторым заболеванием, устанавливает определенную нижнюю границу. Мы узнаем, что доктор Шребер был женат уже задолго до приступа «ипохондрии». Он пишет: «Чуть ли не еще более искренне была воспринята благодарность моей жены, которая почитала профессора Флехсига прямо-таки как человека, вернувшего ей ее мужа, и по этой причине его портрет годами стоял на ее письменном столе» (36). И там же: «Оправившись после первой моей болезни, я прожил со своей женой восемь лет, в целом поистине счастливых, богатых также внешними почестями

---

[1] [Приложения объемом почти в 140 страниц к книге Шребера содержат судебно-медицинские заключения доктора Вебера (декабрь 1899, ноябрь 1900 и апрель 1902 года), «апелляционную жалобу» самого Шребера (июль 1901 года) и решение верховного земельного суда Дрездена (июль 1902 года).]

[2] [К моменту его первого заболевания ему было 42 года (см. выше, с. 137), когда он заболел во второй раз, ему исполнился, как на с. 171 сообщает сам Фрейд, 51 год.]

и лишь временами омраченных многократным крушением надежды обзавестись детьми».

В июне 1893 года его уведомили о грядущем назначении на должность председатель судебной коллегии; 1 октября того же года он приступил к своим обязанностям. Между двумя этими событиями[1] ему снится несколько сновидений, которым он стал придавать значение лишь позже. Ему несколько раз снилось, что вернулась его прежняя нервная болезнь, из-за чего он чувствовал себя во сне таким же несчастным, каким был счастливым, понимая, что это был всего лишь сон. Затем однажды утром, находясь в состоянии между сном и бодрствованием, у него возникло «представление, что, наверное, и в самом деле хорошо быть женщиной, которая уступает и соглашается на половое сношение» (36), — представление, которое в полном сознании он отверг бы с величайшим негодованием.

Второе заболевание началось в конце октября 1893 года с мучительной бессонницы, которая заставила его обратиться в клинику Флексига, где, однако, его состояние резко ухудшилось. Дальнейший ход событий излагается в последующем [написанном в 1899 году] заключении, данном директором лечебницы Зонненштайн (380): «В начале его пребывания там[2] он вновь проявлял ипохондрические идеи, жаловался, что страдает размягчением мозга, что вскоре умрет и т. д., однако в клиническую картину уже стали примешиваться идеи преследовании, основанные на обманах чувств, которые, однако, вначале проявлялись скорее разрозненно; в то же время отмечалась крайне выраженная гиперестезия, высокая чувствительность к свету и шуму. Позднее зрительные и слуховые иллюзии участились и в сочетании с нарушением общего ощущения стали доминировать над всеми его мыслями и чувствами. Он считал себя мертвым и разложившимся, больным чумой, воображал, что с его телом производят всевозможные отвратительные манипуляции, и, как он говорит по сей день, он пережил более ужасные вещи, чем кто-либо может себе представить, — и все это во имя священной цели. Больной настолько погружался в болезненные переживания, что был недоступен для любого другого впечатления, часами сидел на месте полностью отрешенный и неподвижный (галлюцинаторный ступор). С другой стороны, они были для него настолько мучительными, что он желал себе смерти, не-

---

[1] То есть еще до того как на него повлияло переутомление на новом посту, в котором он усматривал причину своей болезни.

[2] В клинике у профессора Флексига в Лейпциге. [См. «Предварительные замечания издателей», с. 138.]

сколько раз пытался утопиться в ванне и требовал дать "предназначенный для него цианистый калий". Постепенно бредовые идеи приняли мистический, религиозный характер; он напрямую общался с богом, бесы играли с ним в свои игры, он видел "чудесные явления", слышал "святую музыку" и в конце концов даже стал верить, что живет в другом мире».

Добавим, что он проклинал разных людей, которые, как он считал, его преследовали и причиняли вред, прежде всего своего прежнего врача Флехсига, которого он называл «душегубом»; он множество раз выкрикивал «маленький Флехсиг», особо подчеркивая первое слово (383). В лечебницу Зонненштайн близ Пирны после короткого пребывания в другой клинике[1] он приехал из Лейпцига в июне 1894 года и оставался там до тех пор, пока его состояние не приобрело свою окончательную форму. В течение последующих нескольких лет картина болезни претерпела изменение, которое нам лучше всего описать словами директора лечебницы доктора Вебера[2].

«Не вдаваясь в подробности течения болезни, необходимо отметить лишь то, как по прошествии времени из первоначального более острого психоза, непосредственно вовлекавшего в болезнь все психические проявления, который следовало назвать "галлюцинаторным помешательством", все отчетливее выделялась, так сказать, выкристаллизовывалась, паранойяльная картина болезни, которую можно наблюдать и сегодня» (385). То есть, с одной стороны, у него развилась искусная бредовая система, представляющая для нас огромный интерес, с другой стороны, его личность реконструировалась, и казалось, что он мог справляться с задачами жизни за исключением отдельных расстройств.

В заключении, составленном в 1899 году, доктор Вебер сообщает о нем:

«Таким образом, в настоящее время председатель судебной коллегии доктор Шребер, не считая психомоторных симптомов, которые непосредственно бросаются в глаза как болезненные даже стороннему наблюдателю, не кажется ни спутанным, ни физически заторможенным, не заметно и явного снижения его интеллекта, — он рассудителен, его память превосходна, он располагает большим количеством знаний не только в вопросах юриспруденции, но и во многих других областях, и он способен их воспроизводить в упоря-

[1] [В частной клинике доктора Пирсона в Линденхофе.]

[2] [В его заключении, написанном в декабре 1899 года.]

доченной последовательности мыслей, он проявляет интерес к событиям в политике, науке, искусстве и т. д. и постоянно размышляет о них... так что в указанных направлениях наблюдатель, не очень осведомленный о его общем состоянии, едва ли заметит что-либо необычное. При всем том пациент полон болезненно обусловленных представлений, которые сложились в законченную систему, более или менее зафиксировались и кажутся недоступными для коррекции путем объективного понимания и оценки действительных отношений» (с. 385–386).

Сам столь сильно изменившийся больной считал себя жизнеспособным и предпринимал целесообразные шаги, чтобы выйти из-под опеки и покинуть лечебницу. Доктор Вебер противился этим желаниям и написал заключение противоположного содержания; однако в заключении 1900 года он не мог не описать характер и поведение пациента следующим благоприятным для него образом: «Нижеподписавшийся в течение последних девяти месяцев имел предостаточно возможностей беседовать с председателем судебной коллегии господином Шребером на всевозможные темы во время ежедневных трапез за семейным столом. Какие бы вопросы ни обсуждались — за исключением, разумеется, его бредовых идей, — будь то события в области государственного управления и юриспруденции, политики, искусства и литературы, общественной жизни или чего-то еще, доктор Шребер проявлял живой интерес, детальные знания, хорошую память и здравость суждений, а также этическое понимание, с которым можно было лишь согласиться. Точно так же во время непринужденных бесед с присутствующими дамами он был учтив и любезен, а при ироническом обсуждении некоторых вещей всегда тактичен и сдержан, никогда в ходе этих невинных застольных бесед он не вовлекался в обсуждение тем, которые были бы уместны разве что при визите к врачу» (397–398). Даже в обсуждение делового вопроса, затрагивавшего интересы всей семьи, он вмешался тогда компетентным и целесообразным способом (401, 510).

Во время своих неоднократных обращений в суд, посредством которых доктор Шребер боролся за свое освобождение, он ни разу не отрекался от своего бреда и не скрывал своего намерения опубликовать «Мемуары». Напротив, он подчеркивал ценность своих идей для религиозной жизни и их незаменимость для современной науки; вместе с тем он также ссылался на «абсолютную безобидность» (430) всех тех действий, к которым, как он знал, побуждало содержание его бреда. Проницательность и безупречность логики, не-

смотря на признание его параноиком, привели все же к победе. В июле 1902 года доктор Шребер был объявлен дееспособным; в следующем году «Мемуары нервнобольного» увидели свет в виде книги, правда, они подверглись цензуре и были сокращены за счет некоторой ценной части их содержания.

В решении, которое вернуло доктору Шреберу свободу, содержание его бредовой системы сформулировано в нескольких предложениях: «Он считает себя призванным спасти мир и вернуть ему утраченное блаженство[1]. Но сделать это он сможет только тогда, когда перед этим из мужчины превратится в женщину» (475).

Более подробное изображение бреда в его окончательной форме мы можем заимствовать из заключения, сделанного в 1899 году доктором Вебером: «Бредовая система пациента сводится к тому, что он призван спасти мир и вернуть человечеству утраченное блаженство. Он, по его утверждению, пришел к этой задаче благодаря непосредственному божественному вдохновению, подобно тому, как этому учат пророки; именно возбужденные нервы, как это было с ним на протяжении долгого времени, обладают свойством притягательно влиять на бога; но при этом речь идет о вещах, которые в лучшем случае лишь с огромным трудом можно выразить на языке людей, поскольку они лежат вне сферы всякого человеческого опыта и раскрылись только ему. Самое важное в его спасительной миссии — это то, что сначала должно произойти его *превращение в женщину*. Дело не в том, что он *хочет* превратиться в женщину, речь, скорее, идет о заложенном в мировом порядке "долженствовании", которого он решительно не может избегнуть, хотя лично ему было бы гораздо лучше оставаться в своем почетном мужском положении. Но ни он, ни все остальное человечество не смогут вернуть себе загробную жизнь иначе, чем через превращение в женщину, которое ему предстоит совершить лишь по прошествии многих лет или десятилетий путем божественного чуда. Сам он — в этом он убежден — является единственным в своем роде предметом божественного чуда и, стало быть, самым удивительным человеком, когда-либо жившим на земле. С давних лет каждый час и каждую минуту он испытывает в своем теле это чудо, и он также получает этому подтверждение от голосов, которые с ним говорят. В первые годы своей болезни отдельные органы в его теле получили повреждения, которые любого другого человека давно бы уже привели к смерти; долгое время он жил без

[1] [См. прим. 1, с. 151.]

желудка, без кишечника, почти без легких, с изорванным пищеводом, без мочевого пузыря, с раздробленными ребрами, иногда вместе с пищей он съедал собственную глотку и т. д. Но божественное чудо ("лучи") всегда восстанавливало разрушенное, и поэтому, пока он остается мужчиной, он вообще бессмертен. Те опасные явления давно исчезли, зато на передний план выступила его "женственность". При этом речь идет о процессе развития, для полного завершения которого, наверное, потребуются десятилетия, если не века, и вряд ли кто-либо из живущих ныне людей доживет до его конца. У него есть чувство, что в его тело уже перешло множество "женских нервов", из которых благодаря непосредственному оплодотворению богом появятся новые люди. Только тогда, пожалуй, он сможет умереть естественной смертью и, как и все остальные люди, вновь обретет блаженство. Ну а пока с ним человеческими голосами говорят не только солнце, но и деревья и птицы, которые являются "чудесными остатками прежних человеческих душ", и повсюду вокруг него совершаются чудесные вещи» (386—388).

Интерес психиатра-практика к таким бредовым образованиям, как правило, иссякает, если он выяснил последствия бреда и обсудил его влияние на образ жизни больного; его удивление не становится началом его понимания. Психоаналитик, исходя из своих знаний о психоневрозах, привносит гипотезу, что и такие странные мыслительные образования, столь отклоняющиеся от привычного мышления людей, возникли в силу самых общих и самых понятных побуждений душевной жизни, и хочет ознакомиться как с мотивами, так и со способами подобного преобразования. С этой целью он охотно углубится как в историю развития, так и в конкретные детали бреда.

а) В качестве двух основных проблем медицинским экспертом подчеркиваются *роль спасителя* и *превращение в женщину*. Бред спасения — это знакомая нам фантазия, очень часто она образует ядро религиозной паранойи. Дополнительный момент, что избавление должно произойти через превращение мужчины в женщину, необычен и сам по себе очень странен, поскольку он отдаляется от исторического мифа, который хочет воспроизвести фантазия больного. Основываясь на медицинском заключении, хочется предположить, что движущей силой этого бредового комплекса является честолюбивое желание играть роль спасителя, причем *оскопление* можно рассматривать лишь в значении средства для достижения этой цели. Хотя все это может так выглядеть в окончательной фор-

ме, которую принял бред, тем не менее в результате изучения «Мемуаров» у нас возникает совершенно иная точка зрения. Мы узнаем, что превращение в женщину (оскопление) было первичным бредом, что сначала оно расценивалось как акт надругательства и преследования и что оно только вторично связалось с ролью спасителя. Также становится несомненным, что сначала оно должно было произойти с целью сексуального насилия, а не ради более высоких намерений. Выражаясь формально, мания сексуального преследования задним числом трансформировалась у пациента в религиозную манию величия. Преследователем вначале считался лечащий врач профессор Флехсиг, а затем его место занял сам бог.

Я приведу без сокращений места из «Мемуаров», которые служат тому доказательством: «Таким образом, против меня был составлен заговор (примерно в марте или апреле 1894 года), который заключался в том, что после того как моя нервная болезнь будет признана неизлечимой или выдана за таковую, передать меня некоему человеку, причем таким способом, что моя душа достанется ему, но мое тело — из-за неправильного понимания вышеуказанной тенденции, лежащей в основе мирового порядка, — превратится в женское тело и в этом виде будет передано данному человеку[1] для сексуального надругательства, а затем просто будет "брошено", то есть оставлено разлагаться» (56).

«При этом с человеческой точки зрения, которая тогда еще надо мной преимущественно довлела, было совершенно естественным, что я видел своего настоящего врага в профессоре Флехсиге или в его душе (позднее добавилась еще душа фон В., о чем подробнее будет рассказано ниже), а всемогущество бога рассматривал как моего естественного союзника, который, как я ошибочно полагал, испытывает затруднения лишь в отношении профессора Флехсига, и поэтому мне казалось, что я должен поддерживать его всеми возможными средствами вплоть до самопожертвования. То, что сам бог был сообщником, если не зачинщиком, в осуществлении направленного против меня плана, по которому должно было быть совершено душегубство, а тело мое выброшено подобно продажной девке, — эта мысль возникла у меня лишь гораздо позднее, отчасти, как я вправе сказать, стала ясно осознанной только при написании настоящего сочинения» (59).

---

[1] Из взаимосвязи этого и других мест вытекает, что данный человек, который должен был совершить насилие, — не кто иной, как Флехсиг (ср. ниже [с. 164 и далее]).

«Все попытки, направленные на совершение душегубства, на оскопление в целях, *противных мировому порядку*[34] (то есть для удовлетворения половых вожделений некоего человека), и позднее на разрушение моего рассудка, потерпели крах. Из этой, казалось бы, такой неравной борьбы отдельного слабого человеком с самим богом, пусть и после многих горьких страданий и лишений, я выхожу победителем, потому что мировой порядок на моей стороне» (61).

В примечании 34 уведомляется о последующем преобразовании бреда оскопления и отношения к богу: «То, что оскопление возможно в других целях — в целях, *созвучных* мировому порядку, — более того, даже, наверное, содержит вероятное решение конфликта, подробнее будет разъяснено позднее».

Эти высказывания имеют решающее значение для понимания бреда оскопления и тем самым для осмысления случая в целом. Добавим, что «голоса», которые слышал пациент, расценивали превращение в женщину не иначе как сексуальное бесчестие, из-за которого они были вправе насмехаться над больным. «божьи лучи[1], принимая во внимание якобы предстоящее оскопление, считали себя вправе надо мной издеваться, называя меня "*мисс Шребер*"» (127). «Что же это за председатель судебной коллегии, который позволяет себя е...[2]?» — «И вам не стыдно перед своей супругой?» [177.]

Первичный характер фантазии об оскоплении и ее первоначальная независимость от идеи о спасителе доказывается далее упомянутым в самом начале [с. 142], возникшим в полусне «представлением», что, наверное, хорошо быть женщиной, которая уступает и соглашается на половое сношение (36). Эта фантазия была осознана в инкубационный период заболевания, еще до воздействия перегрузок в Дрездене.

Месяц ноябрь 1895 года самим Шребером изображается как время, когда установилась связь между фантазией об оскоплении и идеей о спасителе и таким образом наметилось примирение с первой: «Теперь же мне стало совершенно понятным, что мировой порядок властно требует оскопления, хотелось ли бы мне этого или

---

[1] Как выяснится [с. 151], «Божьи лучи» идентичны голосам, говорящим на «основном языке».

2 Этот пропуск, а также все остальные особенности слога я копирую по «Мемуарам». Сам я не вижу мотива, чтобы быть столь стыдливым в серьезной ситуации.

нет, и что поэтому из *доводов разума* мне не остается ничего иного, как свыкнуться с мыслью о превращении в женщину. В качестве дальнейшего следствия оскопления, разумеется, могло рассматриваться только оплодотворение божьими лучами с целью сотворения новых людей» (177).

Превращение в женщину было *punctum saliens*[1], первым ростком образования бреда; оно также оказалась единственной частью, которая не поддавалась лечению, и единственной, которая сумела утвердиться в поведении поправившегося больного. «*Единственное*, что с точки зрения посторонних людей может считаться чем-то неразумным, это обстоятельство, упомянутое также экспертом, что меня порой застают с какими-нибудь женскими украшениями (лентами, поддельными ожерельями и т. п.) стоящим по пояс обнаженным перед зеркалом или просто так. Впрочем, это случается только тогда, когда я *остаюсь наедине с собой*, и никогда — во всяком случае, если я этого могу избежать — в присутствии других людей» (429). Господин председатель судебной коллегии сознался в этих забавах в то время (июль 1901 года)[2], когда он нашел точное выражение для своего вновь обретенного практического здоровья: «Теперь я давно уже знаю, что люди, которых я вижу перед собой, — это не "мимолетно приконченные мужчины", а реальные люди, и что поэтому я должен вести себя по отношению к ним так, как обычно ведет себя здравомыслящий человек в общении с другими людьми» (409). В противоположность такому осуществлению фантазии об оскоплении больной никогда не предпринимал никаких других действий для признания своей миссии спасителя, кроме публикации «Мемуаров».

б) Отношение нашего пациента к *богу* настолько своеобразно и полно противоречащими друг другу определениями, что нужно обладать большой убежденностью, чтобы не отказаться от ожидания обнаружить все-таки «метод» в этом «безумии». Тут мы должны с помощью высказываний в «Мемуарах» попробовать разобраться в теолого-психологической системе доктора Шребера и изложить его представления о *нервах*, *блаженстве*, *божественной иерархии* и *свойствах бога* в их мнимой (бредовой) взаимосвязи. Во всех частях его теории бросается в глаза удивительная смесь

---

[1] [Главным пунктом (лат.). — *Примечание переводчика*.]
[2] [В своей апелляционной жалобе (см. выше, с. 141, прим. 1).]

банального и остроумного, заимствованных и оригинальных элементов.

Человеческая душа содержится в *нервах* тела, которые можно представить как чрезвычайно утонченные образования, сравнимые с тончайшими кручеными нитями. Некоторые из этих нервов пригодны только для восприятия чувственных впечатлений, другие (*нервы понимания*) осуществляют всю психическую работу, при этом существует условие, что *каждый отдельный нерв понимания репрезентирует всю духовную индивидуальность человека*, а большее или меньшее количество имеющихся нервов понимания влияет только на продолжительность времени, в течение которого могут удерживаться впечатления[1].

Если люди состоят из тела и нервов, то бог — с самого начала исключительно нерв. Однако нервы бога не ограничены, как в человеческом теле, определенным количеством, а бесчисленны или вечны. Они обладают всеми свойствами человеческих нервов, но в неизмеримо большей степени. Из-за своей способности творить, то есть превращаться во всевозможные предметы сотворенного мира, они зовутся *лучами*. Между богом и звездным небом или солнцем существует самая тесная связь[2].

После сотворения мира бог удалился на огромное расстояние (10–11 и 252) и предоставил миру в основном развиваться по своим законам. Он ограничился тем, что поднимал к себе души умерших. Лишь в виде исключения он мог вступить в связь с отдельными высокоодаренными людьми[3] или с помощью чуда вмешаться в судьбы мира. По законам мирового порядка, регулярное общение бога с душами людей происходит только после их смерти[4]. Когда человек

---

[1] В примечании к этой теории, выделенной курсивом самим Шребером, подчеркивается ее пригодность для объяснения наследственности: «Мужское семя содержит нерв отца и объединяется с нервом, взятым из тела матери, во вновь возникающую единицу» (7). Стало быть, здесь свойство, которое мы должны приписать сперматозоиду, перенесено на нервы, что делает вероятным происхождение «нервов» Шребера из круга сексуальных представлений. В «Мемуарах» не так редко случается, что сделанное мимоходом замечание по поводу бредовой теории содержит желанный намек на происхождение и вместе с тем на значение бреда. [Ср. ниже, с. 162–163.]

[2] См. о ней ниже [178 и далее]: солнце. — Приравнивание (или, скорее, сгущение) нервов и лучей, пожалуй, можно легко вывести из их линейного проявления. — Впрочем, нервы-лучи являются такими же созидательными, как и нервы-сперматозоиды.

[3] На «основном языке» (см. ниже [с. 151]) это обозначается как «взять у них привесок нервов».

[4] Какие с этим связаны упреки Бога, мы узнаем позднее [с. 152 и далее].

умирает, части его души (нервы) подвергаются процессу очищения, чтобы в конце концов в виде «преддверий небес» снова присоединиться к богу. Так возникает вечный круговорот вещей, лежащий в основе мирового порядка. Сотворив нечто, бог избавляется от части самого себя, придает части своих нервов измененную форму. Эта, казалось бы, возникающая потеря вновь возмещается, когда через сотни или тысячи лет ставшие блаженными нервы умерших людей снова накапливаются у него в виде «преддверий небес» (18 и 19, прим.).

Очищенные души вкушают радость *блаженства*[1]. Между тем их самосознание становится ослабленным, и они оказываются слитыми с другими душами в высшие единицы. Души великих людей, таких как Гёте, Бисмарк и др., могут сохранять свое сознание идентичности на протяжении столетий, пока они сами не растворятся в высших душевных комплексах (таких, как «лучи Иеговы» в древнем иудаизме или «лучи Заратустры» в персидской религии). Во время очищения души обучаются «языку, на котором говорит сам бог, так называемому "основному языку", несколько устаревшему, но по-прежнему сочному немецкому, который главным образом характеризуется изобилием эвфемизмов»[2] (13).

Сам бог — существо непростое. «Над "преддвериями небес" парил сам бог, которому в противоположность этим "передним божьим царствам" дано также имя "задние божьи царства". Задние божьи царства подверглись (и подвергаются еще и теперь) своеобразному разделению на две части, после которого выделились нижний бог (Ариман) и верхний бог (Ормузд)» (19). О значении этого разделения Шребер может сказать только то, что нижний бог преимущественно связан с народами черноволосой расы (семитами), а верхний бог расположен к светловолосым народам (арийцам). Однако от человеческого познания на таких высотах и нельзя требовать большего. И тем не менее мы еще узнаем, что нижнего и верхнего богов, «несмотря на имеющееся в некоторых отношениях единство божьего всемогущества, все же следует понимать как два

---

[1] Оно состоит в основном в чувстве сладострастия (см. ниже [с. 156; см. также принадлежащее Фрейду примечание 2 на с. 157]).

[2] Один-единственный раз во время его болезни пациенту было позволено увидеть своим духовным взором всемогущего Бога в полной его чистоте. Тогда Бог произнес на основном языке употребительное, сочное, но не благозвучное слово: «Падаль!» (136). [Фрейд еще раз обратился к «основному языку», а именно в конце 10-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917). *Studienausgabe*, т. 1, с. 174–175.]

разных существа, каждый из которых, *в том числе и по отношению друг к другу*, обладает своим особым эгоизмом и своим особым инстинктом самосохранения и поэтому постоянно стремится выдвинуться вперед» (140, прим.). Также и во время острой стадии болезни оба божественных существа вели себя в отношении несчастного Шребера совершенно по-разному[1].

До своей болезни председатель судебной коллегии Шребер был скептиком в вопросах религии (29 и 64); он так и не смог прийти к твердой вере в существование личного бога. Более того, этот факт своей предыстории он использует как аргумент для подтверждения полной реальности своего бреда[2]. Но тот, кто ознакомится с дальнейшими особенностями характера шреберова бога, должен будет сказать, что преобразование, вызванное паранойяльным заболеванием, не было таким уж основательным и что в теперешнем спасителе по-прежнему оставалось многое от тогдашнего скептика.

Мировой порядок имеет пробел, из-за которого, похоже, угрожает опасность самому существованию бога. Вследствие не совсем понятной взаимосвязи нервы *живых* людей, особенно в состоянии *сильного возбуждения*, настолько притягивают к себе нервы бога, что бог не может от них освободиться, и это угрожает его собственному существованию (11). Этот чрезвычайно редкий случай произошел со Шребером и стал причиной его величайших страданий. В результате у бога пробудился инстинкт самосохранения (30), и оказалось, что бог весьма далек совершенства, которое ему приписывают религии. Вся книга Шребера пронизана горькими жалобами на то, что бог, привыкший общаться только с умершими, *не понимает живых людей*.

«При этом, однако, имеет место *фундаментальное недоразумение*, которое с тех пор словно красной нитью проходит через всю мою жизнь и которое основывается как раз на том, что *в силу мирового порядка бог, по существу, не знал живых людей* и не испытывал

---

[1] Примечание на с. 20 позволяет нам догадаться, что решающее значение для выбора персидских имен Богов имело одно место в «Манфреде» Байрона. С влиянием этого поэтическое произведения мы встретимся еще в другой раз. [См. ниже, с. 170.]

[2] «То, что *у меня* имеют место всего лишь обманы чувств, уже с самого начала мне кажется психологически неправдоподобным. Ибо обман чувств — общение с Богом или с душами усопших — может возникнуть только у таких людей, которые в свое болезненно возбужденное нервное состояние уже привнесли с собой непоколебимую веру в Бога и в бессмертие души. *Но, согласно тому, о чем упоминалось в начале этой главы, ко мне это совершенно не относилось*» (79).

в этом нужды, а сообразно мировому порядку должен был общаться лишь с трупами» (55). — «То, что... по моему убеждению, опять-таки должно быть связано с тем, что бог не умел, так сказать, обходиться с живыми людьми, а был приучен только к общению с трупами или же в крайнем случае со спящими (видящими сны) людьми» (141). — «*Incredibile scriptu!* — хотелось бы мне добавить и самому, и все-таки все это действительно так, как бы ни было трудно другим людям постигнуть мысль о полной неспособности бога правильно судить о живых людях, да и мне самому потребовалось много времени, чтобы свыкнуться с этими мыслями после бесчисленных сделанных наблюдений» (246).

Уже вследствие такого непонимания богом живых людей могло случиться, что сам бог стал зачинщиком заговора, направленного против Шребера, что бог считал его слабоумным и подверг его самым тяжким испытаниям (246). Чтобы избежать этого приговора, он подверг себя крайне обременительным «принудительным размышлениям». «Всякий раз, когда моя мыслительная деятельность прекращается, бог тут же считает, что мои умственные способности угасли, что ожидаемое им разрушение разума (слабоумие) наступило и что теперь у него есть возможность удалиться» (206).

Особенно сильное возмущение вызывает поведение бога, когда дело касается позыва к испражнению. Этот пассаж столь характерен, что я хочу процитировать его целиком. Чтобы его понять, я сразу оговорюсь, что и чудо, и голоса исходят от бога (то есть от божественных лучей).

«По причине его характерного значения я должен уделить еще несколько замечаний вышеупомянутому вопросу "Почему вы не как...?"; какой бы мало приличной ни была эта тема, я вынужден ее затронуть. Как и все остальное в моем теле, также и эта потребность в испражнении вызывается чудом; это происходит, когда фекалии в кишках движутся вперед (а иногда и снова назад), и когда вследствие уже произошедшего испражнения больше нет достаточного количества материала, по-прежнему сохраняющиеся незначительные остатки содержимого кишечника размазываются по отверстию моих ягодиц. При этом речь идет о чуде верхнего бога, которое повторяется каждый день по меньшей мере десятки раз. С этим связывается совершенно непонятное для людей представление, объяснимое лишь полным незнакомством бога с живым человеком как организмом, что "как..." в известной степени является чем-то последним, то есть с совершением чуда — позывом покак... — дос-

тигается цель разрушения разума и появляется возможность убрать лучи. Как мне кажется, чтобы разобраться в возникновении этого представления, необходимо подумать о наличии недопонимания касательно символического значения акта испражнения, что именно тот, кто вступил в отношения с божественными лучами, такие, как у меня, в известной степени имеет право наср... на весь мир».

«Но вместе с тем при этом также проявляется вся подлость[1] проводимой по отношению ко мне политики. Чуть ли не каждый раз, когда у меня чудесным образом возникает потребность в испражнении, какого-нибудь другого человека из моего окружения посылают, стимулируя для этого его нервы, в уборную, чтобы помешать мне испражниться; это явление я многие годы наблюдал несметное множество (тысячи) раз, причем с такой регулярностью, что мысль о случайности отпадает. И тогда в продолжение на заданный мне вопрос: "Почему вы не как...?" — следует великолепный ответ: "Потому что я слишком глуп". Перо буквально противится описывать ужасную бессмыслицу, что бог в своем ослеплении, основанном на незнании человеческой природы, заходит так далеко, что может предположить, будто есть человек, который из-за своей глупости не может покак... — сделать то, на что способно любое животное. Когда затем, ощущая потребность, я действительно испражняюсь, для чего, как правило, пользуюсь ведром, потому что уборная почти всегда оказывается занятой, то это каждый раз связано с необычайно сильным проявлением душевного сладострастия. Избавление от давления, которое вызывается имеющимся в кишках калом, для нервов сладострастия имеет последствием сильнейшее удовольствие, точно такое, как и при мочеиспускании. По этой причине при испражнении и мочеиспускании всегда и без всякого исключения все лучи оказывались объединены; и именно по этой причине, когда я собираюсь справить эти природные функции, всегда также пытаются — хотя, как правило, тщетно — чудесным образом вновь устранить позыв к испражнению и мочеиспусканию»[2] (225–227).

---

[1] В примечании предпринимается попытка смягчить резкость слова «подлость» ссылкой на одно из оправданий Бога, которое будет упомянуто позже. [См. ниже, с. 155–156.]

[2] Это признание в удовольствии от выделительных функций, с которым мы познакомились как с одним из аутоэротических компонентов инфантильной сексуальности, можно сопоставить с высказываниями маленького Ганса в «Анализе фобии пятилетнего мальчика» (1909*b*, с. 333 [*Studienausgabe*, т. 8, с. 86]).

Странный бог Шребера не в состоянии также научиться чему-то на опыте: «Вследствие каких-то заложенных в сущности бога свойств он, по-видимому, не способен извлекать уроков на будущее из полученного таким образом опыта» (186). Поэтому он может годами без изменения повторять те же самые мучительные испытания, чудеса и высказывания, пока не становится посмешищем для преследуемого.

«Из этого получается, что почти во всем, что происходит со мной, после того как чудеса большей частью утратили свое былое ужасающее воздействие, кажется мне в основном смехотворным или ребячливым. Для моего поведения из этого следует, что ради необходимой обороны я часто вынужден по самочувствию *насмехаться над богом* также и вслух...» (333)[1].

Между тем эта критика бога и протест против бога наталкиваются у Шребера на энергичное противодействие, которое выражается во многих местах: «Но также и здесь я должен самым решительным образом подчеркнуть, что речь при этом идет лишь об эпизодах, которые, как я надеюсь, завершатся самое позднее с моей кончиной, и что поэтому право насмехаться над богом принадлежит только мне, но не другим людям. Для других людей бог остается всемогущим творцом неба и земли, первопричиной всех вещей и их благополучия в будущем, которому — пусть даже некоторые из традиционных религиозных представлений нуждаются в исправлении — надлежит поклоняться и оказывать наивысшие почести» (333–334).

Поэтому снова и снова предпринимаются попытки оправдать поведение бога по отношению к пациенту, которые, будучи такими же изощренными, как и все теодицеи, находят объяснение то в общей природе душ, то в необходимости бога оберегать себя самого, то в сбивающем с толку влиянии души Флехсига (60–61 и 160). Однако в целом болезнь понимается как борьба человека Шребера с богом, в которой победа остается за слабым человеком, потому что на его стороне мировой порядок (61).

Из врачебного заключения можно было бы легко сделать вывод, что в случае Шребера речь идет о распространенной форме фантазии о спасителе. Данный человек — это сын божий, пред-

---

[1] Также и на «основном языке» Бог не всегда был тем, кто ругался, — иногда он и сам становился объектом ругани, например: «Черт возьми! Подумать только, что Бог позволяет себя снош...» (194).

назначение которого — выручить мир из беды или спасти от грозящей ему гибели и т. д. Поэтому я не преминул подробно изобразить особенности отношения Шребера к богу. О значении этого отношения для остального человечества упоминается в «Мемуарах» лишь изредка и только в конце образования бреда. В сущности оно заключается в том, что ни один умерший не может обрести блаженства, пока его (Шребера) персона своей притягательной силой поглощает основную массу божественных лучей (32). Также и открытая идентификация с Иисусом Христом проявляется очень поздно (338 и 431).

Попытка объяснения случая Шребера не будет иметь шансов оказаться правильной, если не учесть эти особенности его представления о боге, это смешение черт почитания и протеста. Мы обратимся теперь к другой теме, тесно связанной с богом, — к теме *блаженства*.

Также и у Шребера блаженство — это «загробная жизнь», к которой человеческая душа возносится после смерти благодаря очищению. Он описывает его как состояние непрерывного наслаждения, связанного с созерцанием бога. Это малооригинально, но зато нас удивляет различие, которое проводит Шребер между мужским и женским блаженством. «Мужское блаженство было выше женского, которое, по-видимому, преимущественно состояло в непрерывном ощущении сладострастия» (18)[1]. В других местах о совпадении блаженства и сладострастия говорится более ясно и без ссылок на половые различия, да и о составной части блаженства — созерцании бога — далее речь не идет. Так, например: «...с природой божественных нервов, благодаря которым блаженство... пусть и не исключительно, но все же по крайней мере одновременно представляет собой необычайно усилившееся ощущение сладострастия» (51). И: «Сладострастие можно считать частью блаженства, которой исходно наделен человек и другие живые создания» (281), а потому небесное блаженство следовало бы по существу понимать как усиление и продолжение земного чувственного удовольствия!

---

[1] Однако то, что на том свете человек наконец избавляется от половых различий, полностью соответствует исполнению там жизненного желания.

И те небесные созданья

Не задают вопрос, кто здесь мужчина и кто — женщина.

[Миньон [в романе Гёте «Ученические годы Вильгельма Мейстера», Книга VIII, 2-я глава].)

Такое понимание блаженства отнюдь не является фрагментом бреда Шребера, который возник на ранних стадиях болезни, а затем был элиминирован как невыносимый. Еще в «апелляционной жалобе» (в июле 1901 года) больной в качестве одного из своих великих озарений подчеркивает, что «сладострастие находится в близкой связи — для других людей до сих пор не ставшей заметной — с блаженством душ усопших» [442][1].

Более того, мы вскоре узнаем, что эта «близкая связь» представляет собой фундамент, на котором основана надежда больного на окончательное примирение с богом и прекращение его страданий. Лучи бога утрачивают свое враждебное настроение, как только они убеждаются, что вместе с душевным сладострастием могут возникнуть в его теле (133). Сам бог требует искать в нем сладострастие (283) и угрожает убрать свои лучи, если он ослабит заботу о сладострастии и не сможет предложить богу требуемое (320).

Эта удивительная сексуализация небесного блаженства производит на нас впечатление, что понятие блаженства у Шребера возникло в результате сгущения двух основных значений немецкого слова: «умерший» и «счастливый»[2]. Но мы найдем в ней также повод подвергнуть проверке отношение нашего пациента к эротике в целом, к вопросам сексуального наслаждения, ибо мы, психоаналитики, до сих пор придерживаемся мнения, что корни любого нервного и психического заболевания преимущественно надо искать в сексуальной жизни, причем одни из нас — руководствуясь собственным опытом, а другие — кроме того еще и теоретическими соображениями.

После представленных до сих пор образцов бреда Шребера опасение, что именно паранойяльное заболевание может оказаться столь долго выискиваемым «негативным случаем», в котором сексуальность играет совсем незначительную роль, следует сразу же отмести. Сам Шребер бесчисленное множество раз высказывается таким образом, словно является сторонником нашего предубеждения.

---

[1] О возможном глубоком смысле этого открытия Шребера см. ниже. [По-видимому, эта ссылка относится к с. 172 и далее.]

[2] «Мой покойный (seliger) отец» и текст арии из «Дон Жуана» [скорее дуэта «*La ci darem*»]:

> «Ах, быть твоим навеки —
> Как счастлив (selig) буду я!»

как крайние представители обоих значений.

То, что в нашем языке одно и то же слово употребляется для обозначения столь разных ситуаций, не может, однако, не иметь смысла.

Он всегда на одном дыхании говорит о «нервозности» и эротическом заблуждении, словно то и другое невозможно отделить друг от друга[1].

До своего заболевания председатель судебной коллегии Шребер был человеком строгих правил: «Существует не так много людей, — утверждает он, и я не вижу оснований ему не доверять, — которые росли в столь строгих нравственных принципах, как я, и которые всю свою жизнь, особенно в половом отношении, вели себя — соответственно этим принципам — в такой же степени сдержанно, как я это могу сказать про себя» (281). После тяжелой душевной борьбы, внешне проявившейся в виде симптомов болезни, его отношение к эротике изменилось. Он пришел к мысли, что забота о сладострастии является его долгом, исполнение которого само по себе может покончить с тягостным конфликтом в нем, возникшим, как он считал, из-за него самого. Сладострастие, как уверяли его голоса, стало «богобоязненным» (285), и он сожалеет только о том, что не способен посвятить себя весь день напролет заботе о сладострастии[2] (там же).

Таков, следовательно, был общий итог болезненного изменения у Шребера в двух основных направлениях его бреда. Прежде он был склонен к сексуальному аскетизму и сомневался в боге; в процессе развития болезни он стал верующим и приверженцем сладострастия. Но подобно тому, как его обретенная вера была странной по своему содержанию, точно так же и сексуальное на-

---

[1] «Когда в каком-либо космическом теле все человечество охвачено *моральным разложением* ("сладострастным распутством") *или, возможно, также нервозностью*», — тогда, полагает Шребер, следуя библейским историям о Содоме и Гоморре, о всемирном потопе и т. д., это может привести к мировой катастрофе (52). — «[...Известие] ...посеяло среди людей страх и ужас, разрушило основы религии и стало причиной распространения *общей нервозности и безнравственности*, вследствие которых на человечество обрушились опустошительные эпидемии» (91). «Поэтому, вероятно, "Князем тьмы" считалась душами зловещая сила, которая по причине *нравственного упадка* человечества *или общего нервного перевозбуждения, вызванного сверхкультурой, могла* развиваться как враждебная Богу» (163). [Выделено Фрейдом.]

[2] В контексте бреда говорится (179–180): «*Притяжение* [то есть притяжение, оказываемое Шребером на нервы Бога (см. с. 152)] *все-таки утрачивало свой ужас для данных нервов, если при проникновении в мое тело они наталкивались на чувство душевного сладострастия*, в котором они участвовали со своей стороны. Тогда они вновь обретали утраченное небесное блаженство, которое также, пожалуй, состояло в наслаждении, похожем на сладострастие... находили в моем теле вполне или по меньшей мере почти равноценную замену».

слаждение, которое он получал, носило совершенно необычный характер. Это была уже не сексуальная свобода мужчины, а сексуальное чувство женщины, он относился к богу по-женски, ощущал себя женой бога[1].

Ни одна другая часть его бреда не обсуждается больным так подробно, можно сказать: так назойливо, как утверждаемое им превращение в женщину. Поглощенные им нервы приняли в его теле характер женских нервов сладострастия и, кроме того, сделали его несколько женственным, в частности придали его коже мягкость, присущую женскому полу (87). Он ощущает эти нервы, когда слегка надавливает рукой на любую часть тела, как образование под кожной поверхностью, состоящее из нитевидных или похожих на жилы волокон, которых особенно много на груди, там, где у женщины находится бюст. «Надавливая на это образование, я способен, особенно когда думаю о чем-то женском, создавать у себя чувство сладострастия, соответствующее тому, что ощущает женщина» (277). Он уверен, что по своему происхождению это образование — не что иное, как прежние нервы бога, которые все же едва ли могли утратить свое качество нервов из-за перемещения в его тело (279). С помощью «рисования» (визуального изображения) он способен создавать у себя и у лучей ощущение, что его тело оснащено женскими грудями и женскими половыми органами: «Рисование женские ягодиц на моем теле — *honny soit qui mal y pense* — настолько вошло у меня в привычку, что я почти непроизвольно делаю это каждый раз, когда нагибаюсь» (233). Он «осмеливается утверждать, что у каждого, кто увидел бы его перед зеркалом раздетым по пояс — особенно если иллюзия подкрепляется женскими украшениями — создалось бы несомненное впечатление *женской верхней части туловища*» (280). Он требует врачебного обследования, чтобы установить, что все его тело с головы до пят пронизано нервами сладострастия, что,

[1] Примечание к предисловию (4): «В моем собственном теле произошло нечто подобное зачатию Иисуса Христа непорочной девой, то есть женщиной, которая никогда не общалась с мужчиной. Дважды (а именно в то время, когда я еще находился в лечебнице Флехсига) у меня уже были, хотя и недостаточно развитые, женские половые органы, и в своем теле я ощущал шевеление, соответствующее первым проявлениям жизни человеческого эмбриона: благодаря Божьему чуду нервы Бога, соответствующие мужскому семени, оказались заброшены в мое тело; таким образом произошло оплодотворение». [Книга Шребера содержит как «Предисловие» и «Введение», так и вступительное «Открытое письмо господину тайному советнику профессору Флехсигу». Ср. с. 140, прим. 3, и с. 164, прим. 2.]

по его мнению, присуще только женскому телу, тогда как у мужчины, насколько ему известно, нервы сладострастия находятся лишь в половых органах и в непосредственной близости от них (274). Душевное сладострастие, развившееся благодаря такому скоплению нервов в его теле, столь велико, что ему достаточно лишь чуть-чуть напрячь свое воображение, особенно когда он лежит в постели, чтобы получить чувственное удовольствие, которое дает ему довольно ясное представление о наслаждении, получаемом женщиной при половом сношении (269).

Если мы теперь вспомним о сновидении, приснившемся в инкубационный период его заболевания еще до переезда в Дрезден [см. с. 142], то становится совершенно очевидным, что бред превращения в женщину — не что иное, как реализация содержания этого сна. Тогда этот сон вызвал у него взрыв мужского негодования, и точно так же он поначалу защищался от его исполнения во время болезни, расценивал превращение в женщину как позор, которым ему злонамеренно угрожают. Но затем наступило время (ноябрь 1895 года), когда он начал смиряться с этим превращением и связал его с высшими божественными намерениями: «С тех пор заботу о женственности я с полным сознанием сделал своим девизом» (177–178).

Затем он пришел к твердому убеждению, что сам бог для своего собственного удовлетворения требует от него женственности:

«Но как только — если мне позволительно так выразиться — я оказываюсь наедине с богом, для меня возникает необходимость всеми возможными средствами, а также призвав всю свою силу разума, особенно свое воображение, делать все для того, чтобы божественные лучи по возможности непрерывно или — поскольку человек на это попросту неспособен — хотя бы в определенное время дня получали впечатление о женщине, предающейся сладострастным ощущениям» (281).

«С другой стороны, бог требует *постоянного наслаждения*, соответствующего условиям существования душ, сообразным мировому порядку; моя задача состоит в том, чтобы раздобыть[1] это ему... в форме наибольшего развития душевного сладострастия; и если при этом нечто от чувственного наслаждения выпадает мне, я вправе присвоить это как некое небольшое возмещение за чрезмерные

[1] [Во всех предыдущих немецких изданиях анализа Шребера здесь ошибочно стоит: «предоставить».]

страдания и лишения, которые мне пришлось пережить за последние годы...» (283).

«...Я даже думаю, что после полученных впечатлений вправе высказать мнение, что бог никогда бы не пошел на попятную (из-за чего мое физическое самочувствие каждый раз вначале значительно ухудшается), а безо всякого сопротивления и продолжающейся равномерностью следовал бы притяжению, если бы для меня было возможным *всегда* разыгрывать из себя женщину, лежащую в любовном объятии со мною самим, *всегда* устремлять свой взор на женское существо, *всегда* рассматривать изображения женщин и т. д.» (284–285).

Два основных элемента бреда Шребера, превращение в женщину и привилегированные отношения с богом, в его системе объединены женской позицией по отношению к богу. Для нас становится неотложной задачей показать важную *генетическую* связь между двумя этими элементами, ибо в противном случае со своими объяснениями бреда Шребера мы окажемся в смехотворной роли, которую Кант в знаменитом сравнении в «Критике чистого разума» описывает как роль человека, держащего решето, в то время как другой человек доит козла.

II
ПОПЫТКИ ИСТОЛКОВАНИЯ

Попытку прийти к пониманию этой истории паранойяльного больного и раскрыть в ней известные комплексы и движущие силы душевной жизни можно было бы предпринять с двух сторон — с бредовых высказываний самого больного и с поводов к его заболеванию.

Первый путь кажется заманчивым с тех пор, как К. Г. Юнг предоставил нам блестящий пример толкования гораздо более тяжелого случая *dementia praecox* с проявлениями симптомов, которые несоизмеримо дальше отстояли от нормы[1]. Высокий интеллект и общительность больного также, по-видимому, облегчат нам решение задачи этим путем. Совсем не редко он сам дает в руки нам ключ, добавляя как бы невзначай пояснение, цитату или пример к тому или иному бредовому изречению или категорически опровергая возникающую у него самого аналогию. Тогда в последнем случае требуется только опустить отрицательную формулировку, как это обычно делается в психоаналитической технике, отнестись к примеру как к чему-то действительному, принять цитату или подтверждение за источник, и мы обнаружим, что обладаем искомым переводом паранойяльного способа выражения на нормальный язык. Возможно, пример этой техники заслуживает более детального изображения. Шребер жалуется на докучливость так называемых «сотворенных чудом птиц» или «говорящих птиц», которым он приписывает ряд весьма необычных свойств (208–214). По его убеждению, они созданы из остатков прежних «преддверий небес», то есть из бывших блаженными человеческих душ, имеют при себе трупный яд и науськаны на него. Они произносят «бессмысленно выученные наизусть выражения», которые им были «вдолблены в голову». Каждый раз, когда они складируют у него свои запасы трупного яда, то есть «назойливо повторяют вдолбленные им фразы», со словами «стервец» или «будь проклят» — единственными словами, которыми они вообще пока еще способны выражать истинные ощу-

[1] C. G. Jung (1907).

шения, — они в какой-то мере растворяются в его душе. Смысла произносимых ими слов они не понимают, но они обладают природной восприимчивостью к созвучию, которое необязательно должно быть полным. Поэтому для них не имеет особого значения, говорят ли:

Сантьяго (Santiago) или *Карфаген (Karthago)*
Китайцы (Chinesentum) или *Иисус Христос (Jesum Christum),*
Вечерняя заря (Abendrot) или *удушье (Atemnot),*
Ариман (Ariman) или *землепашец (Ackermann)* и т. д. (210).

Читая это описание, нельзя отделаться от мысли, что здесь имеются в виду юные девушки, которых в критическом настроении нередко сравнивают с гусынями, которым неуважительным образом приписывают «птичьи мозги», про которых говорят, что они не могут сказать ничего, кроме заученных фраз, и которые выдают свою необразованность тем, что путают иностранные слова, похожие по звучанию. Слово «стервец», единственное, произносимое ими всерьез, относилось бы тогда к триумфу молодого человека, которому удалось произвести на них впечатление. И действительно, через несколько страниц (214) мы наталкиваемся на фразы Шребера, которые подтверждает подобное толкование: «Большому количеству остальных птичьих душ я в шутку для различения дал девичьи имена, так как своим любопытством, своей тягой к сладострастию и т. д. все они прежде всего похожи на маленьких девочек. Затем эти девичьи имена частично были подхвачены также божественными лучами и были оставлены для обозначения упомянутых птичьих душ». Из этого дающегося без труда толкования «сотворенных чудом птиц» мы получаем намек для понимания загадочных «преддверий небес».

Я хорошо понимаю, что всякий раз, когда в психоаналитической работе выходят за рамки типичных истолкований, требуется немало такта и сдержанности, и что слушатель или читатель последует за аналитиком лишь настолько, насколько ему это позволит собственная осведомленность в аналитической технике. Поэтому есть все основания позаботиться о том, чтобы возросшие затраты сообразительности не сопровождались меньшей степенью надежности и достоверности. В таком случае совершенно естественно, что один работник будет чересчур осторожным, а другой — слишком смелым. Верные границы обоснованного истолкования можно будет установить только после различных пробных попыток и лучшего знакомства с предметом. В работе над случаем Шребера мне приходится быть сдержанным по причине того, что из-за сопротивления публикации

«Мемуаров» значительная часть материала, причем, вероятно, самая важная для нашего понимания, осталась для нас неизвестной[1]. Так, например, третья глава книги, начинающаяся с многообещающего заявления: «Теперь я вначале опишу некоторые события, произошедшие с *другими членами нашей семьи*, которые, возможно, находятся в связи с предполагаемым душегубством и которые в любом случае носят печать чего-то в той или иной мере загадочного, труднообъяснимого с точки зрения обычного человеческого опыта» (33) — непосредственно после этого заканчивается предложением: «Дальнейшее содержание главы как непригодное для публикации в печать не допущено». Поэтому я буду доволен, если мне удастся с некоторой определенностью объяснить ядро образования бреда его происхождением из известных нам человеческих мотивов.

С этой целью я приведу еще один небольшой фрагмент истории больного, который не получил должной оценки в экспертных заключениях, хотя сам больной сделал все для того, чтобы выдвинуть его на передний план. Я имею в виду отношение Шребера к своему первому врачу, тайному советнику профессору Флехсигу из Лейпцига.

Мы уже знаем, что болезнь Шребера вначале носила характер бреда преследования, который принял стертые формы только после поворотного пункта болезни («примирения»). Затем преследования становятся все более терпимыми, соответствующая мировому порядку цель грозящего оскопления оттесняет на задний план их постыдность. Но виновником всех преследований является Флехсиг, и он остается их зачинщиком на протяжении всей болезни[2].

---

[1] Заключение доктора Вебера: «Если взглянуть на содержание его сочинения, принять во внимание множество содержащихся в нем разоблачений, которые касаются его самого и других людей, без тени стеснения расписывание самых сомнительных и в эстетическом отношении прямо-таки невыносимых событий и ситуаций, использование самых неприличных крепких словец и т. д., то мы сочли бы совершенно непонятным, что человек, который обычно отличался тактом и деликатностью, мог вознамериться сделать столь компрометирующий его перед общественностью шаг, если только не...» и т. д. (402). Мы не вправе требовать от истории больного, которая должна изобразить нарушенную человечность и ее борьбу за восстановление, что она окажется «тактичной» и «эстетически» привлекательной.

[2] Предисловие, VIII: «Еще и теперь эти говорящие со мной голоса сотни раз за день в повторяющихся всегда обстоятельствах выкрикивают мне ваше имя, в особенности как виновника тех повреждений, хотя личные отношения, какое-то время существовавшие между нами, для меня уже давно отступили на задний план, и поэтому у меня самого едва ли найдется какой-нибудь повод снова и снова вспоминать вас, в особенности с каким-либо злобным чувством». [Из «Открытого письма» профессору Флехсигу; см. с. 159, прим.]

Каким же, собственно, было злодеяние Флехсига и каковы были при этом его мотивы, — об этом больной рассказывает с той характерной неопределенностью и невнятностью, которые можно рассматривать как признаки особенно интенсивной работы бредообразования, если позволительно обсуждать паранойю по образцу гораздо более нам знакомого сновидения. Флехсиг погубил или пытался погубить душу больного, то есть совершил акт, который можно сравнить со стараниями демонов и сатаны овладеть душой и прототипом которого, возможно, послужили события, происходившие между давно умершими членами семей Шребера и Флехсига (22 и далее). Хотелось бы больше узнать о смысле этого «душегубства», но здесь источники опять-таки тенденциозным образом отказывают: «В чем состоит истинная суть душегубства и какова, так сказать, его техника, — об этом я не могу сказать ничего, кроме вышеуказанного. Можно было бы только добавить (далее следует фрагмент, который непригоден для публикации)» (28). Вследствие этого пропуска для нас остается непонятным, что подразумевается под «душегубством». Единственное указание, которое избежало цензуры, мы упомянем в другом месте [ниже, с. 170].

Как бы то ни было, вскоре произошло дальнейшее развитие бреда, которое затронуло отношение больного к богу, не изменив его отношения к Флехсигу. Если до сих пор он видел своего настоящего врага только во Флехсиге (или, скорее, в его душе), а всемогущество бога расценивал как своего союзника, то теперь он не мог отделаться от мысли, что сам бог является сообщником, если не зачинщиком направленного против него заговора (59). Однако главным совратителем оставался Флехсиг, под влияние которого попал бог (60). Он сумел всей своей душой или ее частью вознестись на небо и тем самым сделать себя — не умерев и не пройдя вышеупомянутого очищения — «командующим лучей» (56)[1]. Эту роль душа Флехсига сохранила и после того, как больной сменил клинику в Лейпциге на лечебницу Пирсона[2]. Влияние нового окружения

---

[1] Согласно другой важной, но вскоре отвергнутой версии, профессор Флехсиг застрелился или в Вайссенбурге в Эльзасе или в полицейской камере в Лейпциге. Пациент видел его похоронную процессию, двигавшуюся, однако, не в том направлении, которое следовало ожидать исходя из расположения университетской клиники по отношению к кладбищу. В других случаях Флехсиг являлся ему в сопровождении полицейского или при разговоре со своей женой, свидетелем которого он становился благодаря связи с помощью нервов. При этом профессор Флехсиг называл себя перед женой «богом Флехсигом», так что она была склонна считать его сумасшедшим (82).

[2] [В Линденхофе. См. с. 143, прим. 1.]

проявилось впоследствии в том, что к ней присоединилась душа главного санитара, в котором больной узнал своего прежнего соседа по дому, — душа фон В.[1] Затем душа Флексига ввела систему «разделения души», принявшую большие размеры. Одно время существовало от сорока до шестидесяти таких расщеплений души Флексига; две большие части души получили название «верхний Флексиг» и «средний Флексиг». Точно так же обстояло дело и с душой фон В. (с душой главного санитара) (111). При этом порой было забавно наблюдать, как обе души, несмотря на свое союзничество, враждовали друг с другом, как аристократическая спесь одной и профессорское высокомерие другой вызывали взаимное отвращение (113). В первые недели его окончательного пребывания в Зонненштайне (летом 1894 года) в действие вступила душа нового врача, доктора Вебера, и вскоре после этого в развитии бреда произошел тот переворот, с которым мы познакомились как с «примирением».

Во время дальнейшего пребывания в Зонненштайне, когда бог начал больше его ценить, была произведена облава на неимоверно размножившихся душ, вследствие которой душа Флексига осталась лишь в одной или двух формах, а душа фон В. — только в одной. Последняя вскоре исчезла совсем; части души Флексига, которые постепенно теряли как свой интеллект, так и свою власть, затем стали называться «задним Флексигом» и «партией "ой!"». О том, что душа Флексига до конца сохраняла свое значение, нам известно из предисловия, «Открытого письма господину тайному советнику, профессору Флексигу»[2].

В этом удивительном документе выражается твердое убеждение Шребера, что воздействующий на него врач также и сам имел такие же видения и получал такие же откровения о сверхчувственных вещах, как и больной, и в нем заранее оговаривается, что автор «Мемуаров» далек от намерения опорочить честь врача. То же самое серьезно и настойчиво повторяется в прошении больного (343 и 445); по всей видимости, он пытается отделить «душу Флексига» от живого человека, носящего это имя, Флексига, порожденного бредом, от реального[3].

---

[1] Об этом фон В. голоса сообщили ему, что во время допроса он преднамеренно или по халатности сказал о нем ложные вещи, а именно обвинил его в онанизме; в наказание за это он теперь должен был прислуживать пациенту (108).

[2] [См. прим. 2, с. 164.]

[3] «Следовательно, я должен также *признать возможным*, что все, о чем сообщалось в первых разделах моих "Мемуаров" о событиях, связанных с именем Флексига, относится лишь к душе Флексига, которую необходимо отличать от живого человека и особое существование которой, разумеется, невозможно объяснить естественным способом» (342–343).

После изучения ряда случаев бреда преследования у меня и у других исследователей сложилось впечатление, что отношение больного к своему преследователю можно свести к простой формуле[1]. Человек, которому бред приписывает такую большую власть и влиятельность, к которому тянутся все нити заговора, является, если его называют конкретно, либо тем, кому придавалось такое же большое значение в эмоциональной жизни пациента до заболевания, либо легко распознаваемой его заменой. Эмоциональное значение проецируется как внешняя сила, эмоциональный тон изменяется на противоположный: тот, кого теперь ненавидят и боятся из-за его преследования, когда-то был любимым и почитаемым. Порожденное бредом преследование служит прежде всего обоснованию эмоциональной метаморфозы больного.

Обратимся теперь с этих позиций к отношениям, ранее существовавшим между пациентом и Флехсигом, его врачом и преследователем. Мы уже знаем [см. с. 141], что в 1884 и 1885 годах Шребер перенес первое нервное заболевание, протекавшее «без каких-либо инцидентов, затрагивающих область сверхчувственного» (35). Пока он находился в этом состоянии, охарактеризованном как «ипохондрия», которое, по-видимому, не выходило за границы невроза, Флехсиг был врачом больного. Шребер провел тогда шесть месяцев в клинике Лейпцигского университета. Мы узнаем, что после выздоровления у него остались самые хорошие воспоминания о своем враче. «Главным было то, что (после долгого восстановительного путешествия) я, наконец, выздоровел, и поэтому я мог быть исполнен тогда только чувствами живой благодарности к профессору Флехсигу, которые я затем также по-особому выразил при последующем визите и подобающим, по моему мнению, гонораром» [35-36]. Правда, в своих «Мемуарах» Шребер восхваляет первое лечение Флехсига не без некоторых оговорок, но это легко понять, если иметь в виду, что его отношение к нему изменилось на противоположное. О первоначальных теплых чувствах к достигшему успеха врачу можно сделать вывод из замечания, продолжающего приведенное высказывание Шребера: «Еще большую благодарность испытывала моя жена, которая почитала профессора Флехсига как человека, вновь даровавшего ей ее мужа, и поэтому его портрет многие годы стоял на ее рабочем столе» (36).

---

[1] Ср. K. Abraham (1908). В этой работе добросовестный автор указывает на то, что наша переписка повлияла на развитие его взглядов. [Ср. с. 192, прим. 2.]

Поскольку у нас нет возможности выяснить причину первого заболевания, понимание которой, несомненно, было бы необходимым для объяснения тяжелой второй болезни, мы вынуждены теперь вторгнуться наугад в неизвестную нам взаимосвязь. Мы знаем [ср. с. 142], что в инкубационный период болезни (между его назначением и вступлением в должность, с июня по октябрь 1893 года) ему неоднократно снилось, что к нему вернулась его прежняя нервная болезнь. Кроме того, однажды в состоянии полусна у него возникло ощущение того, что, наверное, все же хорошо быть женщиной, которая уступает и соглашается на половое сношение. Если мы рассмотрим эти сны и эту фантазию-представление, о которых Шребер рассказывает непосредственно одно за другим, также и в содержательной взаимосвязи, то мы вправе будем заключить, что вместе с воспоминанием о болезни пробудилось также воспоминание о враче и что проявившаяся в фантазии женская установка с самого начала относилась к врачу. Или, возможно, сновидение о возвращении болезни вообще имело следующий исполненный страстным желанием смысл: «Мне хочется снова увидеть Флексига». Незнание нами психического содержания первой болезни не позволяет нам здесь продвинуться дальше. Возможно, от этого состояния у него осталась нежная привязанность к врачу, которая теперь — по непонятным причинам — усилилась до степени эротического расположения. Эта женская фантазия, которая пока еще оставалась безличной, была сразу же с негодованием отвергнута — по выражению это был самый настоящий «мужской протест», но не в понимании Адлера[1]. Однако в разразившемся вскоре тяжелом психозе женская фантазия неудержимо утверждала себя, и нужно лишь немного скорректировать паранойяльную неопределенность манеры выражаться, присущей Шреберу, чтобы догадаться, что больной опасался сексуального насилия со стороны самого врача. Стало быть, поводом к развитию этого заболевания явился мощный натиск гомосексуального либидо, объектом которого, вероятно, с самого начала являлся врач Флексиг, а сопротивление этому либидинозному побуждению породило конфликт, от которого произошли симптомы болезни.

---

[1] Adler (1910). Согласно Адлеру, мужской протест причастен к возникновению симптома, в обсуждаемом здесь случае человек протестует против готового симптома. [Теория Адлера сравнительно подробно рассматривается в более поздней работе Фрейда «"Ребенка бьют"» (1919*e*), см. ниже, с. 251 и далее.]

Здесь я на мгновение остановлюсь перед потоком нападок и возражений. Кто знаком с нынешней психиатрии, должен быть готов к худшему.

«Разве это не безответственное легкомыслие, не бестактность и не клевета — обвинять в гомосексуальности человека столь высоких моральных устоев, как бывший председатель судебной коллегии Шребер?» — Нет, больной сам поведал миру о своей фантазии о превращении в женщину и в высших интересах пренебрег личными соображениями. Стало быть, он сам дал нам право заняться этими фантазиями, а наш перевод к их содержанию ничего не добавил. — «Да, но он сделал это, будучи больным; его бредовая идея о превращении в женщину была болезненной». — Мы этого не забыли. Мы занимаемся лишь значением и происхождением этой болезненной идеи. Мы обращаемся к его собственному разграничению между Флехсигом-человеком и «Флехсигом- душой». Мы вообще его ни в чем не упрекаем — ни в том, что у него были гомосексуальные побуждения, ни в том, что он стремился их вытеснить. В конце концов, психиатры должны были извлечь урок из этого случая, когда больной, несмотря на весь свой бред, старается не смешивать мир бессознательного с миром реальности.

«Но нигде не определенно не говорится, что превращение в женщину, которого он боялся, должно произойти в угоду Флехсигу». — Это верно, и нетрудно понять, почему в предназначавшихся общественности «Мемуарах», в которых автор не хотел нанести оскорбление человеку «Флехсигу», он избегает столь резкого обвинения. Но смягчение выражений, продиктованное подобными соображениями, оказалось недостаточным, чтобы суметь скрыть истинный смысл упрека. Можно утверждать, что об этом говорится также и вполне определенно, например, в следующем пассаже: «Таким образом, против меня был составлен заговор (примерно в марте или апреле 1894 года), который заключался в том, что после того как моя нервная болезнь будет признана неизлечимой или выдана за таковую, *передать меня некоему человеку,* причем таким способом, что моя душа достанется ему, но мое тело... превратится в женское тело и *в этом виде будет передано данному человеку* для сексуального надругательства» (56)[1]. Излишне добавлять, что из конкретных людей не называется никто другой, кого можно было бы поставить на место Флехсига.

---

[1] Выделено мною.

К концу его пребывания в Лейпцигской клинике у него возникло опасение, что с целью полового насилия его «должны отдать санитарам» (98). Женская установка по отношению к богу, возникшая в ходе дальнейшего развития бреда, в которой он без стеснения признается, пожалуй, устраняет последнее сомнение относительно роли, изначально отводившейся врачу. С первых и до последних страниц книги назойливо раздается другое выдвинутое против Флексига обвинение. Он пытался погубить его душу. Мы уже знаем [с. 38], что состав этого преступления непонятен и самому больному, но что оно связано с деликатными вещами, которые пришлось исключить из публикации (глава III). Одна-единственная нить ведет нас здесь дальше. Душегубство поясняется ссылками на содержание «Фауста» Гёте, «Манфреда» лорда Байрона, «Вольного стрелка» Вебера и т. д. (22), и один из этих примеров приводится в другом месте. При обсуждении разделения бога на две персоны «нижний» и «верхний» боги отождествляются Шребером с Ариманом и Ормуздом (19), а несколько позже мы обнаруживаем следующее сделанное вскользь замечание: «Впрочем, имя Ариман встречается также в связи с душегубством, к примеру, в "Манфреде" лорда Байрона» (20). В поэтическом произведении, охарактеризованном таким образом, едва ли имеется нечто, что можно было бы сравнить с продажей души в «Фаусте», я также тщетно искал в ней выражение «душегубство», но, наверное, суть и тайна этого произведения — инцест между братом и сестрой. Здесь короткая нить вновь обрывается[1].

Оставив за собой право в дальнейшем вернуться к другим возражениям, мы здесь хотим заявить, что считаем себя вправе придерживаться мнения о том, что основа заболевания Шребера — бур-

---

[1] В подкрепление вышеуказанного утверждения: Манфред говорит демону, который хочет лишить его жизни (заключительная сцена):

> «...*my past power*
> *was purchased by no compact with thy crew*».
> [«...я не приобретал свою прошлую власть
> сделкой с толпой».]

Таким образом, это напрямую противоречит соглашению о продаже души. Вероятно, это заблуждение Шребера тенденциозно. Впрочем, напрашивается мысль связать это содержание «Манфреда» с неоднократно утверждавшимся отношением поэта к его сводной сестре, и обращает на себя внимание то, что в другой замечательной драме Байрона, в «Каине», речь идет о древней семье, в которой инцест между братом и сестрой не считается предосудительным. Мы также не хотим оставить тему душегубства, не упомянув следующий пассаж: «При этом раньше виновником душегубства называли Флексига, тогда как теперь уже с давних пор, преднамеренно перевернув отношения, меня самого хотят "изобразить" как того, кто совершил душегубство...» (23). [Ср. ниже, с. 177.]

ное проявление гомосексуального побуждения. С этим предположением согласуется заслуживающая внимания, иначе не объяснимая деталь истории болезни. Следующий, решающий для хода событий «нервный срыв» произошел у больного в то время, когда его жена взяла непродолжительный отпуск, чтобы отдохнуть самой. Дотоле она каждый день проводила возле него много часов и вместе с ним обедала. Вернувшись после четырехдневного отсутствия, она обнаружила, что он самым прискорбным образом изменился, и он сам не желал ее больше видеть. «Решающей для моего умственного крушения была, собственно, ночь, когда у меня случилось совершенно необычайное число поллюций (наверное, с дюжину)» (44). Мы хорошо понимаем, что само присутствие жены воздействовало как защита от притягательной силы окружающих мужчин, и если мы согласимся, что у взрослого человека процесс поллюции не может произойти без психического содействия, то к поллюциям, произошедшим в ту ночь, добавим оставшиеся бессознательными гомосексуальные фантазии.

Почему этот всплеск гомосексуального либидо случился у пациента в то время, в ситуации между его назначением и переездом, — этого мы не можем разгадать без более точного знания истории его жизни. Обычно человек всю жизнь колеблется между гетеросексуальными и гомосексуальными чувствами, и фрустрация или разочарование с одной стороны заставляет его обратиться к другой. Об этих моментах в случае Шребера нам ничего не известно; но нам не хотелось бы оставлять без внимания соматический фактор, который может иметь значение. Во время этой своей болезни доктору Шреберу был 51 год, он находился в том критическом для половой жизни возрасте, в котором сексуальная функция женщины после предшествующего усиления резко идет на убыль, но значение которого, по-видимому, нельзя исключать также и для мужчины; у мужчины также имеется «климакс», предрасполагающий к заболеваниям[1].

---

[1] Знанием о возрасте Шребера при его первом заболевании я обязан любезному сообщению его родственников, которых разыскал для меня в Дрездене доктор Штегманн. Однако в данной статье не используются никакие другие сведения, кроме тех, что вытекают из самого текста «Мемуаров». [Как нам сегодня известно, Фрейд узнал от доктора Штегманна, кроме того, и другие факты, которые, однако, в своей опубликованной работе он не использовал. См. с. 137, прим. 2, и с. 175, прим. 2. — Значение, которое приписывается 51-летнему возрасту, несомненно, свидетельствует о все еще сохраняющемся влиянии числовых теорий Вильгельма Флисса на мышление Фрейда.]

Я могу представить, насколько сомнительным покажется предположение, что чувство симпатии к врачу, усилившись через восемь лет[1], вдруг прорывается у мужчины и становится поводом к развитию такого тяжелого душевного расстройства. Но я думаю, что мы не имеем права отбрасывать такое предположение, если оно нам напрашивается, из-за его кажущегося неправдоподобия, вместо того чтобы проверить, как далеко мы, придерживаясь его, продвинемся. Это неправдоподобие может быть временным и проистекать из того, что спорная гипотеза пока еще вырвана из общей взаимосвязи, что это — первое предположение, с которым мы подходим к проблеме. Тому, кто не может воздержаться от высказывания своего мнения и считает нашу гипотезу совершенно невыносимой, нам нетрудно продемонстрировать возможность, благодаря которой это предположение теряет свой кажущийся странным характер. Чувство симпатии к врачу легко может возникнуть в результате «процесса переноса», благодаря которому эмоциональный катексис у больного переносится с одного значимого для него человека на безразличную, в сущности, для него персону врача, из-за чего врач оказывается заместителем, суррогатом, кого-то, кто ему гораздо более близок. Выражаясь конкретнее, благодаря врачу больной вспомнил о своем брате или отце, вновь нашел в нем брата или отца, и тогда при известных условиях уже нет ничего удивительного, если у него снова возникает тоска по этому замещающему человеку, действующая с той силой, которую можно понять, лишь зная ее происхождение и первоначальное значение.

В интересах этой попытки объяснения я счел нужным узнать, был ли еще жив отец пациента в то время, когда он заболел, имел ли он брата и был ли тот жив в это же время или находился среди «блаженных». Поэтому я был доволен, когда после долгих поисков в «Мемуарах» мне, наконец, попалось место, в котором больной устраняет эту неясность словами: «Память о моем отце и брате... столь же священна для меня, как...» и т. д. (442). Стало быть, к моменту второго заболевания (возможно, и первого?) оба они уже умерли[2].

Я думаю, мы не будем далее противиться предположению, что поводом к заболеванию было проявление женской (пассивно-гомосексуальной) фантазии-желания, объектом которой стала персона врача. Именно против нее со стороны личности Шребера возникло

---

[1] Интервал между первым и вторым заболеванием Шребера.

[2] [Отец Шребера умер в 1861 году, его единственный брат — в 1877-м (Baumeyer, 1856, 74 и 69).]

сильнейшее сопротивление, а защитная борьба, которая, возможно, точно так же могла бы осуществляться и в других формах, по неизвестным нам причинам выбрала форму мании преследования. Тот, кого страстно желали, теперь стал преследователем, а содержание фантазии-желания — содержанием преследования. Мы предполагаем, что такое схематическое понимание окажется применимым и к другим случаям мании преследования. Но что отличает случай Шребера от других, — это развитие, которое он принимает, и преобразование, которому он подвергается в ходе такого развития.

Одно из таких изменений состоит в замене Флексига более влиятельной персоной бога; сначала оно, по-видимому, означает обострение конфликта, усиление невыносимого преследования, но вскоре выясняется, что оно подготавливает второе изменение, а вместе с ним и разрешение конфликта. Если было невозможным свыкнуться с ролью девки по отношению к врачу, то задача доставить самому богу наслаждение, которого он ищет, не наталкивается на такое же сопротивление Я. Оскопление — уже не позор, оно становится «сообразным мировому порядку», вступает в великую космическую взаимосвязь, служит целям воссоздания погибшего мира людей. «Новые люди из духа Шребера» будут почитать его, мнящего себя преследуемым, как своего предка. Тем самым был найден выход, удовлетворяющий обе противодействующие стороны. Я возместилось манией величия, а прорвавшаяся женская фантазия-желание стала приемлемой. Борьба и болезнь могут прекратиться. Разве что усилившееся тем временем чувство реальности заставляет переместить решение из настоящего в отдаленное будущее, довольствоваться, так сказать, асимптотическим исполнением желания[1]. Превращение в женщину произойдет, вероятно, когда-то позднее; до тех пор персона доктора Шребера останется неразрушимой.

В учебниках по психиатрии часто говорится о развитии мании величия из мании преследования, которое происходит следующим образом: больной который первично охвачен бредовой идеей, что является объектом преследования со стороны высших сил, испытывает потребность объяснить себе это преследование, таким образом приходит к предположению, что он сам является незаурядной лич-

---

[1] «Лишь как возможности, с которыми при этом надо считаться, я все же упоминаю предстоящее оскопление, вследствие которого благодаря оплодотворению Богом из моего лона выйдет на свет потомство», — говорится в конце книги [293].

ностью, достойной такого преследования. Тем самым развитие мании величия приписывается процессу, который мы по удачному выражению Эрнеста Джонса [1908] называем «рационализацией». Но мы считаем совершенно непсихологическим подходом утверждать, что рационализация способна приводить к столь сильным аффективным последствиям, и поэтому хотим строго отделить наше мнение от мнения, высказываемого в учебниках. Прежде всего мы не утверждаем, что знаем источник мании величия[1].

Если теперь мы вернемся к случаю Шребера, то должны будем признать, что прояснение трансформации его бреда доставляет нам чрезвычайные трудности. Каким образом и какими средствами совершается восхождение от Флексига к богу? Откуда у него берется мания величия, которая столь удачным образом обеспечивает примирение с преследованием, или, выражаясь аналитически, позволяет предположить наличие подлежащей вытеснению фантазии-желания? «Мемуары» дают нам здесь отправную точку, показывая нам, что для больного «Флексиг» и «бог» находятся в одном ряду. В одной из своих фантазий он якобы подслушивает разговор Флексига со своей женой, в котором он представился «богом Флексигом», и из-за этого жена сочла его сумасшедшим (82). Но, кроме того, обратим внимание на следующую особенность в образовании бреда у Шребера. Подобно тому как преследователь разделяется, если взглянуть на бредовую систему в целом, на Флексига и бога, точно так же сам Флексиг расщепляется на две личности, на «верхнего» и «среднего» Флексига [с. 166], а бог — на «нижнего» и «верхнего» бога. На поздних стадиях болезни расчленение Флексига продолжается (193). Такое расчленение весьма характерно для паранойи. Паранойя расчленяет подобно тому, как истерия сгущает. Или, скорее, паранойя вновь разлагает сгущения и идентификации, произведенные в бессознательной фантазии. То, что это расчленение повторяется у Шребера неоднократно, согласно Юнгу[2], является выражением значимости данной персоны. Стало быть, все

---

[1] [Этот вопрос вновь обсуждается ниже в связи с понятием нарцизма. См. с. 188 и 194–195.]

[2] C. G. Jung (1910). Вероятно, Юнг прав, когда утверждает, что это расчленение, соответствующее общей тенденции шизофрении и препятствующее возникновению слишком сильных впечатлений, можно ослабить посредством анализа. Речь одной его пациентки: «А, вы тоже доктор Ю., сегодня утром у меня уже был один, который выдавал себя за доктора Ю.», — можно, однако, перевести как признание: «Теперь вы снова напоминаете мне кого-то другого из ряда моих переносов, а не того, кто вспомнился мне при вашем прошлом визите».

эти расщепления Флексига и бога на несколько личностей означают то же самое, что и разделение преследователя на Флексига и бога. Все это — дублирования одних и тех же значимых отношений, которые О. Ранк (1909) выявил в мифологических образованиях. Но для истолкования всех этих деталей нам необходимо сослаться на расчленение преследователя на Флексига и бога и на понимание этого расчленения как паранойяльной реакции на имевшуюся их идентификацию или на их принадлежность к одному и тому же ряду. Если преследователь Флексиг когда-то был любимым человеком, то и бог является лишь воплощением другого, точно так же любимого, но, вероятно, более значимого человека.

Если мы продолжим этот кажущийся правомерным ход мыслей, то должны будем сказать, что этим человеком не может быть никто другой, кроме отца, и, стало быть, Флексиг тем отчетливее выдвигается на роль (надо надеяться, старшего[1]) брата. Таким образом, причиной той женской фантазии, вызвавшей столь сильное сопротивление у больного, явилась эротически усилившая тоска по отцу и брату, причем тоска по брату вследствие переноса перешла на доктора Флексига, тогда как вместе с ее возвращением к отцу было достигнуто примирение.

Если введение отца в бред Шребера кажется нам правомерным, то оно должно принести пользу нашему пониманию и помочь нам прояснить непонятные детали бреда. Вспомним же, какие странные черты мы обнаружили в боге Шребера и в отношении Шребера к своему богу. Это было самое удивительное смешение кощунственной критики и бунтарского неповиновения с полной уважения преданностью. Бог, поддавшийся тлетворному влиянию Флексига, был неспособен учиться чему-либо на опыте, не знал живых людей, поскольку умел обращаться лишь с мертвецами, и проявлял свою силу в ряде чудес, которые хотя и поражали воображение, но все же были пошлыми и неумными.

Отец председателя судебной коллегии доктора Шребера был незаурядным человеком. Это был доктор Даниэль Готтлоб[2] Мориц Шребер, память о котором сохраняется и поныне благодаря обществам Шребера, особенно многочисленным в Саксонии, *врач*, забо-

---

[1] На этот счет из «Мемуаров» нельзя получить никаких разъяснений. [Его единственный брат действительно был на три года старше (Baumeyer, 1956, 69). О том, что он оказался прав, Фрейд узнал от доктора Штегманна. (См. с. 137, прим. 2, и с. 172, прим. 2).]

[2] [Во всех прежних немецких изданиях ошибочно указано имя «Готтлиб».]

та которого о гармоничном воспитании молодежи, о взаимодействии семейного и школьного воспитания, об использовании личной гигиены и физического труда для укрепления здоровья оказывала неослабное влияние на современников[1]. О его репутации основателя лечебной гимнастики в Германии по-прежнему свидетельствуют многочисленные тиражи, в которых распространена в наших кругах его «Врачебная комнатная гимнастика»[2].

Разумеется, такой отец вполне подходил для того, чтобы в нежном воспоминании сына, который так рано его лишился, прославляться как бог. Правда, для нашего чувства существует непреодолимая пропасть между личностью бога и личностью какого-либо, пусть даже самого выдающегося человека. Но мы должны подумать о том, что так было не всегда. У древних народов их боги значительно больше походили на людей. У римлян умерший император буквально обожествлялся. Дельный и здравомыслящий Веспасиан, когда у него впервые случился приступ болезни, сказал: «Горе мне! Думается, я становлюсь богом»[3].

Нам хорошо знакома инфантильная установка мальчика в отношении своего отца; она содержит точно такое же смешение исполненного уважением подчинения и бунтарского неповиновения, которые мы обнаружили в отношении Шребера к своему богу, она является несомненным, точно скопированным прототипом последнего. Но то, что отец Шребера был врачом, причем весьма авторитетным и, несомненно, уважавшимся его пациентами, объясняет самые удивительные черты характера, которые Шребер критически выделяет у своего бога. Можно ли более уничижительно выразить отношение к такому врачу, чем сказать про него, что он ничего не смыслит в живых людях и умеет обращаться лишь с мертвецами? Разумеется, к сущности бога относится то, что он творит чудеса. Но

---

[1] Я благодарю моего коллегу доктора Штегманна из Дрездена, любезно приславшего мне один номер журнала, который называется «Друг Общества Шребера». В нем (2-й выпуск, номер X) по случаю столетия со дня рождения доктора Шребера приводятся биографические сведения о жизни юбиляра. Доктор Шребер старший родился в 1908 году и умер в 1861-м, прожив всего 53 года. Из ранее упомянутого источника мне известно, что тогда нашему пациенту было 19 лет. [Некоторые биографические данные об отце Шребера содержатся у Баумейера (Baumeyer, 1956, 74). См. также работы Нидерланда (Niederland, 1959*a* и *b*, 1960, 1963).]

[2] [Она выдержала почти сорок изданий.]

[3] Светоний, «Биографии императоров» [книга VIII], глава 23. Это обожествление началось с Гая Юлия Цезаря. Август в своих надписях называл себя «*Divi filius*» [сын бога].

и врач творит чудеса; как говорят про него его восторженные пациенты, он совершает чудесное исцеление. Когда затем эти чудеса, материал для которых предоставила ипохондрия больного, оказываются такими сомнительными, абсурдными и отчасти нелепыми, мы вспомним утверждение из «Толкования сновидений», что абсурдность в сновидении выражает насмешку и глумление[1]. Стало быть она служит этим же целям изображения при паранойе. Что касается других упреков, например, что бог ничему не может научиться из опыта, то напрашивается мысль, что мы имеем дело с механизмом инфантильного «ответного упрека»[2], когда в ответ на брошенное обвинение его в том же виде возвращают отправителю, подобно тому, как упомянутые (23) голоса позволяют предположить, что выдвинутый против Флексига упрек в «душегубстве» вначале представляло собой самообвинение[3].

Сделавшись смелыми благодаря тому, что профессия отца оказалась пригодной для объяснения особых качеств Шреберова бога, мы можем теперь отважиться с помощью толкования прояснить странное расчленение божественного существа. Как нам известно, мир бога состоит из «передних божьих царств», которые называются также «преддвериями небес» и которые содержат души усопших людей, и из «нижнего» и «верхнего» бога, которые вместе называются «задними божьими царствами» (19) [с. 151–152]. Даже если мы готовы к тому, что не сможем разложить на составные части имеющееся здесь сгущение, то все же хотим воспользоваться полученным ранее указанием, что «сотворенные чудом» птицы, которые, как нами было раскрыто, являются девушками, происходят от преддверий небес [ср. с. 162], для того, чтобы истолковать *передние* божьи царства и *преддверия*[4] небес как символику женственности, а *задние* божьи царства — как символику мужественности. Если бы мы точно знали, что умерший брат Шребера был старше его, то расчле-

---

[1] «Толкование сновидений» (1900*a*, с. 428 и далее. [*Studienausgabe*, т. 2, с. 429]). [Ср. также примечание к истории болезни «Крысина» (1909*d*), выше, с. 80, прим. 3.]

[2] Подобный реванш очень похож на тот, когда больной однажды записал: «*От любой попытки воспитательного воздействия извне надо отказаться как от бесперспективной*» (188). Не поддающимся воспитанию является бог.

[3] «Тогда как теперь уже с давних пор, преднамеренно перевернув отношения, меня самого хотят "изобразить" как того, кто совершил душегубство», и т. д. [См. выше, с. 171, прим.]

[4] [Наряду с буквальным значением слово «преддверие» (как синоним «vestibulum») имеет еще и анатомическое значение, то есть оно обозначает область женских гениталий.]

нение бога на нижнего и верхнего бога можно было бы трактовать как выражение воспоминания больного о том, что после ранней смерти отца старший брат встал на его место[1].

Наконец, в этой связи я хочу упомянуть *солнце*, которое благодаря своим «лучам» приобрело столь большое значение для выражения бреда. Шребер относится к солнцу совершенно особым образом. Оно говорит с ним человеческим голосом и тем самым предстает перед ним как живое существо или как орган по-прежнему стоящего за ним высшего существа (9). Из медицинского заключения мы узнаем, что он, «буквально ревя, выкрикивает угрозы и ругательства в его адрес» (382)[2], что он кричит ему, чтобы оно спряталось от него. Он сам сообщает, что перед ним солнце тускнеет[3]. Роль, которую солнце играет в его судьбе, проявляется в том, что оно существенным образом меняется внешне, как только начинают происходить изменения у самого Шребера, например, в первые недели его пребывания в Зонненштайне (135). Шребер облегчает истолкование этого мифа о солнце. Он без обиняков отождествляет солнце с богом — то с нижним богом (Ариманом)[4], то с верхним: «На следующий день... я видел верхнего бога (Ормузда), на этот раз не духовным взором, а телесным глазом. Это было солнце, но не солнце в его обычном виде, известном всем людям, а...» (137—138). Поэтому вполне естественно, что он обращается с ним не иначе, как с самим богом.

Я не отвечаю за однообразие психоаналитических разгадок, когда выставляю как довод, что солнце — это не что иное, как опять-таки сублимированный символ отца. Символика пренебрегает здесь грамматическим родом, по крайней мере в немецком языке[5], ибо в большинстве других языков солнце мужского рода. Его дополнением в этом отражении родительской пары является об-

---

[1] [Ср. прим. 2, с. 175.]

[2] «Солнце — потаскуха» (384).

[3] «Впрочем, также еще и сейчас солнце является передо мной отчасти в ином образе, чем тот, который был у меня о нем до моей болезни. Его лучи тускнеют передо мной, когда я, к нему повернувшись, громко говорю. Я могу спокойно смотреть на солнце, и оно ослепляет меня в весьма незначительной степени, тогда как в здоровые дни мне, как, наверное, и другим людям, смотреть на солнце минутами было бы невозможно вовсе» (139, прим.). [К этому Фрейд возвращается еще раз в «Дополнении» к данной работе, ниже, с. 201 и далее.]

[4] «Теперь (с июля 1894 года) говорящими со мной голосами он напрямую отождествляется с солнцем» (88).

[5] [В немецком языке слово «солнце» (die Sonne) женского рода. — *Примечание переводчика*.]

щераспространенное словосочетание «мать-земля». Подтверждение этого тезиса довольно часто встречается при психоаналитическом разъяснении патогенных фантазий у невротиков. На связь с космическими мифами я хочу указать только одним этим высказыванием. Один из моих пациентов, рано потерявший отца и пытавшийся обрести его снова во всем великом и возвышенном в природе, заставил меня счесть вероятным, что гимн Ницше «Перед восходом солнца» выражает именно это стремление[1]. Другой пациент, который в своем неврозе пережил первый приступ тревоги и головокружения после смерти отца, когда во время работы лопатой в саду его осветило солнце, самостоятельно представил следующее истолкование: он испугался, потому что отец наблюдал, как он острым инструментом обрабатывал «мать». Когда я отважился сухо возразить, он обосновал свою точку зрения, сообщив, что еще при жизни отца сравнивал его с солнцем, правда, пытаясь тогда его пародировать. Всякий раз, когда его спрашивали, куда его отец отправится этим летом, он отвечал звучными словами из «Пролога на небесах»:

И в хоре сфер гремя, как гром,
Златое солнце неизменно
Течет предписанным путем[2].

Отец имел обыкновение по совету врача каждый год отправляться на курорт Мариенбад. У этого больного инфантильная установка по отношению к отцу проявилась в два приема. Пока отец был жив, — открытое неповиновение и полный разрыв; непосредственно после его смерти — невроз, который основывался на проявившихся задним числом рабском подчинении отцу и послушании[3].

Стало быть, также и в случае Шребера мы находимся на хорошо знакомой почве отцовского комплекса[4]. Если борьба с Флехсигом раскрывается больному как борьба с богом, то мы должны перевести его на язык инфантильного конфликта с любимым отцом, неизвестные для нас детали которого определили содержание бреда. Мы

---

[1] «Так говорил Заратустра». Третья часть. — Также и Ницше знал своего отца только ребенком.

[2] [Гёте, «Фауст», перевод Н. Холодковского.]

[3] [Ср. некоторые замечания о «послушании задним числом» в анализе «маленького Ганса» (1909*b*), *Studienausgabe*, т. 8, с. 36.]

[4] Точно так же и «женская фантазия-желание» Шребера представляет собой лишь одну из типичных форм инфантильного ядерного комплекса.

имеем перед собой весь материал, который обычно выявляется при анализе таких случаев, в нем все представлено теми или иными намеками. В этих детских переживаниях отец выступает помехой достижению ребенком — чаще всего аутоэротического — удовлетворения, которое позднее в фантазии нередко заменяется менее бесславным[1]. В конечном продукте бреда Шребера полностью торжествует инфантильное сексуальное стремление; сладострастие становится богобоязненным, сам бог (отец) не перестает требовать его от больного. Самая страшная угроза со стороны отца, угроза кастрации, прямо-таки предоставила материал вначале подавленной, а затем принятой фантазии-желанию о превращении в женщину. Указание на провинность, которая прикрывается замещающим образованием — идеей о «душегубстве», — более чем очевидно. Главный санитар идентифицируется с тем соседом по дому фон В. [с. 166], который, по сведениям голосов, ложно обвинил его в онанизме (108). Голоса, словно в обоснование угрозы кастрации, говорят: «Вас должны будут *изобразить* как предающегося сладострастным излишествам» (127–128)[2]. Наконец, принудительное мышление (47), которому подвергает себя больной, предполагая, что бог будет считать, что он стал слабоумным, и отдалится от него, если он на мгновение перестанет думать [см. с. 153], также известная нам реакция на угрозу или опасение потерять рассудок вследствие сексуальной деятельности, в частности вследствие онанизма[3]. При не-

[1] Ср. замечания об анализе «Крысина» (1909*d*) (выше, с. 72–74, прим.).

[2] Системы «изображения [128, прим.] и записывания» (126–127) в связи с «подвергшимися испытанию душами» указывают на школьные переживания. [Процесс очищения душ после смерти (с. 150) на «основном языке» назывался «испытанием». Души, которые еще не были очищены, назывались не «не подвергшимися испытанию», а сообразно со склонностью «основного языка» к эвфемизмам (с. 151) — «подвергшимися испытанию». Соответственно, «изобразить» означало «изобразить неправильно». Посредством системы «записывания» все мысли и поступки Шребера, вообще все, что было с ним связано, год за годом фиксировались в записных книжках существами, полностью лишенными духа и, вероятно, жившими на далеких космических телах.]

[3] «То, что это является намеченной целью, раньше совершенно открыто признавалось в исходящей от верхнего бога, бесчисленное множество раз слышанной мною фразе: "Мы хотим разрушить ваш разум"» (206, прим.).

[4] Мне не хочется упустить здесь возможность отметить, что я сочту теорию паранойи заслуживающей доверия только тогда, когда ей удастся включить во взаимосвязь паранойи чуть ли не регулярно проявляющиеся сопутствующие *ипохондрические* симптомы. Мне кажется, что ипохондрия относится к паранойе точно так же, как невроз тревоги к истерии. [Несколько подробнее значение ипохондрии Фрейд обсуждает в начале раздела II своей работы, посвященной нарцизму (1914*c*). *Studienausgabe*, т. 3, с. 49 и далее.]

сметном количестве ипохондрических бредовых идей[4], которые развивает больной, наверное, не следует придавать большого значения тому, что некоторые из них слово в слово совпадают с ипохондрическими опасениями онанистов[1].

Тому, кто был бы в толковании более дерзким, чем я, или благодаря контактам с семьей Шребера больше бы знал о людях, среде и незначительных происшествиях, наверное, было бы легко свести бесчисленные детали бреда Шребера к их источникам и тем самым выявить их значение, несмотря на цензуру, которой подверглись «Мемуары». Мы же должны довольствоваться расплывчатым схематичным изложением инфантильного материала, с помощью которого паранойяльное заболевание изобразило актуальный конфликт.

Для обоснования того конфликта, разразившегося из-за женской фантазии-желания, пожалуй, я вправе добавить еще несколько слов. Мы знаем, что наша задача — связать появление фантазии-желания с неким отказом[2], лишением в реальной жизни. Шребер признается нам в подобном лишении. Его брак, изображенный в остальном как счастливый, не дал ему счастья иметь детей, в первую очередь сына, который возместил бы ему потерю отца и брата и на которого он мог бы излить неудовлетворенную гомосексуальную нежность[3]. Его род грозил вымереть, и похоже на то, что он немало гордился своим происхождением и семьей. «Флехсиги и Шреберы относились, как тогда говорили, к “высшему небесному дворянству”; в частности, Шреберы носили титул “маркграфов Тускании и Тасмании” соответственно привычке людей, следуя своего

---

[1] «Поэтому у меня пытались выкачать спинной мозг, что и случилось с помощью так называемых “маленьких человечков”, которых мне почестили на ноги. Об этих “маленьких человечках”, которые обнаружили некоторое родство с уже обсуждавшимся в главе VI одноименным явлением, я кое-что сообщу позднее; как правило, их было двое — “маленький Флехсиг” и “маленький фон В.”, чьи голоса я слышал также на моих ногах» (154). [Слово «одноименный» в этой цитате ошибочно было опущено во всех предыдущих немецких изданиях.] Фон В. — это тот человек, от которого исходило обвинение в онанизме. Сам Шребер характеризует «маленьких человечков» как самое удивительное и в известном смысле самое загадочное явление (157). По-видимому, они произошли из сгущения детей и сперматозоидов.

[2] [См. прим. 1, ниже, с. 186.]

[3] «Оправившись после первой моей болезни, я прожил со своей женой восемь лет, в целом поистине счастливых, богатых также внешними почестями и лишь временами омраченных многократным крушением надежды обзавестись детьми» (36).

рода тщеславной гордости, украшать себя несколько высокопарными земными титулами» (24)[1]. Великий Наполеон решился, хотя и после тяжелой внутренней борьбы, развестись с Жозефиной, потому что она не могла продолжить династию[2]; у доктора Шребера могла возникнуть фантазия, что будь он женщиной, он смог бы иметь детей, и таким образом он нашел способ снова вернуться к женской установке по отношению к отцу, существовавшей в первые детские годы. Стало быть, отодвигавшаяся затем все в более отдаленное будущее бредовая идея, что мир в результате его оскопления будет населен «новыми людьми из духа Шребера» (288), была предназначена также и для того, чтобы спасти его от бездетности. Если «маленькие человечки», которых сам Шребер находит такими загадочными, — дети, то нам становится совершенно понятным, почему они в таком огромном количестве скапливаются в его голове (158); они действительно являются «детьми его духа». (Ср. замечание об изображении происхождения от отца и о рождении Афины в истории болезни «Крысина», выше, с. 91, прим.)

---

[1] После этого высказывания, сохранившего доброжелательную иронию здоровых дней, он прослеживает отношения между семьями Флексигов и Шреберов в прошлых столетиях, то, как один жених, который не мог понять, как он сможет прожить столько лет без отношений с возлюбленной, хочет во что бы то ни стало перенести их знакомство на более ранний срок.

[2] В этом смысле заслуживает упоминания возражение пациента на данные медицинского заключения: «Я никогда не вынашивал мысль о *разводе* и не давал повода говорить о моем безразличии к сохранению супружеских уз, как это кому-то хотелось бы предположить, исходя из слов в экспертизе, будто "я тотчас же намекаю, что моя жена может со мной развестись"» (436).

III
О МЕХАНИЗМЕ ПАРАНОЙИ

До сих пор мы обсуждали комплекс отца, доминирующий в случае Шребера, и центральную фантазию-желание заболевания. Во всем этом нет ничего характерного для формы болезни, называемой паранойей, ничего из того, чего мы не могли бы найти и что мы действительно находили в других случаях невроза. Своеобразие паранойи (или параноидной деменции) мы должны отнести к чему-то другому, к особой форме проявления симптомов, и мы ожидаем, что за это ответственны не комплексы, а механизм симптомообразования или механизм вытеснения. Мы бы сказали, что характерная особенность паранойи заключатся в том, что для защиты от гомосексуальной фантазии-желания человек реагирует как раз манией преследования подобного рода.

Это утверждение будет тем более веским, если, основываясь на опыте, мы укажем на то, что именно между гомосексуальной фантазией-желанием и этой формой болезни существует тесная, возможно, постоянная связь. Не доверяя своему собственному опыту, я вместе с моими друзьями К. Г. Юнгом из Цюриха и Шандором Ференци из Будапешта в последние годы исследовал касательно данного пункта множество наблюдавшихся ими случаев параноидного заболевания. Это были как мужчины, так и женщины, истории болезни которых предоставили нам материал для исследования; они отличались расой, профессией и социальным положением, и мы с удивлением обнаружили, что во всех этих случаях в центре болезненного конфликта можно было отчетливо распознать защиту от гомосексуального желания и что все эти больные потерпели крушение, пытаясь преодолеть свою бессознательно усилившуюся гомосексуальность[1]. Разумеется, это не соответствовало нашему ожиданию. Именно при паранойе сексуальная этиология отнюдь не очевидна; напротив, в качестве причины возникновения паранойи, особенно у мужчины, в первую очередь бросаются в глаза социальные

[1] Еще одно подтверждение содержится в анализе паранойяльного больного И. Б., проведенного А. Медером (1910). Я сожалею, что еще не мог прочесть эту работу в то время, когда писал собственную.

обиды и унижения. Но здесь нужно лишь чуть-чуть углубиться, чтобы в этих социальных травмах в качестве главного действующего фактора распознать участие гомосексуальных компонентов эмоциональной жизни. До тех пор пока нормальное функционирование не позволяет заглянуть в глубины душевной жизни, можно даже усомниться в том, что эмоциональные отношения индивида с окружающими его людьми в социальной жизни фактически или генетически могут что-либо обострить эротикой. Бред регулярно выявляет эту связь и возвращает социальное чувство к его корням в чувственно грубом эротическом желании. Также и доктор Шребер, чей бред достигает высшей точки в фантазии-желании, гомосексуальный характер которой нельзя не увидеть, в период здоровья — согласно всем сообщениям — не проявлял никаких признаков гомосексуальности в вульгарном смысле.

Я думаю, что будет оправданным и нелишним, если я попытаюсь показать, что наше сегодняшнее, полученное благодаря психоанализу знание душевных процессов уже позволяет нам понять роль гомосексуального желания при заболевании паранойей. Исследования, проведенные в последнее время[1], обратили наше внимание на стадию в развитии либидо, которую оно проходит на пути от аутоэротизма к объектной любви[2]. Ее назвали *нарциссизмом*; я предпочитаю, возможно, менее корректное, но более краткое и благозвучное название «нарцизм»[3]. Она состоит в том, что находящийся в развитии индивид, который объединяет свои аутоэротически работающие сексуальные влечения в некое единство, чтобы заполучить объект любви, сначала выбирает объектом любви свое собственное тело и только затем переходит от него к выбору объектом постороннего человека. Возможно, эта фаза, выступающая посредником между аутоэротизмом и объектной любовью, в нормальных условиях является необходимой; похоже на то, что многие люди задерживаются на ней необычайно долго и что многое от этого состояния сберегается для более поздних стадий развития. В этом «я», взятом в качестве объекта любви, главную роль уже могут играть гениталии. Дальнейший путь к гетеросексуальности ведет к выбору объекта с такими же гениталиями, то есть

---

[1] I. Sadger (1910). — Фрейд, «Детское воспоминание Леонардо да Винчи» (1910*c*).

[2] «Три очерка по теории сексуальности» (1905*d*) [*Studienausgabe*, т. 5, с. 56, прим. Этот пассаж был добавлен во втором издании, 1910.].

[3] [Приведенная в предыдущем примечании ссылка на «Три очерка», содержит, вероятно, самое первое опубликованное в печати упоминание темы нарцизма.]

через гомосексуальный выбор объекта. Мы предполагаем, что люди, ставшие впоследствии явными гомосексуалистами, так никогда и не освободились от требования, чтобы объект обладал такими же, как и у них, гениталиями, при этом существенное влияние оказывают детские сексуальные теории, приписывающие обоим полам одинаковые гениталии[1].

По достижении гетеросексуального выбора объекта гомосексуальные стремления не исчезают и не упраздняются — они просто оттесняются от сексуальной цели и находят новое применение. Они теперь соединяются с частями влечений Я, чтобы в качестве «примкнувших»[2] компонентов конституировать вместе с ними социальные влечения, и таким образом представляют собой эротический вклад в дружбу, товарищество, чувство солидарности и всеобщую любовь к людям. Насколько, собственно, велик этот вклад из эротического источника с торможением сексуальной цели, едва ли можно догадаться, исходя из нормальных социальных отношений людей. Но к этой же взаимосвязи относится то, что именно явные гомосексуалисты, а среди них опять-таки те, кто противится проявлению чувственности, отличаются особенно активным участием в общих интересах человечества, возникших в результате сублимации эротики.

В «Трех очерках по теории сексуальности» я высказал мнение, что каждая стадия развития психосексуальности выявляет возможность «фиксации» и тем самым место предрасположения к тому или иному расстройству[3]. Лица, которые не полностью освободились от стадии нарцизма, то есть те, у кого произошла на ней фиксация, которая может предрасполагать к болезни, подвержены опасности того, что высокий прилив либидо, не нашедший иного оттока, приведет к сексуализации их социальных влечений и тем самым аннулирует достигнутые ими в ходе развития сублимации. К такому результату может привести все, что вызывает обратное течение либидо («регрессию»): как коллатеральное подкрепление с одной стороны вследствие разочарования с женщиной или непосредственный застой вследствие неудачи в социальных отноше-

---

[1] [Ср. «Об инфантильных сексуальных теориях» (1908*c*).]

[2] [Ср. работу, посвященную нарцизму (1914*c*, *Studienausgabe*, т. 3, с. 54 и прим.). В ней Фрейд говорит: «Сексуальные влечения сначала примыкают к удовлетворению влечений Я...» Отсюда он вывел свой «примыкающий тип» выбора объекта.]

[3] [См. *Studienausgabe*, т. 5, с. 138. Эта тема, затронутая в данном абзаце, более подробно рассматривается в начале работы «Предрасположение к неврозу навязчивости» (1913*i*), выше, с. 109.]

ниях с мужчиной (и тот и другой случай представляют собой «отказ»), так и общее повышение либидо, которое становится слишком сильным, чтобы с ним можно было бы совладать уже открытым путем, и которое поэтому прорывает плотину в слабом месте сооружения[1]. Поскольку в наших анализах мы обнаруживаем, что параноики *пытаются защититься от подобной сексуализации своих социальных влечений*, мы склонны предположить, что слабое место в их развитии следует искать где-то между аутоэротизмом, нарцизмом и гомосексуальностью, что именно там находится предрасположение к болезни, которое, возможно, предстоит определить еще более точно. Сходное предрасположение мы должны были бы приписать *dementia praecox* (по Крепелину) или *шизофрении* (по Блейлеру), и мы надеемся, что в дальнейшем получим отправные точки, которые позволят нам объяснить различия в форме и исходе этих двух расстройств через соответствующие различия в предрасполагающей фиксации.

Если, таким образом, мы предполагаем, что ядром конфликта при паранойе является гомосексуальная фантазия-желание *о любви к мужчине*, то все же не будем, разумеется, забывать, что условием сохранения столь важной гипотезы должно быть исследование большого множества разнообразных форм паранойяльного заболевания. Поэтому мы должны быть готовы к тому, чтобы в зависимости от обстоятельств ограничить свое утверждением одним-единственным типом паранойи. Тем не менее бросается в глаза, что все известные основные формы паранойи можно представить как возражение тезису: «*Я* (мужчина) *люблю его* (мужчину)», — и что они исчерпывают все возможные формулировки этого возражения.

Предложению «Я люблю его (мужчину)» противоречит:

а) мания преследования, поскольку она во всеуслышание провозглашает:

«Я не *люблю* его — я его *ненавижу*». Но это возражение, которое не могло бы звучать иначе в бессознательном[2], в этой форме не может быть осознано параноиком. Механизм симптомообразования при паранойе требует, чтобы внутреннее восприятие, чувство, заменилось восприятием внешнего. Поэтому тезис «Я его ненавижу» в результате *проекции* превращается в другой: *«Он ненавидит* (преследу-

---

[1] [Эта проблема и понятие «отказ» подробнее обсуждаются в несколько более поздней работе Фрейда «О типах невротического заболевания» (1912*с*).]

[2] В своей формулировке на *«основном языке»* по Шреберу [см. выше, с. 151.]

ет) *меня*, и это дает мне право его ненавидеть». Таким образом, побуждающее бессознательное чувство выступает как следствие внешнего восприятия:

*«Я не любл*ю* его — я его ненавижу*, потому что *он меня преследует»*.

Наблюдения не оставляют сомнения в том, что преследователь — это не кто иной, как человек, которого прежде любили.

б) Другую точку приложения для возражения избирает *эротомания*, которая без этого объяснения оставалась бы совершенно непонятной.

«Я не люблю *его* — я люблю *ее*».

И то же самое принуждение к проекции заставляет преобразовать тезис: «Я замечаю, что *она* меня любит».

«Я не люблю *его* — я люблю *ее*, потому что *она меня любит*». Многие случаи эротомании могут произвести впечатление исключительно преувеличенных или искаженных гетеросексуальных фиксаций, если не обратить внимание на то, что все эти влюбленности начинаются не с внутреннего восприятия любви к кому-то, а с восприятия себя как объекта любви. Но при этой форме паранойи может осознаваться также и вторая посылка «Я люблю ее», потому что ее противоречие с первой посылкой не является диаметрально противоположным и таким несовместимым, как противоречие между любовью и ненавистью. Ведь наряду с тем, что любят *его* можно любить и *ее*. Таким образом может случиться так, что проективная замена *«Она любит меня»* отходит на задний план перед тезисом «Я люблю ее», выраженном на «основном языке».

в) Третьим возможным видом возражения был бы теперь бред *ревности*, который мы можем изучать в характерным формах у мужчины и женщины.

α) Бред ревности алкоголика. Роль алкоголя при этом расстройстве понятна нам по всем направлениям. Мы знаем, что это возбуждающее средство устраняет торможения и упраздняет сублимации. Нередко из-за разочарования в женщине мужчина обращается к алкоголю, но, как правило, это означает, что он направляется в трактир и в компанию мужчин, которые дают ему эмоциональное удовлетворение, которое он не получает у себя дома от женщины. Если теперь эти мужчины становятся объектами более сильного либидинозного катексиса в его бессознательном, то он защищается от них с помощью возражения третьего рода:

«Не *я* люблю мужчину — это она его любит», — и подозревает жену в связях со всеми мужчинами, которых он склонен любить.

Искажение посредством проекции должно здесь отпасть, поскольку со сменой любящего субъекта процесс и без того оказывается выброшенным из Я. То, что жена любит мужчин, остается делом внешнего восприятия; то, что он сам не любит, а ненавидит, что он любит не этого человека, а другого, — это, однако, факты внутреннего восприятия.

β) Совершенно аналогично образуется паранойяльная ревность у женщин.

«Не *я* люблю женщин, а *он любит их*». Ревнивая женщина подозревает мужа в связях со всеми женщинами, которые нравятся ей самой вследствие ее ставшего слишком сильным, предрасполагающего нарцизма и ее гомосексуальности. В выборе приписываемых мужчине отчетливо проявляется влияние периода жизни, в котором произошла фиксация; зачастую это пожилые лица, непригодные для реальной любви, воссоздания нянек, служанок, подруг из их детства или непосредственно конкурировавших с ними сестер.

Можно было бы предположить, что тезис, состоящий из трех частей, такой, как «*Я люблю его*», допускает лишь три вида возражения. Бред ревности противоречит субъекту, мания преследования — глаголу, эротомания — объекту. Но в действительности возможен еще и четвертый вид возражения, общее отрицание тезиса в целом: «*Я вообще никого не люблю*» — и этот тезис представляется психологически эквивалентным — поскольку либидо должно быть все же куда-то направлено — тезису: «Я люблю только себя». Этот вид возражения выявляет нам манию величия, которую мы можем понять как *сексуальную переоценку собственного «я»* и, таким образом, соотнести с известной переоценкой объекта любви[1].

Для других аспектов теории паранойи не может не иметь значения, что в большинстве других форм паранойяльного заболевания можно констатировать примесь мании величия. Мы вправе предположить, что мания величия вообще является инфантильной, что в ходе дальнейшего развития она приносится в жертву обществу и что интенсивней всего ее подавляет влюбленность, во власти которой оказывается индивид.

Где пробуждается любовь,
Там гибнет «я», наш мрачный деспот[2].

---

[1] «Три очерка по теории сексуальности» (1905*d*, с. 17) [*Studienausgabe*, т. 5, с. 61.] — Эту же точку зрения и формулировку мы встречаем у Абрахама (там же) и Медера (там же) [см. с. 167, прим. 2, и с. 183, прим.]

[2] Джелаледин Руми; цитировано по предисловию Куленбека к пятому тому сочинений Джордано Бруно.

После этого обсуждения неожиданного значения гомосексуальной фантазии-желания для паранойи вернемся теперь к тем двум моментам, к которым мы с самого начала хотели отнести характерные особенности этой формы заболевания, — к механизму *симптомообразования* и к механизму *вытеснения* [см. с. 183].

Разумеется, мы не вправе изначально предполагать, что эти механизмы являются идентичными, что симптомообразование осуществляется тем же путем, что и вытеснение, даже если тот же самый путь при этом проходят в противоположном направлении. Такая идентичность отнюдь и не кажется очень правдоподобной; и все же мы хотим воздержаться от каких-либо высказываний по этому поводу до тех пор, пока не будет завершено исследование.

В симптомообразовании при паранойе прежде всего бросается в глаза та особенность, которая заслуживает название *проекции*. Внутреннее восприятие подавляется, а вместо него в качестве внешнего восприятия в сознание попадает его содержание, подвергшееся известному искажению. При мании преследования искажение состоит в преобразовании аффекта: то, что внутренне должно было бы ощущаться как любовь, внешне воспринимается как ненависть. Было бы соблазнительно представить этот удивительный процесс как нечто самое важное в паранойе и как абсолютно патогномоничный для нее, если своевременно не вспомнить о том, что 1) проекция не играет одинаковую роль во всех формах паранойи и 2) что она встречается не только при паранойе, но и при других условиях в душевной жизни, более того, что она регулярно частично определяет нашу установку по отношению к внешнему миру. Когда причины одних чувственных ощущений в отличие от других мы не ищем в самих себе, а относим их вовне, то и этот нормальный процесс заслуживает названия проекции. Таким образом, приняв во внимание то, что при объяснении проекции речь идет о более общих психологических проблемах, мы решаем вернуться к изучению проекции и вместе с ней механизма симптомообразовании при паранойе в целом в другой взаимосвязи[1] и переходим к вопросу о том, какие представления, касающиеся механизма вытеснения при паранойе, мы можем сформировать. В оправдание нашего временного отказа скажу заранее: мы обнаружим, что характер процесса вытеснения гораздо более глубоко связан с историей развития либидо и с обуслов-

---

[1] [Однако в сочинениях Фрейда, по-видимому, нет ничего, что бы указывало на такое более позднее исследование.]

ленным ею предрасположением, чем характер симптомообразования.

В психоанализе[1] в общем и целом мы выводим патологические феномены из вытеснения. Если мы более тщательно рассмотрим то, что называется «вытеснением», то обнаружим повод разбить этот процесс на три фазы, которые в понятийном отношении легко отделить друг от друга[2].

1) Первая фаза состоит в *фиксации*, предтечи и условия всякого «вытеснения». Факт фиксации можно свести к тому, что влечение или компонент влечения не развивается предусмотренным образом и вследствие этой задержки развития остается на инфантильной стадии. Данное либидинозное течение относится к последующим психическим образованиям как принадлежащее системе бессознательного, как вытесненное. Мы уже говорили [с. 185–186], что такие фиксации влечений предрасполагают к последующему заболеванию, и можем добавить, что они обусловливают прежде всего исход третьей фазы вытеснения.

2) Вторая фаза вытеснения — это собственно вытеснение, которому до сих пор мы уделяли основное внимание. Оно происходит от более высоко развитых, способных к осознанию систем Я и может быть описано как «послеподавление». Оно производит впечатление активного, по существу, процесса, тогда как фиксация, собственно говоря, представляется пассивным отставанием. Вытеснению подвергаются либо психические потомки тех первично отставших влечений, когда вследствие их усиления возник конфликт между ними и Я (или с сообразными Я влечениями), либо такие психические стремления, против которых по другим причинам возникает сильнейшая антипатия. Но эта антипатия не имела бы следствием вытеснение, если бы между нежелательными, подлежащими вытеснению стремлениями и уже вытесненными побуждениями не была установлена связь. Там, где это произошло, отталкивание со стороны системы сознания и притяжение со стороны системы бессознательного одинаково содействуют успеху вытеснения. Оба случая, которые здесь рассмотрены порознь, на самом деле могут быть разделены менее строго и различаться между собой лишь большим или меньшим вкладом со стороны первично вытесненных влечений.

---

[1] [Фрейд употребляет здесь слово «Psychoanalytik». — *Примечание переводчика.*]

[2] [То, о чем здесь далее говорится, несколько иными словами повторяется в метапсихологической работе «Вытеснение» (1915d), *Studienausgabe*, т. 3, с. 109.]

3) Третьей, самой важной для патологических феноменов фазой является фаза неудачи вытеснения, *прорыва, возвращения вытесненного.* Этот прорыв происходит в месте фиксации и имеет своим содержанием регрессию либидинозного развития к этому месту.

Мы уже отмечали [с. 185] многообразие фиксаций; их столько же, сколько стадий в развитии либидо. Мы должны быть готовы к тому, что такое же многообразие существует и в механизмах собственно вытеснения и в механизмах прорыва (или симптомообразования), и, пожалуй, уже сейчас вправе предположить, что не сумеем свести все это многообразие исключительно к истории развития либидо.

Нетрудно догадаться, что этим обсуждением мы затрагиваем проблему выбора невроза, к которой между тем нельзя подступиться без предварительной работы другого рода[1]. Вспомним теперь, что мы уже обсуждали фиксацию, оставив в стороне симптомообразование, и ограничимся вопросом, можно ли из анализа случая Шребера получить намек на механизм (собственно) вытеснения, господствующий при паранойе.

На пике болезни под влиянием видений, «отчасти пугающих, но отчасти опять-таки неописуемо великолепных» (73), у Шребера сформировалось убеждение в неотвратимости великой катастрофы, конца света. Голоса говорили ему, что весь труд 14000-летнего прошлого потерян и что земле дано прожить еще только 212 лет (71); в конце своего пребывания в лечебнице Флехсига он считал, что этот срок уже истек. Сам он был «единственным еще оставшимся действительным человеком», а немногочисленные человеческие фигуры, которых он еще видел — врача, санитаров и пациентов, — он объявил «сотворенными чудом, наспех сделанными людьми». Время от времени пробивало себе путь также обратное течение; ему показывали газету, в которой можно было прочесть сообщение о его собственной смерти (81), он сам существовал во второй, неполноценной форме, и в ней однажды тихо скончался (73). Но оформление бреда, в котором сохранялось «я», а мир приносился в жертву, оказалось гораздо более сильным. Он по-разному представлял себе причины этой катастрофы; то он думал об оледенении вследствие исчезновения солнца, то о разрушении в результате землетрясения, при этом в качестве «духовидца» он приобретал ту же роль, что и другой духовидец во время землетрясения в 1755 году в Лиссабоне

[1] [Эта проблема обсуждается ниже, на с. 194 и 198–199.]

(91). Или же виновным был Флехсиг, ибо своим колдовством он сеял среди людей страх и ужас, подрывал основы религии и распространял всеобщую нервозность и безнравственность, в результате чего затем на людей обрушились опустошительные эпидемии (91). В любом случае конец света был следствием конфликта, вспыхнувшего между ним и Флехсигом, или, как изображалась этиология во второй фазе бреда, его ставшей нерасторжимой связи с богом, следовательно, неизбежным результатом его заболевания. Через несколько лет, когда доктор Шребер вернулся в человеческое сообщество и не смог обнаружить в попадавшихся ему книгах, музыкальных произведениях и предметах обихода ничего, что сочеталось бы с его предположением об огромной временной пропасти в истории человечества, он признал, что его точка зрения не может уже оставаться в силе: «...Я не могу не согласиться, что *внешне* все осталось как было. *Но не произошло ли основательное внутреннее изменение*, — об этом будет сказано ниже (84–85). Он не мог усомниться в том, что за время его болезни мир погиб, а тот мир, который он видел теперь перед собой, уже был не тот, что прежде.

Подобная мировая катастрофа на бурной стадии паранойи — нередкое явление и в других историях больных[1]. Основываясь на нашем понимании либидинозного катексиса, нам будет нетрудно дать объяснение этим катастрофам, если мы будем руководствоваться оценкой других как «наспех сделанных людей»[2]. Больной лишил людей из своего окружения и из внешнего мира вообще либидинозного катексиса, который доселе был обращен на них; тем самым все стало для него безразличным, ни с чем не соотносящимся и нуждающимся в объяснении посредством вторичной рационализации как «створенное чудом, наспех сделанное». Конец света представляет собой проекцию этой внутренней катастрофы: его субъективный мир погиб после того, как он лишил его своей любви[3].

После проклятия, с которым Фауст отрекается от мира, хор духов поет:

---

[1] «Конец света», имеющий иное обоснование, возникает на пике любовного экстаза («Тристан и Изольда» Вагнера): здесь все дарованные внешнему миру катексисы поглощает не Я, а объект.

[2] Ср. Abraham (1908), Jung (1907). — В небольшой работе Абрахама содержатся почти все основные идеи, изложенные в этом научном трактате, посвященном случаю Шребера.

[3] Возможно, не только либидинозный катексис, но и интерес в целом, то есть также исходящие от Я катексисы. См. ниже [с. 196–197] обсуждение этого вопроса.

Увы! Увы!
Разбил ты его,
Прекраснейший мир,
Могучей рукой.
Он пал пред тобой,
Разрушен, сражен полубогом!
. . . .
Воспрянь, земнородный, могучий!
Мир новый, чудесный и лучший
Создай в мощном сердце своем[1].

И параноик создает его заново, пусть и не прекраснее прежнего, но по крайней мере такой, что он снова может в нем жить. Он создает его благодаря работе своего бреда. *То, что мы считаем продуктом болезни, бредовым образованием, в действительности представляет собой попытку исцеления, реконструкцию*[2]. После катастрофы она удается в той или иной мере, но никогда не удается полностью; «основательное внутреннее изменение», по словам Шребера, произошло с миром. Но человек вновь обретает связь, зачастую весьма интенсивную, с людьми и предметами в мире, даже если это отношение, бывшее прежде оптимистически нежным, теперь стало враждебным. Поэтому мы скажем: процесс собственно вытеснения состоит в отделении либидо от ранее любимых людей — и вещей. Он происходит безмолвно; мы не получаем о нем никаких известий и вынуждены делать о нем заключения из последующих событий. Что привлекает к себе наше внимание, так это процесс исцеления, который аннулирует вытеснение и возвращает либидо к оставленным прежде людям. Он осуществляется при паранойе путем проекции. Неправильно было бы говорить, что внутренне подавленное ощущение проецируется вовне; скорее мы видим, что внутренне упраздненное возвращается извне. Основательное исследование процесса проекции, которое мы отложили до другого раза[3], устранит наши последние сомнения на этот счет.

Но мы не будем недовольны из-за того, что недавно приобретенное знание вовлекает нас в ряд дальнейших дискуссий.

---

[1] [«Фауст», часть I, 4-я сцена, перевод Н. Холодковского.]

[2] [Фрейд еще раз возвращается к этой мысли ниже, на с. 198–199, и распространяет ее на симптомы других психозов.]

[3] [См. прим. на с. 189.]

1) Мы можем сразу сказать, что отведение либидо не может происходить исключительно при паранойе, а там, где оно происходит, не обязательно должно иметь столь пагубные последствия. Вполне возможно, что отведение либидо является важным и постоянным механизмом любого вытеснения; мы ничего не узнаем об этом, пока аналогичному исследованию не будут подвергнуты другие расстройства, обусловленные вытеснением. Не подлежит сомнению, что в нормальной душевной жизни (и не только при печали) мы постоянно отторгаем либидо от людей или других объектов, при этом не заболевая. Когда Фауст отрекается от мира, произнеся те проклятия, результатом этого становится не паранойя или другой невроз, а особое общее настроение. Следовательно, само по себе отведение либидо не может быть патогенным фактором при паранойе; должно существовать некое особое свойство, отличающее параноияльное отведение либидо от других видов этого же процесса. Такое свойство предложить нетрудно. Каково дальнейшее применение либидо, высвободившегося вследствие разъединения? Обычно мы сразу ищем замену для упраздненной привязанности; до тех пор пока не удастся найти эту замену, свободное либидо сохраняется в подвешенном состоянии в психике, где оно создает напряжение и влияет на настроение; при истерии высвобожденное либидо превращается в телесные иннервации или в тревогу. Однако при паранойе у нас имеется клиническое проявление, свидетельствующее о том, что отнятое у объекта либидо находит особое применение. Вспомним о том [см. с. 188], что в большинстве случаев паранойи обнаруживаются следы мании величия и что сама по себе мания величия может конституировать паранойю. Из этого мы хотим сделать вывод, что высвободившееся либидо при паранойе устремляется к «я», используется для увеличения «я»[1]. Тем самым вновь достигается известная нам из развития либидо стадия нарцизма, на которой единственным сексуальным объектом было собственное «я». Основываясь на этом клиническом свидетельстве, мы предполагаем, что параноияльные больные принесли с собой *фиксацию на нарцизме*, и утверждаем, что *шаг назад от сублимированной гомосексуальности к нарцизму* указывает на величину характерной для паранойи *регрессии*[2].

---

[1] [Роль мании величия при шизофрении далее исследуется в работе, посвященной нарцизму (1914*c*). *Studienausgabe*, т. 3, с. 53.]

[2] [См. также работу «Предрасположение к неврозу навязчивости», выше, с. 110.]

2) Такое же напрашивающее возражение может опереться на историю болезни Шребера (как и на многие другие), поскольку она свидетельствует о том, что мания преследования (связанная с Флехсигом), несомненно, появляется раньше, чем фантазия о конце света, и получается, что мнимое возвращение вытесненного предшествовало самому вытеснению, что представляет собой явный абсурд. Чтобы ответить на это возражение, мы должны перейти от самого общего рассмотрения к конкретной оценке, безусловно, гораздо более сложных реальных условий. Необходимо признать возможность того, что такое отделение либидо может быть как частичным — удалением от отдельного комплекса, — так и всеобъемлющим. Частичное разъединение, наверное, встречается значительно чаще и предшествует всеобъемлющему, поскольку вначале оно определяется только влиянием жизненных обстоятельств. Этот процесс может остановиться на стадии частичного разъединения или дополниться всеобъемлющим, которое во всеуслышание заявляет о себе через манию величия. Тем не менее в случае Шребера отделение либидо от персоны Флехсига могло быть первичным; сразу за ним следует бред, который опять возвращает либидо к Флехсигу (со знаком минус как меткой произошедшего вытеснения) и тем самым упраздняет труд вытеснения. Теперь борьба за вытеснение начинается заново, но на этот раз используется более мощное средство; по мере того как оспариваемый объект становится самым важным во внешнем мире, с одной стороны, пытаясь привлечь к себе все либидо, а с другой стороны, мобилизуя против себя все сопротивления, борьба за отдельный объект становится похожей на битву, в ходе которой победа вытеснения выражается в убеждении, что мир погиб, а в живых остался только сам Шребер. Если окинуть взглядом искусные конструкции, сооруженные бредом Шребера на религиозной почве (иерархия бога — души, подвергшиеся испытанию, — преддверия небес — нижний и верхний боги), то можно задним числом оценить, какое изобилие сублимаций было разрушено катастрофой всеобъемлющего отсоединения либидо.

3) Третье рассуждение, вытекающее из развиваемых здесь взглядов, поднимает вопрос: должны ли мы считать всеобъемлющее отделение либидо от внешнего мира достаточно действенным для того, чтобы объяснить им «конец света», не достаточно ли в этом случаев удерживавшихся катексисов Я[1] для того, чтобы сохранить раппо́рт

[1] [Словосочетание «катексисы Я» неоднозначно. Здесь, без сомнения, имеются в виду «катексисы *посредством* Я» (катексисы, исходящие от Я). Это равнозначно тому, что в другом месте называется «интересом Я», что непосредственно вытекает уже из следующего предложения; впрочем, об этом со всей определенностью было сказано в прим. 1 на с. 193.]

с внешним миром? В таком случае то, что мы называем либидинозным катексисом (интересом из эротических источников) следовало бы приравнять к интересу вообще либо учитывать возможность того, что серьезное нарушение в распределении либидо может также индуцировать соответствующее нарушение в катексисах Я. Это проблемы, при решении которых мы пока оказываемся совершенно беспомощными и неумелыми. Все было бы по-другому, если бы могли исходить из надежной теории влечений. Но на самом деле ничем подобным мы не располагаем. Мы пониманием влечение как пограничное понятие между соматическим и душевным, видим в нем психические репрезентанты органических сил и мы принимаем популярное разграничение влечений Я и сексуального влечения, которое, как нам кажется, согласуется с двойственной биологической позицией отдельного существа, стремящегося как к сохранению себя, так и к сохранению рода. Но все остальное — это конструкции, которые мы разрабатываем и от которых мы готовы вновь отказаться, чтобы ориентироваться в лабиринте непонятных душевных процессов, и именно от психоаналитических исследований болезненных душевных процессов мы ожидаем, что они приведут нас к определенным решениям в вопросах теории влечений. Учитывая юный возраст и разобщенность этих исследований, мы можем сказать, что это ожидание пока еще не сбылось. Возможность обратных воздействий нарушений либидо на катексисы Я точно так же нельзя отметать, как и ее противоположность — вторичное или индуцированное нарушение либидинозных процессов вследствие аномальных изменений в Я. Более того, вполне вероятно, что такого рода процессы составляют отличительную особенность психозов. Что из этого относится к паранойе, в настоящее время сказать нельзя. Я хотел бы подчеркнуть лишь один-единственный вывод. Нельзя утверждать, что параноик, даже на пике вытеснения, полностью перестал интересоваться внешним миром, как это приходится говорить в отношении некоторых других форм галлюцинаторных психозов (аменция Мейнерта). Он воспринимает внешний мир, отдает себе отчет в его изменениях, эти впечатления побуждают его их объяснять («наспех сделанные люди»), и поэтому я считаю гораздо более вероятным, что его изменившееся отношение к миру следует объяснять исключительно или преимущественно потерей либидинозного интереса[1].

---

[1] [К этому абзацу относятся критические замечания К. Г. Юнга, которые обсуждаются Фрейдом в его работе, посвященной нарцизму (1914*c*; *Studienausgabe*, т. 3, с. 46 и далее).]

4) При близких отношениях паранойи к *dementia praecox* нельзя уклониться от вопроса, насколько такое понимание первого расстройства должно влиять на понимание второго. Я считаю вполне оправданным шагом Крепелина, когда он объединил многое из того, что прежде называли паранойей, с кататонией и другими формами в новую клиническую единицу, для которой, однако, название *dementia praecox* было выбрано весьма неудачно. Также и по поводу обозначения Блейлером этих же форм заболевания как шизофрении можно было бы возразить, что это название кажется приемлемым только в том случае, если не вспоминать о его буквальном значении. В остальном оно слишком тенденциозно, поскольку использует для обозначения теоретически постулированную особенность, к тому же такую, которая присуща не только этому нарушению и которую в свете других воззрений нельзя признать существенной. Однако в общем и целом не так уж важно, как называют картины болезни. Важнее — представляется мне — оставить паранойю как самостоятельный клинический тип, даже если ее картина зачастую осложняется шизофреническими чертами, ибо с позиции теории либидо в силу иной локализации предрасполагающей фиксации и иного механизма возвращения [вытесненного] (симптомообразования) ее можно отделить от *dementia praecox*, с которой ее объединяет главная особенность собственно вытеснения — отсоединение либидо наряду с регрессией к Я. Я считаю наиболее целесообразным закрепить за *dementia praecox* название *парафрения*, которое, будучи неопределенным по содержанию, указывает на связь с паранойей, не имеющей других обозначений, и, кроме того, напоминает о возникающей при ней гебефрении. При этом не имеет значения, что это название уже предлагалось раньше для обозначения другого явления, поскольку такое другое его использование не закрепилось[1].

---

[1] [Основываясь на впервые представленных здесь рассуждениях, Фрейд открыто предлагает заменить названия «dementia praecox» и «шизофрения» термином «парафрения» и отделить его от родственной им «паранойи». Однако примерно через три года он начал использовать термин «парафрения» в более широком смысле, чем то обозначение, которое включает в себя «dementia praecox» *и* «паранойю». То, что это изменение понятия произошло преднамеренно, явствует из пассажа в работе «Предрасположение к неврозу навязчивости» (1913*i*), который был переформулирован во втором издании (1918); см. выше, с. 110, и редакторское примечание к нему. Однако в своих работах, написанных после 1918 года, Фрейд, по-видимому, отказался от попытки ввести термин «парафрения».]

То, что при *dementia praecox* особенно отчетливо проявляется удаление либидо от внешнего мира, весьма убедительно было показано Абрахамом (там же [см. с. 192, прим. 2]). Из этой особенности мы делаем вывод о вытеснении посредством отделения либидо. Фазу бурных галлюцинаций также и здесь мы понимаем как фазу борьбы вытеснения с попыткой исцеления, стремящейся вернуть либидо к его объектам. [Ср. с. 193.] В делириях[1] и двигательных стереотипиях болезни Юнг [1908] с необычайной аналитической проницательностью распознал удерживаемые из последних сил остатки былых объектных катексисов. Однако эта попытка исцеления, принимаемая наблюдателем за саму болезнь, пользуется не проекцией, как при паранойе, а галлюцинаторным (истерическим) механизмом. В этом состоит одно из важных отличий паранойи; его можно генетически объяснить также и с другой стороны[2]. Исход *dementia praecox*, где нарушение почти никогда не остается частичным, составляет второе отличие. В целом он менее благоприятен, чем при паранойе; победа остается за вытеснением, а не за реконструкцией, как при последней. Регрессия доходит не только до нарцизма, выражающегося в мании величия, а до полного отказа от объектной любви и до возврата к инфантильному аутоэротизму. Следовательно, предрасполагающая фиксация должна оставаться далеко позади, дальше, чем при паранойе, находиться в начале развития от аутоэротизма к объектной любви. Также совершенно невероятно, чтобы гомосексуальные импульсы, которые мы так часто, возможно, регулярно, обнаруживаем при паранойе, играли такую же важную роль в этиологии *dementia praecox*, имеющей гораздо менее ограниченные проявления.

Наши предположения относительно предрасполагающих фиксаций при паранойе и парафрении сразу позволяют понять, что болезнь может начаться с паранойяльных симптомов и все же в дальнейшем развиться в деменцию, что параноидные и шизофренические симптомы могут сочетаться в любых пропорциях, что может возникнуть картина болезни, как у Шребера, которая заслуживает названия паранойяльной деменции, поскольку проявление фантазии-желания и галлюцинаций соответствует парафренным чертам.

---

[1] [Ср. употребление этого термина в истории болезни «Крысина» (1909*d*) и определение, которое ему дает Фрейд на с. 84.]

[2] [Генетическое объяснение этого различия — с точки зрения предрасполагающей фиксации в случае *dementia praecox* — дается ниже, через три предложения.]

а ее повод, механизм проекции и исход — параноидным. Более того, в ходе развития могло возникнуть несколько фиксаций, которые поочередно допускают прорыв оттесненного либидо, например, сначала приобретенная позднее, а затем, в дальнейшем течении болезни — первоначальная, ближе расположенная к исходному пункту[1]. Хотелось бы знать, каким обстоятельствам данный случай обязан своим относительно благополучным исходом, ибо едва ли можно считать, что он объясняется чем-то случайным, например, «улучшением вследствие смены обстановки», наступившим после того, как больной покинул лечебницу Флексига[2]. Но наше недостаточное знание интимных взаимосвязей в истории этого больного делает ответ на этот интересный вопрос невозможным. В качестве предположения можно было бы сказать, что позитивная, по существу, окраска комплекса отца, вероятно, неомраченное в более поздние годы отношение к прекрасному отцу сделали возможным примирение с гомосексуальной фантазией и тем самым похожим на выздоровление течение болезни.

Поскольку я не боюсь критики и не чураюсь самокритики, у меня нет мотива избегать упоминаний о сходстве, которое, возможно, повредит нашей теории либидо во мнении многих читателей. «Божьи лучи» Шребера, скомпонованные благодаря сгущению солнечных лучей, нервных волокон и сперматозоидов [см. с. 150], являются, собственно говоря, не чем иным, как предметно представленными, спроецированными вовне либидинозными катексисами и придают его бреду удивительную согласованность с нашей теорией. То, что мир должен погибнуть, потому что Я больного притягивает к себе все лучи, то, что позднее во время процесса реконструкции он вынужден с тревогой заботиться о том, чтобы бог не прервал с ним связь посредством лучей, — эти и многие другие частности бредового образования у Шребера предстают чуть ли не эндопсихическими восприятиями процессов, гипотезу о которых я положил здесь в основу понимания паранойи. Однако я могу привести свидетельство одного друга и специалиста в пользу того, что теорию паранойи я разработал еще до того, как мне стало известно содержание книги Шребера. Предоставим будущему решить, не содер-

---

[1] [Подобного рода случай, когда истерия перешла в невроз навязчивости, играет важную роль в работе «Предрасположение к неврозу навязчивости» (с. 111 и далее, выше).]

[2] Ср. Riklin (1905).

жится ли в теории больше бреда, чем мне бы хотелось, и не больше ли в бреде правды, чем это полагают сегодня другие.

Наконец, мне не хотелось бы завершать эту работу, которая опять представляет собой лишь фрагмент некой большей взаимосвязи, не указав на два главных тезиса, на доказательство которых взяла курс теория неврозов и психозов, основанная на представлениях о либидо: что неврозы, по существу, возникают из-за конфликта Я с сексуальным влечением и что их формы сохраняют отпечатки развития либидо — и Я.

ДОПОЛНЕНИЕ
(1912[1911])

При обсуждении истории болезни председателя судебной коллегии Шребера я намерено ограничился минимумом толкований и вправе рассчитывать на то, что любой психоаналитически образованный читатель вынесет из представленного материала больше, чем я открыто высказываю, что ему не составит труда связать между собой отдельные нити общей картины и прийти к выводам, которые я просто обозначаю. Счастливый случай, привлекший внимание других авторов этого же тома к автобиографии Шребера, позволяет догадаться, как много разного можно еще почерпнуть из символического содержания фантазий и бредовых идей остроумного параноика[1].

Случайное пополнение моих знаний после публикации этой работы о Шребере позволило мне правильнее оценить одно из его бредовых утверждений и распознать в нем множество связей с *мифологией*. На странице 178 я упоминаю особое отношение больного к солнцу, которое я истолковал как сублимированный «символ отца». Солнце разговаривает с ним человеческим голосом и, таким образом, раскрывается перед ним как живое существо. Шребер обычно его поносит и выкрикивает угрозы; он также уверяет, что его лучи перед ним тускнеют, когда он, повернувшись к нему, громко говорит. После своего «выздоровления» он хвалится, что может спокойно смотреть на солнце и что оно ослепляет его лишь в весьма незначительной степени, что, разумеется, раньше было бы невозможным (примечание на с. 139 книги Шребера [цитировано на с. 178, прим. 3, выше]).

С этой бредовой привилегией иметь возможность смотреть на солнце, не будучи ослепленным, связан мифологический интерес. Мы читаем у С. Рейнаха[2], что древние естествоиспытатели признавали эту способность только за орлами, которые как обитатели высших воздушных слоев находились в особенно близких отношениях

---

[1] Ср. Jung (1911, 164 и 207); Spielrein (1911, 350).

[2] (1905–1912), т. 3 (1908), 80. (По Келлеру, 1887 [268].)

с небом, солнцем и молнией[1]. Но эти же источники также сообщают, что орел, прежде чем признать своих птенцов законными, подвергает их испытанию. Если им не удается не мигая смотреть на солнце, то их выбрасывают из гнезда.

В значении этого о животных мифа не может быть никаких сомнений. Разумеется, здесь животным лишь приписывается то, что у людей является священным обычаем. То, что орел делает со своими птенцами, — это *ордалия*, проверка происхождения, про которую сообщают у самых разных народов из древних времен. Так, жившие на Рейне кельты вверяли своих новорожденных потокам течения, чтобы убедиться, действительно ли они были их крови. Племя псиллов в современном Триполи, хвалившееся своим происхождением от змей, оставляло детей наедине с такими змеями; тех, кто родился по закону, змеи либо вообще не кусали, либо они быстро поправлялись от последствий укуса[2]. Предпосылка этих испытаний восходит к тотемистическому мышлению примитивных народов. Тотем — это животное или одушевляемая сила природы, от которых племя выводит свое происхождение. — щадит родственников этого племени как своих детей, подобно тому как он сам почитается ими как прародитель, и его тоже щадят. Здесь мы затронули вопросы, которые, как мне кажется, способны помочь нам прийти к психоаналитическому пониманию истоков религии[3].

Таким образом, орел, который заставляет своих птенцов смотреть на солнце и требует, чтобы его свет их не слепил, ведет себя, как потомок солнца, подвергающий своих детей проверке на принадлежность к высокому роду. И когда Шребер хвалится, что может безнаказанно смотреть на солнце, которое его не слепит, он воспроизводит мифологическое выражение своей родственной связи с солнцем и вновь убеждает нас в правоте, когда мы истолковываем его солнце как символ отца. Если мы вспомним о том, что Шребер во время болезни открыто выражает гордость своей семьей («Шреберы относятся к высшему небесному дворянству»)[4], что он нашел человеческий мотив для своего заболевания женской

---

[1] В самых высоких местах храма помещались изображения орлов, чтобы они действовали в качестве «магических» громоотводов» (S. Reinach, там же).

[2] См. указатель литературы у Рейнаха, там же, т. 1, 74.

[3] [Вскоре после этого Фрейд развил эти идеи в работе «Тотем и табу» (1912–1913)]

[4] «Мемуары» (24). [См. выше, с. 181.] — «Дворянство» является атрибутом «орла».

фантазией-желанием в своей бездетности [с. 181], то связь его бредовой привилегии[1] с основами его болезни становится для нас вполне очевидной.

Это небольшое дополнение к анализу параноидного больного, возможно, покажет, насколько обоснованным является утверждение Юнга, что мифотворческие силы человечества не угасли, а еще и сегодня создают в неврозах те же самые психические продукты, что и в самые давние времена. Я хотел бы вернуться к ранее выдвинутому предположению[2], указав на то, что то же самое относится силам, создающим религию. И я думаю, что скоро наступит время, когда мы сумеем расширить тезис, давно уже высказывавшийся нами, психоаналитиками, и добавить к его индивидуальному, онтогенетически понимаемому содержанию антропологическое дополнение, которое следует трактовать филогенетически. Мы говорили: в сновидении и в неврозе мы вновь обнаруживаем *ребенка* со всеми своеобразными особенностями его мышления и его аффективной жизни. Добавим: также и *дикого, примитивного* человека, каким он предстает перед нами в свете науки о древнем мире и народоведения.

---

[1] [То есть иметь возможность, не будучи ослепленным, смотреть на солнце.]

[2] «Навязчивые действия и религиозные отправления» (1907*b*). [Содержится в данном томе, с . 13 и далее.]

Сообщение об одном случае паранойи, противоречащем психоаналитической теории
(1915)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:
1915 *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, т. 3 (6). 321–329.
1918 *S. K. S. N.*, т. 4, 125–138. (1922, 2-е изд.)
1924 *G. S.*, т. 5, 288–300.
1926 *Psychoanalyse der Neurosen*, 23–37.
1931 *Neurosenlehre und Technik*, 23–36.
1946 *G. W.*, т. 10, 234–246.

Изложенной в данной работе историей больной Фрейд стремился подтвердить свою точку зрения, представленную в анализе Шребера (в предыдущей работе в этом томе), согласно которой между паранойей и гомосексуальностью существует тесная связь. Наряду с этим она служит напоминанием практикующему врачу не ставить поспешного диагноза пациенту, основываясь лишь на поверхностном знании фактов. Последние страницы содержат некоторые интересные замечания более общего характера о процессах, развертывающихся при невротическом конфликте.

Несколько лет назад ко мне обратился за консультацией известный адвокат в связи с одним случаем, который показался ему сомнительным. Одна молодая дама попросила у него защиты от преследований мужчины, склонившего ее вступить с ним в любовную связь. Она утверждала, что этот мужчина злоупотребил ее уступчивостью и позволил незримым свидетелям сделать фотографические снимки их нежного свидания; теперь в его власти осрамить ее показом этих фотографий и заставить ее отказаться от своей должности. Адвокат был достаточно опытен, чтобы распознать болезненность этого обвинения; но, как он заметил, в жизни случается много такого, что хочется счесть невероятным, а потому для него было бы ценным мнение психиатра по этому вопросу. Он обещал в следующий раз посетить меня вместе с истицей.

Прежде чем продолжить свое сообщение, хочу признаться, что я до неузнаваемости изменил обстоятельства исследуемого события, но только их и ничего больше. В остальном я считаю неправомерным по каким-то, пусть даже наилучшим, мотивам искажать при рассказе детали истории больного, ибо нельзя знать заранее, какой аспект случая заинтересует самостоятельно мыслящего читателя, и тем самым возникает опасность ввести последнего в заблуждение[1].

Пациенткой, с которой я вскоре после этого познакомился, была тридцатилетняя девушка, необычайно привлекательная и красивая; она выглядела гораздо моложе указанных ею лет и казалась очень женственной. По отношению к врачу она вела себя совершенно недружелюбно и не утруждала себя скрывать свое недоверие. Очевидно, только под давлением рядом присутствовавшего адвоката она рассказала следующую историю, поставившую передо мной проблему, которая будет упомянута позже. При этом ни выражением лица, ни аффективными проявлениями она ничуть не обнаруживала стыдливого смущения, которое соответствовало

[1] [Ср. некоторые замечания по поводу такой же проблемы во введении к истории случая «Крысина» (1909*d*), выше, с. 35–36.]

бы отношению к постороннему слушателю. Она находилась исключительно в плену опасений, возникших вследствие того, что ею было пережито.

Она многие годы работала в одном крупном учреждении, в котором, к своему собственному удовлетворению и удовлетворению начальников, занимала ответственные посты. Любовных отношений с мужчинами она никогда не искала; она спокойно жила со своей старой матерью, для которой была единственной опорой. Братьев и сестер у нее не было, отец умер много лет назад. В последнее время с ней сблизился служащий этого же бюро, очень образованный, обаятельный мужчина, которому и она тоже не смогла отказать в своей симпатии. В силу внешних обстоятельств брак между ними был исключен, но мужчина и слышать не хотел о том, чтобы из-за невозможности брака прекратить отношения. Он говорил ей в укор, что нелепо из-за социальных условностей отказываться от всего, чего им обоим хотелось, что они чувствовали друг к другу, на что они имеют несомненное право и что как ничто другое возвысило бы их жизнь. Поскольку он обещал не подвергать ее опасности, она в конце концов согласилась навестить его днем в его холостяцкой квартире. Там дело дошло до объятий и поцелуев, они лежали друг возле друга, он восхищался ее частично открывшейся красотой. Посреди этой любовной идиллии она была напугана однократно раздавшимся шумом — то ли стуком, то ли щелчком. Он исходил от области письменного стола, который стоял наискось перед окном; пространство между столом и окном частично было прикрыто плотными шторами. Она рассказала, что тут же спросила друга, что означает этот шум, и услышала от него разъяснение, что его, вероятно, произвели часы, стоявшие на письменном столе; позднее, однако, я позволю себе сделать одно замечание об этой части ее рассказа.

Когда она покидала дом, еще на лестнице ей встретились двое мужчин, которые, увидев, начали друг с другом о чем-то шептаться. Один из двух незнакомцев держал в руках какой-то завернутый предмет, нечто вроде небольшой коробки. Эта встреча стала занимать ее мысли; и по дороге домой она создала комбинацию: эта коробка вполне могла быть фотографическим аппаратом, человек, который ее держал, — фотографом, скрывавшимся за шторами, когда она была в комнате, а услышанный ею щелчок — это был звук затвора после того, как этот человек выискал особенно щекотливую ситуацию, которую он пожелал запечатлеть на снимке. Отныне она уже не могла молчать о своих подозрениях, касающихся от возлюблен-

ного; она преследовала его устно и письменно, требуя дать ей объяснение и успокоение и осыпая упреками, но оказалась недоступной для уверений, которыми он пытался доказать искренность своих чувств и безосновательность ее подозрения. В конце концов она обратилась к адвокату, рассказала ему о случившемся и передала письма, которые она получила от подозреваемого по поводу этого происшествия. Позднее я смог ознакомиться с некоторыми из этих писем; они произвели на меня наилучшее впечатление; главным их содержанием было сожаление о том, что столь прекрасное, нежное взаимопонимание оказалось разрушенным этой «злосчастной нездоровой идеей».

Наверное, не требуется пояснять, почему я присоединился к мнению обвиняемого. Но этот случай представлял для меня интерес не только с точки зрения диагностики. В психоаналитической литературе утверждалось, что параноик борется с усилением своих гомосексуальных стремлений, что в сущности указывает на нарциссический выбор объекта. Далее давалось истолкование, что преследователь, по существу, — это возлюбленный или бывший возлюбленный[1]. Из соединения этих двух положений вытекает требование, что преследователь должен быть того же пола, что и преследуемый. Однако мы не выдвигали тезис об обусловленности паранойи гомосексуальностью как всеобщий и не имеющий исключений, но только потому, что наши наблюдения были недостаточно многочисленными. Он относился к тем тезисам, которые вследствие определенных взаимосвязей имеют значение только тогда, когда они могут претендовать на универсальность. Разумеется, в психиатрической литературе нет недостатка в случаях, в которых больному казалось, что его преследовали родственники противоположного пола, но одно дело читать о таких случаях и другое — увидеть один из них перед самим собой. То, что наблюдали и могут анализировать я и мои друзья, до сих пор без труда подтверждало связь паранойи с гомосексуальностью. Но представленный здесь случай со всей решимостью этому противоречил. Казалось, что девушка пытается защититься от любви к мужчине, непосредственно превратив возлюбленного в преследователя; никакого влияния женщины, борьбы с гомосексуальной привязанностью нельзя было обнаружить.

При таком положении вещей, пожалуй, проще всего было бы вновь отказаться от того, чтобы отстаивать идею о всеобщей зависимости мании преследования от гомосексуальности и от всего

---

[1] [См. часть III анализа Шребера (1911c), выше, с. 183 и далее.]

того, что к этому присоединяется. Наверное, от этих научных выводов следовало отказаться, если позволить себе руководствоваться этим несбывшимся ожиданием, встать на сторону адвоката и признать, подобно ему, что речь здесь идет о правильно истолкованном переживании, а не о паранойяльной комбинации. Но я увидел другой выход, который пока отсрочивал принятие окончательного решения. Я вспомнил о том, как часто врачи неправильно оценивали психически больных, потому что недостаточно глубоко их обследовали и, таким образом, слишком мало о них узнавали. Поэтому я заявил, что мне не представляется возможным высказать сегодня свое суждение, и попросил ее посетить меня во второй раз, чтобы рассказать мне историю подробнее и со всеми, в этот раз, возможно, не замеченными побочными обстоятельствами. Благодаря содействию адвоката я добился такого согласия со стороны по-прежнему недовольной пациентки; он пришел мне на помощь также и тем заявлением, что при этой второй беседе его присутствие будет ненужным.

Второй рассказ пациентки не опроверг прежнего, но принес такие дополнения, что все сомнения и трудности отпали сами собой. Прежде всего, она посетила молодого человека в его квартире не один раз, а дважды. Во время второй встречи и раздался тот шум, к которому присоединились ее подозрения; первый визит при первом рассказе она утаила, опустила, поскольку он уже не казался ей важным. Во время этого первого визита не произошло ничего необычного, но, пожалуй, такое случилось на следующий день. Отделом крупного предприятия, в котором она работала, руководила пожилая дама, которую она описала следующими словами: «У нее седые волосы, как у моей матери». Она привыкла к тому, что эта пожилая начальница относится к ней очень нежно, хотя иногда и поддразнивает, и считала себя ее явной любимицей. На следующий день после ее первого визита к молодому служащему он появился в канцелярии, чтобы сообщить что-то по службе пожилой даме, и пока они негромко разговаривали, у нее вдруг возникла уверенность, что он рассказывает ей о вчерашнем приключении; более того, он давно уже поддерживает с ней отношения, чего она раньше совершенно не замечала. И теперь седовласая, похожая на ее мать начальница все знает. В течение дня поведение и высказывания начальницы лишь подтвердили это ее подозрение. При первой же возможности она потребовала объяснений от возлюбленного по поводу его измены. Тот, разумеется, энергично протестовал против того, что он назвал бессмысленным обвинением, и на этот раз ему дей-

ствительно удалось заставить ее отказаться от своего заблуждения, так что через какое-то время — я думаю, через несколько недель — она снова стала испытывать к нему достаточное доверие, чтобы повторить свой визит к нему домой. Дальнейшее нам известно из первого рассказа пациентки.

То, что теперь мы узнали, прежде всего кладет конец всяким сомнениям относительно болезненного характера ее подозрений. Нетрудно заметить, что седовласая начальница является заменой матери, что, несмотря на свою молодость, возлюбленный мужчина становится на место отца и что именно сила материнского комплекса заставляет больную заподозрить — вопреки всей неправдоподобности — любовные отношения между двумя неравными партнерами. Тем самым, однако, рассеивается и кажущееся противоречие с нашим подпитываемым психоаналитической теорией ожиданием того, что чрезмерная гомосексуальной привязанность выступает условием развития мании преследования. Первоначальным преследователем, инстанцией, влияния которой хочется избежать, также и в этом случае является не мужчина, а женщина. Начальница знает о любовных отношениях девушки, не одобряет их и таинственными намеками дает ей понять, что ее осуждает. Привязанность к человеку того же пола препятствует стараниям сделать объектом любви члена противоположного пола. Любовь к матери становится выразителем всех тех стремлений, которые в роли «совести» хотят удержать девушку при первом шаге на новом, во многих отношениях опасном пути к нормальному сексуальному удовлетворению, и ей удается нарушить связь с мужчиной.

Когда мать тормозит или сдерживает сексуальное поведение дочери, она выполняет нормальную функцию, которая, будучи обусловленной отношениями в детском возрасте, обладает сильной бессознательной мотивацией и получила санкцию общества. И уже дело дочери избавиться от такого влияния и на основе широкого, рационального обоснования решить для себя вопрос о степени, в какой она позволит себе получать сексуальное удовольствие или от него откажется. Если при попытке такого освобождения у нее возникает невротическое заболевание, то, как правило, имеет место слишком сильный и, несомненно, неподвластный материнский комплекс, конфликт которого с новым либидинозным течением в зависимости от имеющегося предрасположения разрешается в форме того или иного невроза. Во всех случаях проявления невротической реакции будут определяться не нынешним отношением к реальной матери, а инфантильным отношением к давнему материнскому образу.

О нашей пациентке мы знаем, что многие годы она росла без отца; мы вправе также предположить, что она не оставалась бы свободной от мужчин до тридцатилетнего возраста, если бы ей не оказывала поддержку сильная эмоциональная привязанность к матери. Эта поддержка становится для нее тяжелым ярмом, когда ее либидо начинает стремиться к мужчине в ответ на настойчивое ухаживание. Она пытается сбросить его, избавиться от своей гомосексуальной привязанности. Ее предрасположение — о котором здесь нет надобности говорить — позволяет ей это осуществить в форме образования паранойяльного бреда. Таким образом, мать становится враждебным, недоброжелательным наблюдателем и преследователем. Она могла бы с этим справиться, если бы комплекс матери не сохранил силу для осуществления своей цели — держать ее на дистанции от мужчины. Таким образом, в конце первой фазы конфликта она отдалилась от матери и не присоединилась к мужчине. Потому-то оба они и устраивают заговор против нее. Тут благодаря энергичным усилиям мужчине удается решающим образом привлечь ее к себе. Она преодолевает возражение матери и готова предоставить возлюбленному новую встречу. В дальнейших событиях мать уже не участвует, но мы вправе придерживаться того, что в этой [первой] фазе возлюбленный мужчина стал преследователем не напрямую, а через мать и в силу его отношений с матерью, которой выпала главная роль в образовании первого бреда.

Можно было подумать, что сопротивление окончательно преодолено и что девушке, ранее привязанной к матери, удалось полюбить мужчину. Но после второго свидания происходит образование нового бреда, который, умело пользуясь некоторыми случайными обстоятельствами, губит эту любовь и тем самым успешно осуществляет замысел материнского комплекса. Нам по-прежнему кажется странным, что женщина должна была защищаться от любви к мужчине с помощью паранойяльного бреда. Но прежде чем подробнее рассмотреть это обстоятельство, мы хотели бы бегло ознакомиться со случайностями, на которые опирается образование второго бреда, направленного исключительно против мужчины.

Лежа полураздетая на диване рядом с возлюбленным, она слышит шум, похожий на щелчок, тиканье или стук, причины которого она не знает, но который затем истолковывает, повстречав на лестнице дома двух мужчин, один из которых держал в руках нечто похожее на прикрытую коробку. Она приходит к убеждению, что по поручению возлюбленного во время свидания за ней тайно следили и ее сфотографировали. Разумеется, мы далеки от мысли, что если

бы не раздался этот злосчастный шум, то не было бы и никакого бредообразования. Напротив, за этой случайностью мы видим нечто неизбежное, то, что должно было навязчивым образом утвердиться, подобно предположению о любовной связи между возлюбленным мужчиной и пожилой начальницей, избранной для замены матери. Наблюдение за половым актом родителей — это редко отсутствующая часть из богатства бессознательных фантазий, которые посредством анализа можно выявить у всех невротиков, вероятно, также у всех детей. Эти образования фантазии — фантазии о наблюдении за половым актом родителей, о соблазнении, о кастрации и др. — я называю *первичными* фантазиями и собираюсь в другом месте детально исследовать их происхождение, а также их отношение к индивидуальному переживанию[1]. Стало быть, случайный шум играет лишь роль провокации, которая активирует типичную фантазию о подслушивании, содержащуюся в родительском комплексе. Более того, еще вопрос, должны ли мы его охарактеризовать как «случайный». Как мне сказал Отто Ранк, такой шум, скорее, является необходимым реквизитом фантазии о подслушивании и он повторяет либо шум, которым выдает себя половой акт родителей, либо то, чем подслушивающий ребенок боится выдать себя. Но тут нам сразу становится ясно, на какой почве мы находимся. Возлюбленный — это по-прежнему отец, а место матери она заняла сама. В таком случае подслушивание должно быть поручено постороннему человеку. Нам становится ясно, каким образом она освободилась от гомосексуальной зависимости от матери. Посредством частичной регрессии; вместо того чтобы сделать мать объектом любви, она с нею идентифицировалась, она сама стала матерью. Возможность этой регрессии указывает на нарциссическое происхождение ее гомосексуального выбора объекта и вместе с тем на имеющееся у нее предрасположение к паранойяльному заболеванию. Можно было бы в общих чертах обозначить ход ее мыслей, который ведет к тому же самому результату, что и эта идентификация: «Если мать это делает, то и мне это позволено; я имею такое же право, как и мать».

В упразднении случайностей можно сделать еще один шаг, не требуя, чтобы его совершил и читатель, ибо отсутствие более глубокого аналитического исследования в нашем случае не позволяет нам здесь выходить за пределы известной вероятности. Во время нашей

---

[1] [Ср. длинное примечание к случаю «Крысина» (выше, с. 72–74) с редакторским дополнением, в котором указывается на последующие обсуждения «первичных фантазий.]

первой беседы больная сказала, что она сразу же справилась о причине этого шума и получила ответ, что это, наверное, тикали часы, стоявшие на письменном столе. Я позволю себе трактовать это сообщение как обман памяти. Мне кажется гораздо более правдоподобным, что вначале она вообще не среагировала на шум и что он показался ей полным значения только после встречи на лестнице с двумя мужчинами. Молодой человек, который, наверное, вообще не слышал шума, мог попытаться объяснить его тиканьем часов позднее, когда девушка стала досаждать ему своими подозрениями. «Не знаю, какой шум ты могла слышать; быть может, это громко тикали настольные часы, как это иногда с ними бывает». Такая отсрочка в использовании впечатлений и такое смещение воспоминаний часто встречаются именно при паранойе и для нее характерны. Но поскольку я никогда не разговаривал с молодым мужчиной и не имел возможности продолжить анализ девушки, мое предположение остается недоказуемым.

Я мог бы отважиться пойти еще дальше в разложении якобы реальной «случайности». Я вообще не думаю, что часы тикали или что можно было услышать шум. Ситуация, в которой она находилась, оправдывала ощущение биения или стука в клиторе. Именно это она задним числом спроецировала вовне как восприятие внешнего объекта. Совершенно аналогичное может произойти в сновидении. Одна из моих истерических пациенток однажды рассказала мне короткий сон, приведший к пробуждению, по поводу которого не желал появляться никакой мыслительный материал. Ей снилось, что раздался стук, и она проснулась. В дверь никто не стучал, но перед этим несколько ночей она просыпалась от неприятных ощущений поллюций, и теперь у нее возник мотив просыпаться, как только появлялись первые признаки генитального возбуждения. Это был стук в клиторе[1]. Такой же процесс проекции я поставил бы на место случайного шума у нашей паранойяльной больной. Разумеется, я не могу ручаться, что за время нашего беглого знакомства при всех признаках неприятного для нее принуждения больная откровенно поведала мне о том, что происходило во время двух нежных свиданий, но изолированное сжатие клитора вполне согласуется с ее утверждением, что соединения гениталий при этом не происходило. В последующем отвержении молодого человека, не-

[1] [Ср. аналогичный пример в 17-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917, *Studienausgabe*, т. I, с. 266–267).]

сомненно, наряду с «совестью» свою роль сыграла также и неудовлетворенность.

Вернемся теперь к необычному факту, что больная защищается от любви к мужчине с помощью образования паранойяльного бреда. Ключ к пониманию дает история развития этого бреда. Первоначально он был направлен, как мы и могли ожидать, против женщины, но теперь *на почве паранойи произошел переход от женщины к мужчине как объекту.* Такое поступательное движение необычно при паранойе; как правило, мы обнаруживаем, что преследуемый человек остается фиксированным на тех же самых людях, то есть на том же поле, к которому относился его выбор объекта любви до паранойяльного преобразования. Но оно не исключается невротическим нарушением; пожалуй, наше наблюдение может служить прототипом для многих других случаев. Помимо паранойи имеется множество аналогичных процессов, а среди них и общеизвестные, которые с этой точки зрения до сих пор не рассматривались. Например, так называемый неврастеник из-за своей бессознательной привязанности к инцестуозному объекту любви удерживается от того, чтобы выбрать объектом незнакомую женщину и в своем сексуальном поведении ограничивается фантазией. Но на почве фантазии он совершает невозможный для него шаг и может заменить мать или сестру чужими объектами. Поскольку с ними протеста цензуры не возникает, в своих фантазиях он осознает выбор этих замещающих лиц.

Феномены подобного продвижения, совершаемого на новой основе, обретенной, как правило, регрессивным путем, присоединяются к усилиям, прилагаемым при некоторых неврозах с целью вновь обрести некогда занимаемую, но ныне утраченную позицию либидо. Оба ряда явлений едва ли можно понятийно отделить друг от друга. Мы слишком склоняемся к точке зрения, что конфликт, который лежит в основе невроза, завершается вместе с симптомообразованием. В действительности борьба часто продолжается и после симптомообразования. С обеих сторон появляются новые компоненты влечения, которые ее продлевают. Объектом этой борьбы становится сам симптом; стремления, которые хотят его отстоять, сталкиваются с другими стремлениями, которые пытаются его устранить и восстановить прежнее состояние. Нередко изыскиваются пути, чтобы обесценить симптом, когда другими средствами пытаются обрести утраченное и то, от чего пришлось отказаться по причине симптома. Эти обстоятельства проливают свет на утверждение К. Г. Юнга, согласно которому своеобразная психическая инерт-

ность, противодействующая изменениям и прогрессу, является основной предпосылкой невроза. Эта инертность действительно весьма своеобразна; она является не общей, а в высшей степени специализированной, в своей области она не является неограниченной властительницей, а борется с тенденциями к прогрессу и выздоровлению, которые не успокаиваются даже после образования невротических симптомов. Если проследить исходный пункт этой особой инертности, то она раскрывается как выражение очень рано произошедших, с большим трудом устранимых соединений влечений с впечатлениями и связанными с ними объектами, из-за чего дальнейшее развитие этих компонентов влечения было приостановлено. Или, выражаясь иначе, эта специализированная «психическая инертность» — всего лишь другое, едва ли лучшее, обозначение того, что мы привыкли называть в психоанализе *фиксацией*[1].

---

[1] [На эту способность к фиксации или, как говорит Фрейд в другом месте, на «клейкость либидо», уже указывалось в первом издании «Трех очерков по теории сексуальности» (1905*d*, *Studienausgabe*, т. 5, с. 144). Далее она обсуждается в конце истории болезни «Волкова» (1918*b*, там же, т. 8, с. 226) и в 22-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917, там же, т. 1, с. 341), которые появились примерно в одно время с данной работой.]

О некоторых невротических механизмах при ревности, паранойе и гомосексуализме (1922 [1921])

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:
(1921 январь, предположительная дата написания.)
1922 *Int. Z. Psychoanal.*, т. 8 (3), 249–258.
1924 *G. S.*, т. 5, 387–399.
1926 *Psychoanalyse der Neurosen*, 125–139.
1931 *Neurosenlehre und Technik*, 173–186.
1940 *G. W.*, т. 13, 195–207.

От Эрнеста Джонса (1962*b*, т. 3, с. 104) мы узнаем, что эта работа, по всей видимости, была написана в январе 1921 года; во всяком случае Фрейд зачитал ее в сентябре того года на неформальной встрече во время путешествия по Гарцу небольшой группе своих ближайших коллег (Абрахаму, Эйтингону, Ференци, Ранку, Захсу и самому Джонсу).

A

Ревность относится к аффективным состояниям, которые подобно печали можно охарактеризовать как нормальные. Там, где она вроде бы отсутствует в характере и в поведении человека, оказывается справедливым вывод, что она подлежит сильнейшему вытеснению и поэтому в бессознательной душевной жизни играет тем большую роль. Случаи ненормально усилившейся ревности, с которыми приходится иметь дело анализу, оказываются состоящими из трех слоев. Три слоя, или ступени, ревности заслуживают названий 1) *конкурирующей* или нормальной, 2) *спроецированной*, 3) *бредовой*.

О *нормальной* ревности мало что можно сказать в аналитическом отношении. Нетрудно увидеть, что она состоит в основном из печали, боли из-за предполагаемой потери объекта любви и нарциссической обиды, насколько одно можно отделить от другого, далее из враждебных чувств к предпочтенному сопернику и из более или менее большого вклада самокритики, которая хочет сделать собственное «я» ответственным за потерю любви. Эта ревность, если мы называем ее нормальной, отнюдь не является полностью рациональной, то есть возникшей из актуальных отношений, пропорциональных действительным условиям и всецело управляемых сознательным «я», ибо она не коренится глубоко в бессознательном, не продолжает самые ранние побуждения детской аффективности и не происходит из эдипова комплекса или из комплекса брата и сестры первого сексуального периода. Тем не менее примечательно, что некоторыми людьми она переживается бисексуально, то есть у мужчины помимо боли из-за любимой женщины и ненависти к сопернику-мужчине усиливается также печаль из-за бессознательно любимого мужчины и ненависть к женщине как сопернице. Мне также известно об одном мужчине, который тяжело страдал от своих приступов ревности и, по его словам, испытывал самые тяжелые мучения, сознательно представляя себя неверной женщиной. Ощущение беспомощности, которое он тогда ощущал, образы, которые он находил для своего состояния, как если бы он, подобно Прометею, был оставлен на съедение коршуну или брошен связанным

у змеиного гнезда, он сам соотнес с впечатлением от нескольких гомосексуальных посягательств, пережитых им, когда он был еще мальчиком.

Ревность второго слоя, или *спроецированная*, у мужчины, как и у женщины происходит из собственной неверности в жизни или из побуждений к неверности, которые подверглись вытеснению. Повседневный опыт показывает, что верность, особенно требуемая браком, может поддерживаться только против постоянных искушений. Кто отрицает ее в себе, тот все же настолько сильно ощущает ее давление, что охотно прибегает к помощи бессознательного механизма, чтобы испытать облегчение. Он достигает такого облегчения, более того, оправдания перед своей совестью, если собственные побуждения к неверности проецирует на своего партнера, которому он обязан хранить верность. Этот сильный мотив может затем воспользоваться материалом восприятия, который разоблачает точно такие же бессознательные побуждения другой стороны, и может оправдываться рассуждением, что партнер или партнерша, наверное, немногим лучше, чем сам этот человек[1].

Общественные обычаи разумным образом считаются с этим положением вещей, предоставляя определенное пространство кокетству замужней женщины и захватническим устремлениям супруга в ожидании этим дренировать и обезвредить неустранимую склонность к неверности. Обычай устанавливает, что обе стороны не должны ставить в счет друг другу эти небольшие шажки в направлении неверности, и чаще всего добивается того, что вожделение, распаленное посторонним объектом, удовлетворяется возвратом к верности собственному объекту. Однако ревнивец не желает признавать этой общепринятой терпимости, он не верит, что бывает затишье или разворот на пути, на который однажды вступили, что общественный «флирт» может быть также гарантией от настоящей неверности. Общаясь с таким ревнивцем, нужно избегать оспаривать материалы, на которые он опирается, можно лишь попытаться склонить его к другой их оценке.

Ревность, возникшая из-за подобной проекции, хотя и носит чуть ли не бредовый характер, не может устоять перед аналитичес-

---

[1] Ср. строфу в песне Дездемоны [«Отелло», акт IV, 3-я сцена; в предыдущих немецких изданиях цитата на английском языке воспроизведена неверно]:

I called my love false love; but what said he then?
If I court moe women, you'll couch with moe men.
[Не плачь, — говорит он, — не порть красоты,
Я к женщинам шляюсь, шатайся и ты. — Перевод Б. Пастернака.]

кой работой, которая раскрывает бессознательные фантазии о собственной неверности. Хуже обстоит дело с ревностью третьего слоя, собственно *бредовой*. Также и она происходит из вытесненных стремлений к неверности, но объектами этих фантазий являются лица того же пола. Бредовая ревность соответствует перебродившему гомосексуализму и по праву отстаивает свое место среди классических форм паранойи. Как попытка защиты от слишком сильного гомосексуального побуждения ее можно было бы описать (у мужчины) формулой: «*Я* его не люблю, *она* его любит»[1].

В случае бреда ревности нужно быть готовым к тому, чтобы выводить ревность из всех трех слоев, но никогда из одного только третьего.

Б

Паранойя. По известным причинам случаи паранойи чаще всего не поддаются аналитическому исследованию. Между тем в последнее время благодаря интенсивному изучению двух параноиков мне все же удалось вывести для себя нечто новое.

Первый случай касался молодого мужчины с полностью сформированной паранойяльной ревностью, объектом которой была его безупречно верная жена. Бурный период, в котором им беспрерывно владел бред, был уже позади. Когда я его увидел, он продуцировал лишь изолированные приступы, которые продолжались несколько дней и, что любопытно, регулярно возникали в день после полового акта, впрочем, удовлетворительного для обеих сторон. Правомерен вывод, что каждый раз после удовлетворения гетеросексуального либидо в приступе ревности требовал своего выражения одновременно возбуждавшийся гомосексуальный компонент.

Его материал представлял собой приступ, возникавший в результате наблюдения за самыми незначительными признаками, благодаря которым ему раскрывалось совершенно бессознательное, незаметное для других, кокетство жены. То она неумышленно дотрагивалась до господина, сидевшего рядом с ней, то слишком наклоняла к нему свое лицо или улыбалась дружелюбнее, чем когда оставалась наедине со своим мужем. Ко всем этим выражениям ее бессознательного он проявлял чрезвычайное внимание и всегда умел

[1] Ср. рассуждения по поводу случая Шребера: (1911*c*) [раздел III; см. выше, с. 186 и далее].

их правильно истолковать, так что в сущности он всегда был прав и для оправдания своей ревности мог призвать еще и анализ. По существу он свел свою ненормальность к тому, что острее воспринимал бессознательное своей жены и придавал ему гораздо большую значимость, чем это могло бы прийти на ум кому-то другому.

Мы помним о том, чтобы и преследуемые параноики ведут себя точно так же. Также и они не признают у других ничего индифферентного и используют в своем «бреде преследования» малейшие намеки, которые дают им эти другие, посторонние люди. Смысл их бреда преследования состоит именно в том, что от всех посторонних людей они ожидают чего-то сродни любви; но эти другие ничего подобного не проявляют, они усмехаются, размахивают своими палками или даже плюют на землю, когда те проходят мимо, и этого действительно не делают, если к человеку, стоящему поблизости, проявляют какое-либо дружеское участие. Это делается только тогда, когда данный человек кому-то совершенно безразличен, когда с ним можно обращаться как с пустым местом, и параноик, основываясь на принципиальном родстве понятий «чужой» и «враждебный», не так уж неправ, когда воспринимает такое безразличие в отношении своего требования любви как враждебность.

Нам теперь кажется, что мы весьма неудовлетворительно описываем поведение ревнивого, равно как и преследуемого параноика, когда говорим, что они проецируют вовне на другого человека то, что не хотят воспринимать в собственном внутреннем мире.

Разумеется, они это делают, но они проецируют, так сказать, не наобум, не туда, где нет ничего похожего, а руководствуются своим знанием бессознательного и перемещают на бессознательное других внимание, которого они лишают собственное бессознательное. Наш ревнивец распознает неверность жены вместо своей собственной; когда он осознает неверность своей жены в огромном преувеличении, ему удается сохранить бессознательной собственную неверность. Если считать, что этот пример может служить мерилом, то мы вправе заключить, что и враждебность, которую преследуемый обнаруживает у других людей, является отблеском собственных враждебных чувств по отношению к этим другим. Поскольку мы знаем, что у параноика преследователем становится как раз самый любимый человек того же пола, возникает вопрос, откуда берется эта инверсия аффекта, и напрашивающийся ответ состоял бы в том, что всегда имеющаяся амбивалентность чувств закладывает основу для ненависти, а невыполнение любовных требований ее усиливает. Таким образом, амбивалентность чувств оказывает пре-

следуемому ту же услугу для защиты от гомосексуализма, что и нашему пациенту ревность.

Сновидения моего ревнивца оказались для меня большой неожиданностью. Они не возникли одновременно с началом приступа, и хотя по-прежнему господствовал бред, они были полностью свободны от бреда и позволили распознать лежащие в их основе гомосексуальные импульсы, замаскированные не больше, чем это обычно бывает. При моем незначительном опыте толкования сновидений параноиков у меня тогда были все основания в целом предположить, что паранойя в сновидение не проникает.

Состояние гомосексуализма у этого пациента можно было легко проследить. Он ни с кем не завязывал дружеских отношений и не обнаруживал никаких социальных интересов; создавалось впечатление, что только бред взял на себя дальнейшее развитие его отношений к мужчине словно для того, чтобы наверстать часть упущенного. Незначительная роль отца в его семье и постыдная гомосексуальная травма в ранние детские годы взаимодействовали, чтобы загнать гомосексуализм в вытеснение и проложить ему путь к сублимации. Вся его юность протекала под знаком сильнейшей привязанности к матери. Среди многочисленных сыновей он был явным любимцем матери и проявлял по отношению к ней сильную ревность нормального типа. Когда позднее он встал перед выбором супруги, главным образом под влиянием мотива обогатить свою мать, в навязчивых сомнениях в девственности невесты проявилась его потребность в девственной матери. Первые годы брака были свободны от ревности. Затем он перестал быть верен своей жене и вступил в длительную связь с другой женщиной. И лишь после того, как он прекратил эти любовные отношения, напуганным определенным подозрением, у него развилась ревность второго, проективного типа, с помощью которой он смог успокоить упреки из-за своей неверности. Вскоре из-за присоединения гомосексуальных импульсов, объектом которых был тесть, она осложнилась до полной паранойяльной ревности.

Наверное, мой второй случай нельзя было бы классифицировать без анализа как *paranoia persecutoria*, но мне пришлось рассматривать молодого человека как кандидата на этот исход болезни. У него существовала амбивалентность в отношении к отцу совершенно необычайных масштабов. С одной стороны, он был самым отъявленным бунтарем, который во всем развивался наперекор желаниям и идеалам отца, с другой стороны, в более глубоком слое он по-прежнему оставался наипокорнейшим сыном, который

после смерти отца, испытывая к нему нежные чувства и сознавая свою вину, отказывал себе в наслаждении женщиной. Его реальные отношения с мужчинами, несомненно, находились под знаком недоверия; благодаря своему сильному интеллекту он сумел рационализировать эту установку и обставить дело так, что знакомые и друзья его обманывали и использовали в корыстных целях. Новое, что я благодаря ему узнал, заключалось в том, что классические мысли о преследовании могут присутствовать, не находя веры и не имея ценности. Они могли промелькнуть во время анализа, но он не придавал им никакого значения и регулярно над ними подтрунивал. Возможно, нечто похожее бывает во многих случаях паранойи, и если развивается такое заболевание, возможно, мы считаем высказанные бредовые идеи новыми продуктами, тогда как на самом деле они могли уже существовать с давних пор.

Мне кажется важным выводом, что качественный момент, наличие определенных невротических образований, в практическом отношении менее значим, чем момент количественный, — то, какую степень внимания, вернее, какую меру катексиса могут привлечь к себе эти образования. Обсуждение нашего первого случая, паранойяльной ревности, потребовало от нас равного уважения количественного момента, показав нам, что там ненормальность по существу состояла в гиперкатексисе истолкований чужого бессознательного. Аналогичный факт нам уже давно известен из анализа истерии. Патогенные фантазии, потомки вытесненных импульсов влечения, в течение долгого времени допускаются наряду с нормальной душевной жизнью и не действуют патогенно до тех пор, пока не становятся гиперкатектированными вследствие переворота в экономике либидо; только тогда прорывается конфликт, ведущий к симптомообразованию. Таким образом, благодаря прогрессу нашего знания мы все больше склоняемся к тому, чтобы выдвинуть на передний план *экономическую* точку зрения. Я хотел бы также поставить вопрос: достаточно ли подчеркнутого здесь количественного момента, чтобы охватить те феномены, для которых Блейлер [1916] и другие исследователи в последнее время хотят ввести понятие «расщепление»? Следовало бы только предположить, что усиление сопротивления в направлении психического отвода имеет следствием гиперкатексис другого пути и вместе с тем включение его в этот отвод.

В двух моих случаях паранойи в поведении сновидений выявилась поучительная противоположность. Если в первом случае, как уже упоминалось, сновидения были свободны от бреда, то другой

пациент в большом количестве продуцировал сны о преследовании, которые можно рассматривать как предшественников или замещающие образования для бредовых идей аналогичного содержания. Преследователем, от которого он мог скрыться, только испытывая сильный страх, как правило, был сильный бык или другой символ мужественности, который он сам иногда еще в сновидении распознавал как представительство отца. Однажды он рассказал весьма характерное паранойяльное сновидение, обусловленное переносом. Ему снилось, что я брился в его присутствии, и он заметил по запаху, что при этом я пользовался таким же мылом, что и его отец. Я это делал, чтобы вынудить его к отцовскому переносу на мою персону. В выборе приснившейся ситуации несомненно проявилось пренебрежение пациента к своим паранойяльным фантазиям и его неверие в них, ибо каждодневное видение меня могло его научить, что я вообще не могу пользоваться мылом для бритья и, следовательно, в этом пункте не даю никакого повода для отцовского переноса.

Однако сравнение сновидений у двух наших пациентов показывает, что постановка нами вопроса, может ли паранойя (или другой психоневроз) проникнуть также и в сон, основывается лишь на неправильном понимании сновидения. Сновидение отличается от мышления в бодрствовании тем, что оно может включать в себя содержания (из области вытесненного), которые не могут присутствовать в бодрствующем мышлении. В остальном оно является всего лишь *формой мышления*, преобразованием предсознательного материала мыслей в результате работы сновидения и ее условий[1]. К вытесненному наша терминология неврозов не применима, оно не может называться ни истерическим, ни навязчиво-невротическим, ни паранойяльным. И наоборот, другая часть материала, лежащего в основе образования сновидения, предсознательные мысли, может быть нормальной или носить характер какого-либо невроза. Предсознательные мысли могут быть результатом всех тех патогенных процессов, в которых мы усматриваем сущность невроза. Нельзя понять, почему не каждая такая болезненная идея подвергается преобразованию в сновидение. Стало быть, сновидение может сразу соответствовать истерической фантазии, навязчивому представлению, бредовой идее, то есть оказаться таковой при истолковании. В нашем наблюдении у двух параноиков мы обнаруживаем, что сновидение одного является нормальным, когда мужчина нахо-

---

[1] [Ср. некоторые замечания при изложении случая женского гомосексуализма (1920*a*), ниже, с. 274–275.]

дится в приступе, и что сновидение другого имеет паранойяльное содержание, в то время как мужчина по-прежнему насмехается над бредовыми идеями. Следовательно, в обоих случаях сновидение включило в себя то, что в бодрствующей жизни в настоящее время было подавлено. Но также и это не обязательно является правилом.

В

Гомосексуализм. Признание органического фактора гомосексуализма не освобождает нас от обязанности изучить психические процессы при его возникновении. Типичный[1] процесс, уже установленный в несметном количестве случаев, заключается в том, что молодой человек, доселе интенсивно фиксированный на матери, по прошествии нескольких лет после наступления пубертата совершает перемену, идентифицируется с матерью и высматривает объекты любви, в которых он может найти себя заново, которые он тогда хотел бы любить так, как его любила мать. В качестве признака этого процесса обычно на многие годы устанавливается условие любви, что мужские объекты должны иметь возраст, в котором у него произошло изменение. Мы познакомились с различными факторами, которые, вероятно, в различной степени содействуют этому результату. Прежде всего это фиксация на матери, которая затрудняет переход к другому женскому объекту. Исходом этой привязанности к объекту является идентификация с матерью, которая в то же время позволяет в определенном смысле оставаться верным этому первому объекту. Затем склонность к нарциссическому выбору объекта, который в целом более близок и проще выполним, чем обращение к противоположному полу. За этим моментом скрывается другой момент совершенно особенной силы, который, возможно, с ним совпадает: высокая оценка мужского органа и неспособность отказаться от его наличия у объекта любви. Презрение к женщине, антипатия, более того, отвращение к ней, как правило, происходят от рано сделанного открытия, что женщина не обладает пенисом. Позднее в качестве сильнейшего мотива гомосексуального выбора объекта мы также познакомились с почтительным отношением к отцу или страхом перед ним, поскольку отказ от женщины означает, что избегается конкуренция с ним (или со всеми мужчинами, которые его замещают). Оба последних мотива, фиксация на условии

---

[1] [Этот типичный процесс Фрейд описал в главе III своего очерка о Леонардо (1910*c*); см., в частности, *Studienausgabe*, т. 10, с. 124–126.]

обладания пенисом, а также избегание, могут быть причислены к комплексу кастрации. Привязанность к матери — нарцизм — страх кастрации, все эти, впрочем, отнюдь не специфические моменты мы до сих пор находили в психической этиологии гомосексуализма, и к ним еще добавились влияние соблазнения, повинное в ранней фиксации либидо, а также влияние органического фактора, содействующее принятию пассивной роли в любовной жизни.

Однако мы никогда не считали, что этот анализ возникновения гомосексуализма полон. Сегодня я могу сослаться на новый механизм, ведущий к гомосексуальному выбору объекта, хотя я не могу указать, сколь велика его роль при формировании крайнего, открытого и исключительного гомосексуализма. Благодаря наблюдениям я обратил внимание на несколько случаев, в которых в раннем детстве по причине материнского комплекса проявлялись особенно сильные импульсы ревности к соперникам, чаще всего к старшим братьям. Эта ревность вела к возникновению крайне враждебных и агрессивных установок по отношению к братьям и сестрам, которые могли усиливаться до желания им смерти, но исчезали в процессе развития. Под влиянием воспитания, несомненно, также вследствие сохраняющегося бессилия этих импульсов происходило их вытеснение и преобразование чувств, в результате чего прежние соперники теперь становились первыми гомосексуальными объектами любви. Подобный исход привязанности к матери раскрывает многочисленные интересные связи с другими известными нам процессами. Прежде всего он является полным эквивалентом развития *paranoia persecutoria*, при которой прежде любимые люди становятся ненавистными преследователями, в то время как здесь ненавистные соперники превращаются в объекты любви. В дальнейшем он предстает преувеличением процесса, который, по моему мнению, ведет к индивидуальному развитию социальных влечений[1]. И здесь, и там вначале имеются импульсы ревности и враждебности, которые не могут быть удовлетворены, а нежные, равно как и социальные чувства, связанные с идентификацией, возникают в качестве реактивных образований в ответ на вытесненные агрессивные импульсы.

Этот новый механизм гомосексуального выбора объекта, возникновение из преодоленного соперничества и вытесненной агрессивной наклонности, в некоторых случаях примешивается к извес-

---

[1] См. «Психология масс и анализ Я» (1921*c*) [*Studienausgabe*, т. 9, с. 111 и далее].

тным нам типичным условиям. Из истории жизни гомосексуалистов нередко можно узнать, что перемена у них произошла после того, как мать похвалила другого мальчика и привела его в качестве примера для подражания. Вследствие этого активировалась тенденция к нарциссическому выбору объекта, и после короткой фазы острой ревности соперник становился объектом любви. Но обычно новый механизм выделяется тем, что при нем преобразование осуществляется в гораздо более ранние годы, а идентификация с матерью отступает на задний план. В наблюдаемых мною случаях он также приводил лишь к появлению гомосексуальных установок, которые не исключают гетеросексуальности и не влекут за собой возникновение *horror feminae*[1].

Известно, что очень многие гомосексуальные лица отличаются особо развитыми социальными влечениями и увлеченностью общеполезными интересами. Можно было бы попытаться дать этому следующее теоретическое объяснение: мужчина, который видит в других мужчинах возможные объекты любви, должен вести себя по отношению к обществу мужчин иначе, чем другой человек, который вынужден видеть в мужчине прежде всего соперника в борьбе за женщину. Этому противостоит только соображение, что и при гомосексуальной любви также имеется ревность и соперничество и что общество мужчин также включает в себя этих возможных соперников. Но даже если отказаться от этого умозрительного обоснования, для взаимосвязи гомосексуализма и социального чувства не может быть безразличным тот факт, что гомосексуальный выбор объекта нередко проистекает из раннего преодоления соперничества с мужчиной.

В ходе психоаналитических рассуждений мы привыкли понимать социальные чувства как сублимацию гомосексуальных установок в отношении объекта. В таком случае у социально настроенных гомосексуалистов отделение социальных чувств от выбора объекта было бы не совсем удачным.

---

[1] [Страха женщины (лат.). — *Примечание переводчика.*]

«Ребенка бьют»
(К вопросу о происхождении сексуальных перверсий)
(1919)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:
1919 *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, т. 5 (3), 151–172.
1922 *S. K. S. N.*,т. 5, 195–228.
1924 *G. S.*, т. 5, 344–373.
1926 *Psychoanalyse der Neurosen*, 50–84.
1931 *Sexualtheorie und Traumlehre*, 124–155.
1947 *G. W.*, т. 12, 197–226.

Эта работа, написанная в начале 1919 года, была завершена в середине марта и опубликована летом этого же года.

Большей частью она состоит из очень детального клинического исследования особой формы перверсии. Находки Фрейда прежде всего проливают свет на проблему мазохизма; но, как следует из подзаголовка, замысел этой работы состоял также в расширении знаний о перверсиях в целом. С этой точки зрения ее можно рассматривать как дополнение к первому из трех очерков Фрейда по теории сексуальности (1905*d*).

Кроме того, работа включает тему, которой Фрейд придавал большое значение, а именно обсуждение мотивов, обусловливающих процесс вытеснения, с привлечением двух имеющихся на этот счет теорий — Флисса и Адлера (ср. с. 250–253). *Механизм* вытеснения исчерпывающе анализируется в двух метапсихологических сочинениях Фрейда — в работе «Вытеснение» (1915*d*) и в разделе IV работы «Бессознательное» (1915*e*); однако вопрос о *мотивах*, ведущих к вытеснению, который, правда, затронут в последнем разделе анализа «Волкова» (1918*b*, *Studienausgabe*, т. 8, с. 221–222), нигде так детально не разбирается, как в настоящей работе.

В фантазии-представлении «ребенка бьют» с удивительной частотой признаются лица, обратившиеся к аналитическому лечению по поводу истерии или невроза навязчивости. Весьма вероятно, что еще чаще она встречается у других людей, которые не были вынуждены из-за явного заболевания принять такое решение.

С этой фантазией связаны ощущения удовольствия, из-за которых она бесчисленное множество раз воспроизводилась или по-прежнему воспроизводится. На пике воображаемой ситуации почти всегда осуществляется онанистическое удовлетворение (то есть на гениталиях), сначала по воле данного человека, но затем точно так же с навязчивым характером вопреки его сопротивлению.

В этой фантазии признаются только после больших колебаний, воспоминание о ее первом появлении ненадежно, аналитическому обсуждению предмета противостоит недвусмысленное сопротивление, при этом стыд и сознание вины возбуждаются, пожалуй, сильнее, чем при аналогичных сообщениях о всплывших в памяти первых проявлениях сексуальной жизни.

Наконец, можно констатировать, что первые фантазии этого рода вынашивались в очень раннем возрасте, несомненно, до посещения школы, уже на пятом и шестом году жизни. Когда ребенок видел в школе, как учитель бил других детей, это переживание вновь пробуждало фантазии, если они были угасшими, усиливало их, если они по-прежнему существовали, и ощутимым образом изменяло их содержание. Отныне избивались «неопределенно многие» дети. Влияние школы было настолько явным, что данные пациенты поначалу пытались свести свои фантазии о побоях исключительно к этим впечатлениям школьного времени, после шестого года жизни. Однако это всегда оказывалось неверным; они имелись уже до этого.

Когда в старших классах побои детей прекратились, их влияние более чем возместилось впечатлением от литературы, вскоре приобретшим большое значение. В среде моих пациентов почти всегда имелись одни и те же доступные молодежи книги, из содержания которых фантазии о побоях получали новые импульсы: так

называемая *Bibliothuque rose*[1], «Хижина дяди Тома»[2] и тому подобное. В соперничестве с этими художественными произведениями собственная деятельность фантазии ребенка начала изобретать изобилие ситуаций и учреждений, в которых детей бьют, наказывают или карают другим способом за их плохое поведение и проказы.

Поскольку представление-фантазия «ребенка бьют» постоянно было катектировано значительным удовольствием и оканчивалось актом сладострастного аутоэротического удовлетворения, можно было бы ожидать, что источником похожего наслаждения являлось также зрелище того, как в школе избивали другого ребенка. Однако такого никогда не бывало. Присутствие при реальных сценах побоев в школе, вероятно, вызывало у наблюдавшего ребенка смешанное чувство своеобразного возбуждения, в котором значительное место занимало отвержение. В некоторых случаях реальное переживание сцены побоев воспринималось как нестерпимое. Впрочем, также и в рафинированных фантазиях в более поздние годы сохранялось условием, что наказываемым детям не причиняют серьезного вреда.

Следовало поднять вопрос: какая может существовать связь между значением фантазий о побоях и ролью, которую играют реальные телесные наказания в домашнем воспитании ребенка? Напрашивающееся предположение, что при этом выявится обратное соотношение, нельзя доказать вследствие субъективности материала. Лиц, предоставивших материал для этих анализов, в детстве били очень редко, во всяком случае розгами их не воспитывали. Разумеется, каждому из этих детей когда-нибудь все же доводилось ощутить превосходящую физическую силу своих родителей или воспитателей; то, что в любой детской комнате всегда хватает потасовок между самими детьми, не нужно особо подчеркивать.

В своем исследовании мы не прочь были бы побольше узнать о тех ранних и простых фантазиях, которые не указывали явным образом на влияние школьных впечатлений или сцен из литературы. Кем был избиваемый ребенок? Самим фантазирующим или кем-то посторонним? Всегда ли это был один и тот же ребенок или чаще всего кто-то другой? Кем был тот, кто избивал ребенка? Кто-то взрослый? И кто же он в таком случае? Или ребенок представлял в фантазии, будто он сам бил другого? На все эти вопросы мы не получали

---

[1] [Популярная в то время серия книг мадам де Сегур; самый известный ее роман — «Les malheurs de Sophie».]

[2] [Роман Гарриет Бичер-Стоу.]

никакой проясняющей информации; всегда был только робкий ответ: «Я ничего больше об этом не знаю; ребенка бьют».

Выяснение сведений относительно пола избиваемого ребенка имели больший успех, но и они никакой ясности не внесли. Иногда нам отвечали: «Всегда только мальчики» или: «Только девочки»; чаще ответ гласил: «Я этого не знаю» или: «Это совершенно не важно». То, что имело значение для расспрашивавшего — постоянную взаимосвязь между полом фантазирующего и полом избиваемого ребенка, — выявить так и не удалось. Иногда в содержании фантазии обнаруживалась еще одна характерная деталь: «Маленького ребенка бьют по голой попе».

При таких обстоятельствах поначалу нельзя было даже решить, как охарактеризовать удовольствие, связанное с фантазией о побоях: как садистское или как мазохистское.

II

В соответствии с нашими прежними выводами, такую фантазию, возникающую, вероятно, вследствие случайных причин в раннем детском возрасте и закрепившуюся для получения аутоэротического удовлетворения, можно понимать только в том смысле, что речь здесь идет о первичной черте перверсии. Один из компонентов сексуальной функции опередил в развитии другие, зафиксировался и таким образом оказался недоступным для более поздних процессов развития, став тем самым свидетельством особой, аномальной конституции человека. Мы знаем, что такая инфантильная перверсия не обязательно сохраняется на всю жизнь, еще позднее она может подвергнуться вытеснению, замениться реактивным образованием или преобразоваться благодаря сублимации. (Однако возможно, что сублимация происходит от особого процесса[1], который сдерживается вытеснением.) Но если эти процессы отсутствуют, то перверсия сохраняется в зрелой жизни, и там, где мы встречаем у взрослого сексуальное отклонение — перверсию, фетишизм, инверсию, — мы вправе ожидать, что с помощью анамнестического исследования сумеем выявить такое фиксирующее событие в детском возрасте. Более того, задолго до психоанализа таким наблюдателям, как Бине, удавалось сводить своеобразные сексуальные отклонения в зрелые годы

---

[1] [В этой связи следует указать на теорию сублимации, затронутую в главе III работы «Я и Оно»; см. *Studienausgabe*, т. 3, с. 298–306.]

к таким впечатлениям у детей в пяти- или шестилетнем возрасте[1]. При этом, однако, мы наталкивались на границы нашего понимания, ибо фиксирующим впечатлениям недоставало всякой травматической силы; в большинстве своем они были банальными и для других индивидов ничего волнующего собой не представляли; нельзя было сказать, почему сексуальное стремление зафиксировались именно на них. Но их значение можно было поискать в том, что они давали, пусть и случайный, повод для фиксации преждевременно сформированных и готовых заявить о себе сексуальных компонентов, и нужно было быть готовым к тому, что цепочка казуальных связей где-то временно оборвется. Именно принесенная с собой конституция, казалось, соответствовала всем требованиям, предъявляемым к такому остановочному пункту.

Если преждевременно оторвавшийся сексуальный компонент — садистский, то на основе уже достигнутого ранее понимания мы можем ожидать, что в результате его последующего вытеснения возникнет предрасположение к неврозу навязчивости[2]. Нельзя сказать, что результаты исследований противоречат этому ожиданию. Среди шести случаев, на тщательном изучении которых построено это небольшое сообщение (четыре женщины, двое мужчин), имелись случаи невроза навязчивости, один очень тяжелый, разрушающий жизнь, и один средней тяжести, вполне доступный врачебному воздействию, далее третий, в котором проявились по крайней мере отдельные явные черты невроза навязчивости. Правда, четвертый случай представлял собой истерию в чистом виде с болями и торможениями, а пятого пациента, подвергшегося анализу просто из-за нерешительности в его жизни, вообще нельзя было бы классифицировать в рамках грубой клинической диагностики или же можно было бы отмахнуться от него, поставив диагноз «психастения»[3]. Нельзя считать, что эта статистика разочаровывает, ибо, во-первых, мы знаем, что не каждое предрасположение должно в дальнейшем обернуться расстройством, и, во-вторых, мы вправе довольствоваться объяснением того, что имеется, и в общем и целом уклониться от задачи попытаться понять, почему чего-то не произошло.

Именно досюда и никак не дальше наши нынешние познания позволяют проникнуть в понимание фантазии о побоях. Однако

---

[1] [Это наблюдение Бине (1888) Фрейд также упоминает в своих «Трех очерках» (1905*d*); он комментирует его в примечании, которое в 1920 году было добавлено к этой работе (*Studienausgabe*, т. 5, с. 64–65).]

[2] [Ср. работу на эту тему (1913*i*), выше, с. 109 и далее.]

[3] [О шестом случае Фрейд здесь ничего не говорит.]

у анализирующего врача закрадывается подозрение, что проблема этим не исчерпывается, когда он вынужден признаться себе, что эти фантазии чаще всего остаются в стороне от остального содержания невроза и не занимают надлежащего места в его структуре; но обычно, как я это знаю по собственному опыту, на подобные впечатления предпочитают не обращать внимания.

III

Строго говоря — а почему бы к этому не отнестись с как можно большей строгостью? — лишь такие аналитические усилия могут быть признаны корректным психоанализом, которым удалось устранить амнезию, с самого начала укрывающую от взрослого человека знание о своей детской жизни (то есть примерно с двух до пяти лет). Среди аналитиков этого нельзя произносить слишком громко или повторять слишком часто. Мотивы, заставляющие не обращать внимания на этот призыв, совершенно понятны. Приемлемых результатов хочется достичь в более короткие сроки и с меньшими усилиями. Но в настоящее время для каждого из нас теоретическое знание по-прежнему несравненно важнее, чем терапевтический результат, и тот, кто пренебрегает анализом детства, неизбежно впадет в заблуждения, чреватые самыми тяжелыми последствиями. Недооценка влияния более поздних переживаний не обусловливается акцентом на важности самых ранних событий; но более поздние жизненные впечатления достаточно громко заявляют о себе во время анализа устами больного, а выступить за права детства должен в первую очередь врач.

Детский возраст между двумя и четырьмя или пятью годами — это период, в котором под влиянием переживаний впервые пробуждаются и связываются с определенными комплексами принесенные с собой либидинозные факторы. Обсуждаемые здесь фантазии о побоях впервые появляются к концу или по истечении этого времени. Таким образом, вполне может быть, что они имеют свою предысторию, проходят развитие и соответствуют конечному исходу, а не начальному проявлению.

Это предположение подтверждается анализом. Последовательное его применение показывает, что фантазии о побоях имеют совсем не простую историю развития, в ходе которой многое в них неоднократно меняется: их отношение к фантазирующему человеку, их объект, содержание и их значение.

Чтобы было проще проследить эти преобразования в фантазиях о побоях, я позволю себе ограничить свои описания лицами женского пола, которые и без того (четверо против двоих) составляют большинство моего материала. Кроме того, к фантазиям о побоях у мужчин присоединяется другая тема, которую я хочу обойти стороной в данном сообщении[1]. При этом я постараюсь схематизировать не больше, чем это необходимо для изображения обычного положения вещей. И даже если в ходе дальнейшего наблюдения выявится большее многообразие условий, я все же уверен, что сумел охватить типичный, а не какой-нибудь редкий случай.

Итак, первая фаза фантазий о побоях у девочек должна относиться к очень раннему детству. Кое-что в них удивительным образом остается неопределенным, как будто это не имеет значения. Скупая информация, полученная от пациентов при первом сообщении: «Ребенка бьют», — кажется оправданной для этой фантазии. Однако другую особенность можно установить со всей определенностью, причем всякий раз в одном и том же значении. Избивают не того, кто представляет это в фантазии, а всякий раз другого ребенка, чаще всего брата или сестру, если таковые имеются. Поскольку это может быть брат или сестра, также и здесь постоянной взаимосвязи между полом фантазирующего и избиваемого ребенка выявить не удается. Стало быть, фантазия, несомненно, не является мазохистской; ее можно было бы назвать садистской, однако нельзя оставлять без внимания то, что сам фантазирующий ребенок никогда не является тем, кто бьет. Что это за человек, который действительно бьет, вначале остается неясным. Можно лишь констатировать: это не другой ребенок, а некий взрослый. В дальнейшем в этом неопределенном взрослом человеке четко и однозначно распознают *отца* (девочки).

Таким образом, эта первая фаза фантазии о побоях полностью передается фразой: *«Отец бьет ребенка»*. Я выдам многое из содержания, которое будет раскрыто позднее, если скажу вместо этого: «Отец бьет *ненавистного мне* ребенка». Впрочем, можно усомниться, следует ли этой за этой стадией, предваряющей более позднюю фантазию о побоях, признать свойство «фантазии». Наверное, речь здесь скорее идет о воспоминаниях о подобных событиях, которые доводилось видеть, о желаниях, возникавших по различным поводам, но эти сомнения никакого значения не имеют.

---

[1] [Тем не менее Фрейд далее говорит о фантазиях о побоях у мужчин (с. 241 и с. 274 и далее). По всей видимости, когда Фрейд выше говорит о «другой теме», он имеет в виду их специфически женскую основу.]

Между этой первой и следующей фазой произошли большие изменения. Хотя человеком, который бьет, по-прежнему остается отец, избиваемым ребенком стал некто другой — как правило, сам фантазирующий ребенок; фантазия сопровождается явно выраженным ощущением удовольствия и наполнена важным содержанием, происхождением которого мы займемся позднее. Теперь ее точный текст следующий: *«Меня избивает отец»*. Она имеет несомненно мазохистский характер.

Эта вторая фаза — самая важная из всех, и она особенно чревата последствиями. Но в известном смысле о ней можно сказать, что реально она никогда не существовала. Ни в одном случае ее не вспоминают, она никогда не осознавалась. Она представляет собой конструкцию в анализе, но из-за этого ее необходимость не становится меньшей.

Третья фаза опять-таки похожа на первую. Ее точное словесное выражение известно из сообщения пациенток. Человеком, который наносит побои, никогда не бывает отец, он либо остается неопределенным, как в первой фазе, либо типичным образом катектируется заменой отца (учителем). Собственная персона фантазирующего ребенка в фантазии о побоях больше не появляется. На мои настойчивые расспросы пациенты говорят только одно: «Вероятно, я просто смотрю». Теперь вместо одного избиваемого ребенка в большинстве случаев имеется много детей. Чаще всего теми, кого (в фантазиях девочек) избивают, являются мальчики, но лично им не знакомые. Изначально простая и однообразная ситуация избиения может подвергнуться самым разнообразным изменениям и приукрашиваниям, а само избиение — заменяться наказаниями и унижениями иного рода. Однако главная особенность, отличающая даже самые простые фантазии этой фазы от фантазий первой и устанавливающая связь со средней фазой, заключается в следующем: фантазия теперь является носителем сильного, однозначно сексуального возбуждения и как таковая содействует онанистическому удовлетворению. Но именно это и представляет собой загадку: каким образом теперь уже садистская фантазия о том, что бьют посторонних и незнакомых мальчиков, отныне становится вотчиной либидинозных стремлений маленькой девочки?

Мы также не скрываем от себя, что взаимосвязь и последовательность трех фаз фантазии о побоях, равно как и все другие ее особенности, до сих пор оставались совершенно неясными.

IV

Если провести анализ через те ранние времена, к которым восходит фантазия о побоях и к которым относятся связанные с нею воспоминания, то ребенок предстает перед нами охваченный возбуждениями своего родительского комплекса.

Маленькая девочка нежно фиксирована на отце, который, вероятно, сделал все для того, чтобы завоевать ее любовь, и при этом породил установку ненависти и соперничества по отношению к матери, которая сохраняется наряду с потоком нежных чувств и которой может быть уготовано с годами все сильнее и все отчетливее осознаваться или дать толчок чрезмерной реактивной любовной привязанности к ней. Однако фантазия о побоях не связывается с отношением к матери. В детской есть и другие дети, совсем немногим старше или младше, которых не желают терпеть по самым разным причинам, но прежде всего потому, что с ними нужно делиться любовью родителей, и которых поэтому отталкивают от себя со всей необузданной энергией, присущей эмоциональной жизни этих лет. Если это младший братик или сестричка (как в трех из четырех моих случаев), то, помимо того, что его ненавидят, к нему еще и с презрением относятся, и все же приходится наблюдать, как он притягивает к себе ту долю нежности, которую всегда готовы проявить к малышу ослепленные родители. Вскоре ребенок понимает, что побои, даже если они не причиняют особой боли, означают отказ в любви и унижение. Так ребенок, который считал себя надежно восседавшим на троне в непоколебимой любви своих родителей, одним-единственным ударом ниспровергался с небес своего воображаемого всемогущества. Таким образом, представление о том, что отец бьет этого ненавистного ребенка, вызывает приятные чувства совершенно независимо от того, видели ли, что именно его бьют. Оно означает: «Отец не любит этого другого ребенка, *он любит только меня*».

Таково, стало быть, содержание и значение фантазии о побоях в ее первой фазе. Фантазия, несомненно, удовлетворяет ревность ребенка и зависит от его любовной жизни, но она также во многом поддерживается его эгоистическими интересами. Поэтому остается сомнительным, можно ли ее охарактеризовать как чисто «сексуальную»; мы не отважимся назвать ее и «садистской». Ведь известно, что ближе к истокам все признаки, на которых мы привыкли основывать свои различения, обычно становятся расплывчатыми. Стало быть, это похоже на предсказание Банко трех ведьм: она ни

явно сексуальная, ни даже садистская, но представляет собой материал, из которого позднее должно возникнуть то и другое[1]. Но у нас нет никаких оснований предполагать, что уже эта первая фаза фантазии служит возбуждению, которое научается создавать себе отвод в онанистическом акте при использовании гениталий.

В этом преждевременном выборе объекта инцестуозной любви сексуальная жизнь ребенка достигает ступени генитальной организации. В отношении мальчика доказать это легче, но и в случае девочки в этом не приходится сомневаться. Либидинозное стремление ребенка находится во власти чего-то сродни предчувствию более поздних окончательных и нормальных сексуальных целей; можно было бы удивиться, откуда оно берется, но мы вправе принять это как доказательство того, что гениталии уже начали играть свою роль в процессе возбуждения. У мальчика всегда присутствует желание иметь вместе с матерью ребенка, желание получить ребенка от отца является постоянным у девочки, причем при полной неспособности выяснить для себя то, каким путем можно прийти к исполнению этого желания. То, что гениталии имеют какое-то отношение к этому, по-видимому, для ребенка является несомненным, хотя в своих размышлениях он может искать суть предполагаемой между родителями интимности в отношениях иного рода, например, в том, что они вместе спят, в совместном мочеиспускании и тому подобном, и такое содержание легче осмыслить в словесных представлениях, чем то смутное и неясное, которое связано с гениталиями.

Но приходит время, когда эти ранние цветы гибнут от стужи; ни одна из этих инцестуозных влюбленностей не может избежать злой судьбы вытеснения. Они подвергаются ему либо при внешних доказуемых поводах, которые вызывают разочарование, при нежданных обидах, при нежеланном рождении нового брата или сестры, воспринимающемся как неверность, и т. д. либо без подобных поводов, изнутри, возможно, лишь из-за отсутствия слишком долго ожидавшегося осуществления. Очевидно, что эти поводы не являются действительными причинами и что этим любовным отношениям

---

[1] [«Макбет», акт I, 3-я сцена:
Lesser than Macbeth, and greater.
Not so happy, yet much happier.
Though shall get kings, though thou be none.

Ты ниже, чем Макбет, но выше.
Несчастливей ты, зато счастливей.
Ты не король, но королей родишь.
(Перевод Ю. Корнеева.)]

суждено когда-то погибнуть, но мы не можем сказать, отчего. Вероятнее всего, они исчезают, потому что проходит их время, потому что дети вступают в новую фазу развития, в которой они вынуждены повторить вытеснение инцестуозного выбора объекта из истории человечества, подобно тому, как до этого им пришлось такой выбор осуществить. (См. судьбу в мифе об Эдипе.) То, что присутствует бессознательно как психический результат инцестуозных любовных побуждений, уже не перенимается сознанием новой фазы, а то из них, что уже стало осознанным, снова отталкивается. Одновременно с этим процессом вытеснения появляется сознание вины; оно тоже неизвестного происхождения, но, вне всяких сомнений, присоединяется к тем инцестуозным желаниям и оправдывается их продолжающимся существованием в бессознательном[1].

Фантазия периода инцестуозной любви гласила: «Он (отец) любит только меня, а не другого ребенка, ведь он его бьет». Сознание вины не может найти более сурового наказания, чем инверсия этого триумфа: «Нет, он тебя не любит, ведь он тебя бьет». Таким образом, фантазия второй фазы, то есть фантазия о том, что отец избивает самого ребенка, становится непосредственным выражением сознания вины, основанием которого теперь служит любовь к отцу. Следовательно, она стала мазохистской; насколько я знаю, так всегда и бывает, всякий раз сознание вины является тем моментом, который превращает садизм в мазохизм. Но, разумеется, этим содержание мазохизма не исчерпывается. Одно сознание вины не может занять все поле; свою лепту должно внести и любовное побуждение. Вспомним о том, что речь идет о детях, у которых в силу конституциональных причин сумел выдвинуться — преждевременно и изолированно — садистский компонент. Нам нет нужды отказываться от этой точки зрения. Именно у этих детей возврат к догенитальной, анально-садистской организации сексуальной жизни особенно легок. Когда едва достигнутая генитальная организация затрагивается вытеснением, следствием этого является то, что любое психическое представительство инцестуозной любви становится или остается бессознательным, но к этому добавляется еще одно следствие: сама генитальная организация подвергается регрессивному понижению. «Отец любит меня» понималось в генитальном значении; в результате регрессии это превращается в: «Отец бьет меня (я избиваюсь отцом)». Это избиение представляет собой со-

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1924 году:]* См. продолжение в работе «Крушение эдипова комплекса» (1924*d*).

единение сознания вины и эротики; это *не только наказание за предосудительное генитальное отношение, но и регрессивная его замена*, и из этого последнего источника оно получает либидинозное возбуждение, которое отныне привязывается к нему и находит отвод в онанистических актах. В этом-то и состоит сущность мазохизма.

Фантазия второй фазы — о том, отец избивает самого ребенка, как правило, остается бессознательной, вероятно, вследствие интенсивности вытеснения. Я не могу сказать, почему все же в одном из моих шести случаев (у мужчины) она вспоминалась осознанно. У этого ныне взрослого мужчина сохранилось ясное воспоминание о том, как он представлял себе, что его избивает мать, и использовал это представление в онанистических целях; однако вскоре он стал заменять собственную мать матерями школьных товарищей или другими женщинами, в чем-то похожими на нее. Нельзя забывать, что при превращении инцестуозной фантазии мальчика в соответствующую мазохистскую происходит бóльшая инверсия, чем в случае девочки, а именно замена активности пассивностью, и это большее искажение может защитить фантазию от вытеснения в бессознательное. Таким образом, сознанию вины вместо вытеснения было бы достаточно и регрессии; в случаях женщин сознание вины, возможно, само по себе более требовательное, было бы смягчено только в результате взаимодействия того и другого.

У двух из четырех моих пациенток над мазохистской фантазией о побоях сформировалась искусная, очень важная для жизни этих женщин надстройка в виде дневных грез, которой выпала функция делать возможным чувство удовлетворенного возбуждения также и при отказе от онанистического акта. В одном из этих случаев содержание (быть избиваемой отцом) сумело отважиться снова проникнуть в сознание, когда собственное «я» стало неузнаваемым благодаря небольшой маскировке. Герой этих историй регулярно избивался отцом, а в дальнейшем его только наказывали, унижали и т. д.

Но я повторю: как правило, фантазия остается бессознательной и может быть реконструирована только в анализе. Это, возможно, позволяет признать правоту пациенток, которые вспоминают, что онанизм появился у них раньше, чем фантазия о побоях третьей фазы, которую мы сейчас и обсудим; последняя добавилась только позднее, возможно, под впечатлением от школьных сцен. Всякий раз, когда мы верили этим сведениям, мы были склонны предположить, что вначале онанизм находился во власти бессознательных фантазий, которые позднее заменились сознательными.

В качестве такой замены мы рассматриваем тогда известную фантазию о побоях третьей фазы, окончательную ее форму, когда фантазирующий ребенок выступает самое большее зрителем, а отец предстает в облике учителя или иного начальника. Фантазия, похожая теперь на фантазию первой фазы, казалось бы, снова обратилась в садистскую. Создается впечатление, что во фразе «Отец бьет другого ребенка, он любит только меня» акцент смещается на первую часть, после того как вторая подверглась вытеснению. Но эта фантазия является садистской только по форме, удовлетворение же, которое из нее получают, носит мазохистский характер; ее значение заключается в том, что она перенесла на себя либидинозный катексис вытесненной части, а вместе с ним также и сознание вины, присоединившееся к содержанию. Все многочисленные неопределенные дети, которых избивает учитель, все же являются лишь заменами собственной персоны.

Здесь также впервые проявляется нечто вроде константности пола у лиц, которые служат фантазии. Избиваемыми детьми в фантазиях как мальчиков, так девочек почти всегда являются мальчики. Эта особенность, естественно, не объясняется возможным соперничеством полов, ибо тогда в фантазиях мальчиков скорее должны были бы избивать девочек; она также не имеет никакого отношения к полу ненавистного ребенка первой фазы, а указывает на один осложняющий процесс у девочек. Отказываясь от инцестуозной любви к отцу, понимаемой генитально, они очень легко порывают со своей женской ролью, оживляют свой «комплекс мужественности» (ван Офюйзен [1917]) и отныне хотят быть только мальчиками. Поэтому также и мальчики для битья, которые их представляют, — это мальчишки. В обоих случаях дневных грез — один из них поднялся чуть ли не до уровня поэзии — героями всегда были только молодые мужчины; более того, в этих творениях женщины вообще не присутствовали и лишь по прошествии многих лет были допущены на второстепенные роли.

V

Надеюсь, что я достаточно подробно представил результаты своих аналитических исследований, и прошу еще только учесть, что не раз упоминавшимися шестью случаями мой материал не исчерпывается; как и другие аналитики, я располагаю гораздо большим числом менее хорошо изученных случаев. Эти наблюдения могут быть использованы в нескольких направлениях: для объяснения

происхождения перверсий в целом и мазохизма в частности и для оценки роли, которую в динамике невроза играют половые различия.

Наиболее бросающийся в глаза результат такого обсуждения касается происхождения перверсий. Хотя в точке зрения, которая выдвигает на передний план конституциональное усиление или преждевременное развитие некоего сексуального компонента ничего не меняется, этим еще не все сказано. Перверсия уже не стоит изолированно в сексуальной жизни ребенка, а включается во взаимосвязь известных нам типичных — если не сказать нормальных — процессов развития. Она связывается с инцестуозной объектной любовью ребенка, с его эдиповым комплексом, сначала выступает вперед на почве этого комплекса, а после того как тот рушится, зачастую представляет собой единственное, что от него остается, становится наследницей его либидинозного заряда и обременяет человека связанным с ним чувством вины. В конечном счете аномальная сексуальная конституция проявила свою силу в том, что потеснила эдипов комплекс в особом направлении и заставила его сохранить после себя необычное остаточное явление.

Как известно, детская перверсия может стать фундаментом для образования такой же по смыслу, сохраняющейся всю жизнь перверсии, которая истощает всю сексуальную жизнь человека, или она может прекратиться и сохраняться на заднем плане нормального сексуального развития, которое она в таком случае все же всегда лишает известной суммы энергии. Первый случай был уже известен в доаналитические времена, но пропасть между ними почти целиком заполняется благодаря аналитическому исследованию таких сформированных перверсий. Дело в том, что у этих извращенных людей довольно часто мы обнаруживаем, что и они, обычно в пубертатный период, предпринимали попытку начать нормальную сексуальную жизнь. Но она была недостаточно энергичной, и человек отказывался от нее, столкнувшись с первыми же препятствиями, в которых никогда нет недостатка, и после этого окончательно возвращался к инфантильной фиксации.

Разумеется, было бы важно узнать, можно ли утверждать, что инфантильные перверсии в общем и целом возникают из эдипова комплекса. Этого нельзя решить без дальнейших исследований, но и невозможным такое не кажется. Если вспомнить анамнезы, которые были получены из перверсий взрослых, то мы все же заметим, что решающее впечатление, «первое переживание» у всех этих извращенных людей, фетишистов и т. п. почти никогда не относится

ко времени раньше шестого года. Однако в этот период эдипов комплекс уже перестал господствовать; вполне возможно, что всплывшее в памяти переживание, действующее столь загадочным образом, представляло собой его наследие. Отношения между ним и ныне вытесненным комплексом оставались неясными, пока анализ не пролил свет на период, предшествующий первому «патогенному» впечатлению. Рассудите теперь, сколь мало ценности имеет, к примеру, утверждение о врожденной гомосексуальности, опирающееся на сообщение о том, что пациент уже с восьми или шести лет испытывал симпатию лишь к лицам того же пола.

Но если выведение перверсий из эдипова комплекса в целом осуществимо, то тогда наша оценка их получает новое подтверждение. Ведь мы полагаем, что эдипов комплекс представляет собой истинное ядро неврозов[1], инфантильная сексуальность, которая достигает в нем своей высшей точки, является фактическим условием невроза, а то, что остается от него в бессознательном, представляет собой предрасположение к последующему невротическому заболеванию взрослого человека. В таком случае фантазия о побоях и прочие извращенные фиксации были бы лишь осадками эдипова комплекса, своего рода рубцами, которые остались после завершившегося процесса, подобно тому, как такому нарциссическому рубцу соответствует пресловутая «неполноценность». В этом отношении я должен полностью согласиться с точкой зрения Марциновски, который недавно представил ее удачным образом («Эротические источники чувства неполноценности», 1918). Как известно, эта мания самоуничижения невротиков является лишь парциальной и полностью уживается с переоценкой себя, имеющей другие источники. О происхождении самого эдипова комплекса и о выпавшей человеку (вероятно, единственному среди всех животных) судьбе дважды начинать сексуальную жизнь (сначала, как и все другие создания, в раннем детстве, а затем снова, после долгого перерыва, в пубертатный период), обо всем том, что связано с его «архаическим наследием», я уже говорил в другом месте и не собираюсь здесь на этом детально останавливаться[2].

В понимание происхождения мазохизма обсуждение наших фантазий о побоях вносит лишь скудный вклад. Прежде всего, по-видимому, подтверждается, что мазохизм не является выражением

---

[1] [См. ниже, с. 254.]

[2] [Незадолго до этого Фрейд подробно обсуждал эти вопросы в своих «Лекциях по введению в психоанализ» (1916–1917), особенно в 21-й и в 23-й лекциях.]

первичного влечения, а возникает вследствие обращения садизма против собственной персоны, то есть в результате регрессии от объекта к Я (Ср. «Влечения и их судьбы» [1915*e*])[1]. Наличие влечений с пассивной целью, особенно у женщины, следует признать с самого начала, но пассивностью мазохизм не исчерпывается; к нему относится еще и характер неудовольствия, который столь необычен при удовлетворении влечения. Превращение садизма в мазохизм, по-видимому, происходит под влиянием сознания вины, участвующего в акте вытеснения. Таким образом, вытеснение выражается здесь в троякого рода воздействиях; оно делает бессознательными результаты генитальной организации, вынуждает саму ее к регрессии на более раннюю анально-садистскую ступень и превращает ее садизм в пассивный, в известном смысле опять-таки нарциссический, мазохизм. Второй из этих трех результатов становится возможным из-за предполагаемой в этих случаях слабости генитальной организации; третий оказывается неизбежным из-за того, что сознание вины проявляет в отношении садизма такое же неодобрение, как и в отношении генитально понимаемого инцестуозного выбора объекта. Откуда берется само сознание вины, проведенные нами анализы опять-таки ничего не говорят. По-видимому, его приносит с собой новая фаза, в которую вступает ребенок, и если с тех пор оно остается, то соответствует такому же рубцеванию, каким является чувство неполноценности. Согласно нашей до сих пор еще не совсем четкой ориентировке в структуре Я, мы отнесли бы его к той инстанции, которая в качестве критически настроенной совести противостоит остальному Я, порождает в сновидении функциональный феномен Зильберера и отделяется от Я при бреде наблюдения[2]. [Ср. Silberer (1910).]

Попутно мы хотим также заметить, что анализ рассматриваемой здесь детской перверсии помогает также решить одну давнюю загадку, которая, правда, всегда больше мучила тех, кто находится вне анализа, а не самих аналитиков. Но еще недавно сам Э. Блейлер [1913] признал необычным и необъяснимым фактом, что онанизм становится для невротиков средоточием их сознания вины. Мы с давних пор предполагали, что это сознание вины подразумевает онанизм в раннем детстве, а не в пубертате и что большей частью его

---

[1] [В работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*, *Studienausgabe*, т. 3, с. 263) Фрейд высказывает предположение, что, возможно, все же имеется первичный мазохизм.]

[2] [См. раздел III работы Фрейда, посвященной нарцизму (1914*c*; т. 3, с. 62–68). Эта инстанция впоследствии описывается как Сверх-Я.]

следует соотносить не с онанистическим актом, а с лежащей в его основе, хотя и бессознательной, фантазией, происходящей, стало быть, из эдипова комплекса[1].

Я уже отмечал [с. 241–242], какое значение приобретает третья, внешне садистская фаза фантазии о побоях в качестве носителя возбуждения, побуждающего к онанизму, и к какой деятельности фантазии, отчасти продолжающей ее в том же направлении, отчасти компенсаторно ее устраняющей, она обычно подталкивает. И все же вторая, бессознательная и мазохистская, фаза, фантазия об избиении отцом самого ребенка, несравненно важнее. Не только потому, что она продолжает действовать через посредство фантазии, ее замещающей; можно также доказать воздействия на характер, которые непосредственно выводятся из ее бессознательной формулировки. У людей, вынашивающих такую фантазию, развивается особая чувствительность и возбудимость в отношении лиц, которых они могут включить в свой отцовский ряд; они легко на них обижаются и, к своему огорчению и во вред себе, таким образом осуществляют воображаемую ситуацию, в которой их избивает отец. Я бы не удивился, если бы когда-нибудь удалось доказать, что эта же фантазия лежит в основе паранойяльной мании сутяжничества.

VI

Описание инфантильных фантазий о побоях оказалось бы совершенно запутанным, если бы за некоторыми исключениями я не ограничил его ситуацией у лиц женского пола. Я вкратце повторю результаты. Фантазия о побоях у маленькой девочки проходит три фазы, из которых первая и последняя вспоминаются сознательно, а средняя остается бессознательной. Обе сознательные стадии, по-видимому, являются садистскими, средняя же, бессознательная, несомненно, носит мазохистский характер; ее содержание — отец избивает девочку, она имеет либидинозный заряд и с нею связано чувство вины. В первых двух фантазиях ребенок, которого бьют, — всегда кто-то другой, в средней фазе — только собственная персона; в третьей, сознательной, фазе избиваемые дети — в подавляющем большинстве мальчики. Тот, кто бьет, — в самом начале отец, по-

[1] [См., например, обсуждение в истории болезни «Крысина» (1909*d*, выше, с. 69 и далее.]

зднее — заместитель из отцовского ряда. Бессознательная фантазия средней фазы первоначально имела генитальное значение, она произошла из инцестуозного желания быть любимым отцом, подвергшегося вытеснению и регрессии. К этой внешне зыбкой взаимосвязи добавляется то, что между второй и третьей фазами девочки меняют свой пол, представляя себя в фантазии мальчиками.

В познании фантазий о побоях у мальчиков я продвинулся не так далеко, возможно, только из-за неблагосклонности материала. Разумеется, я ожидал обнаружить полную аналогию между ситуациями у мальчиков и у девочек, причем место отца в фантазии должна была бы занять мать. Похоже, что это ожидание подтвердилось, ибо содержанием соответствующей фантазии у мальчика является то, что его бьет мать (позднее — замещающий ее человек). Однако эта фантазия, в которой объектом оставалась собственная персона, отличалась от второй фазы у девочек тем, что она могла осознаваться. Но если бы нам поэтому захотелось скорее ее приравнять к третьей фазе у девочек, то осталось бы новое отличие: собственная персона мальчика не заменялась многими, неопределенными, чужими детьми и меньше всего — многочисленными девочками. Таким образом, ожидание полного соответствия оказалось несбывшимся.

Мой материал, относящийся к лицам мужского пола, охватывал лишь несколько случаев инфантильной фантазии о побоях без каких-либо грубых нарушений сексуальной деятельности, и наоборот, большое число мужчин, которых следовало бы охарактеризовать как настоящих мазохистов в смысле сексуальной перверсии. Это были те, кто либо получал сексуальное удовлетворение исключительно с помощью онанизма, сопровождавшегося мазохистскими фантазиями, либо те, кому удалось соединить мазохизм и генитальную деятельность таким образом, что при мазохистских действиях и при таких же условиях они достигали эрекции и эякуляции или оказывались способными к совершению нормального коитуса. К этому добавился более редкий случай, когда извращенная деятельность мазохиста расстраивалась нестерпимо сильными навязчивыми представлениями. Удовлетворенные извращенные люди редко имеют причину обращаться к анализу; однако в трех указанных группах мазохистов могут выявиться веские основания, которые приводят их к аналитику. Мазохистский онанист обнаруживает свое полное половое бессилие, когда в конце концов все же пытается совершить коитус с женщиной, а тот, кто до сих пор совершал коитус с помощью мазохистских представлений или действий, может сделать неожиданное открытие, что это удобное для него со-

четание терпит фиаско, поскольку гениталии больше не реагируют на мазохистский стимул. Мы привыкли обнадеживающе обещать выздоровление психическим импотентам, которые проходят у нас лечение, но и в этом прогнозе мы должны быть более сдержанными до тех пор, пока нам не известна динамика нарушения. Становится неприятным сюрпризом, когда в качестве причины «чисто психической» импотенции анализ разоблачает несомненную, возможно, давно укоренившуюся мазохистскую установку.

У этих мазохистов-мужчин выявляется одно обстоятельство, которое заставляет нас пока не прослеживать далее аналогию с условиями у женщины, а рассмотреть положение вещей самостоятельно. Оказывается, что в мазохистских фантазиях, а также в инсценировках, предназначенных для их реализации, они регулярно помещают себя в роль женщин и что их мазохизм, стало быть, совпадает с *женской* установкой, что легко доказать частными подробностями фантазий. Однако многие пациенты знают об этом и выражают это как достоверную субъективную данность. В таком положении дел ничего не меняется, когда игровое оформление мазохистских сцен предполагает фиктивное изображение невоспитанного мальчишки, пажа или ученика, который должен быть наказан. Однако как в фантазиях, так и в инсценировках лица, осуществляющие наказание, — всякий раз женщины. Это выглядит довольно запутанным; хотелось бы также знать, не основывается ли уже мазохизм *инфантильной* фантазии о побоях на такой женственной установке[1].

Оставим поэтому в стороне труднообъяснимые условия мазохизма взрослых и обратимся к инфантильным фантазиям о побоях у лиц мужского пола. Здесь анализ самого раннего периода детства опять-таки позволяет нам сделать одно поразительное открытие: сознательная или способная осознаваться фантазия, содержанием которой является избиение матерью, не первична. Она имеет предварительную стадию, которая обычно является бессознательной, а ее содержание таково: *«Меня избивает отец»*. Стало быть, эта предварительная стадия действительно соответствует второй фазе фантазии девочки. Известная и сознательная фантазия: «Меня избивает мать» — занимает место третьей фазы у девочки, в которой, как уже отмечалось, избиваемыми объектами являются неизвестные мальчики. Я не смог обнаружить у мальчика предварительную стадию

[1] *[Дополнение, сделанное в 1924 году:]* Этот вопрос далее рассматривается в работе «Экономическая проблема мазохизма» (1924c).

садистского характера, сопоставимую с первой фазой у девочки, но я не хочу высказывать здесь окончательного отрицательного суждения, ибо усматриваю возможность существования более сложных типов.

Быть избиваемым в мужской фантазии, как я ее кратко и, надеюсь, не допуская ложного толкования, назову, означает также желание быть любимым в генитальном смысле, низведенное в результате регрессии на другой уровень. Стало быть, бессознательная мужская фантазия первоначально гласила не: «Меня избивает отец», — как мы это прежде предварительно изобразили, а наоборот: *«Меня любит отец»*. Благодаря известному процессу она была преобразована в сознательную фантазию: *«Меня избивает мать»*. Следовательно, фантазия о побоях мальчика с самого начала пассивна, она действительно происходит от женственной установки по отношению к отцу. Она, как и женская фантазия (фантазия девочки), тоже соответствует эдипову комплексу, разве что от ожидавшегося нами подобия между ними следует отказаться ради сходства иного рода: *в обоих случаях фантазия о побоях выводится из инцестуозной привязанности к отцу*[1].

Для большей наглядности я добавлю здесь другие черты сходства и различия между фантазиями о побоях у обоих полов. У девочки бессознательная мазохистская фантазия происходит от нормальной эдиповой установки, у мальчика — от перевернутой, в которой объектом любви оказывается отец. У девочки фантазия имеет предварительную ступень (первую фазу), на которой побои предстают в своем индифферентном значении и касаются возбуждающего ревность ненавистного человека; того и другого у мальчика нет, но именно это различие можно было бы устранить благодаря более удачному наблюдению. При переходе к замещающей сознательной фантазии [третьей фазы] девочка придерживается персоны отца и, стало быть, пола избивающего человека; но она меняет персону и пол того, кого бьют, так что в конце получается, что мужчина бьет детей мужского пола; мальчик, напротив, меняет персону и пол того, кто бьет, заменяя отца матерью, и оставляет собственную персону, так что в конце тот, кто бьет, и тот, кого бьют, оказываются разного пола. У девочек изначально мазохистская (пассивная) ситуация вследствие вытеснения превратилась в садистскую, сексуальный характер которой очень сглажен, у мальчика она остается мазохист-

---

[1] [Фантазия о побоях играет также определенную роль в анализе «Волкова» (1918*b*). (Ср. *Studienausgabe*, т. 8, с. 145 и 165.)]

ской и вследствие полового различия между тем, кто бьет, и тем, кого бьют, сохраняет больше сходства с первоначальной, генитально истолковываемой фантазией. Благодаря вытеснению и переработке бессознательной фантазии мальчик избегает гомосексуальности; необычным в его более поздней сознательной фантазии является то, что она имеет своим содержанием женскую установку без гомосексуального выбора объекта. Девочка, напротив, благодаря такому же процессу избегает притязания на любовную жизнь вообще, воображает себя мужчиной, не становясь при этом по-мужски активной, и присутствует при акте, которым заменяется сексуальный, уже только как зритель.

Мы вправе предположить, что в результате вытеснения первоначальной бессознательной фантазии меняется не слишком многое. Все то, что для сознания оказывается вытесненным и замещенным, сохраняется и остается действенным в бессознательном. Иначе обстоит дело с эффектом регрессии на более раннюю ступень сексуальной организации. Про нее мы вправе сказать, что она изменяет также и отношения в бессознательном, и поэтому после вытеснения в бессознательном у обоих полов продолжает существовать пусть и не (пассивная) фантазия о любви отца, но все же мазохистская фантазия о его побоях. Имеются также и признаки того, что вытеснение достигает своего намерения далеко не полностью. Мальчик, который хотел избежать гомосексуального выбора объекта и не поменял свой пол, в своих сознательных фантазиях все же чувствует себя женщиной и наделяет бьющих женщин мужскими атрибутами и свойствами. Девочка, которая сама отказалась от своего пола и в целом произвела более основательную работу по вытеснению, тем не менее не оставляет отца, не допускает, чтобы ее саму избивали, и поскольку она сама стала мальчиком, делает так, чтобы в основном били мальчиков.

Я знаю, что описанные здесь различия в поведении фантазии о побоях у обоих полов объяснены недостаточно, но откажусь от попытки распутать эти сложности, проследив их зависимость от других моментов, поскольку сам материал наблюдения не считаю исчерпывающим. Но тот материал, что имеется, я хотел бы использовать для проверки двух теорий, которые, противостоя друг другу, трактуют связь вытеснения с половым характером и, каждая по-своему, изображают ее как очень тесную. Заранее скажу, что обе теории я всегда считал ошибочными и вводящими в заблуждение.

Первая из этих теория анонимна; много лет назад она была изложена мне одним коллегой, с которым я в то время дружил[1]. Ее необычайная простота действует столь подкупающе, что приходится лишь с удивлением вопрошать, почему в настоящее время в литературе имеются лишь отдельные на нее ссылки. Она опирается на бисексуальную конституцию человеческих индивидов и утверждает, что у каждого из них мотивом вытеснения является борьба между половыми характерами. Пол, выраженный сильнее, преобладающий у человека, вытеснил в бессознательное душевное представительство побежденного пола. Стало быть, ядром бессознательного, вытесненным, у каждого человека являются присутствующие у него качества противоположного пола. Это может иметь конкретный смысл только в том случае, если считать, что пол человека определяется развитием его гениталий, ибо иначе будет неясно, какой пол человека более сильный, и мы подвергаемся риску само то, что должно служить нам отправной точкой исследования, вновь выводить из его результатов. Говоря вкратце, у мужчины бессознательное вытесненное можно свести к женским импульсам влечения; у женщины дело обстоит с точностью до наоборот.

Вторая теория по своему происхождению более новая[2]; она согласуется с первой в том, что в качестве решающего фактора вытеснения опять-таки изображает борьбу между двумя полами. Во остальном она, должно быть, противоположна первой; она и опирается не на биологические, а на социологические аргументы. Эта сформулированная А. Адлером [1910] теория «мужского протеста» имеет содержанием то, что каждый индивид не желает оставаться на неполноценной «женской линии» [развития] и старается оказаться на единственно удовлетворительной мужской линии. Этим мужским протестом Адлер в общем и целом объясняет формирование характера и неврозов. К сожалению, оба этих процесса, которые все же, разумеется, должны быть разведены, разделяются Адлером настолько нестрого, а самому факту вытеснения уделяется так мало внимания, что, попытавшись применить учение о мужском протесте к вытеснению, мы рискуем запутаться. Я думаю, что эта попытка привела бы к тому, что мужской протест, желание отойти от женской линии, во всех случаях оказался бы мотивом вытеснения. Та-

---

[1] [Речь идет о Вильгельме Флиссе.]

[2] [Разработанная Адлером теория вытеснения вкратце обсуждается в истории болезни «Волкова» (*Studienausgabe*, т. 8, с. 221–222). См. также ссылку на «мужской протест» в анализе Шребера, выше, с. 168 и прим., а также обсуждение в работе «Невроз дьявола в семнадцатом веке», ниже, с. 306–307.]

ким образом, вытесняющее всегда было бы мужским импульсом влечения, а вытесненное — женским. Но тогда и симптом был бы результатом женского импульса, ибо, на наш взгляд, главное свойство симптома заключается в том, что он представляет собой замену вытесненного, сумевшую себя утвердить вопреки вытеснению.

Проверим теперь обе теории, общим моментом которых является, так сказать, сексуализация процесса вытеснения, на примере исследованной нами здесь фантазии о побоях. Первоначальная фантазия: «Меня избивает отец» — у мальчика соответствует женской установке, является, стало быть, выражением его противоположных в половом отношении задатков. Если она подвергается вытеснению, то тогда первая теория, выставившая правилом, что противоположное в половом отношении совпадает с вытесненным, оказывается, по-видимому, верной. Однако с нашими ожиданиями мало согласуется то, что сознательная фантазия, выявляющаяся после происшедшего вытеснения, опять-таки обнаруживает женственную установку, только на этот в отношении матери. Но мы не хотим предаваться сомнению там, где так близко маячит решение. Первоначальная фантазия девочки: «Меня бьет (то есть любит) отец» — все-таки как женская установка, несомненно, соответствует преобладающему у нее явному полу; стало быть, согласно теории, она должна была избежать вытеснения, ей не требовалось стать бессознательной. На самом деле это не так, и она заменяется сознательной фантазией, отрицающей явные половые особенности. Таким образом, эта теория оказывается непригодной для понимания фантазий о побоях и ими опровергается. Можно было бы возразить, что эти фантазии о побоях возникают именно у женственных мальчиков и мужеподобных девочек и что именно им уготована эта судьба, или что ответственность за возникновение пассивной фантазии у мальчика и за вытеснение таковой у девочки следует возложить на черты женственности у мальчика и мужественности у девочки. Вероятно, мы согласились бы с этим мнением, однако утверждаемая связь между явным половым характером и отбором того, что предназначено для вытеснения, оказалась бы из-за этого не менее голословной. В сущности, мы видим лишь то, что у индивидов мужского и женского пола имеются как мужские, так и женские импульсы влечения, которые в равной степени могут стать бессознательными вследствие вытеснения.

Намного лучше в отношении фантазий о побоях, похоже, выдерживает проверку теория мужского протеста. У мальчика, как и у девочки, фантазия о побоях соответствует женской установке.

то есть пребыванию на женской линии, и оба пола торопятся с помощью вытеснения этой фантазии избавиться от такой установки. Но, по-видимому, мужской протест достигает полного успеха только у девочки; здесь получается прямо-таки идеальный пример действия мужского протеста. У мальчика результат не совсем удовлетворителен, мальчик не покидает женскую линию, в своей сознательной мазохистской фантазии он, несомненно, не находится «наверху». Стало быть, если в этой фантазии мы обнаружим симптом, возникший из-за неудавшегося мужского протеста, то это будет соответствовать теоретическим ожиданиям. Правда, нам мешает то обстоятельство, что фантазия девочки, произошедшая из вытеснения, также имеет значение и смысл симптома. Здесь, где мужской протест полностью осуществил свои намерения, условие для симптомообразования должно было бы исчезнуть.

Прежде чем, имея в виду эту трудность, предположить, что весь подход к проблемам неврозов и перверсий с позиции мужского протеста непригоден и неплодотворен при его применении к ним, мы перенесем свой взгляд с пассивных фантазий о побоях на другие проявления влечений в детской сексуальной жизни, которые точно так же подлежат вытеснению. Ведь никто не может усомниться в том, что имеются также желания и фантазии, которые с самого начала придерживаются мужской линии и являются выражением мужских побуждений, например, садистские импульсы или проистекающее из нормального эдипова комплекса влечение мальчика к своей матери. Точно так же не вызывает сомнений и то, что они тоже подвергнутся вытеснению; если мужской протест хорошо объясняет вытеснение пассивных, а в дальнейшем и мазохистских фантазий, то именно поэтому он полностью непригоден для объяснения противоположного случая активных фантазий. Это означает: учение о мужском протесте вообще несовместимо с фактом вытеснения. Лишь тот, кто готов отбросить все психологические завоевания, которые были достигнуты начиная с первого катартического лечения, проведенного Брейером[1], и благодаря ему, может ожидать, что принцип мужского протеста будет иметь значение при объяснении неврозов и перверсий.

Психоаналитическая теория, опирающаяся на наблюдение, твердо придерживается того, что мотивы вытеснения не могут сексуализироваться. Ядро душевного бессознательного образует арха-

---

[1] [Имеется в виду случай «Анны О.», который был опубликован в «Этюдах об истерии» (Breuer, Freud, 1895).]

ическое наследие человека, и процессу вытеснения достается лишь то, что всякий раз должно быть отвергнуто при движении к более поздним фазам развития как непригодное, как несовместимое с новым и вредное для него. В одной группе влечений этот отбор удается лучше, чем в другой. Последние, сексуальные, влечения в силу особых обстоятельств, которые уже не раз были показаны[1], способны расстроить замысел вытеснения и добиться того, чтобы их представляли замещающие образования, приводящие к нарушениям. Поэтому подлежащая вытеснению инфантильная сексуальность является главной движущей силой симптомообразования, а существенная часть ее содержания, эдипов комплекс, представляет собой ядерный комплекс невроза[2]. Я надеюсь, что в данном сообщении пробудил ожидание того, что также и сексуальные отклонения детского, равно как и зрелого возраста ответвляются от этого комплекса[3].

---

[1] [Ср., например, работу Фрейда «Положения о двух принципах психического события» (1911*l*).]

[2] [Ср. последнюю часть длинного примечания к описанию случая «Крысина», выше, с. 74, и там же комментарий редактора.]

[3] [Некоторые дальнейшие замечания по поводу первой фазы фантазии о побоях содержатся в более поздней работе Фрейда, посвященной анатомическому половому различию (1925*j*, *Studienausgabe*, т. 5, с. 262–263).]

О психогенезе одного случая женской гомосексуальности
(1920)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:
1920 *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, т. 6 (1), 1–24.
1922 *S. K. S. N.*, т. 5, 159–194.
1924 *G. S.*, т. 5, 312–343.
1926 *Psychoanalyse der Neurosen*, 87–124.
1931 *Sexualtheorie und Traumlehre*, 155–188.
1947 *G. W.*, т. 12, 271–302.

Как мы узнаем от Эрнеста Джонса (1962*h*, т. 2, с. 331), данная работа была завершена в январе 1920 года и опубликована в марте. После перерыва, продлившегося почти 20 лет, Фрейд представляет здесь очень детальную, хотя и не законченную историю болезни одной пациентки. Но если в анализе «Доры» (1905*e* [1901]), равно как и в «Этюдах об истерии» (1895*d*), речь шла исключительно об истерии, то теперь Фрейд начал более детально исследовать проблему женской сексуальности в целом. В конечном счете результатом его исследований стали работы о последствиях анатомического различия полов (1925*j*), о женской сексуальности (1931*b*) и 23-я лекция его «Нового цикла» (1933*a*). Кроме того, данная работа содержит формулировки нескольких более поздних представлений Фрейда о гомосексуальности в целом, а также ряд интересных замечаний, касающихся технических вопросов.

Женский гомосексуализм, несомненно, встречающийся не менее часто чем мужской, однако поднимающий гораздо меньше шума, чем тот, проигнорирован не только уголовным законом, но и остался в стороне от психоаналитического исследования. Поэтому сообщение об отдельном, не слишком ярком случае, в котором стало возможным почти без пропусков и с полной уверенностью установить психическую историю его возникновения, вправе в известной мере претендовать на внимание. Если события и выводы, полученные из этого случая, излагаются в самых общих чертах, а все характерные подробности, на которых зиждется толкование, утаиваются, то это ограничение легко объясняется врачебным тактом, требуемым свежим случаем.

Восемнадцатилетняя красивая и умная девушка из семьи с высоким социальным положением вызвала недовольство и озабоченность своих родителей нежностью, с которой она преследует примерно на десять лет старшую даму «из светского общества». Родители утверждают, что эта дама, несмотря на свое знатное имя, самая настоящая кокотка. О ней известно, что она живет у замужней подруги, с которой поддерживает интимные отношения, и в то же время находится в свободной любовной связи со многими мужчинами. Девушка не оспаривает эти пересуды, но это не мешает ей с почтением относиться к даме, хотя она отнюдь не лишена понимания смысла чистого и приличного. Никакие запреты и никакой контроль не удерживают ее от того, чтобы воспользоваться любой редкой возможностью побыть наедине с возлюбленной, разузнать о всех ее жизненных привычках, часами поджидать ее возле ворот ее дома или на трамвайных остановках, посылать ей цветы и т. п. Очевидно, что этот интерес поглотил все остальные интересы девушки. Она не беспокоится о своем дальнейшем образовании, не придает никакого значения отношениям в светском обществе и девичьим развлечениям и продолжает общаться только с несколькими подругами, которые могут служить ей доверенными или помощницами. Как далеко зашли отношения между ее дочерью и той сомнительной

дамой, перешли ли они за рамки нежного увлечения, — родители не знают. Они никогда не замечали у девушки интереса к молодым людям и удовольствия от их ухаживаний; более того, они отдают себе отчет в том, что эта нынешняя симпатия к женщине лишь в более резкой форме продолжает то, что последние годы проявлялось по отношению к другим лицам женского пола и что вызвало подозрения, а также строгость отца.

Два особенности ее поведения девушки, внешне противоречащие друг другу, больше всего обижали родителей. То, что она, ничуть не смущаясь, публично показывалась на оживленных улицах с сомнительной возлюбленной, то есть нисколько не считалась со своей собственной репутаций, и что она не гнушалась никаким обманом, никакими предлогами и никакой ложью, чтобы делать возможными и скрывать встречи с нею. То есть слишком большая откровенность в одном случае и полнейшее притворство — в другом. Однажды случилось то, что и должно было произойти при таких обстоятельствах: отец встретил на улице свою дочь в сопровождении той ставшей ему известной дамы. С гневным взглядом, который не предвещал ничего хорошего, он прошел мимо них. Сразу после этого девушка кинулась бежать со всех ног и бросилась со стены в канаву возле проходившей рядом городской железной дороги. За эту, несомненно, всерьез замышленную попытку самоубийства она заплатила тем, что долгое время пролежала в больничной постели, но, к счастью, она отделалась незначительными повреждениями. После своего выздоровления она обнаружила, что для ее желаний ситуация стала более благоприятной, чем раньше. Родители больше не решались противиться ей столь же решительно, а дама, которая до тех пор вела себя в ответ на ее ухаживания чопорно и неприступно, была тронута таким недвусмысленным доказательством серьезной страсти и начала обходиться с нею любезней.

Примерно через полгода после этого несчастного случая родители обратились к врачу, поставив перед ним задачу вернуть свою дочь к норме. Попытка самоубийства девушки им показала, что принудительные средства домашней дисциплины не способны справиться с имеющимся расстройством. Однако имеет смысл рассмотреть здесь позицию отца и позицию матери по отдельности. Отец был серьезным, респектабельным человеком, в сущности очень нежным, но из-за своей строгости несколько отдаленным от детей. В своем поведении по отношению к единственной дочери он действовал прежде всего с оглядкой на свою жену, ее мать. Впервые узнав о гомосексуальных наклонностях дочери, он вскипел яростью и

хотел подавить их угрозами; в то время он колебался между разными, но одинаково неприятными альтернативами: считать ее развратным, дегенерировавшим или душевнобольным существом. Также и после несчастного случая он не достиг пика того высокомерного пессимизма, который один из наших коллег-врачей в чем-то похожей ситуации в его семье выразил фразой: «Это такая же беда, как и любая другая!» В гомосексуальности его дочери было нечто, что вызвало у него самую горькую обиду. Он был решительно настроен справиться с нею всеми возможными средствами; столь повсеместно распространенное в Вене пренебрежительное отношение к психоанализу не удержало его от того, чтобы обратиться к нему за помощью. Если бы психоанализ потерпел неудачу, то в запасе у него имелось еще одно мощнейшее противоядие: скорое вступление в брак должно было пробудить у девушки природные инстинкты и заглушить ее неестественные наклонности.

Понять установку матери девушки было не так-то легко. Она была еще молодой женщиной, которая, очевидно, не хотела отказываться от притязаний нравиться другим своей красотой. Было ясно лишь то, что увлечение своей дочери она не воспринимала так трагически и отнюдь не возмущалась из-за этого так сильно, как отец. Долгое время она даже пользовалась доверием девушки в связи с ее влюбленностью в эту даму; казалось, что она выступала против нее, по существу, из-за открытости, с которой дочь обнародовала свои чувства перед всем миром, что ей могло навредить. Она сама многие годы была невротической, радовалась очень бережному отношению со стороны своего мужа, обращалась со своими детьми совершенно по-разному, была очень строгой с дочерью и необычайно ласковой со своими тремя мальчиками, младшему из которых, поздно родившемуся ребенку, в то время не было еще и трех лет. Узнать что-либо более определенное о ее характере было непросто, ибо по мотивам, которые удалось понять лишь позднее, пациентка, рассказывая о своей матери, всегда оставалась сдержанной, чего нельзя было сказать, когда речь шла об отце.

Врач, который должен был взяться за аналитическое лечение девушки, имел ряд причин чувствовать себя неуютно. Он не имел перед собой ситуацию, которая требует анализа и в которой он может проверить его эффективность. Как известно, в своей идеальной форме эта ситуация выглядит так, что кто-то, кто в остальном сам себе голова, страдает от внутреннего конфликта, с которым он самостоятельно не может покончить, что в таком случае он обращается к аналитику, жалуется ему на свои проблемы и просит

о помощи. И тогда врач работает рука об руку с одной частью личности, находящейся в болезненном разладе, против другого партнера конфликта. Другие ситуации, отличающиеся от этой, для анализа в той или иной степени неблагоприятны и к внутренним трудностям пациента добавляют новые. Ситуации, подобные ситуации застройщика, который по своему вкусу и потребностям заказывает у архитектора виллу, или ситуация благочестивого заказчика, который велит художнику написать картину, в углу которой затем изображают его самого, молящегося Богу, с условиями психоанализа не совместимы в принципе. Правда, едва ли не каждый день случается так, что супруг обращается к врачу с информацией: «Моя жена — нервная, из-за этого она плохо ладит со мной; сделайте ее здоровой, чтобы мы снова могли жить в счастливом браке». Но довольно часто оказывается, что такой заказ невыполним, то есть врач не может достичь результата, ради которого обратился муж. Как только жена оказалась избавленной от своих невротических торможений, она добивается расторжения брака, сохранение которого было возможно только при условии ее невроза. Или родители просят сделать своего нервного и строптивого ребенка здоровым. Под здоровым ребенком они понимают такого, который не доставляет родителям никаких проблем, которым они могут только радоваться. Врачу может удаться помочь ребенку, но после выздоровления он еще решительнее идет своим путем, а родители оказываются теперь гораздо более недовольными, чем прежде. Словом, не может быть безразличным, приходит ли человек к аналитику по собственному желанию или потому, что его приводит к нему кто-то другой, хочет ли он сам измениться или этого хотят лишь его родственники, которые его любят или от которых следовало ожидать подобной любви.

В качестве других неблагоприятных моментов следовало расценить тот факт, что девушка не была больной — она не страдала по внутренним причинам, не жаловалась на свое состояние — и что поставленная задача заключалась не в решении невротического конфликта, а в переводе одного варианта генитальной сексуальной организации в другой. По моему опыту, добиться этого результата, устранить генитальную инверсию или гомосексуальность, далеко не просто. Напротив, я обнаружил, что его можно достичь только при особенно благоприятных обстоятельствах, и даже тогда успех состоял в сущности в том, что гомосексуально стесненному человеку удавалось освободить прегражденный доселе путь к противоположному полу, то есть полностью восстановить его бисексуальную

функцию. В таком случае зависело от него, хотел ли позволить себе сойти с пути, объявленного вне закона обществом, и в отдельных случаях именно так он и делал. Нужно сказать себе, что и нормальная сексуальность основывается на ограничении выбора объекта, а попытка полностью сформировавшегося гомосексуалиста превратить в гетеросексуального человека в целом не многим перспективнее, чем противоположная, разве что по веским практическим соображениям делать последнее никогда не пытались.

Успехи психоаналитической терапии в лечении весьма разнообразных форм гомосексуальности по своему количеству действительно незначительны. Как правило, гомосексуалист не может отказаться от объекта своих желаний; его не удается убедить, что удовольствие, от которого он здесь отказывается, он вновь обретет, перейдя к другому объекту. Если он вообще решается на лечение, то чаще всего к этому его подталкивают внешние мотивы, социальные отрицательные моменты и опасности, присущие его выбору объекта, но в борьбе с сексуальными устремлениями такие компоненты влечения к самосохранению оказываются слишком слабыми. В таком случае вскоре можно раскрыть его тайный план — благодаря явной неудаче подобной попытки успокоить себя, что он сделал все возможное для того, чтобы изменить свои особые наклонности, и поэтому он может теперь предаваться им со спокойной совестью. Если попытка излечиться продиктована заботой о любимых родителях и родственниках, то в этом случае дело обстоит несколько иначе. Тогда действительно имеются либидинозные стремления, способные вырабатывать энергию, противоположную гомосексуальному выбору объекта, но их силы редко бывает достаточно. Только там, где фиксация на гомосексуальном объекте еще не стала особенно сильной или там, где имеются значительные зачатки и остатки гетеросексуального выбора объекта, то есть при пока еще неустойчивой или при явно выраженной бисексуальной организации, прогноз психоаналитической терапии может быть более благоприятным.

По этим причинам я наотрез отказался обещать родителям, что их пожелание будет исполнено. Я только заявил, что готов тщательно изучить девушку в течение нескольких недель или месяцев, чтобы затем суметь высказать свое мнение о возможности повлиять на нее, продолжив анализ. Во множестве случаев анализ разбивается на две отдельные фазы; в первой врач старается получить необходимые знания о пациенте, знакомит его с условиями и постулатами анализа и представляет ему конструкцию возникновения его неду-

га, которая, по его мнению, является правомерной на основании полученного в ходе анализа материала. Во второй фазе пациент сам овладевает представленным ему материалом, работает над ним, вспоминает то якобы вытесненное у него, которое он может вспомнить, и старается повторить другое, так сказать, вновь его оживляя. При этом он может подтверждать, дополнять и поправлять высказывания врача. Только во время этой работы благодаря преодолению сопротивлений он претерпевает внутреннее изменение, которого хотят достичь, и приобретает убеждения, делающие его независимым от авторитета врача. В ходе аналитического лечения две эти фазы не всегда четко отделены друг от друга; это может произойти только тогда, когда сопротивление отвечает определенным условиям. Но если такое случается, то это можно сравнить с двумя соответствующими частями путешествия. Первая охватывает всю необходимую, сегодня столь сложную и трудно осуществимую подготовительную работу, пока, наконец, человек не покупает билет, не поднимается на перрон и не занимает свое место в вагоне. Теперь он имеет право и возможность отправиться в далекую страну, но это не значит, что после всех этих подготовительных работ он там оказался; собственно говоря, он ни на километр не приблизился к своей цели. Сюда же относится еще и то, что сама поездка проходит от одной станции до другой, и эта часть путешествия вполне сопоставима со второй фазой.

Анализ моей нынешней пациентки проходил по этой двухфазной схеме, но не продвинулся за начало второй фазы. Тем не менее особая констелляция сопротивления позволила получить полное подтверждение моих конструкций и в общем и целом в достаточной мере понять ход развития ее инверсии. Но прежде чем изложить результаты анализа, я должен остановиться на нескольких моментах, которые либо уже были затронуты мною самим, либо бросились в глаза читателю в качестве первых объектов, пробудивших его интерес. Частично я поставил прогноз в зависимость от того, насколько далеко зашла девушка в удовлетворении своей страсти. Сведения, полученные мною во время анализа, в этом отношении казались благоприятными. Со всеми объектами своего увлечения она довольствовалась не более чем отдельными поцелуями и объятиями, ее генитальное целомудрие, если можно так выразиться, осталось неприкосновенным. Дама полусвета, пробудившая у нее самые свежие и самые сильные чувства, оставалась по отношению к ней неприступной, в качестве своего расположения никогда не

позволяла ей большего, чем дать ей поцеловать свою руку. Вероятно, девушка делала из своей нужды добродетель, когда постоянно подчеркивала чистоту своей любви и свою физическую неприязнь к половому акту. Но, возможно, она не так уж была неправа, когда хвалила свою благородную возлюбленную, что она, будучи знатного происхождения и оказавшаяся в своей нынешней позиции только в силу неблагоприятных семейных обстоятельств, также и теперь сохраняла свое достоинство. Ибо эта дама при каждой встрече обычно отговаривала ее проявлять свое расположения к ней и к женщинам в целом и до попытки самоубийства всегда общалась с ней, лишь строго соблюдая дистанцию.

Второй момент, который я тотчас попытался прояснить, касался собственных мотивов девушки, на которые могло бы опереться аналитическое лечение. Она не пыталась ввести меня в заблуждение, утверждая, что ей настоятельно необходимо избавиться от своей гомосексуальности. Напротив, она не могла представить себе, что может влюбиться в кого-то другого, но, добавила она, ради родителей она хочет честно поддержать терапевтическую попытку, ибо ей очень тяжело ощущать, что доставляет такое горе родителям. Также и это высказывание вначале я воспринял как благоприятное; я не мог предвидеть, какая бессознательная аффективная установка за ним скрывалась. То, что здесь выявилось позднее, в решающей степени повлияло на форму лечения и его досрочное прекращение.

Читатели, не являющиеся аналитиками, давно с нетерпением ожидают ответа на два других вопроса. Имелись ли у этой гомосексуальной девушки явные соматические признаки, присущие противоположному полу, и что это был за случай — врожденной или приобретенной (позже развившейся) гомосексуальности?

Я не недооцениваю значение, которое имеет первый вопрос. Разве что это значение нельзя преувеличивать и ради него затушевывать факты, что отдельные вторичные признаки противоположного пола очень часто встречаются у нормальных человеческих индивидов и что очень выраженные соматические особенности противоположного пола можно обнаружить у лиц, у которых выбор объекта не претерпел никакого изменения в смысле инверсии. Стало быть, выражаясь иначе, у обоих полов *степень физического гермафродитизма в значительной мере не зависит от психического гермафродитизма*. В качестве ограничения обоих тезисов нужно добавить, что у мужчины эта независимость выражена отчетливее,

чем у женщины, у которой проявления телесных и душевных свойств, присущих противоположному полу, обычно совпадают[1]. Однако в моем случае я не могу удовлетворительно ответить на первый из поставленных здесь вопросов. Обычно психоаналитик отказывает себе в тщательном физическом обследовании своих пациентов. Во всяком случае явного отклонения от телесного типа женщины не было, не было и менструального нарушения. Если красивая и хорошо образованная девушка имела высокий, как у отца, рост и скорее заостренные, чем по-девичьи мягкие, черты лица, то в этом можно усмотреть намеки на соматическую мужественность. К мужским проявлениям можно было бы также отнести некоторые ее интеллектуальные качества, например, остроту понимания и холодную ясность мышления, если только она не находилась в плену своей страсти. Тем не менее эти различия скорее имеют условное, нежели научное обоснование. Несомненно, более значимым является то, что в своем поведении по отношению к объекту своей любви она полностью приняла мужской тип, то есть проявляла покорность и чрезмерную сексуальную переоценку, присущие любящему мужчине, отказ от всякого нарциссического удовлетворения, предпочитала любить, а не быть любимой. Стало быть, она не только выбрала женский объект, но и приобрела по отношению к нему мужскую установку.

На другой вопрос, чему соответствовал ее случай — врожденной или приобретенной гомосексуальности, надо будет ответить, основываясь на всей истории развития ее нарушения. При этом выяснится, насколько сама по себе такая постановка вопроса бесплодна и неуместна.

II

После такого пространного вступления я могу позволить себе привести лишь очень сжатое и наглядное описание истории развития либидо у моей пациентки. В детские годы у девушки сформировался нормальный женский эдипов комплекс[2], мало чем отличав-

---

[1] [Ср. обсуждение этого вопроса в «Трех очерках по теории сексуальности» (1905d), *Studienausgabe*, т. 5, с. 52 и далее.]

[2] Я не вижу никакого прогресса или преимущества во введении термина «комплекс Электры» и не хочу за него заступаться. [Термин был введен Юнгом (1913, 370). Ср. аналогичный комментарий Фрейда в работе «О женской сексуальности» (1931*b*), *Studienausgabe*, т. 5, с. 278.]

шийся от обычного; позднее она также начала заменять отца братом, который был немногим старше ее. О сексуальных травмах в ранней юности она не помнила, они не были выявлены и в результате анализа. Сравнение гениталий брата с собственными, которое произошло примерно в начале латентного периода (в пять лет или чуть раньше), произвело на нее сильное впечатление, и его последствия можно было проследить в разных направлениях. На онанизм в раннем детском возрасте почти ничего не указывало, или же анализ не продвинулся столь далеко, чтобы прояснить этот момент. Рождение второго брата, когда ей было примерно пять с половиной лет, особого влияния на ее развитие не оказало. В школьные годы и в предпубертатном возрасте она постепенно познакомилась с фактами сексуальной жизни и восприняла их со смешанными чувствами сладострастия и боязливого отвержения, которые можно назвать нормальными и которые не были также чрезмерными. Все эти сведения кажутся очень скудными, я также не могу ручаться за то, что они являются полными. Возможно, история юности все же была намного богаче; я этого не знаю. Анализ, как уже говорилось, вскоре прервался, а потому получившийся анамнез оказался не намного надежнее, чем другие справедливо оспариваемые анамнезы гомосексуалистов. Девушка не была никогда также и невротической, не страдала истерическими симптомами, так что поводы для исследования ее детской истории не могли появиться так быстро.

В тринадцать и четырнадцать лет она проявила чрезмерную, по мнению всех, нежную симпатию к маленькому мальчику, которому не было еще и трех лет и которого она могла регулярно видеть в детском парке. Она настолько сердечно заботилась о ребенке, что в результате установились длительные дружеские отношения с родителями малыша. Из этого происшествия можно заключить, что тогда ею овладело сильное желание самой быть матерью и иметь ребенка. Но вскоре после этого мальчик ей стал безразличен, и она начала выказывать интерес к зрелым, но все же еще молодым женщинам, проявления которого вскоре навлекли ощутимое наказание со стороны отца.

Вне всякого сомнения, было установлено, что это изменение совпадает по времени с событием в семье, от которого, следовательно, мы вправе ожидать объяснения такой перемены. До него ее либидо было ориентировано на материнское чувство, после него она стала гомосексуалистской, влюблявшейся в более зрелых женщин, и таковой она с тех пор и осталась. Этим столь важным для нашего

понимания событием явилась новая беременность матери и рождение третьего брата, когда ей было примерно шестнадцать лет.

Взаимосвязь, которую я в дальнейшем раскрою, не является продуктом моих способностей к комбинированию; она показалась мне настолько очевидной благодаря аналитическому материалу, заслуживающему всяческого доверия, что я могу ручаться за ее объективную достоверность. Прежде всего в ее пользу свидетельствует ряд взаимосвязанных сновидений, которые нетрудно истолковать.

Анализ позволил недвусмысленно констатировать, что возлюбленная дама была заменой матери. Правда, сама она не была матерью, но она и не была также первой любовью девушки. Первыми объектами ее симпатии после рождения последнего брата действительно были матери, женщины в возрасте между тридцатью и тридцатью пятью годами, с которыми вместе с их детьми она знакомилась на даче или через своих родителей в большом городе. Условие материнского чувства в дальнейшем отпало, поскольку в реальности оно не вполне согласовывалось с другим условием, становившимся все более важным. Особенно сильная привязанность к последней возлюбленной, к «даме», имела еще и другую причину, которую девушка однажды без труда обнаружила. Своей стройной фигурой, строгой красотой и резким нравом дама напоминала ей собственного старшего брата. Стало быть, выбранный в конечном счете объект соответствовал не только ее идеалу женщины, но и ее идеалу мужчины, он совмещал удовлетворение гомосексуального желания с удовлетворением желания гетеросексуального. Как известно, анализ гомосексуалистов-мужчин во многих случаях выявлял такое же совпадение — намек на то, что сущность и возникновение инверсии нельзя представлять себе слишком просто и что нельзя оставлять без внимания бисексуальность, присущую каждому человеку[1].

Но как следует понимать то, что именно рождение позднего ребенка, когда девушка сама уже стала зрелой и имела собственные сильные желания, подвигло ее обратить свою страстную нежность роженицы этого ребенка на свою собственную мать и выразить ее в отношениях с женщиной, которая представляла мать? В соответствии с тем, что нам известно из других случаев, следовало ожидать противоположного. Обычно при таких обстоятельствах матери стесняются своих дочерей, почти достигших брачного возраста, а доче-

---

[1] Ср. I. Sadger (1914).

ри испытывают к матери смешанное, чувство, состоящее из сострадания, презрения и зависти, которое ничуть не способствует усилению нежности к матери. У наблюдаемой нами девушки вообще не было особых причин, чтобы испытывать нежность к матери. Для самой по-прежнему молодой женщины эта быстро расцветшая дочь была неугодной соперницей, она пренебрегала ею, отдавая предпочтение мальчику, по возможности ограничивала ее самостоятельность и особенно усердно следила за тем, чтобы та оставалась далекой отцу. Стало быть, у девушки с давних пор могла существовать обоснованная потребность в более ласковой матери; но почему она разгорелась именно тогда, причем в форме изнуряющей страсти, — это нам непонятно.

Объяснение таково: девушка находилась в фазе пубертатного возобновления инфантильного эдипова комплекса, когда ею овладело разочарование. Она ясно осознала свое желание иметь ребенка, причем мужского пола; то, что это должен был быть ребенок от отца и его точная копия, ее сознательное узнать не могло. Но случилось так, что ребенка получила не она, а ненавистная в бессознательном соперница, то есть мать. Возмущенная и ожесточенная, она отвернулась от отца и вообще от мужчин. После этой первой серьезной неудачи она отвергла свою женственность и стала стремиться к другому размещению своего либидо.

При этом она вела себя в точности так, как многие мужчины, которые после первого неудачного опыта надолго ожесточаются против неверного женского пола и становятся женоненавистниками. Об одном из самых привлекательных и самых несчастных князей нашего времени рассказывают, что он стал гомосексуалистом из-за того, что его невеста, с которой он обручился, обманула его с посторонним парнем. Я не знаю, является ли это исторической правдой, но за этим слухом скрывается часть психологической истины. Все наше либидо всю жизнь обычно колеблется между мужским и женским объектами; холостяк отказывает от своих дружб, когда женится, и возвращается к столу для завсегдатаев, если его брак оказался пресным. Правда, там где колебание является столь основательным и окончательным, наше предположение обращается на особый момент, который в решающей степени благоприятствовал той или другой стороне и, возможно, лишь ожидал подходящего времени, чтобы выбор объекта был осуществлен в его духе.

Стало быть, наша девушка после того разочарования отмела от себя желание иметь ребенка, любовь к мужчине и женскую роль

вообще. И теперь, очевидно, могло произойти самое разное; в действительности же случилось самое крайнее. Она превратилась в мужчину и в качестве объекта любви вместо отца выбрала мать[1]. Несомненно, ее отношение к матери с самого начала было амбивалентным; ей легко удалось оживить прежнюю любовь к матери и с ее помощью сверхкомпенсировать нынешнюю враждебность к ней. Поскольку с реальной матерью мало чего можно было позволить, в результате описанного преобразования чувств она стала искать замену матери, к которой можно было бы привязаться со страстной нежностью[2].

В качестве [вторичной] «выгоды от болезни» к этому добавился еще и практический мотив из ее реальных отношений с матерью. Сама мать по-прежнему придавал значение тому, чтобы за ней ухаживали и говорили комплименты мужчины. Следовательно, став гомосексуальной, оставив мужчин матери, так сказать, «уступив» их ей, она убирала с пути нечто, что до сих пор было повинно в недоброжелательстве матери[3].

---

[1] Отнюдь не редкость, что человек прекращает любовные отношения в результате того, что идентифицирует себя самого с объектом любви, что соответствует своего рода регрессии к нарцизму. После того как это произошло, при новом выборе объекта он может легко катектировать своим либидо объект, пол которого противоположен прежнему.

[2] Описанные здесь смещения либидо, несомненно, известны каждому аналитику из исследования анамнезов невротиков. Разве что у последних они происходят в нежном детском возрасте, в период раннего расцвета любовной жизни; у нашей отнюдь не невротической девушки они произошли в первые годы после пубертата, впрочем, точно так же совершенно бессознательно. Не окажется ли когда-нибудь этот временный момент очень важным?

[3] Поскольку такое отступление до сих пор вообще не упоминалось среди причин гомосексуальности, а также среди механизмов фиксации либидо, я хочу здесь добавить сходное аналитическое наблюдение, которое интересно одним особенным обстоятельством. Однажды я познакомился с двумя братьями-близнецами, которые были наделены сильными либидинозными импульсами. Один из них пользовался бульшим успехом у женщин и вступал в бесчисленные любовные отношения с женщинами и девушками. Другой сначала пошел по тому же пути, но затем ему стало неприятно вмешиваться в дела брата, когда из-за внешнего сходства его путали с ним в интимных вещах, и он помог себе тем, что стал гомосексуалистом. Он оставил женщин брату и тем самым «уступил ему место». В другой раз я лечил молодого мужчину, художника с явно выраженными бисексуальными задатками, у которого одновременно с нарушениями в работе проявилась гомосексуальность. Он одним махом уклонился как от женщин, так и от своей работы. Анализ, который позволил ему разъяснить и то и другое, выявил в качестве мощнейшего психического мотива обоих нарушений, в сущности представлявших собой самоотречение, боязнь отца. В его представлении все женщины принадлежали отцу, и из покорности, чтобы уклониться от конфликта с отцом, он сбежал к мужчинам. Такое обоснование гомосексуального выбора

Приобретенная таким образом либидинозная установка укрепилась, когда девушка заметила, насколько она была неприятна отцу. После того первого наказания за слишком нежное сближение с женщиной она знала, чем обидеть отца и как ему отомстить. Теперь она оставалась гомосексуальной наперекор отцу. Ее также не мучила совесть, когда она всячески обманывала его и лгала. В отношении матери она была неискренней только тогда, когда это было необходимо, чтобы отец ничего не узнал. У меня сложилось впечатление, что она действовала по принципу талиона: «Раз ты меня обманул, то ты должен смириться с тем, что и я тоже тебя обманываю». Также и бросающуюся в глаза неосмотрительность девушки, необычайно смышленой во всем остальном, я не могу расценить иначе. Отец все-таки должен был иногда узнавать о ее общении с дамой, ибо в противном случае она не смогла бы получить удовольствие от мести, которое ей было крайне необходимым. И она заботилась об этом, появляясь в общественных местах с возлюбленной, прогуливаясь с нею по улицам поблизости от магазина отцовского и т. п. Также и эти оплошности совершались не без умысла. Впрочем, весьма примечательно, что оба родителя вели себя так, словно понимали тайную психологию дочери. Мать проявляла терпимость, как будто расценивала отступление дочери как любезность, отец был вне себя от ярости, как будто ощущал направленный против его персоны мстительный замысел.

Однако последнее подкрепление претерпело у девушки инверсию, когда в образе «дамы» она столкнулась с объектом, одновременно позволявшим удовлетворить ту часть ее гетеросексуального либидо, которое по-прежнему было привязано к брату.

III

Линейное изображение малопригодно для описания взаимосвязанных душевных процессов, протекающих в различных слоях

объекта должно встречаться чаще; в доисторические времена человечества, наверное, все женщины принадлежали отцу и вождю древней орды. У братьев и сестер, которые не являются близнецами, такое отступление играет важную роль не только в выборе объекта любви, но и в других областях. К примеру, старший брат занимается музыкой и получает признание; младший брат, музыкально гораздо более одаренный, вскоре, несмотря на все свое желание, перестает обучаться музыке, и его уже невозможно заставить дотронуться до инструмента. Это — частный пример того, что очень часто случается, и исследование мотивов, ведущих к избеганию соперничества вместо его принятия, выявляет очень сложные психические условия.

психики. Я вынужден прервать обсуждение случая, чтобы расширить и углубить кое-что из того, о чем здесь было рассказано.

Я упомянул, что в своем отношении к почитаемой даме девушка избрала мужской тип любви. Ее покорность и нежная непритязательность, *«che poco sfera e nulla chiede»*[1], высшее счастье, когда ей позволяли какую-то часть пути сопровождать даму и поцеловать ей на прощание руку, радость, когда она слышала, как восхваляют красоту дамы, в то время как признание ее собственной красоты другими для нее совсем ничего не значило, посещения ею мест, где когда-то раньше бывала возлюбленная, приглушенность всех чувственных желаний — все эти мелкие детали соответствовали, скажем, первой восторженной страсти юноши в отношении знаменитой художницы, которую он ставит значительно выше себя и на которую он осмеливается бросить лишь робкий взгляд. Соответствие с описанным мною «типом мужского выбора объекта», особенности которого я объяснял привязанностью к матери (1910*h*), доходило вплоть до мелочей. Могло показаться странным, что ее ничуть не смущала плохая репутация возлюбленной, хотя ее собственные наблюдения вполне убеждали ее в правомерности таких пересудов. Ведь все же она была благовоспитанной и целомудренной девушкой, исключавшей в отношении самой себя сексуальные авантюры и считавшей грубое чувственное удовлетворение неэстетичным. Но уже ее первые увлечения относились к женщинам, которых не хвалили за склонность к особо строгой нравственности. Первый протест отца против ее любовного выбора она вызвала той настойчивостью, с которой стремилась к общению с киноактрисой во время летнего отдыха. При этом речь ни в коем случае не шла о женщинах, которые, скажем, ратовали за гомосексуальные отношения и тем самым открывали перед ней перспективы подобного удовлетворения; скорее, она вопреки логике ухаживала за кокетливыми женщинами в обычном смысле слова; одну свою гомосексуальную подругу-ровесницу, которая охотно предоставила бы себя в ее распоряжение, она отвергла без каких-либо колебаний. Однако плохая репутация «дамы» была для нее прямо-таки условием любви, и вся загадочность этого поведения исчезает, если мы вспомним, что и для того производного от матери мужского типа выбора объекта условие состоит в том, что возлюбленная в сексуальном отношении так или иначе пользуется дурной славой, и, собственно говоря, ее можно было бы назвать кокоткой. Когда в дальнейшем она узнала, в какой

---

[1] [«Которая мало на что надеется и ничего не просит» (ит.).]

степени эта характеристика касалась почитаемой ею дамы и что она попросту зарабатывала на жизнь своим телом, ее реакция состояла в огромном сострадании и в развитии фантазий и планов, как ей «спасти» возлюбленную от этих недостойных отношений. Эти же стремления спасать бросились нам в глаза у мужчин того описанного мною типа, и в упомянутой работе я попытался аналитическим путем вывести происхождение этого стремления.

В совершенно другие регионы объяснения ведет анализ попытки самоубийства, которую я вынужден расценить как задуманную всерьез и которая, впрочем, значительно улучшила ее позицию как у родителей, так и у возлюбленной дамы. Однажды она прогуливалась вместе с нею в таком месте и в такое время, когда встреча с возвращающимся из бюро отцом была маловероятной. Отец прошел мимо них и бросил на нее и уже известную ему спутницу гневный взгляд. Вскоре после этого она бросилась в канаву возле городской железной дороги. Ее отчет о ближайших причинах такого решения звучит весьма убедительно. Она призналась даме, что господин, который так зло на них посмотрел, — ее отец, который и слышать не хочет об общении между ними. Тут дама вскипела, приказал ей тотчас ее оставить и никогда больше ее не поджидать и с нею не заговаривать, со всей этой историей теперь нужно покончить. В отчаянии из-за того, что таким образом она навсегда потеряет возлюбленную, она хотела покончить с собой. Однако анализ позволил дать другое, более глубокое истолкование, которое подкреплялось ее собственными сновидениями. Как можно было ожидать, попытка самоубийства преследовала, кроме того, еще две цели: осуществить наказание (самонаказание) и исполнить желание. В качестве последней цели она означала осуществление того желания, разочарование в котором заставило ее обратиться к гомосексуализму, а именно родить ребенка именно от отца, ибо теперь она разродилась по вине отца[1]. Это глубинное истолкование можно связать с толкованием, лежащим на поверхности и осознаваемым девушкой: в этот момент дама говорила в точности, как отец, и издала точно такой же запрет. В качестве самонаказания поступок девушки свидетельствует нам о том, что в ее бессознательном у нее развились сильнейшие желания смерти одному или другому родителю. Возможно, из мес-

---

[1] Эти истолкования способов самоубийства посредством исполнения сексуальных желаний давно знакомы всем аналитикам. (Отравиться = забеременеть, утопиться = родить, упасть с высоты = разродиться [niederkommen, буквально: спуститься. — *Примечание переводчика*].)

ти отцу, мешающему ее любви, но еще вероятнее также из мести матери за то, что та ходила беременной маленьким братом. Ибо анализ принес нам разъяснение, касающееся загадки самоубийства, что, наверное, никто не обретет психическую энергию, достаточную для того, чтобы покончить с собой, если, во-первых, он не убивает при этом также объект, с которым он идентифицировался, и, во-вторых, если он не обратил этим против себя самого желание смерти, которое было направлено против другого лица. Впрочем, регулярное выявление таких бессознательных желаний смерти у самоубийц не должно ни удивлять, ни казаться подтверждением наших выводов, поскольку бессознательное всех живых существ переполнено такими желаниями смерти даже обычно любимым людям[1]. Однако в идентификации с матерью, которая должна была бы умереть от родов вместе с этим утаенным от нее (от дочери) ребенком, это осуществление наказания само по себе опять-таки представляет собой исполнение желания. Наконец, то, что самые разные сильнейшие мотивы должны были взаимодействовать, чтобы сделать возможным такой поступок, как у нашей девушки, не будет противоречить нашему ожиданию.

В мотивировке девушки отец не присутствует, не упоминается также и страх перед его гневом. В мотивировке, разгаданной анализом, главная роль отводится ему. Отношение к отцу имело точно такое же решающее значение также для процесса и результата аналитического лечения, или, точнее, исследования. За приведенной в оправдание заботой о родителях, ради которых она хотела поддержать попытку достичь изменений, скрывались упрямство и желание отомстить отцу, за которые она упорно держалась в гомосексуальности. Обеспеченное таким прикрытием, сопротивление освободило значительную область аналитического исследования. Анализ происходил почти без признаков сопротивления, при живом интеллектуальном участии анализируемой, но и при полном ее душевном покое. Когда однажды я ей объяснял особенно важную и близко касающуюся ее часть теории, она произнесла с неподражаемой интонацией: «Ах, это очень интересно», — словно великосветская дама, которая прогуливается по музею и рассматривает в лорнет предметы, которые ей полностью безразличны. Впечатление от ее анализа приближалось к впечатлению от гипнотического лечения, в ходе которого сопротивление точно так же отступает до определенной границы, у которой оно затем оказывается непобедимым.

[1] Ср. «В духе времени о войне и смерти» (1915*b*).

Этой же — русской, как ее можно было бы назвать — тактики сопротивление очень часто придерживается в случаях невроза навязчивости, которые поэтому некоторое время поставляют самые ясные результаты и позволяют глубоко понять причины симптомов. Но затем начинаешь удивляться, почему такие большие успехи в аналитическом понимании не приносят с собой ни малейшего изменения в навязчивостях и торможениях больного, пока, наконец, не замечаешь, что все, что было достигнуто, было обременено оговоркой сомнения, и за этим защитным валом невроз мог чувствовать себя в безопасности. «Все было бы замечательно, — говорится в больном, зачастую также и на сознательным уровне, — если бы мне пришлось поверить мужчине, но об этом нет и речи, и до тех пор, пока этого не происходит, мне и не нужно ничего менять». Когда затем приближаются к мотивировке этого сомнения, начинается серьезная борьба с сопротивлением.

У нашей девушки не сомнение, а аффективный момент мести отцу содействовал ее холодной сдержанности, разбил анализ на две отчетливых фазы и сделал такими полными и наглядными результаты первой фазы. Внешне это выглядело так, как если бы у девушки не произошло ничего похожего на перенос на врача. Но это, конечно, абсурд или неточное выражение; ведь какое-то отношение к врачу должно было возникнуть, и по большей части оно должно было быть переносом инфантильного отношения. В действительности она перенесла на меня основательное отвержение мужчины, которое властвовало над ней с тех пор, как она разочаровалась в отце. Как правило, обиду на мужчину легко возместить на враче, ей не нужно вызывать никаких бурных проявлений чувств, она просто выражается в подрыве всех его усилий и в стремлении держаться за болезнь. Я из опыта знаю, как трудно подвести анализируемого к пониманию именно этой безмолвной симптоматики и довести до его сознания такую скрытую, зачастую непомерно большую враждебность, не подвергая угрозе процесс лечения. Поэтому я его прекратил, как только выявил установку девушки по отношению к отца, и посоветовал продолжить терапевтическую попытку, если ей придается значение, у врача-женщины. Тем временем девушка пообещала отцу хотя бы отказаться от общения с «дамой», и я не знаю, последовала ли она моему совету, мотивировка которого совершенно прозрачна.

Единственный раз также и в этом анализе имело место нечто такое, что я мог истолковать как позитивный перенос, как чрезвычайно ослабленное воспроизведение первоначальной страстной

влюбленности в отца. Также и это проявление не было лишено примеси другого мотива; но я упоминаю его, поскольку оно затрагивает другую интересную проблему аналитической техники. В определенное время, вскоре после начала лечения, девушка рассказала о нескольких сновидениях, которые, хотя и были основательно искажены и составлены на правильном языке сновидения, тем не менее можно было легко и уверенно перевести. Однако их истолкованное содержание было весьма необычным. Они предвосхищали излечение инверсии в результате лечения, выражали ее радость по поводу открывавшихся ей теперь жизненных перспектив, признавали стремление к любви с мужчиной и желание иметь детей; поэтому их можно было приветствовать как благоприятную подготовку к желанному изменению. Однако расхождение с ее высказываниями, сделанными в это же время в бодрствовании, было весьма велико. Она не скрывала от меня, что, хотя и помышляет о браке, но он ей нужен только для того, чтобы избавиться от тирании отца и спокойно жить своими истинными наклонностями. С мужем, как она несколько пренебрежительно думала, она уж как-нибудь справится, и, в конце концов, как показывает пример почитаемой дамы, одновременно можно иметь сексуальные отношения и с мужчиной, и с женщиной. Предостереженный каким-то смутным впечатлением, однажды я ей заявил, что не верю этим сновидениям, они лживы или лицемерны, а ее намерение состоит в том, чтобы обмануть меня, как она обычно обманывала отца[1]. Я был прав, после этого заявления сновидения подобного рода больше не появлялись. Но я все же думаю, что наряду с намерением ввести меня в заблуждение в этих снах отчасти проявилось также желание произвести на меня хорошее впечатление; это была также попытка меня заинтересовать и добиться от меня того, чтобы я хорошо о ней думал, возможно, для того, чтобы тем основательней разочаровать меня позже.

Я могу представить себе, что указание на существование таких лживых услужливых сновидений вызовет у некоторых людей, называющих себя аналитиками, настоящую бурю беспомощного негодования. «Стало быть, бессознательное тоже может лгать, истинное ядро нашей душевной жизни, то в нас, что гораздо ближе к божественному, чем наше скудное сознание! Как же тогда доверять толкованиям анализа и надежности наших познаний?» В ответ на это я должен сказать, что признание таких лживых сновидений отнюдь

---

[1] [По поводу «лицемерных снов» см. «Толкование сновидений» (1900*a*), *Studienausgabe*, т. 2, с. 161, прим. 1, и с. 456 и далее.]

не означает подрывающего доверие нововведения. Хотя я знаю, что потребность людей в мистике неискоренима и что из-за этого предпринимаются постоянные попытки вернуть обратно мистике ту область, которая была отнята у нее «Толкованием сновидений», но в случае, который нас занимает, дело обстоит достаточно просто. Сновидение — это не «бессознательное», оно представляет собой форму, в которую благодаря благоприятным условиям состояния сна могла перетечь мысль, исключенная из предсознательного или даже из сознательного бодрствующей жизни[1]. В состоянии сна она получает подкрепление со стороны бессознательных импульсов желания и при этом подвергается искажению благодаря «работе сновидения», которая определяется механизмами, относящимися к бессознательному. У нашей сновидицы намерение ввести меня в заблуждение, как это она обычно делала с отцом, несомненно, произошло из предсознательного, если только оно вообще не было сознательным; теперь оно смогло проявиться, поскольку вступило в связь с бессознательным желанием понравиться отцу (или тому, кто его замещает) и, таким образом, создало лживое сновидение. Оба намерения — обманывать отца и нравиться отцу — происходят от одного и того же комплекса; первое возникло в результате вытеснения последнего, более позднее благодаря работе сновидения сводится к более раннему. Стало быть, об обесценивании бессознательного, о том, чтобы поколебать доверие к результатам нашего анализа не может быть и речи.

Я хочу воспользоваться случаем, чтобы еще раз выразить удивление тем, что люди могут проходить такие большие и важные этапы своей любовной жизни, многого не замечая и даже порой ничего не подозревая, или что они, если она попадает в их сознание, столь основательно обманываются в своем суждении на этот счет. Так происходит не только в условиях невроза, где мы знакомы с подобным феноменом, — по-видимому, это представляет собой весьма обычное явление и во всем остальном. В нашем случае девушка увлекается женщинами, которые вначале вызывают у родителей лишь раздражение, но едва ли эти увлечения воспринимаются всерьез; сама она, наверное, знает, насколько сильно она этим поглощена, но испытывает лишь некоторые ощущения интенсивной влюбленности, до тех пор пока при определенном отказе не возникает чрезмерная реакция, показывающая всем сторонам, что речь идет о необуздан-

---

[1] [Ср. формулировку в работе «О некоторых невротических механизмах при ревности, паранойе и гомосексуализме» (1922*b*), с. 225, выше.]

ной пожирающей страсти. Никаких предпосылок, необходимых для проявления такой душевной бури, девушка также никогда не замечала. В других случаях встречаются девушки или женщины, испытывающие тяжелую депрессию, которые, когда их спрашивают о возможной причине их состояния, указывают на то, что, возможно, они испытывали некий интерес к определенной персоне, но дело у них не заходило далеко и они очень быстро справлялись с собой, после того как от этого своего интереса приходилось отказываться. И все же этот внешне столь легко перенесенный отказ становился причиной тяжелого расстройства. Или встречаются мужчины, которые были вынуждены покончить с поверхностными любовными отношениями с женщинами и только из последствий узнавали, что были страстно влюблены в якобы презренный объект. Вызывают также удивление неожиданные последствия искусственного аборта, убийства плода любви, на которое решились без раскаяния и сомнений. Таким образом, приходится признать правоту поэтов, охотно изображающих нам людей, которые любят, не зная этого, или которые не знают, любят ли они, или которые думают, что ненавидят, тогда как на самом деле любят. Похоже на то, что именно сведения, которые сознание получает о нашей любовной жизни, особенно часто оказываются неполными, фрагментарными или ложными. Разумеется, в этих рассуждениях я не преминул учесть роль последующего забывания.

IV

Теперь я вернусь к только что прерванному обсуждению случая. Мы рассмотрели силы, переведшие либидо девушки из нормальной эдиповой установки в гомосексуальное либидо, и психические пути, которые были при этом пройдены. На первом месте среди этих движущих сил стояло впечатление, связанное с рождением ее маленького брата, и поэтому напрашивается мысль классифицировать этот случай как случай поздно приобретенной инверсии.

Здесь, однако, мы обратим внимание на обстоятельства, которые нам также встречаются во многих других примерах психоаналитического разъяснения душевного процесса. Когда мы прослеживаем развитие от его конечного результата в обратном направлении, восстанавливается непрерывная взаимосвязь, и мы считаем наше понимание вполне удовлетворительным, возможно, исчерпывающим. Но если мы следуем обратным путем, исходим из выявленных анализом предпосылок и пытаемся проследить их вплоть до конеч-

ного результата, то впечатление о неизбежной взаимосвязи, которая не может быть обусловлена никаким другим способом, у нас полностью пропадает. Мы сразу же замечаем, что в итоге могло получиться также и нечто иное, и этот другой результат мы могли бы понять и разъяснить с таким же успехом. Стало быть, синтез не столь удовлетворителен, как анализ; другими словами, зная предпосылки, мы не смогли бы предсказать суть результата.

Этот прискорбный вывод очень легко приписать его причинам. Даже если этиологические факторы, обусловливающие определенный результат, известны нам полностью, мы все-таки знаем их лишь со стороны их качественного своеобразия, но не с точки зрения их относительной силы. Некоторые из них как слишком слабые окажутся подавленными другими и не будут иметь значения для конечного результата. Но мы никогда не знаем заранее, какие из определяющих моментов окажутся более слабыми или более сильными. Только в конце мы говорим: победили те, что были сильнее. Таким образом, в направлении анализа всякий раз можно надежно установить причину, но предсказать ее в направлении синтеза невозможно.

Поэтому мы не хотим утверждать, что каждая девушка, любовная страсть которой, проистекающая из эдиповой установки пубертатного возраста, испытывает подобное разочарование, вследствие этого неизбежно будет обречена на гомосексуализм. Напротив, чаще встречаются иного рода реакции на эту травму. Но в таком случае у этой девушки решающее значение должны иметь особые, вероятно, внутренние по своей природе моменты, не имеющие отношения к травме. Указать их также не составляет труда.

Как известно, также и у нормального человека должно пройти какое-то время, прежде чем будет принято окончательное решение относительно пола объекта любви. Гомосексуальные увлечения, чрезвычайно сильные, чувственно окрашенные дружеские отношения у обоих полов в первые годы после наступления пубертата — весьма обычное явление. Так было и с нашей девушкой, но эти наклонности, несомненно, проявились у нее сильнее и сохранялись дольше, чем у других. Кроме того, эти предвестники последующей гомосексуальности всегда овладевали ее сознательной жизнью, в то время как установка, проистекающая из эдипова комплекса, оставалась бессознательной и проявлялась лишь в таких признаках, как ласковое обращение с тем маленьким мальчиком. Будучи школьницей, она долгое время была влюблена в неприступно строгую учительницу, представлявшую собой очевидную замену матери. Особо

живой интерес к некоторым женщинам, молодым матерям, она проявила задолго до рождения брата и, стал быть задолго до того первого выговора со стороны отца. Следовательно, с очень раннего времени течение ее либидо имело два направления, из которых более поверхностное, несомненно, можно назвать гомосексуальным. Вероятно, это течение было непосредственным, не подвергшимся трансформации продолжением инфантильной фиксации на матери. Возможно, нашим анализом мы не раскрыли также ничего другого, кроме процесса, который при подходящем поводе перевел более глубокое гетеросексуальное течение либидо в явное гомосексуальное.

Далее анализ показал, что из своего детства девушка принесла с собой очень выраженный «комплекс мужественности». Активная, задиристая, отнюдь не желавшая уступать брату, бывшему немногим старше ее, после того осмотра гениталий [см. с. 265] она стала испытывать сильнейшую зависть к пенису, потомками которой по-прежнему были наполнены ее мысли. В сущности, она была феминисткой, считала несправедливым, что девушки не пользуются теми же свободами, что и парни, и вообще была недовольна участью женщины. Ко времени анализа беременность и рождение ею детей были для нее неприятными представлениями, как я думаю, также из-за связанной с ними мысли о телесном обезображивании. Из-за этой защиты она отказалась от своего девичьего нарцизма[1], который больше не выражался в виде гордости своей красотой. Различные признаки указывали на некогда очень сильно выраженные вуайеризм и эксгибиционизм. Тот, кто не хочет отказаться от права полностью узнать этиологию, обратит внимание на то, что описанное поведение девушки было именно таким, как если бы оно определялось суммарным воздействием пренебрежения со стороны матери и сравнения своих гениталий с гениталиями брата при сильной фиксации на матери. Также и здесь существует возможность кое-что из того, что хотелось бы трактовать как конституциональную особенность, объяснить последствием внешних событий, оказавших свое влияние в раннем возрасте. Также и из этого приобретения — если таковое действительно произошло — какую-то часть следует отнести на счет принесенной с собой конституции. Так в наблюдении постоянно смешивается и объединяется то, что в теории мы хотели

[1] Ср. признание Кримхильды в «Песне о Нибелунгах». [I, 15. Она заявляет матери, что не позволит ни одному мужчине себя любить, ибо любовь мужчины означала бы потерю ее красоты.]

бы разложить на пару противоположностей — наследование и приобретение.

Если предыдущее, предварительное окончание анализа привело к суждению, что речь шла о случае позже приобретенной гомосексуальности, то предпринятый теперь пересмотр материала скорее подводит к выводу, что имела место врожденная гомосексуальность, которая, как обычно, зафиксировалась и обнаружилась в явном виде только после пубертата. Каждая из этих классификаций отдает должное лишь одной части положения вещей, установленного благодаря наблюдению, и пренебрегает другой. Мы поступаем правильно, когда вообще придаем небольшое значение такой постановке вопроса.

В литературе, посвященной гомосексуализму, вопрос о выборе объекта, с одной стороны, и вопрос о половой установке — с другой, обычно недостаточно строго отделяются друг от друга, как будто решение по одному пункту неизбежно связано с решением по другому. Однако опыт свидетельствует о противоположном: мужчина с преимущественно мужскими качествами, который демонстрирует также мужской тип любовной жизни, может быть все-таки инвертирован в отношении объекта и любить только мужчин, а не женщин. Мужчина, в характере которого явно преобладают женские качества, более того, который ведет себя в любви как женщина, вследствие этой женственной установки должен был бы быть ориентирован на мужчину как объект любви; и тем не менее он может быть гетеросексуальным, не обнаруживать инверсию в отношении объекта в большей степени, чем среднестатистический обычный человек. То же самое относится к женщинам, также и у них психический половой характер и выбор объекта далеко не всегда совпадают. Загадка гомосексуальности отнюдь не так проста, как ее любят преподносить для общего употребления: женская душа, которая поэтому должна любить мужчину, к несчастью, попадает в мужское тело, или мужская душа, которую неодолимо влечет к женщине, к сожалению, оказывается в плену женского тела. Речь, скорее, идет о трех рядах особенностей характера

Соматические половые особенности — Психический половой характер
(физический гермафродитизм) (мужская / женская установка)
Тип выбора объекта,

до известной степени варьирующих независимо друг от друга и встречающихся у отдельных индивидов в разнообразных пропор-

циях. Тенденциозная литература затруднила понимание этих отношений, поскольку из практических соображений она выдвигает на передний план только бросающееся в глаза дилетанту поведение, касающееся третьего пункта, выбора объекта, и, кроме того, преувеличивает прочность отношений между этим пунктом и первым. Она также преграждает себе путь, ведущий к более глубокому пониманию всего того, что единообразно называют гомосексуализмом, возражая против двух основных фактов, которые раскрыло психоаналитическое исследование. Первый из них состоит в том, что гомосексуальные мужчины пережили особенно сильную фиксацию на матери; второй — что все нормальные люди наряду со своей явной гетеросексуальностью позволяют выявить весьма значительную степень скрытой или бессознательной гомосексуальности. Если принять во внимание эти данные, то можно предположить наличие «третьего пола», который в особом настроении был создан природой.

Психоанализ не призван решить проблему гомосексуальности. Он должен довольствоваться выявлением психических механизмов, приведших к решению при выборе объекта, и прослеживанием путей от этих механизмов к задаткам влечений. После этого он прекращается, а остальное предоставляет биологическому исследованию, которое именно сейчас благодаря опытам Штейнаха[1] дает столь важные разъяснения о влиянии вышеупомянутого первого ряда на второй и третий. Он имеет общую основу с биологией, поскольку в качестве предпосылки исходит из первоначальной бисексуальности человеческой (равно как и животной) особи. Однако сущность того, что в обычном или в биологическом смысле называют «мужским» и «женским», психоанализ разъяснить не может, он заимствует оба понятия и кладет их в основу своей работы. При попытке дальнейшего сведения он относит мужественность к активности, женственность — к пассивности[2], а этого слишком мало. В какой мере допустимо или уже опытом подтверждено ожидание того, что благодаря определенной части разъяснительной работы, которая попадает в область анализа, появится средство для исправления инверсии, я только что [с. 260–261] попытался изложить. Если сравнить масштабы этого влияния с грандиозными метаморфозами, которых благодаря оперативным вме-

---

[1] См. A. Lipschütz (1919).

[2] [См. также обсуждение двух этих понятий в «Трех очерках по теории сексуальности» (1905*d*), *Studienausgabe*, т. 5, с. 123–124, прим.]

шательствам в отдельных случаях добивался Штейнах, то, пожалуй, внушительного впечатления это не произведет. Между тем было бы поспешностью или вредным преувеличением, если бы уже сейчас мы обнадежили себя тем, что у нас имеется пригодная для всех случаев «терапия» инверсии. Случаи мужского гомосексуализма, в которых Штейнах добился успеха, отвечали не всегда имеющемуся условию явного соматического «гермафродитизма». Терапия аналогичным способом женского гомосексуализма весьма проблематична. Если она должна заключаться в удалении, вероятно, двуполых яичников и в имплантации других, надо надеяться, однополых, то она будет иметь мало практических шансов на применение. Индивид женского пола, который чувствовал себя мужским и любил мужским способом, вряд ли позволит оттеснить себя в женскую роль, если за это не совсем выгодное преобразование он вынужден будет заплатить отказом от материнства[1].

---

[1] [Ср. высказывания о гомосексуализме в «Трех очерках по теории сексуальности», там же, с. 48–58, где Фрейд в дополнении, сделанном в 1920 году (то есть после написания данной работы) к пространной сноске, еще раз говорит об опытах Штейнаха (см. там же, с. 57–58). Эту тему он снова затрагивает в разделе В своей работы «О некоторых невротических механизмах при ревности, паранойе и гомосексуализме» (1922*b*, выше, с. 226 и далее.]

Невроз дьявола в семнадцатом веке
(1923 [1922])

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:
1920 *Imago*, т. 9 (1), 1–34.
1924 *G. S.*, т. 10, 409–445.
1924 Лейпциг, Вена и Цюрих, Международное психоаналитическое издательство. 43 страницы.
1928 Антикварное издание ограниченным тиражом с семью иллюстрациями, в том же издательстве. 81 страница.
1940 *G. W.*, т. 13, 317–353.

Антикварное издание было подготовлено к Конгрессу немецких библиофилов, состоявшемуся в 1928 году в Вене. Оно содержит черно-белые репродукции трех рисунков (первого, второго и пятого явления дьявола), а также четырех фолиантовых страниц рукописи.

Фрейд написал свою статью в последние месяцы 1922 года (ср. Jones, 1962*b*, 125). О том, что его к тому побудило, он пишет сам в начале раздела I (с. 288). Он уже давно интересовался колдовством, одержимостью и сходными феноменами. Возможно, этот интерес пробудился во время его исследований в парижской клинике Сальпетриер в 1885–1986 годах. Шарко уделял много внимания историческим аспектам невроза; в первом цикле лекций Шарко, переведенных Фрейдом, (1886*f*), встречается сообщение о случае одержимости, относящемуся к XVI столетию, а в «Leçons du mardi», втором из переведенных Фрейдом сборников (1892–1894), содержится обсуждение истерического характера средневековой «демономании». Наконец, в своем некрологе по случаю смерти Шарко (1893 *f*) Фрейд также особо подчеркнул эту сторону работы своего учителя. Два письма Флиссу от 17 и 24 января 1897 года (Freud, 1950*a*, письма 56 и 57), в которых говорится о ведьмах и их отношении к дьяволу, свидетельствуют о постоянном интересе Фрейда к подобным вещам. Уже здесь он констатирует, что дьявол, возможно, представляет собой фигуру отца; особенно он подчеркивает участие анального материала в средневековой вере в ведьм.

Оба пункта вкратце упоминаются в работе «Характер и анальная эротика» (1908*b*), см. выше, с. 28–29. Из опубликованных протоколов Венского психоаналитического объединения и от Джонса

(там же, 412) мы знаем, что член объединения, венский книготорговец и издатель, Хуго Хеллер 27 января 1909 года прочел доклад «История дьявола» и что Фрейд подробно рассказывал о психологической взаимосвязи веры в дьявола, очевидно, во многом в аспекте третьего раздела данной работы. В этом разделе Фрейд выходит за рамки обсуждения отдельного случая и демонологической проблемы в узком смысле и поднимает несколько более общих вопросов, связанных с женской установкой мужчины в отношении отца. Здесь он также проводит параллель с историей болезни председателя судебной коллегии Шребера (см. с. 305–307), хотя нигде случай Хайцманна[1] он не он не обозначил как паранойю.

Исследование Макалпайн и Хантера, опубликованное в 1956 году под названием «Schizophrenia 1677», содержит факсимиле венской рукописи «Trophaeum Mariano-Cellense», а также цветные репродукции девяти приложенных рисунков. Их тщательное исследование позволило сделать несколько дополнений и исправлений в сообщении Фрейда о рукописи, которое, несомненно, основывалось только на переводе и изложении доктора Пайер-Турна (см. с. 288)[2].

---

[1] [Во всех рукописях эта фамилия пишется «Хайцманн», а не «Хайтцманн», как ее употребляет Фрейд. Ср. прим. 1 на с. 289, ниже.]

[2] Не так давно Вандендрише обнаружил дополнительный исторический материал о Кристофе Хайцманне, который не был известен Фрейду, в том числе дальнейшие переложения разделов «Trophaeum», что позволяло ему исправить текст венской рукописи и реконструировать ее поврежденные части. Эти сведения содержатся в интересной критической статье (1965), посвященной работе Фрейда.

[ВВЕДЕНИЕ][1]

Из неврозов детского возраста мы узнали, что кое-что из того, что затем удается распознать только благодаря основательному исследованию, здесь без труда можно увидеть невооруженным глазом. Сходное ожидание будет касаться невротических заболеваний прошлых столетий, если только мы готовы искать их под другими названиями, отличающимися от названий неврозов в наше время. Мы не должны быть удивлены, если неврозы этих ранних времен появляются в демонологическом обрамлении, тогда как перед непсихологической современностью они предстают в обрамлении ипохондрическом, замаскировавшись под органические болезни. Как известно, многие авторы во главе с Шарко[2] распознали в описаниях одержимости и экзальтации, оставленных нам искусством, формы проявления истерии; если бы им тогда уделяли больше внимания, то в историях этих больных было бы нетрудно обнаружить содержание невроза.

Демонологическая теория тех темных времен сохранила свою правоту перед всеми соматическими воззрениями «точного» научного периода. Одержимости соответствуют нашим неврозам, для объяснения которых мы снова привлекаем психические силы. Демоны для нас — это дурные, отвергнутые желания, потомки отринутых, вытесненных импульсов влечений. Мы просто отказываемся от проекции во внешний мир, которую производило с этими психическими существами средневековье; мы относим их возникновение к внутреннему миру больных, где они обитают.

[1] [В появившемся в 1925 году английском переводе этой работы здесь имеется следующее подстрочное примечание: «Автор желает добавить к английскому переводу две сноски (которые заключены в квадратные скобки) и выразить свое сожаление, что они не вошли в немецкий текст». Речь, собственно, идет о *дополнениях* к двум имеющимся сноскам, а именно на с. 301 и 302, ниже. Они публикуются там — в своей первоначальной английской редакции — впервые в немецком издании.]

[2] [Ср. «Предварительные замечания издателей», выше, с. 285.]

I
ИСТОРИЯ ХУДОЖНИКА ХРИСТОФА ХАЙТЦМАННА

Ознакомлением с таким демонологическом неврозом семнадцатого века я обязан любезному интересу господина надворного советника, доктора Пайера-Турна, директора бывшей Императорско-королевской библиотеки фидеикомисса[1] в Вене. Пайер-Турн обнаружил в библиотеке происходящую из Мариацелля[2] рукопись, в которой подробно рассказывается о чудесном избавлении по милости святой Марии от договора с дьяволом. Его интерес вызвала связь этого содержания с легендой о Фаусте, что послужило поводом для обстоятельного изложения и обработки материала. Но обнаружив, что человек, чье избавление описывается, страдал судорожными припадками и видениями, он обратился ко мне с просьбой дать медицинскую оценку случая. Мы договорились опубликовать наши работы порознь и независимо друг от друга[3]. Я приношу ему свою благодарность за его инициативу, а также за разного рода помощь при изучении рукописи.

Эта история демонологической болезни действительно представляет собой ценную находку, где многое ясно и без особых истолкований, подобно тому, как некоторые месторождения поставляют самородный металл, который в других местах приходится кропотливо выплавлять из руды.

Рукопись, точная копия которой имеется у меня, состоит из двух совершенно разных частей: из написанного по-латыни рассказа монаха — автора или компилятора — и из фрагмента написанного на немецком языке дневника пациента. Первая часть содержит предварительное сообщение и собственно описание чудесного исцеления; вторая часть для духовных лиц не может иметь значение, и тем ценнее она для нас. Она во многом способствует укреплению нашей колеблющейся в противном случае оценки данного заболевания, и у нас имеются все основания поблагодарить священнослу-

---

[1] [Собрание актов о недвижимом имуществе, передаваемом по праву наследования. Теперь — Австрийская национальная библиотека.]

[2] [Известное место паломничества, расположенное примерно в 140 км в юго-западном направлении от Вены.]

[3] [Статья Пайера-Турна появилась через год после публикации Фрейда.]

жителей за то, что они сохранили этот документ, хотя он уже ничем не содействует их намерениям, и даже, наверное, для них было бы лучше, если бы он был уничтожен.

Но прежде чем углубиться в композицию небольшой рукописной брошюры, носящей название

«Trophaeum Mariano-Cellense»,

я должен передать часть ее содержания, которую я заимствую из предварительного сообщения.

5 сентября 1677 года художник Христоф Хайтцманн[1], баварец, с сопроводительным письмом пастора Поттенбрунна (в Нижней Австрии) был доставлен в расположенный поблизости Мариацелль[2]. Он несколько месяцев занимался своим искусством в Поттенбрунне, 29 августа там в церкви у него случились ужасные судороги, и, когда они повторились в следующие дни, *Praefectus Dominii Pottenbrunnensis*[3] допросил его, что его тяготит и не вступил ли он в непозволительное общение со злым духом[4]. В ответ он признался, что действительно девять лет назад, отчаявшись в своем искусстве и терзаясь сомнениями в том, что сумеет себя обеспечить, поддался дьяволу, искушавшему его девять раз, и письменно обязался принадлежать ему телом и душой по истечении определенного времени. Конец срока наступал 24 числа текущего месяца[5]. Несчастный раскаивается и убежден, что его может спасти только милость Мариацелльской Божьей матери, ибо она заставит дьявола вернуть ему написанную кровью расписку. По этой причине священнослужителей из Мариацелля просят благожелательно отнестись к *miserum hunc hominem omni auxilio destitutum*[6].

На этом всё, пастор Поттенбрунна Леопольд Браун, 1 сентября 1677 года.

---

[1] [В оригинальной рукописи имя, вероятно, за единственным исключением, везде пишется «Хайцманн». Ср. прим. 1 в «Предварительных замечаниях издателей»с. 286.]

[2] Возраст художника нигде не указан. Из всех обстоятельств можно догадаться, что речь идет о мужчине между тридцатью и сорока годами, вероятно, ближе к нижней границе. Он умер, как мы узнаем [с. 293], в 1700 году.

[3] [Имеется в виду пастор Поттенбрунна.]

[4] Возможность того, что такая постановка вопроса подсказала, «внушила» больному фантазию о его сделке с дьяволом, здесь только слегка затрагивается.

[5] *quorum et finis 24 mensis hujus futurus appropinquat* [«...его конец приближается 24 числа этого месяца». — Это относится к сентябрю; в начале этого месяца было написано сопроводительное письмо.].

[6] [«этому несчастному, оставленному без всякой помощи человеку».]

Теперь я могу продолжить анализ рукописи. Итак, она состоит из трех частей:

1) из цветного титульного листа, на котором изображены сцена составления письменного обязательства и сцена избавления в Мариацелльской часовне; на следующем листе[1] представлены восемь также цветных изображений более поздних явлений дьявола с краткими подписями на немецком языке. Эти изображения — не оригиналы, а копии (как нас торжественно уверяли: точные копии) первоначальных произведений живописи Хр. Хайтцманна;

2) из собственно «Trophaeum Mariano-Cellense» (на латинском языке), произведения священника-компилятора, который в конце подписывается «П. А. Е.» и к этим буквам прилагает четыре стихотворные строки, содержащие его биографию. В завершение приводится свидетельство аббата Килиана из монастыря св. Ламберта[2] от 9[3] сентября 1729 года, который, основываясь на другом сочинении, отличном от сочинения компилятора, подтверждает полное соответствие рукописи и изображений с сохранившимися в архиве оригиналами. В каком году было написано «Trophaeum», не указывается. Мы вправе предположить, что это произошло в том же году, в котором аббат Килиан выдал свидетельство, то есть в 1729-м, или, поскольку 1714 год упоминается в тексте последним, сочинение компилятора следует отнести ко времени между 1714-м и 1729 годом. Чудо, которое этот труд должен был уберечь от забвения, случилось в 1677 году, то есть 37—52 годами раньше;

3) из написанного на немецком языке дневника художника, в котором охвачен период от его избавления в часовне до 13 января следующего, 1678, года. Он включен в текст «Trophaeum» почти в самом конце.

Основу самого «Trophaeum» составляют два документа: уже упомянутое [с. 289] сопроводительное письмо пастора Леопольда Брауна из Поттенбрунна от 1 сентября 1677 года и сообщение мариацелльского аббата Франциска из монастыря св. Ламберта, описывающее чудесное исцеление, от 12 сентября 1677 года, то есть датированное лишь несколькими днями позднее. Благодаря работе

[1] [На самом деле восемь рисунков и триптих («титульный лист» по Фрейду) охватывают пять фолиантовых страниц рукописи. (Macalpine, Hunter, 1956), см. с. 286, выше.]

[2] [Монахи монастыря Св. Ламберта должны были заботиться о жителях городка.]

[3] [Так в рукописи. У Фрейда, как было установлено Вандендрише (1965), ошибочно указано «12».]

редактора или компилятора П. А. Е. появились введение, которое, так сказать, объединяет два документа, затем несколько менее значимых соединяющих деталей, а в конце добавлено сообщение о дальнейшей судьбе художника, основанное на сведениях, полученных в 1714 году[1].

Таким образом, предыстория художника излагается в «Trophaeum» трижды:

1) в сопроводительном письме пастора Поттенбрунна,

2) в торжественном сообщении аббата Франциска и

3) во введении редактора.

При сравнении трех этих источников выявляются определенные разногласия, проследить которые представляется немаловажным.

Теперь я могу продолжить историю художника. После того как в течение долгого времени он каялся и молился в Мариацелле, 8 сентября, в день рождения Марии, около двенадцати часов ночи он получает назад от дьявола, появляющегося в святой часовне в виде крылатого дракона, написанный кровью договор. Позднее, к своему удивлению, мы узнаем, что в истории художника Хр. Хайтцманна фигурируют два обязательства перед дьяволом — одно более раннее, написанное черными чернилами, и другое более позднее, написанное кровью. В сообщаемой сцене заклинания, как можно заключить также из изображения на титульном листе, речь идет об обязательстве, написанном кровью, то есть о более позднем.

Здесь у нас может возникнуть сомнение в достоверности сообщения священников, которое могло бы предостеречь нас не тратить попусту наши усилия, работая над продуктом монашеского суеверия. Сообщается, что некоторые, названные по имени, священнослужители на протяжении всего времени оказывали помощь художнику, изгонявшему бесов, а также присутствовали при появлении дьявола в часовне. Если бы утверждалось, что и они тоже видели дьявола в виде дракона, видели, как он подает художнику исписанный красным цветом листок *(Schedam sibi porrigentem conspexisset*[2]), то перед нами возникло бы несколько неприятных возможностей, из которых коллективная галлюцинация была бы еще самой приемлемой. Только дословный текст представленного аббатом Франциском свидетельства устраняет это сомнение. В нем

[1] Это свидетельствует о том, что 1714 год является также датой написания «Trophaeum».

[2] [«... видел, как тот подает ему листок». — См. следующее примечание.]

ни в коем случае не утверждается, что и духовные помощники тоже видели дьявола, а честно и прозаически говорится, что художник вдруг вырвался из рук державших его священнослужителей, ринулся в угол часовни, где он увидел явление, а затем вернулся с листком в руке[1].

Чудо было великим, победа святой матери над сатаной несомненной, но излечение, к сожалению, недолговечным. К чести священников, следует еще раз подчеркнуть, что они не умалчивают об этом факте. Художник вскоре покинул Мариацелль в самом лучшем здравии, а затем отправился в Вену, где он жил у замужней сестры. Там 11 октября начались повторные, порой очень тяжелые приступы, о которых сообщается в дневнике вплоть до 13 января [1678 года]. Это были видения, состояния прострации, при которых он видел и переживал самые разные вещи, судорожные состояния, сопровождавшиеся самыми болезненными ощущениями, однажды состояние паралича ног и т. п. Но на сей раз его мучил не дьявол — его посещали святые образы, Христос, сама богородица. Самое удивительное, что от этих небесных явлений и наказаний, которые они ему назначали, он страдал не меньше, чем от прежнего общения с дьяволом. Также и эти новые переживания он описал в дневнике как явления дьявола и жаловался на *maligni Spiritus manifestationes*[2], когда в мае 1678 года вернулся в Мариацелль.

В качестве мотива своего возвращения он указал священнослужителям, что дьявол требует от него также исполнения другого, более раннего, обязательства, написанного чернилами[3]. И на этот раз святая Мария и благочестивые отцы помогли ему в исполнении его просьбы. Но о том, как это произошло, сообщение умалчивает. Лишь в нескольких словах говорится: «*Quâ iuxta votum redditâ*»[4]. Он снова молился и получил договор обратно. После этого он почувствовал себя совершенно свободным и вступил в орден Милосердных братьев.

---

[1] «*...[poenitens] ipsumque Daemonem ad Aram Sac. Cellae per fenestrellam in cornu Epistolae, Schedam sibi porrigentem conspexisset, eo advolans e Religiosorum manibus, qui eum tenebant, ipsam Schedam no manum obtinuit...*» [«...(кающийся) увидел самого дьявола в Святом алтаре из кельи через окошко со стороны эпистиля, как тот ему подает листок; он вырвался из рук державших его отцов, бросился к нему, схватил этот листок...»]

[2] [«Проявления злого духа». Рукопись гласит: «*de ... maligni Spiritus infestatione*» («на... обременение злым духом»).]

[3] Это обязательство, выданное в мае 1678 года, через девять с половиной лет, в сентябре 1668 года было бы уже давно просрочено.

[4] [«Когда оно было возвращено в соответствии с его молитвой».]

Здесь снова имеется повод признать, что очевидная тенденция его стараний не склонила компилятора к отрицанию требуемой от истории болезни правдивости. Ибо он не умалчивает о том, что в 1714 году удалось узнать о художнике от правления монастыря Милосердных братьев [в Вене]. Сообщается, что брат Хризостомус еще раз испытал искушения злого духа, который хотел склонить его к заключению нового соглашения, причем только тогда, *«когда он выпьет несколько больше вина»*, но милостью Божьей его удалось от этого отвратить. Брат Хризостомус *«в кротости и утешении»* умер в 1700 году от истощения в монастыре Нейштатского ордена в Молдове.

II
МОТИВ СОГЛАШЕНИЯ С ДЬЯВОЛОМ

Когда мы рассматриваем это обязательство перед дьяволом как историю невротической болезни, наш интерес сначала обращается к вопросу о его мотивации, которая тесно связана с поводом. Почему продают свою душу дьяволу? Доктор Фауст, хотя и с презрением, спрашивает: «Что дашь ты, жалкий бес?»[1] Однако он не прав, в качестве возмещения за бессмертную душу дьявол может предложить все, что высоко ценится людьми: богатство, безопасность, власть над людьми и силами природы, даже волшебство, но прежде всего: наслаждение, наслаждение прекрасными женщинам. Эти услуги или обязательства дьявола обычно также специально упоминаются в договоре с ним[2]. Что же было мотивом для Христофа Хайтцманна при заключении договора?

Как ни странно, ни одно из всех этих столь естественных желаний. Чтобы устранить всякое сомнение в этом, нужно лишь взглянуть на короткие замечания, которые художник добавляет к изображенным им явлениям дьявола. Например, пометка к третьему видению гласит:

«В третий раз он явился ко мне через полтора года в этом отвратительном облике, с книгой в руке, в которой говорилось исключительно о колдовстве и черной магии...»

Но из приписки к более позднему явлению мы узнаем, что дьявол обрушивается на него с упреками за то, что он *«сжег вышеупомянутую книгу»*, и угрожает разорвать его в клочья, если он ее ему не вернет.

При четвертом явлении он показывает ему большой кошелек желтого цвета и большой дукат и обещает в любой момент дать ему

---

[1] [«Фауст», часть I, 4-я сцена, перевод Н. Холодковского.]

[2] См. «Фауст», часть I [4-я сцена], Кабинет Фауста:

Я буду верным *здесь* тебе слугою,
Твоим веленьям подчинен вполне;
Когда же *там* мы встретимся с тобою,
Ты отплатить обязан тем же мне.
[Перевод Н. Холодковского.]

столько, сколько он пожелает, *«но я от этого наотрез отказался»*, — может похвалиться художник.

В другой раз он требует от него, чтобы он веселился и развлекался[1]. На это художник замечает, *«что, правда, и произошло по его желанию, но через три дня я не стал этого продолжать и снова оказался свободным»*.

Поскольку он отвергает колдовство, деньги и наслаждение, когда их ему предлагает дьявол, не говоря уже о том, что он вряд ли мог сделать их условиями договора, действительно хочется знать, чего же, собственно, этот художник хотел от дьявола, продав ему душу. Ведь должен же быть какой-то мотив для того, чтобы вступить в связь с дьяволом.

«Trophaeum» также дает надежные сведения на этот счет. Он стал унылым, не мог или не хотел работать по-настоящему и беспокоился об обеспечении своего существования, то есть у него была меланхолическая депрессия, сопровождавшаяся нежеланием работать и (оправданным) беспокойством за жизнь. Мы видим, что действительно имеем дело с историей болезни, а также узнаём, что было поводом этого заболевания, которое художник сам в примечаниях к изображениям дьявола напрямик называет меланхолией *(«должно этим меня развеселить и рассеять меланхолию»)*. Правда, из трех наших источников в первом, в сопроводительном письме пастора, упоминается лишь состояние депрессии *(«dum artis suae progressum emolumentumque secuturum p u s i l l a n i m i s perpenderet»[2])*, но во втором, в сообщении аббата Франциска, называется также источник этого уныния, или дурного настроения, ибо в нем говорится: *«Accepta aliquâ pusillanimitate ex m o r t e p a r e n t i s»*[3] и, соответственно, также во введении компилятора теми же, но только переставленными словами: *«Ex morte parentis acceptâ aliquâ pusillanimitate»*. Стало быть, его отец умер, из-за этого он впал в меланхолию, тут ему явился дьявол, спросил его, чем он так огорчен и опечален, и пообещал ему *«помочь всем, чем может, и выручить из беды»*[4].

---

[1] [В иллюстрации к оригинальной рукописи содержится намек на то, что это имеет сексуальное значение.]

[2] [«...когда он пал духом, усомнившись, сможет ли он дальше заниматься своим искусством и иметь доходы в будущем...»]

[3] [«...так как он был несколько удручен из-за смерти своего отца...» Как правило, слово «parens», если оно специально не оговаривается, обозначает родителя мужского пола.]

[4] Картина 1 и пояснение к ней на титульном листе, дьявол в образе *«добропорядочного бюргера»*. [Так он изображен также на первом из восьми отдельных рисунков. Ср. с. 300 и иллюстрацию на с. 305.]

Итак, он продает свою душу дьяволу, чтобы избавиться от угнетенного расположения духа. Несомненно, превосходный мотив по мнению каждого, кто может проникнуться муками подобного состояния и кто, кроме того, знает, как мало способно облегчить это страдание врачебное искусство. И все же никто из читателей, следовавших до сих пор за этим рассказом, не смог бы догадаться, каков бы дословный текст обязательства перед дьяволом (или, скорее, двух обязательств — первого, написанного чернилами, и второго, написанного примерно через год кровью, которые вроде бы по-прежнему хранятся в казначействе Мариацелля и о которых сообщается в «Trophaeum»).

Эти письменные обязательства приносят нам две больших неожиданности. Во-первых, в них нет ни одного обязательства перед дьяволом, за соблюдение которого гарантируется вечное блаженство; в них содержится лишь требование дьявола, которое должен соблюсти художник. Нам кажется совершенно нелогичным, абсурдным, что этот человек отдает свою душу не за нечто такое, что он получит от дьявола, а за то, что он сам должен что-то для дьявола сделать. Еще более странным выглядит обязательство художника.

Первая, написанная черными чернилами «syngrapha»:

> *Я, Христоф Хайтцманн, подписываюсь этому господину: на 9 лет быть ему преданным сыном. 1669 год.*

Вторая, написанная кровью:

> *Anno 1669*
> *Христоф Хайтцманн. Я обязуюсь перед этим сатаной быть ему преданным сыном и через девять лет принадлежать ему душой и телом.*

Все недоумение, однако, пропадает, если мы поправим текст письменных обязательств так, что в них в качестве требования дьявола излагается то, что скорее является намерением, то есть требованием художника. Тогда непонятный договор приобрел бы прямой смысл, и его можно было бы истолковать следующим образом: дьявол обязуется в течение девяти лет заменять художнику потерянного отца. По истечении этого времени художник телом и душой отдает себя дьяволу, как это было общепринято в таких вещах. Ход мысли художника, мотивирующий его договор, представляется следующим: из-за смерти отца он утратил хорошее настроение и работоспособность; получив теперь замену отца, он надеется вернуть обратно потерянное.

Ведь каждый, кто стал меланхоличным из-за смерти своего отца, должен был этого отца любить. Но тогда выглядит очень странным, что такой человек может прийти к мысли в качестве замены любимого отца выбрать дьявола.

III
ДЬЯВОЛ КАК ЗАМЕНА ОТЦА

Я опасаюсь, что трезвая критика не согласится с нами, что тем новым истолкованием мы раскрыли смысл договора с дьяволом. Она выдвинет против этого два возражения. Во-первых: совсем не обязательно рассматривать расписку как договор, в котором отражены обязанности обеих сторон. Скорее, она содержит лишь обязательство художника, а обязательство дьявола осталось вне ее текста, так сказать, *«sousentendue»*. Однако художник обязуется, во-первых, в течение девяти лет быть сыном дьявола и, во-вторых, полностью ему принадлежать после смерти. Тем самым одно из обоснований нашего вывода отпадает.

Второе возражение будет гласить, что неправомерно придавать особое значение выражению «быть преданным сыном дьявола». Это употребительный оборот речи, который каждый мог бы понять так, как его, возможно, поняли священнослужители. Они не переводят обещанное в обязательствах «быть сыном» на свою латынь, а лишь говорят, что художник обещал *«mancipavit»* предаться злому духу, обязался вести грешную жизнь и отрицать Бога и святую троицу. Почему мы решили отказаться от этой напрашивающейся и естественной точки зрения?[1] В таком случае все было бы очень просто: кто-то, испытывая мучения и беспомощность, в меланхолической депрессии отдает свою душу дьяволу, которого он также наделяет всеми терапевтическими умениями. То, что это дурное настроение возникло из-за смерти отца, далее значения не имеет, для него мог бы быть и другой повод. Это звучит убедительно и разумно. Против психоанализа снова раздается упрек, что он изощренным способом усложняет простые отношения, видит проблемы и тайны там, где они не существуют, и что он делает это, подчеркивая незначительные и второстепенные черты, которые

[1] На самом деле позднее [с. 311 и далее], когда мы рассмотрим, когда и для кого были составлены эти письменные обязательства, мы сами поймем, что их текст должен был звучать обыденно и общедоступно. Но нам достаточно и того, что он сохраняет двусмысленность, на которую может опереться также и наше истолкование.

можно обнаружить повсюду, чрезмерно их подчеркивает и возвышает их до носителей самых далеко идущих и самых удивительных выводов. Напрасно мы использовали бы против этого довод, что из-за подобного возражения упраздняются многие убедительные аналогии и разрываются тонкие взаимосвязи, на которые мы можем указать в данном случае. Противники скажут, что эти аналогии и взаимосвязи как раз и не существуют, а привносятся нами благодаря излишней изощренности ума.

Я начну свое возражение не со слов: «Будем честными» или «Будем откровенными», — ибо так должно быть всегда, и для этого не нужно брать особый разбег, а заверю простыми словами, что хорошо знаю: если кто-то уже не верит в правомерность психоаналитического образа мыслей, то он не приобретет этого убеждением и из случая художника Хр. Хайтцманна в семнадцатом веке. В мои намерения вовсе также не входит использовать этот случай как доказательство правоты психоанализа; напротив, я предпосылаю, что психоанализ прав, и использую его для того, чтобы прояснить демонологическое заболевание художника. Основанием для этого я считаю результаты наших исследований сущности неврозов в целом. Со всей скромностью можно сказать, что сегодня даже более тупые среди наших современников и коллег начинают видеть, что к пониманию невротических состояний невозможно прийти без помощи психоанализа.

«Лишь стрелы Трою покорят[1]», —

признает Одиссей в «Филоктете» Софокла.

Если мы верно рассматриваем письменное обязательство нашего художника перед дьяволом как невротическую фантазию, то его психоаналитическая оценка не нуждается в дополнительном оправдании. Также и незначительные признаки имеют свой смысл и значение, особенно в условиях возникновения невроза. Их, правда, можно с таким же успехом переоценить, как и недооценить, и как далеко желают зайти в их использовании, остается вопросом тактичности. Но если кто-то не верит в психоанализ и даже в дьявола, то оставим на его усмотрение, как он поступит со случаем художника — попытается его объяснить собственным способом или не найдет в нем ничего из того, что нуждается в объяснении.

Итак, мы возвращаемся к нашему предположению, что дьявол, которому наш художник продает свою душу, является для него не-

---

[1] [Перевод Ф. Зелинского.]

посредственной заменой отца. С этим согласуется также облик, в котором он вначале предстает перед ним как добропорядочный пожилой мещанин с коричневой окладистой бородой, в красном пальто, черной шляпе, опирающийся правой рукой на трость и с черной собакой рядом с собой (картина I)[1]. В дальнейшем его внешний вид становится все ужаснее, хотелось бы сказать: более мифологическим; для его оснащения используются рога, орлиные когти, крылья, как у летучей мыши. В конце он появляется в часовне в виде летающего дракона. К определенной детали его телесной формы мы должны будем вернуться позднее.

То, что дьявол выбирается в качестве замены любимого отца, действительно выглядит странно, но только тогда, когда мы впервые об этом слышим, ибо мы знаем о разных вещах, способных смягчить неожиданность. Прежде всего, что Бог — это замена отца, или, вернее, возвеличенный отец, или еще иначе: подобие отца в том виде, каким его видели и воспринимали в детстве отдельный человек — в своем собственном детстве и человеческий род — в своем доисторическом прошлом как отца первобытной орды. Позднее индивид воспринимал своего отца по-другому и как менее значительного, но детский образ сохранился и с передававшимся из поколения в поколение следом воспоминания о первобытном отце слился в представление о Боге отдельного человека. Мы также знаем из тайной истории индивида, которую раскрывает анализ, что с самого начала отношение к этому отцу, по всей видимости, было амбивалентным, во всяком случае вскоре стало таким, то есть оно охватывало две противоположных друг другу эмоции, не только нежно-покорные, но и враждебно-своенравные. Эта же амбивалентность, по нашему мнению, определяет отношение человеческого вида к своему божеству. Так и не завершившимся столкновением тоски по отцу, с одной стороны, и страха и сыновнего упрямства — с другой, мы объяснили себе важные особенности и решающие судьбы религии[2].

О злом демоне нам известно, что он понимается как противник Бога и все же по своей природе как очень близкий ему. Правда, его история не изучена так хорошо, как история Бога, не все религии включили в себя злого духа, противника Бога, его прообраз в индивидуальной жизни остается невыясненным. Но одно является установленным: боги могут стать злыми демонами, если их вытесняют новые боги. Если один народ побеждает другой, то низвергну-

---

[1] [Ср. иллюстрацию на с. 305.] У Гёте из такой черной собаки возникает сам дьявол. [«Фауст», часть I, 2-я и 3-я сцены.]

[2] См. «Тотем и табу» (1912—1913) и, в частности, Th. Reik (1919).

тые боги побежденных для народа-победителя нередко превращаются в демонов. Злой демон христианской веры, дьявол средневековья, согласно христианской мифологии, был даже упавшим ангелом и по своей природе сходным с Богом. Не требуется большой аналитической проницательности, чтобы догадаться, что Бог и дьявол первоначально были тождественны, представляли собой единый образ, который в дальнейшем распался на два образа с противоположными качествами[1]. В доисторические времена религий сам Бог еще носил в себе все эти устрашающие черты, которые впоследствии объединились в его противоположность.

Это — хорошо нам известный процесс расчленения представления с противоположным по смыслу — амбивалентным — содержанием на две резко контрастирующих противоположности. Однако противоречия в первоначальной природе Бога являются отражением амбивалентности, которая определяет отношение отдельного человека к своему личному отцу. Если милосердный и справедливый Бог — это замена отца, то нельзя удивляться тому, что также и враждебная установка человека, который его ненавидит, боится и жалуется на него, нашла выражение в сотворении сатаны. Стало быть, отец был бы индивидуальным прообразом как Бога, так и дьявола. Однако религии находились бы под неизгладимым впечатлением от того факта, что примитивный первобытный отец был безгранично злым существом, менее похожим на Бога, чем на дьявола.

Правда, в душевной жизни отдельного человека выявить след сатанинского представления об отце не так-то просто. Если мальчик рисует рожицы и карикатуры, то удается, скажем, доказать, что в них он насмехается над отцом, и если оба пола пугаются ночью взломщиков и грабителей, то распознать в них отщепленную часть отца не доставляет труда[2]. Также и животные, фигурирующие в фобиях у детей, чаще всего являются заменой отца, подобно тому, как в доисторические времена — тотемные животные. Но так отчетливо, как у нашего невротического художника семнадцатого века, нигде не услышишь, что дьявол — это подобие отца и что он может стать его заменой. Поэтому в начале этой работы [с. 288] я высказал ожидание, что такая история демонологической болезни, словно самородный металл, покажет нам то, что в неврозах более позднего, уже не суеверного, но зато ипохондрического времени должно быть

---

[1] См. Th. Reik (1923) в главе [VII]: «Бог и дьявол» [quoting Ernest Jones, 1912]. [См. прим. 1, с. 287, выше.]

[2] Взломщиком предстает отец-волк также в известной сказке про семерых козлят. [Эта сказка играет важную роль в истории болезни «Волкова» (1918*b*).]

получено из руды фантазий и симптомов благодаря кропотливой аналитической работе[1].

Более сильное убеждение мы получим, наверное, тогда, когда глубже проникнем в анализ заболевания у нашего художника. В том, что мужчина из-за смерти своего отца приобретает меланхолическую депрессию и у него пропадает желание работать, нет ничего необычного. Из этого мы заключаем, что он был привязан к этому отцу особенно сильной любовью, и вспоминаем о том, как часто тяжелая меланхолия также проявляется в качестве невротической формы печали[2].

В этом мы, несомненно, правы, но не тогда, когда далее заключаем, что это отношение является одной лишь любовью. Напротив, печаль после потери отца тем скорее превратится в меланхолию, чем больше отношение к нему было отмечено амбивалентностью. Вместе с тем подчеркивание этой амбивалентности подготавливает нас к возможности уничижения отца, которое выражается в неврозе дьявола у художника. Если бы мы теперь могли узнать о Хр. Хайтцманне столько же, сколько мы узнаём о пациенте, который подвергается нами анализу, то было бы легко выявить эту амбивалентность, воскресить в его памяти, когда и при каких поводах у него появилась причина бояться и ненавидеть своего отца, но прежде всего обнаружить случайные моменты, присоединившиеся к типичным мотивам ненависти к отцу, которые непременно коренятся в естественных отношениях отца с сыном. Вероятно, отсутствие желания работать нашло бы тогда особое объяснение. Возможно, отец противился желанию сына стать художником; его неспособность заниматься своим искусством после смерти отца была бы тогда, с одной стороны, выражением известного «послушания задним числом»[3], с другой стороны, эта не-

---

[1] Если нам так редко удается обнаружить дьявола как замену отца в наших анализах, то это может указывать на то, что у лиц, которые подвергаются нашему анализу, эта фигура средневековой мифологии давно сыграла свою роль. Для благочестивого христианина прошлых столетий вера в дьявола была не меньшим долгом, чем вера в Бога. В действительности он нуждался в дьяволе, чтобы иметь возможность придерживаться Бога. Затем по разным причинам спад религиозности затронул сначала и прежде всего персону дьявола.

Если осмелиться использовать идею о дьяволе как замене отца с культурно-исторической точки зрения, то также и процессы на ведьмами в средневековье можно увидеть в новом свете [как уже было показано Эрнестом Джонсом в главе о ведьмах в его книге, посвященной кошмарным снам (1912)]. [См. прим. 1, с. 287, выше. — Ср. также «Предварительные замечания издателей», выше, с. 285–286.]

[2] [В этой связи см. работу «Печаль и меланхолия» (1917*e*).]

[3] [Ср. анализ Шребера, выше, с. 180, и редакторское прим. 1 на этой же странице.]

способность, поставившая под угрозу самосохранение сына, должна была бы усилить тоску по отцу как защитнику перед жизненными трудностями. В качестве послушания задним числом она была бы также выражением раскаяния и успешного самонаказания.

Поскольку такой анализ с Хр. Хайтцманном, умершим в 1700 году, нам провести невозможно, мы вынуждены ограничиться выделением тех черт в его истории болезни, которые могут указать на типичные поводы к возникновению негативного отношения к отцу. Их не так много, они не очень бросаются в глаза, но весьма любопытны.

Прежде всего роль числа «девять». Договор со злым духом заключается на девять лет. В сообщении пастора Поттенбрунна, безусловно внушающем доверие, об этом говорится предельно ясно: *«Pro novem annis Syngraphen scriptam tradidit»*[1]. В этом сопроводительном письме, датированном 1 сентября 1677 года, также указывается, что через несколько дней срок истек: *«Quorum et finis 24 mensis hujus futurus appropinquat»*[2]. Стало быть, письменное обязательство было составлено 24 сентября 1668 года[3]. Более того, в этом сообщении число «девять» имеет еще и другое применение. *«Nantes»* — девять раз — художник сопротивлялся искушениям злого духа, прежде чем ему уступить. В более поздних сообщениях эта деталь больше не упоминается; *«Post annos novem»* [через девять лет], — говорится затем также и в свидетельстве аббата и *«Ad no novem annos»* [на 9 лет], — повторяет компилятор в своей выписке, — доказательство того, что это число не рассматривалось как не имеющее значения.

Число «девять» хорошо нам известно из невротических фантазий. Это число месяцев беременности, и где бы оно ни встречалось, наше внимание направляется им на фантазию о беременности. У нашего художника речь, правда, идет о девяти годах, а не о девяти месяцах, и, наверное, кто-нибудь скажет, что «девять» является важным числом также и в другом отношении. Но кто знает, не обязано ли вообще число «девять» доброй долей собственной святости своей роли в беременности, так что изменение девяти месяцев на девять лет не должно нас смущать. Мы знаем из сновидения, как «бессознательная духовная деятельность» бесцеремонно обращается с числами[4]. Если, к примеру, в сновидении нам встречается число

---

[1] [«Он вручил ему выписанный на девять лет договор».]

[2] [«...конец которого наступает 24 числа этого месяца».]

[3] Противоречием, которое состоит в том, что в обоих возвращенных письменных обязательствах указан 1669 год, мы займемся позже [с. 308 и далее].

[4] [Ср. «Толкование сновидений» (1900*a*), глава VI (E), *Studienausgabe*, т. 2, с. 402–406.]

«пять», то его каждый раз можно свести к важному числу «пять» бодрствующей жизни, но если в реальности это были пять лет разницы в возрасте или общество из пяти человек, то в сновидении они предстают в виде пяти банкнот или разделенного на пять частей фрукта. То есть число сохраняется, но его знаменатель меняется как угодно в зависимости от требований сгущения и смещения. Стало быть, девять лет в сновидении запросто могут соответствовать девяти месяцам реальной жизни. Работа сновидения обходится с числами бодрствующей жизни еще и другим способом, когда с суверенным безразличием нисколько не заботится о нулях, вообще не обращается с ними, как с числами. Пять долларов в сновидении могут представлять пятьдесят, пятьсот, пять тысяч долларов реальности.

Другая деталь в отношениях художника с дьяволом точно так же нам указывает на сексуальность. Первый раз, как уже упоминалось, он видит дьявола в облике добропорядочного бюргера. Но уже в следующий раз он гол, уродлив и имеет две пары женских грудей[1]. Теперь груди — то одна пара, то несколько пар — присутствуют во всех последующих явлениях. И только в одном случае у дьявола помимо грудей имеется огромный, переходящий в змею пенис. Это подчеркивание женской половой особенности через изображение больших свисающих грудей (нигде нет и намека на женские гениталии), казалось бы, явно противоречит нашему предположению, что для нашего художника дьявол означает замену отца. Такое изображение дьявола необычно и само по себе. Там, где дьявол — родовое понятие, то есть там, где дьяволы появляются во множестве числе, в изображении дьяволиц нет ничего необычного, но чтобы один дьявол, являющийся великой индивидуальностью, властителем ада и противником Бога, изображался иначе, чем по-мужски, более того, гипертрофированно по-мужски, с рогами, хвостом и огромным пенисом в виде змеи, — такого, как мне кажется, не бывает.

По этим двум незначительным признакам можно все-таки догадаться, какой типичный момент обусловливает негативный компонент его отношения к отцу. То, чему он противится, — это женская установка к отцу, достигающая кульминации (в девять лет) в фантазии родить ему ребенка. Нам хорошо известно это сопротивление из наших анализов, где оно принимает очень странные формы при переносе и создает для нас много сложностей. Вместе с печалью по потерянному отцу, с усилением тоски по нему у наше-

---

[1] [Ср. изображение на с. 306.]

Первое явление дьявола (см. с. 295, прим. 4, с. 300)

го художника также реактивируется давно вытесненная фантазия о беременности, от которой он вынужден защищаться неврозом и принижением отца.

Но почему низведенный до дьявола отец имеет телесный отличительный признак женщины? Сначала эта черта кажется непонятной, но вскоре появляются два конкурирующих между собой объяснения, которые не исключают друг друга. Женственная установка по отношению к отцу подверглась вытеснению, как только мальчику стало понятно, что условием соперничества с женщиной за любовь отца является отказ от собственных мужских гениталий, то есть кастрация. Стало быть, отвержение женственной установки является следствием сопротивления кастрации, обычно оно находит свое самое сильное выражение в противоположной фантазии о том, чтобы самому кастрировать отца, сделать его женщиной. Таким образом, груди дьявола соответствуют проекции на персону, заменяющую отца, то есть соответствуют собственной женственности. Другое объяснение такого оснащения тела дьявола имеет уже смысл не враждебного, а нежного отношения; в соответствии с таким объяснением мы усматриваем в придании этой формы признак того, что инфантильная нежность сместилась с матери на отца, и, следовательно, видим в этом намек на сильную предшествующую фиксацию на матери, в свою очередь ответственную за часть враждебности против отца. Большие груди — это позитивный половой признак матери также и в то время, когда негативный признак женщины, отсутствие пениса, ребенку еще не известен[1].

Если сопротивление мысли о возможной кастрации не позволяет нашему художнику покончить со своей тоской по отцу, то совершенно естественно, что он обращается за помощью и спасением к образу матери. Поэтому он заявляет, что только святая Мариацелльская богоматерь может избавить его от соглашения с дьяволом, и в день рождения матери (8 сентября) он получает обратно свободу. Не было ли также и 24 сентября — день, когда был заключен договор, — точно таким же знаменательным днем, мы, разумеется, никогда не узнаем.

Никакая другая часть полученных психоанализом сведений из душевной жизни ребенка не кажется обычному взрослому человеку столь отталкивающей и сомнительной, как женственная установка по отношению к отцу и вытекающая из нее фантазия мальчика о беременности. Мы можем говорить о ней без опасений и без потреб-

---

[1] Ср. «Детское воспоминание Леонардо да Винчи» (1910*c*).

Второе явление дьявола (см. с. 305)

ности в оправдании лишь с тех пор, как саксонский председатель судебной коллегии Даниэль Пауль Шребер опубликовал историю своего психотического заболевания и значительного выздоровления[1]. Из этой бесценной публикации мы узнаем, что господин председатель судебной коллегии примерно на пятидесятом году своей жизни приобрел стойкое убеждение, что Бог — впрочем, имеющий явно выраженные черты его отца, заслуженного врача доктора Шребера — принял решение его оскопить, использовать как женщину и сделать так, чтобы из духа Шребера возникли новые люди[2]. (Сам он оставался в браке бездетным.) Воспротивившись этому намерению Бога, которое казалось ему в высшей степени несправедливым и «противным мировому порядку», он заболел явлениями паранойи, которые, однако, с течением лет сошли на нет вплоть до незначительного остатка. Наделенный острым умом автор собственной истории болезни, пожалуй, не мог предвидеть, что он выявил в ней типичный патогенный момент.

Это сопротивление кастрации или женственной установке А. Адлер вырвал из его органических взаимосвязей, поверхностно или ошибочно связал со стремлением к власти и представил как самостоятельный «мужской протест». Поскольку невроз может произойти лишь из конфликта двух стремлений, причину «всех» неврозов правомерно усматривать в мужском протесте точно так же, как и в женственной установке, против которой этот протест направлен. Действительно, этот мужской протест обычно участвует в формировании характера, причем у некоторых типов в весьма значительной степени, и он предстает перед нами в виде сильнейшего сопротивления при анализе невротических мужчин. Психоанализ признает мужской протест в связи с комплексом кастрации, но не утверждает его всевластие или вездесущность при неврозах. Самый явный случай мужского протеста во всех его внешних реакциях и чертах характера представлял собой пациент, обратившийся ко мне за врачебной помощью в связи с навязчивыми идеями, в которых отчетливо проявился нерешенный конфликт между мужской и женской установками (страх кастрации и желание кастрации). Кроме того, у пациента развились мазохистские фантазии, которые, несомненно, сводились к желанию принять кастрацию и побуждали его к реальному удовлетворению этих фантазий в противоестествен-

---

[1] D. P. Schreber, «Denkwürdigkeiten eines Nervenkranken», Leipzig 1903. Ср. мой анализ случая Шребера [(1911с), в данном томе с. 139 и далее].

[2] [См. выше, с. 173 и 182.]

ных ситуациях. Все его состояние основывалось — как и теория Адлера в целом — на вытеснении, отрицании любовных фиксаций в раннем детском возрасте[1].

Председатель судебной коллегии Шребер пошел на поправку, когда решил отказаться от сопротивления кастрации и смириться с предназначенной ему Богом женской ролью. После этого он стал спокойным и просветленным, сумел сам добиться своей выписки из лечебницы и вел нормальную жизнь за исключением одного пункта: ежедневно он посвящал несколько часов уходу за своей женственностью, которая, как он по-прежнему был убежден, постепенно движется к цели, установленной Богом.

---

[1] [Представление Адлера о «мужском протесте» Фрейд более подробно рассмотрел несколькими годами раньше в работе «"Ребенка бьют"» (1919*e*); см. выше, с. 251 и далее.]

IV
ДВЕ РАСПИСКИ

Странной деталью в истории нашего художника является сообщение о том, что он выписал дьяволу два разных обязательства. Первое, написанное черными чернилами, имело следующий текст:

«Я, Хр. Х., подписываюсь этому господину: на 9 лет быть его верным сыном»

Второе, написанное кровью, гласит:

«Хр. Х. Я обязуюсь перед этим сатаной быть ему верным сыном и на девятом году принадлежать ему своим телом и душой».

Оба они при написании «Trophaeum» должны были находиться в оригинале в архиве Мариацелля, оба датированы одним и тем же 1669 годом.

Я уже не раз упоминал оба письменных обязательства и собираюсь теперь заняться ими подробнее, хотя именно здесь возникает особенно сильная опасность переоценить малосущественные детали.

Тот факт, что душа продается дьяволу дважды, в результате чего первое письмо заменяется вторым, не теряя, однако, собственной силы, необычен. Наверное, тех, кто больше знаком с материалом, имеющим отношение к дьяволу, он удивляет меньше. Я же смог усмотреть в этом лишь особую странность нашего случая и стал недоверчивым, обнаружив, что сообщения не согласуются именно в этом пункте. Прослеживание этих противоречий неожиданным образом приведет нас к более глубокому пониманию истории болезни.

Сопроводительное письмо священника Поттенбрунна обнаруживает самые простые и ясные обстоятельства. В нем говорится лишь об обязательстве, которое художник девять лет назад написал кровью и которое теперь подлежит уплате в ближайшие дни, 24 сентября [1677 года], то есть оно было выдано 24 сентября 1668 года; к сожалению, этот год, который можно со всей определенностью вывести, конкретно не называется. В свидетельстве аббата Франциска, которое, как нам известно, датировано несколькими днями позднее (12 сентября 1677 года), упоминается уже более сложное

положение вещей. Можно предположить, что художник тем временем сделал более точные сообщения. В этом свидетельстве говорится, что художник дал два обязательства — одно написанное черными чернилами в 1668 году (как это и должно было бы быть согласно сопроводительному письму), другое, однако, написанное кровью *«sequenti anno 1669* [в следующем 1669 году]*»*. Распиской, полученной им обратно в день рождения Марии [8 сентября], было обязательство, написанное кровью, то есть более позднее, выданное в 1669 году. Это не вытекает из свидетельства аббата, ибо в дальнейшем там просто говорится: *«Schedam redderet»* [должен был возвратить листок] и *«Schedam sibi porrigentem conspexisset»* [видел, как тот ему подает листок], словно речь могла идти только об одном-единственном документе. Но, пожалуй, это следует из дальнейшей истории, а также из цветного титульного листа «Trophaeum», где на листке, который держит демонический дракон, можно отчетливо увидеть письмо *красного* цвета. Как уже упоминалось, последующие события таковы: после того как в Вене художник подвергся новым искушениям дьявола, в мае 1678 года он возвращается в Мариацелль и просит, чтобы еще раз милостью святой матери ему вернули также и этот первый, написанный чернилами, документ. Каким образом это происходит, — так подробно, как в первый раз, уже не описывается. Говорится лишь: *«Quâ iuxta votum redditâ»* [когда оно было возвращено в соответствии с его молитвой], а в другом месте компилятор рассказывает, что именно это письменное обязательство, *«искомканное и разорванное на четыре части»*[1], дьявол бросил художнику 9 мая 1678 года около девяти часов вечера.

Однако обе расписки имеют одну и ту же дату: 1669 год.

Это противоречие либо совсем ничего не значит, либо наводит на такой след:

Если мы исходим из изложения аббата как более подробного, то возникают различные трудности. Когда Хр. Х. признался пастору Поттенбрунна, что он в неволе у дьявола и что срок скоро истекает, он мог иметь в виду (в 1677 году) лишь обязательство, выданное в 1668 году, то есть первое, написанное черными чернилами (которое, однако, в сопроводительном письме называется единственным и обозначается как написанное кровью). Но несколько дней спустя, в Мариацелле, он озабочен лишь тем, чтобы получить обратно более позднюю, написанную кровью расписку, срок уплаты по которой еще не наступил (1669–1677), тогда как первая оказывается

[1] [*«...in globum convolutam et in quatuor partes dilaceratam...»*]

просроченной. Ее он просит вернуть только в 1678 году, то есть на десятом году. Далее: почему обе расписки датированы одним и тем же 1669 годом, если одна из них определенно отнесена к *«anno subsequenti»*[1]?

Компилятор, должно быть, ощущал эти трудности, ибо он делает попытку их устранить. В своем введении он присоединяется к изложению аббата, но в одном пункте его изменяет. Художник, — говорит он, — в 1669 году написал расписку дьяволу чернилами, *«deinde vero»*, а позднее — кровью. Стало быть, он не принимает в расчет совершенно определенные указания обоих сообщений, что одна из расписок приходится на 1668 год, и пренебрегает замечанием в свидетельстве аббата, что между двумя письменными обязательствами указание года было изменено, чтобы сохранить соответствие с датами обоих возвращенных дьяволом документов.

В свидетельстве аббата после слов *«sequenti vero anno 1669* [а в следующем 1669 году]*»* имеется заключенная в скобки фраза: *«Sumitur hie alter annus pro nondum completo, uti saepe in loquendo fieri solet, nam eundem annum indicant Syngraphae, quarum atramento scripta ante praesentem attestationem nondum habita fuit»*[2]. Это место — несомненная вставка компилятора, ибо аббат, видевший только одну расписку, все же не мог сказать, что обе они содержат одну и ту же дату. Поэтому, пожалуй, эту фразу и понадобилось выделить скобками как постороннее дополнение к свидетельству[3]. Ее содержание представляет собой другую попытку компилятора примирить имеющиеся противоречия. Он полагает: действительно, первая расписка была дана в 1668 году, но поскольку год был уже на исходе (сентябрь), художник сдвинул дату на год вперед, в результате чего в обеих расписках оказался указан один и тот же год. Его ссылка на то, что так часто поступают в устном общении, пожалуй, обрекает на провал всю эту попытку дать объяснение как «отговорку».

Я не знаю, произвело ли мое изложение какое-нибудь впечатление на читателя и дало ли оно ему возможность заинтересоваться этими пустяками. Я счел невозможным установить истинное поло-

---

[1] [Это взято из введения компилятора. Вышеупомянутые (с. 311) и упоминаемые в дальнейшем слова *«sequenti anno»* заимствованы из свидетельства аббата.]

[2] [«Здесь был принят второй (более поздний) год вместо еще не истекшего, как это довольно часто (в рукописи: "*saeptus*") бывает в беседе; ибо в (обеих) расписках указан один и тот же год; из них та, что написана чернилами, до настоящего свидетельства еще не была получена обратно».]

[3] [Она и написана гораздо более мелким почерком, чем остальное свидетельство аббата.]

жение вещей несомненным образом, но при изучении этого запутанного дела у меня возникла догадка, имеющая то преимущество, что она соответствует самому естественному ходу событий, хотя письменные свидетельства также и с ней не совпадают полностью.

Я думаю, что, когда художник впервые приехал в Мариацелль, он рассказал только об *одном*, действительно написанном кровью обязательстве, срок действия которого вскоре должен был истечь, то есть об обязательстве, данном в сентябре 1668 года, в точности, как об этом сообщается в сопроводительном письме пастора. В Мариацелле он и предъявил эту написанную кровью расписку в качестве той, которую демон ему вернул под принуждением со стороны святой матери. Мы знаем, что произошло дальше. Вскоре после этого художник покинул Мариацелль и отправился в Вену, где он чувствовал себя свободным до середины октября. Но затем страдания и явления, в которых он усматривал происки дьявола, возобновились. Он снова почувствовал себя нуждающимся в избавлении, но перед ним возникла проблема, как объяснить, почему изгнание беса в святой часовне не принесло ему длительного избавления. В качестве больного, у которого произошел рецидив, наверное, он не был бы желанным гостем в Мариацелле. В этом бедственном положении он выдумал более раннее, первое обязательство, которое, однако, должно было быть написано чернилами, чтобы его запоздалое появление — по сравнению с последующей, написанной кровью распиской — могло показаться убедительным. Вернувшись в Мариацелль, он попросил вернуть себе также и это якобы первую расписку. После этого он обрел покой перед злым духом, но вместе с тем сделал еще и нечто иное, что укажет нам на подоплеку его невроза.

Несомненно, он сделал рисунки только во время своего второго пребывания в Мариацелле; скомпонованный в единый сюжет титульный лист содержит изображение обеих сцен заключения договора с дьяволом. При попытке привести в соответствие свои новые сведения с предыдущими он, по всей видимости, пришел в замешательство. Для него было неблагоприятно, что он мог присочинить только более раннюю, а не более позднюю расписку. Из-за этого он не мог избежать того неловкого результата, что одно обязательство, то, что написано кровью, он выкупил слишком рано (на восьмом году), а другое, написанное чернилами, — слишком поздно (на десятом году). В качестве предательского признака его двукратной редакции случилось так, что он ошибся при указании дат обязательств и более раннее отнес к 1669 году. Эта ошибка имеет значе-

ние невольной откровенности; она позволяет нам догадаться, что якобы более раннее обязательство было составлено в более поздний срок. Компилятор, который, несомненно, взялся за обработку этого материала не раньше, чем в 1714 году, а возможно, только в 1729-м, должен был потрудиться, чтобы, насколько это для было в его силах, устранить не такие уж несущественные противоречия. Поскольку обе лежавшие перед ним расписки указывали на 1669 год, он помог себе отговоркой, которую он присоединил к свидетельству аббата.

Нетрудно увидеть, в чем заключается слабость этой в остальном привлекательной конструкции. Сведения о двух обязательствах — одном, написанном чернилами, и другом, написанном кровью — содержатся уже в свидетельстве аббата Франциска. Поэтому у меня есть выбор: либо приписать компилятору, что он также кое-что изменил в этом свидетельстве сразу же после его включения, либо я должен признать, что не способен устранить путаницу[1].

Возможно, вся эта дискуссия покажется читателям излишней, а обсуждаемые в ней детали — совершенно неважными. Но этот вопрос приобретает новый интерес, если его проследить в определенном направлении.

Я только что сказал про художника, что он, неприятно пораженный течением своей болезни, выдумал более раннюю расписку (написанную чернилами), чтобы суметь утвердить свою пози-

---

[1] Как я думаю, компилятор оказался в тисках между двумя зафиксированными пунктами. С одной стороны, и в сопроводительном письме пастора, и в свидетельстве аббата он нашел сведения, что расписка (во всяком случае первая) была выдана в 1668 году, с другой стороны, в обоих сохранившихся в архиве письменных обязательствах указывался 1669 год; поскольку перед ним лежали две расписки, для него было установленным, что было написано два обязательства. Если в свидетельстве аббата, как я полагаю, говорилось только об одном, то он должен был включить в это свидетельство упоминание о другом, а затем устранить противоречие с помощью допущения о датировании документа более поздним годом. Предпринятое им изменение текста непосредственно примыкает к вставке, которая может происходить только от него. Он был вынужден связать вставку и изменение текста с помощью слов *«sequenti vero anno 1669»*, поскольку художник в (очень поврежденной) подписи к фронтиспису недвусмысленно указал:

Через год он удостоил
..страшными угрозами в омер-
..........облике № 2, заставил
...........подписаться кровью.

То, как художник подписался, подготовив *syngraphae*, кажется мне не менее интересным, чем сами его расписки; это и заставило меня прийти к моей попытке объяснения.

цию у священников в Мариацелле. Теперь я пишу для читателей, которые верят в психоанализ, но не в дьявола, и которые могли бы сказать мне в укор, что бессмысленно делать подобный упрек бедолаге-художнику — *hunc miserum*, как его называют в сопроводительном письме. Обязательство, написанное кровью, было таким же воображаемым, как и якобы более раннее, написанное чернилами. На самом деле никакой дьявол ему вообще не являлся, весь договор с дьяволом существовал только в его фантазии. Я это признаю; нельзя оспаривать у бедняги право дополнить свою первоначальную фантазию новой, если этого, по-видимому, потребовали изменившиеся условия.

Но также и здесь еще имеется продолжение. Оба письменных обязательства — это не фантазии, подобные видениям дьявола; это были документы, которые по уверению переписчика, равно как и по свидетельству жившего позднее аббата Килиана, хранились в архиве Мариацелля, и каждый мог их видеть и осязать. Таким образом, мы оказываемся перед дилеммой. Либо мы должны предположить, что художник сам составил якобы возвращенные ему Божьей милостью *schedae* в то время, когда они ему понадобились, либо мы должны отказать в доверии священникам Мариацелля и монастыря святого Ламберта, несмотря на все торжественные уверения, подтверждения свидетелей с приложенными печатями и т. д. Признаюсь, что мне трудно заподозрить священников. Хотя я склоняюсь к предположению, что ради соответствия компилятор кое-что фальсифицировал в свидетельстве первого аббата, но эта «вторичная переработка» не выходит далеко за аналогичные действия также современных и светских летописцев, и во всяком случае это было сделано из лучших побуждений. Священнослужители завоевали полное право на наше доверие в другом отношении. Я уже говорил [с. 291–293], что им ничего не могло бы помешать скрыть сообщения о том, что излечение было неполным и искушения продолжались, а описание сцены изгнания беса в часовне, которую можно было ожидать с некоторым опасением, оказалась прозаичной и достоверной. Ничего не остается, как обвинить художника. По-видимому, отправившись на покаянную молитву в часовню, он имел при себе обязательство, написанное красным цветом, а затем его извлек, вернувшись после своей встречи с демоном к духовным помощникам. Наверное, это был вовсе не тот листок, который позже хранился в архиве, — согласно нашей конструкции, он мог быть датирован 1668 годом (за девять лет до изгнания беса).

V
ДАЛЬНЕЙШИЙ НЕВРОЗ

Но это был бы обман, а не невроз, художник был бы симулянтом и фальсификатором, а не одержимым больным! Что ж, как известно, переходы между неврозом и симуляцией являются плавными. Я не вижу также препятствий предположить, что художник написал этот листок, равно как и более поздний, находясь в особом, сопоставимым с его видениями состоянии, и взял его с собой. Если он хотел осуществить фантазию о договоре с дьяволом и о своем избавлении, то ничего другого он сделать и не мог.

И наоборот, печать правдивости носит дневник из Вены, который во время второго своего пребывания в Мариацелле он передал священникам. Это, однако, позволяет нам глубже понять мотивацию — или, лучше сказать: использование — невроза.

Записи охватывают период с момента успешного изгнания беса до 13[1] января следующего, 1678, года. До 11 октября в Вене, где он поселился у замужней сестры, ему жилось довольно хорошо, но затем стали возникать новые состояния с видениями и судорогами, потерей сознания и болезненными ощущениями, которые и заставили его в мае 1678 года вернуться в Мариацелль.

Новая история страданий разделяется на три фазы. Сначала искушение является в образе красиво одетого кавалера, который хочет его уговорить выбросить листок, подтверждающий его принятие в братство святых четок[2]. Поскольку он этому воспротивился, это же явление повторилось на следующий день, но на этот раз в пышно украшенном зале, в котором знатные господа танцевали с прекрасными дамами. Этот же кавалер, который уже однажды его искушал, сделал ему некое предложение, связанное с живописью[3], и пообещал ему солидные деньги. После того как он молитвами заставил исчезнуть это видение, оно повторилось несколько дней спустя в еще более настойчивой форме. На этот раз кавалер послал

---

[1] [Во всех предыдущих немецких изданиях, кроме первого, здесь ошибочно стоит «15».]

[2] [Религиозный орден, в который он был принят по прибытии в Вену.]

[3] Непонятное мне место.

к нему одну из самых красивых женщин, сидевших за праздничным столом, чтобы привести его в общество, и ему стоило немалого труда защититься от соблазнительницы. Но самым пугающим было последовавшее вскоре после этого видение еще более роскошного зала, в котором находился *«воздвигнутый золотой трон»*. Вокруг него стояли кавалеры, ожидавшие прибытия своего короля. Тот же самый человек, который уже не раз к нему приставал, подошел к нему и попросил взойти на трон, они *«хотели видеть его своим королем и почитать до скончания века»*. Этим разгулом фантазии завершается первая, вполне очевидная фаза истории искушения.

Теперь должно было произойти противодействие. Аскетическая реакция подняла свою голову. 20 октября ему явилось яркое сияние, оттуда раздался голос, по которому можно было узнать Христа, и потребовал от него отказаться от этого злого мира и шесть лет прослужить Богу в пустыне. Очевидно, художник страдал от этих святых явлений больше, чем от прежних демонических. От этого приступа он очнулся только через два с половиной часа. В дальнейшем окруженная сиянием святая особа была гораздо недружелюбнее, угрожала ему, поскольку он не принял Божьего предложения, и привела его в ад, чтобы он испугался участи проклятых. Но, очевидно, эффекта не последовало, ибо явления особы, окруженной сиянием, которая должна была быть Христом, повторились еще несколько раз, в каждом случае это сопровождалось длившимися часами прострацией и восторженностью художника. В самом грандиозном из этих состояний восторженности особа, окруженная сиянием, сначала привела его в город, на улицах которого люди творили всевозможные темные дела, а затем для контраста — на прекрасный луг, где отшельники вели свою богоугодную жизнь и получали ощутимые доказательства Божьей милости и заботы. Затем вместо Христа явилась сама святая мать, которая призвала его, сославшись на свою ранее оказанную помощь, исполнить повеление своего любимого сына. *«Так как по-настоящему он не решился на это»*, на следующий день снова вернулся Христос и стал изрядно ему досаждать угрозами и посулами. В конце концов он уступил, решил уйти из этой жизни и сделать то, чего от него требовали. Вторая фаза оканчивается этим решением. Художник констатирует, что с этого времени никаких явлений или искушений у него больше не было.

Между тем это решение не стало твердым, или же его выполнение было отложено на слишком долгое время, ибо, когда 26 декабря он совершал свой молебен в соборе св. Стефана, при виде добродетельной девы, пришедшей с нарядно одетым господином, он не мог

защититься от мысли, что он сам мог бы быть на месте этого господина. Это потребовало наказания, и уже тем же вечером оно постигло его, как удар молнии; он увидел себя в ярком пламени и упал в обморок. Его попытались привести в чувство, но он перекатывался по комнате до тех пор, пока кровь не пошла изо рта и носа, ощущал, что он находится посреди зноя и смрада, и слышал, как голос ему говорил, что это состояние было ему послано в наказание за его негодные и никчемные мысли. Позже злые духи бичевали его веревками и пообещали ему, что будут так мучить его каждый день, пока он не решит вступить в орден отшельников. Эти переживания продолжались все время, пока он вел свои записи (до 13 января).

Мы видим, как у нашего бедного художника фантазии об искушении сменяются аскетическими фантазиями и, наконец, фантазиями о наказании; конец этой истории страданий мы уже знаем. В мае он отправляется в Мариацелль, там приводит историю о более раннем, написанном черными чернилами обязательстве, которому он, очевидно, приписывает то, что его по-прежнему мучает дьявол, получает обратно также и эту расписку и исцеляется.

Во время этого второго пребывания он рисует картины, которые скопированы в «Trophaeum», но затем делает нечто такое, что совпадает с требованием аскетической фазы его дневника. Он, правда, не отправляется в пустыню, чтобы стать отшельником, но вступает в Орден милосердных братьев: *religiosus factus est*[1].

Читая дневник, мы приходим к пониманию еще одной части общей взаимосвязи. Мы помним, что художник продал свою душу дьяволу, потому что, будучи расстроенным и неспособным работать после смерти отца, обеспокоился тем, что не сможет обеспечить свое существование. Эти моменты, депрессия, нежелание работать и печаль по отцу, каким-то образом — простым или более сложным — друг с другом связаны. Возможно, облики дьявола потому так обильно были оснащены грудями, что злой дух должен был стать его кормильцем. Надежда не оправдалась, ему и в дальнейшем было плохо, он не мог по-настоящему работать, или ему не везло и он не мог найти достаточно хорошей работы. В сопроводительном письме пастора о нем говорится как о *«hunc miserum omni auxilio destitutum»* [см. с. 289]. Стало быть, он страдал не только морально, он и материально. В воспроизведение его более поздних видений [в его дневнике] вкраплены замечания, которые, подобно содержанию увиденных сцен, показывают, что также и после первого успешного

---

[1] [Религиозный факт налицо (лат.). — *Примечание переводчика*].

изгнания беса в этом отношении ничего не изменилось. Мы знакомимся с человеком, который ничего не может добиться и которому поэтому отказано также в доверии. В первом видении кавалер спрашивает его, что, собственно, он собирается теперь делать, так как никто о нем не позаботится *(«раз я всеми покинут, что я намереваюсь делать»)*. Первый ряд видений в Вене полностью соответствует фантазиям-желаниям бедного, истосковавшегося по наслаждениям, отчаявшегося человека: великолепные залы, беззаботная жизнь, серебряная столовая посуда и красивые женщины; здесь наверстывается то, чего мы недосчитались в отношениях с дьяволом. Тогда существовала меланхолия, сделавшая его неспособным наслаждаться, велевшая отказаться от самых соблазнительных предложений. После изгнания беса меланхолия, похоже, преодолена, все страстные влечения мирского человека пробудились снова.

В одном из аскетических видений он жалуется им руководящей особе (Христу), что ему никто не желает верить, и поэтому он не может исполнить того, что ему было велено. Ответ, который он получает, к сожалению, остается для нас неясным *(«Поскольку мне не верят в том, что, однако, происходило и что мне известно, самому мне об этом рассказать невозможно»)*. Но особую ясность вносит то, что его божественный наставник заставляет пережить у отшельников. Он попадает в пещеру, в которой уже шестьдесят лет сидит пожилой человек, и в ответ на свой вопрос узнает, что этого старика ежедневно кормят ангелы Бога. А затем он видит сам, как ангел приносит старику поесть: *«Три миски с едой, хлеб, клецки и питье»*. После того как отшельник поел, ангел собирает все и уносит с собой. Мы понимаем, в какое искушение должны его вводить благочестивые видения, они хотят подвигнуть его выбрать форму существования, в которой с него снимают заботы о пропитании. Заслуживают внимания и речи Христа в последнем видении. После угрозы, что, если он не смирится, с ним случится нечто такое, [во что[1]] должны будут поверить он сам и другие люди, он напрямую увещевает: *«Я не должен обращать внимания на людей; даже если они станут меня преследовать или ничем не будут мне помогать, Бог меня не покинет»*.

Хр. Хайтцманн был настолько художником и мирским человеком, что ему было нелегко отказаться от этого грешного мира. Но, наконец, он это сделал, приняв все-таки во внимание свое беспомощное положение. Он вступил в духовный орден; тем са-

---

[1] [Вставка и прямоугольные скобки принадлежат Фрейду.]

мым внутренняя борьба, равно как и его материальная нужда окончились. В его неврозе этот выход отражается в том, что возвращение мнимой первой расписки устраняет его приступы и видения. Собственно говоря, обе части его демонологического заболевания имели один и тот же смысл. Он всегда хотел лишь обеспечить свою жизнь, первый раз с помощью дьявола ценой своего счастья, а когда потерпел фиаско и был вынужден сдаться, — с помощью духовного состояния, за которое ему пришлось заплатить своей свободой и отказом от возможностей наслаждаться жизнью. Не исключено, что Хр. Хайтцманн был всего лишь не ведавшим счастья бедолагой, возможно, он был слишком нерасторопным или слишком бездарным, чтобы содержать себя самого, и относился к тем типам людей, которые известны нам в качестве «вечных младенцев», которые не могут отказаться от отрадной ситуации — отказаться от материнской груди — и всю жизнь притязают на то, чтобы их кормил кто-то другой. И, таким образом, в этой истории болезни он прошел путь от отца через дьявола как замену отца к благочестивым патерам.

При поверхностном рассмотрении его невроз предстает фиглярством, покрывающим часть серьезной, но банальной борьбы за существование. Разумеется, так обстоятельства складываются не всегда, но такое и не так уж редко встречается. Аналитики часто обнаруживают, как невыгодно лечить коммерсанта, который «будучи в целом здоровым, с некоторых пор демонстрирует симптомы невроза». Деловая катастрофа, угрозу которой ощущает коммерсант, в качестве побочного действия порождает этот невроз, от которого он имеет также и выгоду, состоящую в том, что он может скрыть за его симптомами свои реальные жизненные заботы. Иначе этот невроз вообще оказывается нецелесообразным, поскольку он отнимает силы, которые с большей выгодой были бы использованы на то, чтобы разумным образом уладить опасную ситуацию.

В гораздо более многочисленных случаях невроз является более самостоятельным и независимым от интересов сохранения жизни и утверждения в ней. В конфликте, который создает невроз, задействованы либо исключительно либидинозные интересы, либо либидинозные интересы, тесно связанные с интересами утверждения в жизни. Динамизм невроза во всех трех случаях одинаков. Застой либидо, которое нельзя удовлетворить в реальности, с помощью регрессии к давним фиксациям создает себе отток через вытесненное бессознательное. Если Я больного способно извлечь из этого процесса выгоду от болезни, то ее может обеспечить не-

вроз, экономическая вредность которого все-таки не подлежит сомнению.

Также и неблагоприятные жизненные обстоятельства у нашего художника не вызвали бы у него невроза дьявола, если бы в результате лишений у него не усилилась тоска по отцу. Но после того как с меланхолией и дьяволом было покончено, у него началась борьба между либидинозной жизнерадостностью и пониманием того, что интересы сохранения жизни властно требуют отказа и аскетизма. Любопытно, что художник очень хорошо ощущает единство обеих частей истории своих страданий, ибо и ту, и другую он сводит к письменным обязательствам, которые он дал дьяволу. С другой стороны, он не проводит строгого различия между воздействиями злого духа и воздействиями божественных сил; для того и другого у него имеется только одно название: явления дьявола.

Приложение

БИБЛИОГРАФИЯ

Предварительное замечание. Названия книг и журналов выделены курсивом, названия статей в журналах или книгах заключены в кавычки. Сокращения соответствуют изданию «World List of Scientific Periodicals» (Лондон, 1963–1965). Другие используемые в этом томе сокращения разъясняются в «Списке сокращений» на с. 318. Цифры в круглых скобках в конце библиографических пометок означают страницы данного тома, где даются ссылки на данную работу. Выделенные курсивом буквы после указания года издания приведенных ниже сочинений Фрейда относятся к библиографии Фрейда, представленной в последнем томе англоязычного собрания сочинений «Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud». Расширенный вариант этой библиографии на немецком языке содержится в томе «Freud-Bibliographie mit Werkkonkordanz», подготовленном Ингеборг Мейер-Пальмедо и Герхардом Фихтнером (издательство С. Фишера, Франкфурт-на-Майне, 1989). Список авторов, труды которых не относятся к научной литературе, или ученых, труды которых не упоминаются, см. в разделе «Именной указатель».

ABRAHAM, K. (1908) «Die psychosexuellen Differenzen der Hysterie und der Dementia praecox», *Zentbl. Nervenheilk.*, N. F. т. 19, S. 521. Новое издание в: K. Abraham, *Psycho-analytische Studien II, Conditio humana*, Frankfurt am Main, 1971, S. 132. (167, 188, 192, 198)

ADLER, A. (1910) «Der psychische Hermaphroditismus im Leben und in der Neurose», *Fortschr. Med.*, т. 28, S. 486. (168, 230, 250–253)

ANDREAS-SALOME, L. (1916) «"Anal" und "Sexual"», Imago, т. 4,S. 249. (131)

BAUMEYER, F. (1956) «The Schreber Case», *Int. J. Psycho-Analysis*, т. 37, S. 61. (137, 173, 175, 176)

BINET, A. (1888) *Études de psychologie expérimentale: le fétichisme dans l'amour*, Paris. (233–234)

BLEULER, E. (1910) Vortrag über Ambivalenz (Berne), Bericht in *Zentbl. Psydioanal*, т. l, с. 266. (96)

(1913) «Der Sexualwiderstand», *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.*, т. 5, S. 442. (245)

(1916) «Physisch und Psychisch in der Pathologie», *Z. ges. Neurol. Psychiat.*, т. 30, S. 426. (224)

BREUER J., FREUD, S. (1895) *см.* Freud, S. (1895*d*)

FEDERN, P. (1948) «Professor Freud: The Beginning of a Case-History», *The Yearbook of Psychoanalysis*, т. 4, с. 14. (33)

FERENCZI, S. (1913) «Entwicklungsstufen des Wirklichkeitssinnes», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, т. 1, С. 124. Переиздание в: S. Ferenczi, *Schriften zur Psychoanalyse*, т. I, hrsg. von M. Balint, *Conditio humana*, Frankfurt a. M., 1970. с. 148. (116)

FREUD, S. (1886*f*) Перевод с предисловием и примечаниями работы Ж.-М. Шарко *Leçons sur les maladies du systeme nerveux*, т. III, Paris, 1887, под названием *Neue Vorlesungen über die Krankheiten des Nervensystems insbesondere über Hysterie*, *Wien. G. W.*, доп. том, с. 52 [только предисловие]. (285)

(1892–1894) Перевод с предисловием и примечаниями работы Ж.-М. Шарко *Leçons du mardi à la Salpêtrière (1887–1888)*, Paris, 1888, под названием *Poliklinische Vorträge, I*, Wien. *G. W.*, доп. том., S. 153–164 [только предисловие и выдержки из примечаний]. (285)

(1893*f*) «Charcot», *G. W.*, т. I, с. 21. (285)

(1894*a*) «Die Abwehr-Neuropsychosen», *G. W.*, т. I, с. 59. (12)

(1895*b* [1894]) «Über die Berechtigung, von der Neurasthenie einen bestimmten Symptomenkomplex als "Angstneurose" abzutrennen», *G. W.*, т. 1, с. 315; *Studienausgabe*, т. 6, с. 25. (13)

(1895*c* [1894]) «Obsessions et phobies», *G. W.*, т. 1, с. 345. (12, 98)

(1895*d*) und Breuer, J., *Studien über Hysterie*, Wien; Переиздание (Fischer Taschenbuch) Frankfurt am Main, 1970. *G. W.*, т. I, с. 75; доп. том, с. 217, 221. (253, 256)

(1896*e*) «Weitere Bemerkungen über die Abwehr-Neuropsychosen», *G. W.*, т. 1, с. 379. (12, 35, 83, 135)

(1896*c*) «Zur Ätiologie der Hysterie», *G. W.*, т. 1, с. 425; *Studienausgabe*, т. 6, с. 51. (107)

(1900*a*) *Die Traumdeutung*, Wien. *G. W.*, т. 2–3; *Studienausgabe*, т. 2. (20, 29, 80, 85, 99, 101, 177, 274–275, 303)

(1901*b*) *Zur Psychopathologie des Alltagslebens*, Berlin, 1904. *G. W.*, т. 4. (38, 90)

(1905*c*) *Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten*, Wien. *G. W.*, т. 6; *Studienausgabe*, т. 4, с. 9. (87, 97)

(1905*d*) *Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie*, Wien. *G. W.*, т. 5, с. 29; *Studienausgabe*, т. 5, с. 37. (25–27, 30, 70, 102, 107–108, 124, 131, 184, 185, 188, 216, 230, 234, 264, 280, 281)

(1905*e* [1901]) «Bruchstück einer Hysterie-Analyse», *G. W.*, т. 5, с. 163; *Studienausgabe*, т. 6, с. 83. (36, 66, 99, 256)

(1906*a*) «Meine Ansichten über die Rolle der Sexualität in der Ätiologie der Neurosen», *G. W.*, т. 5, с. 149; *Studienausgabe*, т. 5, с. 147. (74, 107, 109)

(1907*b*) «Zwangshandlungen und Religionsübungen», *G. W.*, т. 7, с. 129; *Studienausgabe*, т. 7, с. 11. (97, 124, 203)

(1908*a*) «Hysterische Phantasien und ihre Beziehung zur Bisexualität», *G. W.*, т. 7, с. 191; *Studienausgabe*, т. 6, с. 187. (62)

(1908*b*) «Charakter und Analerotik», *G. W.*, т. 7, с. 203; *Studienausgabe*, т. 7, с. 23. (12, 77, 115, 125, 126, 285)

(1908*c*) «Über infantile Sexualtheorien», *G. W.*, т. 7, с. 171; *Studienausgabe*, т. 5, с. 169. (74, 82, 129, 185)

(1908*d*) «Die "kulturelle" Sexualmoral und die moderne Nervosität», *G. W.*, т. 7, с. 143; *Studienausgabe*, т. 9, с. 9. (21)

(1909*a* [1908]) Allgemeines über den hysterischen Anfall, *G. W.*, т. 7, с. 235; *Studienausgabe*, т. 6, с. 197. (67)

(1909*b*) «Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben», *G. W.*, т. 7, с. 243; *Studienausgabe*, т. 8, с. 9. (72–73, 84, 128, 155, 180)

(1909*d*) «Bemerkungen über einen Fall von Zwangsneurose», *G. W.*, т. 7, с. 381; *Studienausgabe*, т. 7, с. 31. (12, 20, 24, 116, 177, 180, 182, 198, 207, 213, 246, 254)

(1910*c*) *Eine Kindheitserinnerung des Leonardo da Vinci*, Wien. *G. W.*, т. 8, с. 128; *Studienausgabe*, т. 10, с. 87. (184, 226, 305)

(1910*h*) «Über einen besonderen Typus der Objektwahl beim Manne», *G. W.*, т. 8, с. 66; *Studienausgabe*, т. 5, с. 185. (74, 270)

(1911*b*) Formulierungen über die zwei Prinzipien des psychischen Geschehenes *G. W.*, т. 8, с. 230; *Studienausgabe*, т. 3, с. 13. (101, 108, 254)

(1911*c*) «Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementia paranoides)», *G. W.*, т. 8, с. 240; *Studienausgabe*, т. 7, с. 133. (108, 111, 113, 206, 209, 221, 251, 286, 302, 305–307)

(1912*a* [1911]) «Nachtrag zu dem autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementia paranoides)», *G. W.*, т. 8, с. 317; *Studienausgabe*, т. 7, с. 201. (135)

(1912*c*) «Über neurotische Erkrankungstypen», *G. W.*, т. 8, с. 322; *Studienausgabe*, т. 6, с. 215. (136, 186)

(1912–1913) *Totem und Tabu*, Wien, 1913. *G. W.*, т. 9; *Studienausgabe*, т. 9, с. 287. (12, 93, 136, 202, 300)

(1913*i*) «Die Disposition zur Zwangsneurose», *G. W.*, т. 8, с. 442; *Studienausgabe*, т. 7, с. 105. (12, 24, 30, 96, 125, 136, 185, 195, 198, 199, 234)

(1914*c*) «Zur Einführung des Narzißmus», *G. W.*, т. 10, с. 138; *Studienausgabe*, т. 3, с. 37. (113, 127, 136, 181, 185, 195, 197, 245)

(1915*b*) «Zeitgemäßes über Krieg und Tod», *G. W.*, т. 10, с. 324; *Studienausgabe*, т. 9, с. 33. (272)

(1915*c*) «Triebe und Triebschicksale» *G. W.*, т. 10, с. 210; *Studienausgabe*, т. 3, с. 75. (97, 117, 136, 245)

(1915*d*) «Die Verdrängung», *G. W.*, т. 10, с. 248; *Studienausgabe*, т. 3, с. 103. (97, 136, 190, 230)

(1915*e*) «Das Unbewußte», *G. W.*, т. 10, с. 264; *Studienausgabe*, т. 3, с. 119. (19, 230)

(1915*f*) «Mitteilung eines der psychoanalytischen Theorie widersprechenden Falles von Paranoia», *G. W.*, т. 10, с. 234; *Studienausgabe*, т. 7, с. 205. (136)

(1916*b*) «Mythologische Parallele zu einer plastischen Zwangsvorstellung», *G. W.*, т. 10, с. 398; *Studienausgabe*, т. 7, с. 119. (12)

(1916–1917 [1915–1917]) *Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse*, Wien. *G. W.*, т. 11; *Studienausgabe*, т. 1, с. 33. (12, 17, 66, 74, 109, 151, 215, 216, 244)

(1917*c*) «Über Triebumsetzungen, insbesondere der Analerotik», *G. W.*, т. 10, с. 402; *Studienausgabe*, т. 7, с. 123. (12, 24, 30)

(1917e [1915]) «Trauer und Melancholie», *G. W.*, т. 10, с. 428; *Studienausgabe*, т. 3, с. 193. (302)

(1918*h* [1914]) «Aus der Geschichte einer infantilen Neurose» *G W.*, т. 12, с. 29; *Studienausgabe*, т. 8, с. 125. (12, 24, 74, 124, 216, 230, 249, 251, 301)

(1919 e) «"Ein Kind wird geschlagen"», *G. W.*, т. 13, с. 197; *Studienausgabe*, т. 7, с. 229. (74, 168, 307)

(1919*h*) «Das Unheimliche», *G. W.*, т. 12, с. 229; *Studienausgabe*, т. 4, с. 241. (90, 92)

(1920*a*) «Über die Psychogenese eines Falles von weiblicher Homosexualität», *G. W.*, т. 12, с. 271; *Studienausgabe*, т. 7, с. 255. (225)

(1920*g*) *Jenseits des Lustprinzips*, Wien. *G. W.*, т. 13, с. 3; *Studienausgabe*, т. 3, с. 213. (245)

(1921*c*) *Massenpsychologie und Ich-Analyse*, Wien. *G. W.*, т. 13, с. 73; *Studienausgabe*, т. 9, с. 61. (227)

(1922*b*) «Über einige neurotische Mechanismen bei Eifersucht, Paranoia und Homosexualität», *G. W.*, т. 13, с. 195; *Studienausgabe*, т. 7, с. 217. (136, 275, 281)

(1923*b*) *Das Ich und das Es*, Wien. *G. W.*, т. 13, с. 237; *Studienausgabe*, т. 3, с. 273. (18, 30, 97, 233)

(1923*d* [1922]) «Eine Teufelsneurose im siebzehnten Jahrhundert, *G. W.*, ñ. 13, ñ. 317; *Studienausgabe*, т. 7, с. 283. (29, 136, 251)

(1923*e*) «Die infantile Genitalorganisation», *G. W.*, т. 13, с. 293; *Studienausgabe*, т. 5, с. 235. (108)

(1924*c*) «Das ökonomische Problem des Masochismus», *G. W.*, т. 13, с. 371; *Studienausgabe*, т. 3, с. 339. (248)

(1924*d*) «Der Untergang des Ödipuskomplexes», *G. W.*, т. 13, с. 395; *Studienausgabe*, т. 5, с. 243. (240)

(1925*h*) «Die Verneinung», *G. W.*, т. 14, с. 11; *Studienausgabe*, т. 3, с. 371. (56)

(1925*j*) «Einige psychische Folgen des anatomischen Geschlechtsunterschieds», *G. W.*, т. 14, с. 19; *Studienausgabe*, т. 5, с. 253. (254, 256)

(1926*d* [1925]) *Hemmung, Symptom und* Angst, Wien. *G. W.*, т. 14, с. 113; *Studienausgabe*, т. 6, с. 227. (12, 65, 93)

(1927*e*) «Fetischismus», *G. W.*, т. 14, с. 311; *Studienausgabe*, т. 3, с. 379. (102)

(1930*a*) *Das Unbehagen in der Kultur*, Wien. *G. W.*, т. 14, с. 421; *Studienausgabe*, т. 9, с. 191. (30, 102)

(1931*a*) «Über libidinöse Typen», *G. W.*, т. 14, с. 509; *Studienausgabe*, т. 5, с. 267. (30)

(1931*b*) «Über weibliche Sexualität», *G. W.*, т. 14, с. 517; *Studienausgabe*, т. 5, с. 273. (256, 264)

(1932*a*) «Zur Gewinnung des Feuers», G. *W.*, т. 16, с. 3; *Studienausgabe*, т. 9, с. 445. (30)

(1933*a* [1932]) *Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse*, Wien. *G. W.*, т. 15; *Studienausgabe*, т. 1, с. 447. (30, 256)

(1939*a* [1937–1939]) *Der Mann Moses und die monotheistische Religion*, *G. W.*, т. 16, с. 103; *Studienausgabe*, т. 9, с. 455. (74)

(1950*a* [1887–1902]) *Aus den Anfängen der Psychoanalyse*, London; Frankfurt a. M., 1962. (Содержит «Entwurf einer Psychologie», 1895 [(1950*c*)в: *G. W.*, дополнительный том., с. 375]. (12, 74, 107, 135, 285)

(1955*a* [1907–1908]) Originalnotizen zu dem Fall von Zwangsneurose («Der Rattenmann»), *G. W.*, доп. том, с. 509. [*Английский перевод:* Original Record of the Case of Obsessional Neurosis (the

"Rat Man"). *Standard Edition*, т. 10, с. 259.] (33–34, 46, 76, 86)

FUCHS, E. (1904) *Das erotische Element in der Karikatur*, Berlin. (121)

(1908) *Geschichte der erotischen Kunst. Erweiterung und Neubearbeitung des Werkes: Das erotische Element in der Karikatur* [1904], Berlin. (121)

HUNTER, R. A., MACALPINE, I. (1956) *см.* Macalpine, I., Hunter, R. A. (1956)

JEREMIAS, A. (1904*a*) *Das Alte Testament im Lichte des alten Orients*, Leipzig. (2-е перераб. изд., 1906.) (29)

(1904*b*) *Monotheistische Strömungen innerhalb der babylonischen Religion*, Leipzig. (29)

(1905) *Babylonisches im Neuen Testament*, Leipzig. (29)

JONES, E. (1908) «Rationalization in Everyday Life», *J. abnorm. Psychol.*, т. 3, с. 161; *Papers on Psycho-Analysis*, только в 1–3 изд., Лондон, Нью-Йорк, 1913–1923, глава I. (62, 174)

(1912) *Der Alptraum in seiner Beziehung zu gewissen formen des mittelalterlichen Aberglaubens* (перевод Г. Захса), Leipzig und Wien. (301, 302)

(1913) «Haß und Analerotik in der Zwangsneurose», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, т. 1, с. 425. (113)

(1962*a*) *Das Leben und Werk von Sigmund Freud*, т. 2, Bern und Stuttgart. (33)

(1962*b*) *Das Leben und Werk von Sigmund Freud*, т. 3, Bern und Stuttgart. (137, 218, 256, 285)

JUNG, C. G. (1906) (изд.) *Diagnostische Assoziationsstudien*, т. 1, Leipzig. (75)

(1907) *Über die Psychologie der Dementia praecox*, Halle. (162, 192)

(1908) *Der Inhalt der Psychose*, Berlin. (198)

(1910) «Ein Beitrag zur Psychologie des Gerüchtes», *Zentbl. Psychoanal.*, т. 1, с. 81. (175)

(1911) *Wandlungen und Symbole der Libido*, Leipzig und Wien, 1912. (201)

(1913) «Versuch einer Darstellung der psychoanalytischen Theories» *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.*, т. 5, с. 307; в виде книги, Leipzig und Wien, 1913. (264)

Marcinowski, J. (1918) «Erotische Quellen der Minderwertigkeitsgefühle», *Z. SexWiss.*, Bonn, т. 4, с. 313. (244)

Niederland, W. G. (1959*a*) «The "miracled-up" World of Schreber's Childhood», *Psychoanal. Study Child*, т. 14, с. 383. (137, 176)

(1959*b*) «Schreber: Father and Son», *Psychoanal. Q.*, т. 28, с. 151. (137, 176)

(1960) «Schreber's Father», *J. Am. Psychoanal. Ass.*, т. 8, с. 492. (137, 176)

(1963) «Further Data and Memorabilia Pertaining to the Schreber Case», *Int. J. Psycho-Analysis*, т. 44, с. 201. (137, 176)

Ophuijsen, J. H. W. van (1917) «Beiträge zum Männlichkeitskomplex der Frau», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, т. 4, с. 241. (242)

Payer-Thurn, R. (1924) «Faust in Mariazell», *Chronik des Wiener Goethe-Vereins*, т. 34, с. 1. (286, 288)

Rank, O. (1909) *Der Mythus von der Geburt des Helden*, Leipzig und Wien. (175)

Reik, T. (1919) *Probleme der Religionspsychologie*. 1. Das Ritual, Leipzig, Wien und Zürich. (300)

(1923) *Der eigene und der fremde Gott*, Leipzig, Wien und Zürich. (301)

Reinach, S. (1905–1912) *Cultes, mythes et religions* (4 тома), Paris. (122, 201–202)

Riklin, F. (1905) «Über Versetzungsbesserungen», *Psychiat.-neurol. Wschr.*, т. 7, с. 153, 165 и 179. (199)

Sadger, I. (1910) «Ein Fall von multipler Perversion mit hysterischen Absenzen», *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.*, т. 2, с. 59. (184)

(1914) «Jahresbericht über sexuelle Perversionen», *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.*, т. 6, с. 296. (266)

Schreber, D. G. M. (1855) *Ärztliche Zimmer-Gymnastik* (1-е изд.). Leipzig. (176)

Schreber, D. P. (1903) *Denkwürdigkeiten eines Nervenkranken*, Leipzig. (135–138; 139–203 passim, 305–307)

Silberer, H. (1910) «Phantasie und Mythos», *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.*, т. 2, с. 541. (245)

Spielrein, S. (1911) «Über den psychologischen Inhalt eines Falles von Schizophrenie (Dementia praecox)», *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.*, ñ. 3, ñ. 329. (201)

STEKEL, W. (1911) *Die Sprache des Traumes*, Wiesbaden. (2-е изд., 1922.) (116–117)

VANDENDRIESSCHE, G. (1965) *The Parapraxis in the Haizmann Case of Sigmund Freud*, Louvain, Paris. (286, 290)

VIENNA PSYCHOANALYTIC SOCIETY, MINUTES OF, т. I, New York, 1962. (285–286)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

G. S.	S. Freud, *Gesammelte Schriften* (12 томов). Международное психоаналитическое издательство, Вена, 1924–1934.
G. W.	S. Freud, *Gesammelte Werke* (18 томов и один дополнительный том без номера), тома 1–17, London, 1940–1952, том 18, Франкфурт-на-Майне, 1968, дополнительный том, Франкфурт-на-Майне, 1987. Полное издание с 1960 года — издательство С. Фишера, Франкфурт-на-Майне.
Studienausgabe	S. Freud, *Studienausgabe* (10 томов и один дополнительный том без номера), издательство С. Фишера, Франкфурт-на-Майне, 1969–1975.
Neurosenlehre und Technik	S. Freud, *Schriften zur Neurosenlehre und zur psychoanalytischen Technik (1913–1926)*, Вена, 1931.
S. K. S. N.	S. Freud, *Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre* (5 томов). Вена, 1906–1922.
Vier Krankengeschichten	S. Freud, *Vier psychoanalytische Krankengeschichten*, Вена, 1932.
Conditio humana	Reihe *Conditio humana, Ergebnisse aus den Wissenschaften vom Menschen*, издательство С. Фишера, Франкфурт-на-Майне, 1969–1975.
Psychoanalyse der Neurosen	S. Freud, *Studien zur Psychoanalyse der Neurosen aus den Jahren 1913–1925*, Wien, 1926.
Sexualtheorie und Traumlehre	S. Freud, *Kleine Schriften zur Sexualtheorie und zur Traumlehre*, Wien, 1931.

Остальные использованные в этом томе сокращения соответствуют изданию «World List of Scientific Periodicals» (4-е издание), Лондон, 1963–1965.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

В этот указатель вошли также фамилии авторов, произведения которых к научной литературе не относятся. Он также включает в себя фамилии ученых, однако указанные номера страниц относятся к тем местам в тексте, где Фрейд упоминает лишь фамилию соответствующего автора, но не конкретную работу. При ссылках на определенные труды научных авторов читатель может обратиться к библиографии.

Зигмунд Фрейд

Навязчивость, паранойя и перверсия

ISBN 5-89808-051-1

Подписано в печать 21.02.07. Формат 84×108 1/32. Печать офсетная.
Физ. печ. л. 10,5. Тираж 3000. Заказ № 760

ООО «Фирма СТД»
119361, г. Москва, ул. Кибальчича, д. 3

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в ОАО «ИПП "Правда Севера"»
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 29-20-81
www.ippps.ru e-mail: ippps@atnet.ru

Зигмунд Фрейд

НАВЯЗЧИВОСТЬ, ПАРАНОЙЯ И ПЕРВЕРСИЯ

ЗИГМУНД ФРЕЙД
НАВЯЗЧИВОСТЬ, ПАРАНОЙЯ И ПЕРВЕРСИЯ